Литературная мастерская

В.В. Гиппиус

ГОГОЛЬ

Воспоминания

Письма

Дневники...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге представлены письма Гоголя, письма к Гоголю, воспоминания современников о нем. Впечатления читателей и зрителей, просто отзывы о Гоголе. Все эти тексты рисуют облик не только Гоголя-писателя, но и просто – человека и его окружения. А также драгоценные сведения об условиях и обстановке писательской работы Николая Васильевича Гоголя.

Книга печатается по изданию В. Гиппиус «Гоголь» М., «Федерация», 1931, предисловие автора написано в 1929 г. в Перми.

http://ruslit.traumlibrary.net

- Василий Гиппиус
  - Предисловие
  - Часть 1
    - Ученические годы
      - Н. В. Гоголь – родителям
      - Н. В. Гоголь – отцу, В. А. Гоголю
      - Из воспоминаний школьных товарищей Гоголя
      - Н. В. Гоголь – матери, М. И. Гоголь
      - Из воспоминаний Ник. Юр. Артынова
      - Из воспоминаний Н. В. Кукольника
      - Из воспоминаний Н. В. Кукольника
      - Н. В. Гоголь – Г. И. Высоцкому
      - Из воспоминаний школьных товарища Гоголя
      - Из воспоминаний Вит. Пашкова
      - Н. В. Гоголь – Г. И. Высоцкому
      - Н. В. Гоголь – П. П. Косяровскому
      - Из архива гимназии высших наук в Нежине
      - Из воспоминаний А. П. Стороженко
      - Из «списка воспитанников, окончивших в 1828 году полный курс учения в гимназии высших наук с показанием поведения и успехов, по которым выданы им аттестаты»
      - В поисках профессии
      - Из «Опыта биографии Гоголя» П. Кулиша (Со слов Н. Я. Прокоповича)
      - Н. В. Гоголь – матери
      - Н. В. Гоголь – матери
      - Н. В. Гоголь – матери

- Из воспоминаний Н. Мундта
- Н. В. Гоголь – матери
- Н. В. Гоголь – матери
- Из воспоминаний М. Н. Лонгинова
- П. А. Плетнев – А. С. Пушкину
- А. С. Пушкин – П. А. Плетневу
- Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба
- Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину
- Первый литературный успех
- Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину
- А. С. Пушкин – Н. В. Гоголю
- А. С. Пушкин – А. Ф. Воейкову
- Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому
- Н. В. Гоголь – матери
- Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому
- Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому
- Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому
- Из дневника А. В. Никитенко
- Из воспоминаний П. В. Анненкова

- Новые замыслы
  - М. П. Погодин[1] – С. П. Шевыреву[2]
  - Из воспоминаний С. Т. Аксакова
  - Н. В. Гоголь – И. И. Дмитриеву
  - Н. В. Гоголь – И. И. Дмитриеву
  - П. А. Плетнев – В. А. Жуковскому
  - Н. В. Гоголь – М. А. Максимовичу
  - Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
  - Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому
  - П. А. Плетнев – В. А. Жуковскому
  - Из воспоминаний В. И. Родиславского[3] (Со слов М. С. Щепкина)
  - Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
  - Н. В. Гоголь – М. А. Максимовичу
  - В. Ф. Одоевский – А. С. Пушкину
  - А. С. Пушкин – В. Ф. Одоевскому
  - В. Н. Гоголь – М. А. Максимовичу
  - Н. В. Гоголь – матери
  - Из дневника А. С. Пушкина
  - Из воспоминаний П. В. Анненкова
  - Н. В. Гоголь – М. А. Максимовичу
  - Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину
  - Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
  - Мнение цензора
  - Из дневника А. В. Никитенко

- Адъюнкт истории. Автор «Миргорода»
  - Н. В. Гоголь – М. А. Максимовичу
  - А. С. Пушкин – Н. В. Гоголю
  - Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину
  - Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
  - Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину
  - Н. В. Гоголь – М. А. Максимовичу
  - Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
  - Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву
  - Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
  - Н. В. Гоголь – М. А. Максимовичу
  - Н. В. Станкевич – Я. М. Неверову
  - Из воспоминаний И. И. Панаева
  - А. И. Герцен – Н. А. Захарьиной
  - Из дневника В. К. Кюхельбеккера
  - Из воспоминаний Н. И. Иваницкого
  - Из дневника А. В. Никитенко
  - М. П. Погодин – В. П. Андросову
  - Из воспоминаний М. П. Погодина
  - Из воспоминаний С. Т. Аксакова
  - Из воспоминаний П. В. Анненкова
  - Послужной список Н. В. Гоголя
- Часть 2
  - В поисках смешного сюжета
    - Гоголь о себе
    - Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину
    - А. С. Пушкин – П. А. Плетневу
    - Гоголь о себе
    - Из воспоминаний П. И. Бартенева[4] (Со слов П. В. Нащокина)[5]
    - Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
    - В. А. Жуковский – А. О. Смирновой
    - П. А. Вяземский[6] – А. И. Тургеневу[7]
    - Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
    - Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину
  - «Ревизор сыгран»
    - Из воспоминаний А. Иванова
    - Из дневника А. И. Храповицкого
    - Из воспоминаний П. В. Анненкова
    - Из статьи Гоголя
    - Из дневника А. В. Никитенко
    - Из воспоминаний И. И. Панаева
    - П. А. Вяземский – А. И. Тургеневу
    - А. О. Смирнова – П. А. Вяземскому

- П. А. Вяземский – А. И. Тургеневу
- Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину
- М. С. Щепкин – Н. В. Гоголю
- М. П. Погодин – Н. В. Гоголю
- Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
- Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину
- Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
- Из статьи А. Б. В
- М. С. Щепкин – И. И. Сосницкому
- М. С. Щепкин – И. И. Сосницкому
- И. И. Лажечников о Гоголе
- Из воспоминаний В. В. Стасова

- Письма русского путешественника
  - Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому
  - Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
  - Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому
  - Н. В. Гоголь – Н. Я. Прокоповичу
  - Из воспоминаний А. О. Смирновой
  - Н. В. Гоголь – Богдану Залесскому
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
  - Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
  - Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому
  - Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому
  - Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому
  - Н. В. Гоголь – Н. Я. Прокоповичу
  - Н. В. Гоголь – М. П. Балабиной
  - Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому
  - Из воспоминаний Н. В. Берга
  - Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
  - Из воспоминаний Ф. И. Иордана
  - Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому
  - Из статьи Сент-Бёва[8]
  - Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву
  - Н. В. Гоголь – М. П. Балабиной
  - Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву
- Русский теньер на родине
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
  - А. А. Краевский – И. И. Панаеву
  - Т. Н. Грановский[10] – Н. В. Станкевичу
  - Из воспоминаний С. Т. Аксакова
  - Из воспоминаний П. В. Анненкова
  - В. Г. Белинский – К. С. Аксакову
  - Т. Н. Грановский – Н. В. Станкевичу
  - Из воспоминаний С. Т. Аксакова

- Из воспоминаний А. Д. Галахова
- Из воспоминаний И. И. Панаева
- Из воспоминаний С. Т. Аксакова
- Из воспоминаний А. А. Фета
- Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину
- Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
- В. А. Панов[11] – с. Т. Аксакову
- В. Г. Белинский – В. П. Боткину

- Поэма в рукописи
  - Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову
  - Н. В. Гоголь – М. П. Погодину
  - Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову
  - Из воспоминаний П. В. Анненкова
  - Из воспоминаний Ф. И. Буслаева
  - Из воспоминаний Ф. В. Чижова
  - Н. В. Гоголь – В. Ф. Одоевскому
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
  - Граф с. Г. Строганов[12] – гр. А. Х. Бенкендорфу[13]
  - Доклад А. Х. Бенкендорфа Николаю I
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
  - В. П. Боткин – А. А. Краевскому
  - П. А. Плетнев – Я. К. Гроту
  - А. В. Никитенко – Н. В. Гоголю
  - П. А. Плетнев – А. В. Никитенке
  - Н. В. Гоголь – А. В. Никитенке
  - В. Г. Белинский – М. С. Щепкину
  - В. Г. Белинский – Н. В. Гоголю
  - Н. В. Гоголь – Н. Я. Прокоповичу
- «Пестрая куча толков»[14]
  - Из воспоминаний С. Т. Аксакова
  - П. А. Плетнев – В. А. Жуковскому
  - Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому
  - Министерство народного просвещения
  - Из дневника А. И. Герцена
  - Из статьи А. И. Герцена
  - Ф. В. Чижов – Н. В. Гоголю
  - Из записок К. Н. Лебедева
  - Я. К. Грот – П. А. Плетневу
  - П. А. Плетнев – Я. К. Гроту
  - С. Т. Аксаков – Н. В. Гоголю
  - Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову
  - Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову

- Конст. С. Аксаков – Н. В. Гоголю
- Н. Я. Прокопович – С. П. Шевыреву
- А. С. Данилевский – Н. В. Гоголю
- Н. Я. Прокопович – Н. В. Гоголю
- Н. В. Гоголь – А. В. Никитенке
- Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
- П. А. Плетнев – Я. К. Гроту
- Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
- Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву
- Из дневника В. К. Кюхельбеккера
- Д. Н. Свербеев[15] – Н. М. Языкову
- Гоголь о себе

■ Новые неудачи и новые успехи

- П. А. Плетнев – Я. К. Гроту
- Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину
- Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину
- В. Г. Белинский – В. П. Боткину
- Из воспоминаний А. И. Шуберт
- Н. Я. Прокопович – С. П. Шевыреву
- Н. Я. Прокопович – С. П. Шевыреву
- С. Т. Аксаков – Н. В. Гоголю
- М. И. Гоголь – О. С. Аксаковой
- О. С. Аксакова[16] – м. И. Гоголь
- Из «Былого и дум» А. И. Герцена
- Из воспоминаний А. О. Смирновой (В изложении П. А. Кулиша)

○ Часть 3

■ Медленный труд

- Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву
- Н. В. Гоголь – Н. М. Языкову
- Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву
- Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
- Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому
- Н. В. Гоголь – А. А. Иванову
- Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба
- Н. В. Гоголь – Н. М. Языкову
- П. А. Плетнев – Н. В. Гоголю
- Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
- Н. В. Гоголь – Н. М. Языкову
- А. О. Смирнова – Н. В. Гоголю
- Н. В. Гоголь – А. О. Смирновой
- В. А. Жуковский – А. О. Смирновой
- А. О. Смирнова – в. Кн. Марии Николаевне
- Из записок А. О. Смирновой

- Доклад министра народного просвещения С. С. Уварова Николаю I
- Н. В. Гоголь – Н. М. Языкову
- Н. В. Гоголь – А. О. Смирновой
- Н. В. Гоголь – Н. М. Языкову
- Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

- «Едва ли не самая странная книга»[17]
  - Н. В. Гоголь – Н. М. Языкову
  - Н. В. Гоголь – А. М. Виельгорской
  - Из воспоминаний П. В. Анненкова
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
  - Н. В. Гоголь – С. П. Шевырёву
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
  - Н. М. Языков – Н. В. Гоголю
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
  - С. П. Шевырёв – Н. В. Гоголю
  - Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину
  - Н. В. Гоголь – И. И. Сосницкому
  - А. М. Гедеонов – П. А. Плетневу
  - С. П. Шевырев – П. А. Плетневу
  - С. Т. Аксаков – П. А. Плетневу
  - Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину
  - П. А. Плетнев – Н. В. Гоголю
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
  - Н. В. Гоголь – А. О. Смирновой
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
- Поражение
  - В. П. Боткин – П. В. Анненкову
  - Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову
  - Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому
  - Н. В. Гоголь – А. С. и У. Г. Данилевским
  - А. О. Россет – Н. В. Гоголю
  - Н. В. Гоголь – А. О. Россету
  - Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву
  - М. С. Щепкин – Н. В. Гоголю
  - Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину
  - Н. Я. Прокопович – Н. В. Гоголю
  - Н. В. Гоголь – Н. Я. Прокоповичу
  - Н. В. Гоголь – В. Г. Белинскому
  - Н. Я. Прокопович – Н. В. Гоголю
  - Из воспоминаний П. В. Анненкова
  - В. Г. Белинский – Н. В. Гоголю
  - Н. В. Гоголь – В. Г. Белинскому

- Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову
- Н. В. Гоголь – П. В. Анненкову
- Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву
- Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому

- Последние творческие усилия
  - Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому
  - Из воспоминаний С. Т. Аксакова
  - Из воспоминаний И. И. Панаева
  - Н. В. Гоголь – А. М. Виельгорской
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
  - Н. В. Гоголь – К. И. Маркову
  - Из воспоминаний А. М. Бухарева
  - Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому
  - Из воспоминаний Я. К. Грота
  - Из воспоминаний Л. И. Арнольди
  - Из воспоминаний А. О. Смирновой (В изложении П. А. Кулиша)
  - Из воспоминаний Л. И. Арнольди
  - Из воспоминаний кн. Д. А. Оболенского
  - А. О. Смирнова – Н. В. Гоголю
  - И. В. Киреевский – матери
  - Из воспоминаний С. Т. Аксакова
  - Из воспоминаний Н. В. Берга
  - Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
  - Из дневника О. М. Бодянского
  - Из воспоминаний М. А. Максимовича (В изложении П. А. Кулиша)
  - Из воспоминаний А. В. Марковича
  - Из «Одесского вестника» 1850 г
  - Из воспоминаний А. П. Толченова
  - Из дневника неизвестной
  - Н. В. Гоголь – А. А. Иванову
  - Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу
  - Из воспоминаний Л. И. Арнольди
  - Из воспоминаний кн. Д. А. Оболенского
  - Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву
  - Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву
  - Из воспоминаний Г. П. Данилевского
  - Из воспоминаний П. К
  - Из статьи А. И. Герцена
  - Из воспоминаний М. С. Щепкина
  - Из воспоминаний И. С. Тургенева
  - Из воспоминаний П. В. Анненкова

        - Конец
            - Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову
            - В. А. Жуковский – П. А. Плетневу
            - П. А. Плетнев – В. А. Жуковскому
            - Из воспоминаний А. Т. Тарасенкова
            - Из воспоминаний О. М. Бодянского
            - П. А. Плетнев – В. А. Жуковскому
            - Из воспоминаний М. П. Погодина
            - Из воспоминаний А. Т. Тарасенкова
            - Из воспоминаний Ф. И. Образцова о священнике Матвее Константиновском
            - Записка [С. П. Шевырева] о печатании сочинений покойного Н. В. Гоголя и о сумме денег, им на то оставленной
            - Н. Ф. Павлов – А. В. Веневитинову
            - Из воспоминаний А. А. Харитонова
            - «Письмо из Петербурга» И. С. Тургенева
    - Синхроническая канва жизни и творчества Н. В. Гоголя на фоне эпохи
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17

Василий Гиппиус
Гоголь: Воспоминания. Письма. Дневники

Предисловие

Облики писателей со временем стираются в обращении, как стираются переплеты их сочинений: выцветает позолота, надписи теряют свою четкость, остается – как в андерсеновской сказке – «свиная кожа». Создаются штампы, столь излюбленные, например, в школьном обиходе – о гармоническом Пушкине, о смеющемся сквозь слезы Гоголе и т. п. Нельзя сказать, чтобы в них не было подчас доли правды, но правда, выдернутая из живой связи явлений, правда сплющенная, правда высушенная мало чем отличается от неправды.

Естественно возникают переоценки этих штампов, но они не всегда приводят к цели. Если переоценка поспешна и не глубока, она грозит превратиться в новый, ничуть не лучший штамп. Единственно же надежным средством против всех возможных искажений является только обращение к первоисточникам и непредубежденное их изучение. Поэтому только приветствовать можно было бы интерес к литературным мемуарам, объединяющий в последнее время широкие читательские круги, если бы любознательность и простое любопытство, интерес и простая мода всегда могли быть здесь размежеваны. Во избежание возможных недоразумений, но и в надежде на читателей-единомышленников, нужно сделать несколько необходимых предупреждений.

Первое предупреждение. Письма Гоголя, письма к Гоголю и воспоминания современников о нем рисуют не только облик Гоголя-писателя, но и облик Гоголя-человека. Механически рассечь материал по этой линии невозможно, но важно определить основную установку книги. Нас интересует прежде всего Гоголь-писатель, а в Гоголе вне его писательства – то, что́ с этим писательством связано, что́ его так или иначе объясняет. Рассказов о том, как Гоголь варил макароны и какие носил жилеты, очень много; нам важнее знать, как писал Гоголь свои повести и комедии или даже – какие книги он читал. Нам важен Гоголь не как бытовая, а как литературная фигура. Это не значит, что здесь педантически вычеркиваются черты внешнего быта; иллюстративное значение этих черт не отрицается, но они рассматриваются как фон, на котором выделяется основное: творчество Гоголя и «литературный» быт его времени.

Второе предупреждение. Нас интересует здесь индивидуальность Гоголя как результат сложных воздействий среды; Гоголь в социальном «окружении» (и опять-таки, конечно, Гоголь-писатель в этом окружении). Вот почему большое

внимание уделено отзывам о Гоголе, впечатлениям читателей его книг и зрителей его пьес. Особый интерес в этом плане представляли, с одной стороны, отклики рядового читателя и зрителя (к сожалению, материал этого рода очень скуден), с другой – отзывы писателей, притом именно писателей-практиков, а не профессиональных критиков (хотя в комментариях использованы и они).

Последнее предупреждение. Письма и мемуарные материалы имеют, конечно, характер первоисточника. Но историческое значение их не безусловно. Письма и мемуары в известной мере так же литературны, как и художественные произведения, так же не просто фотографируют факты внешнего и внутреннего мира, а производят отбор этих фактов, выдвигая или подчеркивая одно, заслоняя или устраняя другое. Они тоже связаны с соответственной идеологией и с характерологическими традициями. Образ говорящего о себе автора (в письмах) и облик «знакомого писателя» (в мемуарах) всегда в известной мере литературны. Значение материалов этим отчасти подрывается, но, конечно, не до конца: не говоря уже о самостоятельном значении драгоценных фактических сведений, уясняющих условия и обстановку творчества – самая фигура писателя может быть воссоздана из пересечения разных аспектов на него. Здесь может быть невольно осуществлено то, что осуществляет романист, строящий характер героя из пересечения аспектов на него других действующих лиц. Но это заставляет с особой осторожностью относиться к отбору материала, так как аспекты заведомо недостоверные могут привести только к искажению писательского лица.

Здесь не место ставить специальные вопросы, связанные с отбором и критикой материала. «Гоголеведение» – дисциплина не новая, и сделано в ней немало, но до сих пор нет исчерпывающего исследования, которое бы со всей полнотой и со всей научной точностью рассмотрело вопрос о степени фактической достоверности и историко-литературного значения всех источников, относящихся к изучению Гоголя. Здесь нужна большая предварительная работа. В этой книге, рассчитанной на широкий круг читателей, эта работа, даже там, где она была сделана, не могла быть полностью отражена, оговорки сделаны только в самых необходимых случаях. Сомнительный же материал (напр., воспоминания Любича-Романовича, Головачевой-Панаевой, О. Н. Смирновой) вовсе не вводился.

Издание этого типа не могло также задаваться целью обновления материала, включения неизвестного и неизданного. Тем не менее некоторый новый материал, нужный для общего

замысла, включен. [Эти новые публикации отмечены в оглавлении двумя звездочками] Кроме того, привлечен к делу «хорошо забытый» мемуарный материал, затерянный в старых изданиях (наряду, конечно, с общеизвестными мемуарами и письмами Гоголя и к Гоголю).

Не могла быть разрешена в подобном издании и задача критической проверки текста публикуемых материалов. Но в отношении текста гоголевских писем трудно было пойти и на простую перепечатку из собрания под редакцией В. И. Шенрока: ненадежность текстов Шенрока очевидна. Пришлось остановиться на компромиссе и сделать то, что было возможно в условиях работы. Именно: 1) письма, автографы которых составителю были известны, проверены и выправлены по автографам; [Этот материал в оглавлении отмечен одной звездочкой.] 2) использованы позднейшие, более исправные публикации отдельных писем; 3) значительная часть писем сверена с первопечатными текстами, и хотя в этих случаях окончательные выводы были невозможны, некоторые очевидные ошибки все же удалось устранить. [Правописание – современное, но особенности орфографии Гоголя, по возможности, соблюдены. Добавленные, исправленные и переведенные слова и фразы заключены в прямые скобки.] Задачей подстрочных примечаний было дать читателю фактические разъяснения (а не подсказывать ему выводы). Надо заметить и здесь, что в наследство от прежней гоголевской литературы остался далеко не достаточный комментарий к письмам Гоголя и тем более – к письмам и воспоминаниям его современников. Немалую часть публикуемого здесь материала пришлось комментировать впервые. Работа в этом направлении предстоит еще очень большая: в литературной биографии Гоголя и до сих пор много темных мест, много тех «сомнений и противоречий», о которых слишком четверть века назад писал А. И. Кирпичников.

Весь материал разделен на три отдела: 1) «Начало пути» (1824–1835 гг.), 2) «Вершина» (1835–1842 гг.) и 3) «Склон и гибель» (1843–1852 гг.); каждый отдел разбит на главы. Внимательный читатель заметит, что на всех этапах развития Гоголя составитель хотел бы отметить некоторые факты, обязывающие к пересмотру привычных точек зрения. И если из сопоставления всех приведенных фактов в сознании читателя прояснится облик Гоголя-писателя, если вместе с тем читатель не упрекнет составителя в излишнем редакторском субъективизме, задача книги будет исполнена.

Василий Гиппиус.

Пермь, 1929 г.

Часть 1
«Начало пути»

Ученические годы

Н. В. Гоголь – родителям

Нежин, 22 янв. 1824 г. [В это время 15-летний Гоголь учился и жил в нежинской гимназии высших наук в 5-м классе (всего было 9 классов). Родители его жили в селе Васильевке (Яновщине) Миргородского уезда Полтавской губ.]

Дражайшие родители, папинька и маминька!

Скрипку и другие присланные вами мне вещи исправно получил. Но вы еще писали, что присылаете мне деньги на смычок, которых я не получил и не могу до сих пор узнать, почему они не дошли ко мне: или вы забыли, или что-нибудь другое.

Извините, что я вам не посылаю картин. Вы, видно, не поняли, что я вам говорил: потому что эти картины, которые я вам хочу послать, были рисованы пастельными карандашами и не могут никак дня пробыть, чтоб не потереться, ежели сейчас не вставить в рамки; и для того прошу вас и повторяю прислать мне рамки такой величины, как я вам писал, т. е. две таких, которые бы имели ¾ аршина в длину и ½ аршина в ширину, а одну такую, которая бы имела 1 ¼ длины и ¾ ширины, да еще маленьких две ¼ и 2 вершка длины и ¼ ширины.

Посылаю вам при сем Вестник Европы в целости [«Вестник Европы» издавался в это время историком и критиком Мих. Троф. Каченовским (1775–1842) и занимал позицию, враждебную романтизму и Пушкину.] и прошу покорнейше прислать мне комедии, как то: Бедность и Благородство души, Ненависть к Людям и Раскаяние, Богатонов или Провинциал в Столице, и еще ежели каких можно прислать других, за что я вам очень буду благодарен и возвращу в целости. [Две первые пьесы – Августа Коцебу (1761–1819), немецкого драматурга, автора мещанских драм и комедий. Третья – комедия Мих. Ник Загоскина (1789–1852), впоследствии более известного в качестве исторического романиста.] Также, ежели можете, то пришлите мне полотна и других пособий для театра. Первая пиеса у нас будет представлена Эдип в Афинах, трагедия Озерова. [Владислав Ал-др-ч Озеров (1769–1816) – популярный в начале XIX века автор чувствительных трагедий. В «Эдипе» Гоголь играл роль Креона.] Я думаю, дражайший папинька, вы не откажете мне в удовольствии сем и прислать нужные пособия. Так, ежели можно, прислать и сделать несколько костюмов. Сколько можно, даже хоть и один,

но лучше ежели бы побольше; также хоть немного денег. Сделайте только милость, не откажите мне в этой просьбе. Каждый из нас уже пожертвовал, что мог, а я еще только [?]. Как же я сыграю свою роль, о том я вас извещу.

Уведомляю вас, что я учусь хорошо, по крайней мере, сколько дозволяют силы. Вы пишете, что я вас не извещаю о том, что у нас делается и случается со мною. Позвольте мне вам сказать, что мне бы самому очень бы было любопытно знать, что делается как с вами, так и с посторонними лицами. Например, к величайшему моему сожалению, узнал я о смерти Василия Васильевича Капниста, [Вас. Вас. Капнист (р. 1757 г., ум. 28 окт. 1823 г.) – поэт и драматург (автор «Ябеды»), земляк Гоголей по Миргородскому уезду.] но вы мне об этом ничего не сказали, как будто бы я еще о сю пору ребенок и еще не в совершенных летах, и будто бы на меня ничего нельзя положиться.

Я думаю, дражайший папинька, ежели бы меня увидели, то точно бы сказали, что я переменился как в нравственности, так и успехах. Ежели бы вы увидели, как я теперь рисую! (Я говорю о себе без всякого самолюбия)…

«Письма», I, стр. 18–19.

Н. В. Гоголь – отцу, В. А. Гоголю

[Вас. Афан. Гоголь (р. 1780 г.) умер в апреле 1825 г. С осени 1824 г. Н. В. Гоголь в 6-м классе.]

Нежин, 1 окт. 1824 г.

Дражайший папинька!

Письмо ваше получил я 28-го сентября. Весьма рад, находя вас здоровыми; за деньги вас покорнейше благодарю. Вы писали мне про стихи, которые я точно забыл: 2 тетради с стихами и одна Эдип, которые, сделайте милость, пришлите мне скорее. Также вы писали про одну новую балладу и про Пушкина поэму Онегина; то прошу вас, нельзя ли мне и их прислать? [Об «Евгении Онегине» Гоголь-отец мог писать только по слухам, так как первые отрывки «Онегина» появились в печати не раньше декабря 1824 г.] Еще нет ли у вас каких-нибудь стихов? то и те пришлите.

Сделайте милость, объявите мне, поеду ли я домой на Рождество; то по вашему обещанию прошу мне прислать роль. Будьте уверены, что я ее хорошо сыграю. Чем я вам буду много благодарен.

Между прочим, прошу вас еще: нельзя ли каким-нибудь образом достать «Собрание Образцовых Сочинений в Стихах и Прозе»? [«Собрание образцовых Русских сочинений в стихах и

прозе», изданное Ал-дром Тургеневым, В. Жуковским и А. Воейковым, 12 частей, 1-е издание – П., 1815–1817 гг.; 2-е издание (с исторической и теоретической частью) – 1822–1824 гг.] ибо мы теперь, проходя поэзию и части эстетики, весьма нуждаемся в примерах, – с тем только, чтоб на время, и я вам в чистоте их пришлю переписавши.

Еще прошу уведомить меня: не приедете ли вы в Нежин когда-нибудь посетить нас и осчастливить меня своим присутствием?

Прощайте, дражайший папинька!.. Ваш послушнейший и покорнейший сын

Николай Гоголь-Яновский.

«Письма», I, стр. 21–22.

Из воспоминаний школьных товарищей Гоголя

По рассказу Г. И. Высоцкого, [Герасим Ив. Высоцкий был двумя выпусками старше Гоголя; познакомиться же Гоголь и Высоцкий могли еще в Полтаве, где учились в одном училище.] соученика Гоголя и друга первой его юности, охота писать стихи выявилась впервые у Гоголя по случаю его нападок на товарища Бороздина, которого он преследовал насмешками за низкую стрижку волос и прозвал Расстригою Спиридоном. Вечером, в день именин Бороздина, [Мнимых именин: Бороздина звали Федор, а не Спиридон.] 12-го декабря, Гоголь выставил в гимназической зале транспарант собственного изделия с изображением черта, стригущего [монаха], и со следующим акростихом:

Се образ жизни нечестивой,
Пугалище монахов всех,
Инок монастыря строптивый,
Расстрига, сотворивший грех.
И за сие-то преступленье
Достал он титул сей.
О чтец! имей терпенье,
Начальные слова в устах запечатлей.

Вскоре затем (рассказывает г. Высоцкий) Гоголь написал сатиру на жителей города Нежина под заглавием «Нечто о Нежине, или Дуракам Закон не писан» и изобразил в ней типические лица разных сословий. Для этого он взял несколько торжественных случаев, при которых то или другое сословие

наиболее выказывало характерные черты свои, и по этим случаям разделил свое сочинение на следующие отделы: 1) «Освящение Церкви на Греческом Кладбище»; 2) «Выбор в Греческий Магистрат»; 3) «Всеедная Ярмарка»; 4) «Обед у Предводителя П***»; 5) «Роспуск и Съезд Студентов». Г. И. Высоцкий имел копию этого довольно обширного сочинения, списанную с автографа; но Гоголь, находясь еще в гимназии, выписал ее от него из Петербурга под предлогом будто бы потерял подлинник и уже не возвратил.

Другой соученик и друг детства и первой молодости Гоголя, Н. Я. Прокопович, [Прокопович Ник. Як. (1810–1857) – школьный товарищ (следующего выпуска) и друг Гоголя; впоследствии – учитель гимназии в Петербурге. Писал и сам – в стихах и прозе.] сохранил воспоминание о том, как Гоголь, бывши еще в одном из первых классов гимназии, читал ему наизусть свою стихотворную балладу под заглавием «Две Рыбки». В ней под двумя рыбками он изобразил судьбу свою и своего брата – очень трогательно, сколько припомнит г. Прокопович тогдашнее свое впечатление.

Наконец сохранилось предание еще об одном ученическом произведении Гоголя – о трагедии «Разбойники», написанной пятистопным ямбом. [Кроме того, Г. П. Данилевский, со слов матери Гоголя, говорит о его поэме «Россия под игом татар», начинавшейся: «Раздвинув тучки среброрунны, явилась трепетно луна».] Не ограничиваясь первыми успехами в стихотворстве, Гоголь захотел быть журналистом, и это звание стоило ему больших трудов. Нужно было написать самому статьи почти по всем отделам, потом переписать их и, что всего важнее, сделать обертку наподобие печатной. Гоголь хлопотал изо всех сил, чтобы придать своему изданию наружность печатной книги, и просиживал ночи, разрисовывая заглавный листок, на котором красовалось название журнала «Звезда». Все это делалось, разумеется, украдкою от товарищей, которые не прежде должны были узнать содержание книжки, как по ее выходе из редакции. Наконец первого числа месяца книжка журнала выходила в свет. Издатель брал иногда на себя труд читать вслух свои и чужие статьи. Всё внимало и восхищалось. В «Звезде», между прочим, помещена была повесть Гоголя «Братья Твердиславичи» (подражание повестям, появлявшимся в тогдашних современных альманахах) и разные его стихотворения. Все это написано было так называемым «высоким» слогом, из-за которого бились и все сотрудники редактора. Гоголь был комиком во время своего ученичества только на деле: в литературе он считал комический элемент слишком низким.

Но журнал его имеет происхождение комическое. Был в

гимназии один ученик с необыкновенною страстью к стихотворству и с отсутствием всякого таланта, – словом, маленький Тредьяковский. Гоголь собрал его стихи, придал им название «альманаха» и издал под заглавием «Парнасский навоз». От этой шутки он перешел к серьезному подражанию журналам и работал над обертками усердно в течение полугода или более… [В воспоминаниях В. И. Любича-Романовича (малодостоверных) рисуется другая картина: журнал («Парнасский навоз») издавался Кукольником и Базили, отрицательно относившимися к писаниям Гоголя. Известно только о существовании журнала «Метеор литературы», издававшегося (кем – неизвестно) в 1826 г.]

…Еще мы знаем автора «Мертвых душ» в роли хранителя книг, которые выписывались им на общую складчину. Складчина была невелика, но тогдашние журналы и книги нетрудно было и при малых средствах приобресть все, сколько их ни выходило. Важнейшую роль играли «Северные Цветы», издававшиеся бароном Дельвигом; [«Северные Цветы» – альманах, издававшийся с 1825 г. бар. Ант. Ант. Дельвигом (1798–1831) при участии многих поэтов пушкинского литературного кружка.] потом следовали отдельно выходившие сочинения Пушкина и Жуковского, далее – некоторые журналы. Книги выдавались библиотекарем для чтения по очереди. Получивший для прочтения книгу должен был в присутствии библиотекаря усесться чинно на скамейку в классной зале, на указанном ему месте, и не вставать с места до тех пор, пока не возвратит книги. Этого мало; библиотекарь собственноручно завертывал в бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только вверял ему книгу. Гоголь берег книги, как драгоценность, и особенно любил миниатюрные издания. Страсть к ним до того развилась в нем, что, не любя и не зная математики, он выписал «Математическую энциклопедию» Перевощикова на собственные свои деньги, за то только, что она издана была в шестнадцатую долю листа. Впоследствии эта причуда миновалась в нем, но первое издание «Вечеров на хуторе» еще отзывается ею.

(П. Кулиш) [Пант. Алдр. Кулиш (1819–1897) – украинский и русский писатель, первый биограф Гоголя.] «Записки», т. I, стр. 24–28.

Н. В. Гоголь – матери, М. И. Гоголь

23 нояб. 1826 г. [Гоголь в это время в 8-м (предпоследнем) классе.]

…Думаю, удивитесь вы успехам моим, которых доказательства лично вручу вам. Сочинений моих вы не узнаете:

новый переворот настигнул их. Род их теперь совершенно особенный. Рад буду, весьма рад, когда принесу вам удовольствие. [Об опытах истолкования этого письма см. Вас. Гиппиус. «Гоголь», стр. 13–15.]

«Письма», I, стр. 54.

Из воспоминаний Ник. Юр. Артынова

[Школьный товарищ Гоголя (следующего выпуска).]

В гимназии Гоголь был тем только и замечателен, что имел слишком остроконечную бороду, да еще, пожалуй, тем, что постоянно бывало ходит на Магерки. Магерки – это предместье Нежина. Гоголь имел там много знакомых между крестьянами. Когда у кого из них бывала свадьба или другое что, или когда просто выгадывался погодливый праздничный день, то Гоголь уж непременно был там. Учился же Гоголь совсем не замечательно. От профессора русской словесности Никольского получал постоянно тройку [Отметки Гоголя у П. И. Никольского колебались между тройкой и четверкой (по четырехбалльной системе).] В сочинениях его по словесности бывала пропасть грамматических ошибок. Особенно плох был Гоголь по языкам. Классы языков составляли тогда у нас три особые, независимые от других классов отделения, которые студенты всех курсов проходили по мере успехов. Гоголь окончил курс гимназии, но по языкам не дошел до 3-го отделения. [На самом деле отделений было четыре, и Гоголь 27 авг. 1827 г. был переведен в 4-е (по экзамену). Его отметки по франц. яз. были от 3 до 4, по немецкому – от 2 до 3. Впоследствии Гоголь свободно читал (хотя и плохо говорил) по-французски; немецкий язык знал хуже.] Вообще Гоголь был самая обыкновенная посредственность, и никому из нас и в голову не приходило, чтобы он мог впоследствии прославиться на поприще русской литературы. Впрочем, нужно сказать правду, Гоголь любил чтение книг и особенно любил самые книги…

Н. Ю. Артынов.

Из воспоминаний Н. В. Кукольника

[Нестор Вас. Кукольник (1809–1868) – товарищ Гоголя по Гимн, высших наук (следующего выпуска), впоследствии известный драматург и исторический беллетрист.]

Парф. Ив. Никольский, коллежский советник и старший профессор российской словесности в Гимназии высших наук кн. Безбородко с 1820 по 1833 год, родился в 1782 г. Происходя из

духовного звания, П. Ив. принужден был поступить в Московскую духовную академию, но, окончив там курс наук, перешел в С.-Петербургский педагогический институт, откуда по окончании полного курса назначен был 26 декабря 1807 г. старшим учителем философии, изящных наук и политической экономии в Новгородскую губернскую гимназию.

…Когда в начале 1821 г., назначенный к нам младшим профессором российской словесности, он явился в Нежин, мы не могли знать его литературных верований, потому что он начал преподаванием грамматики по Ломоносову.

…Личность П. И. чрезвычайно интересна. Несмотря на то, что в литературе и философии он был решительный старовер, нам, собственно, оказал он много пользы своею доступностью, добросердечием, наконец, самою оппозициею современным эстетическим направлениям. Он спорил с нами, что называется, до слез, заставляя нас насильно восхищаться Ломоносовым, Херасковым, даже Сумароковым; проповедывал ex cathedra [С высоты кафедры.] важность и значение эпопеи древних форм, а байроновские поэмы тех времен называл велегласно побасенками.

…он знакомил нас с так называемыми русскими классиками, а мы на каждой лекции подкладывали ему для исправления вместо своих стихи Пушкина, Козлова, [Ив. Ив. Козлов (1779–1840) – поэт; в печати с 1821 г. Наибольший успех имела его «байроническая» поэма «Чернец» (1824); в школьные годы Гоголя она была свежей литературной новостью.] Языкова [Николай Мих. Языков (1803–1846) – поэт, впоследствии лично близкий Гоголю. В печати с 1822 г.] и других. Он марал их нещадно, причем мы не могли довольно надивиться изворотливости его от природы острого ума. Заметил ли П. И. обман или и сам стал чувствовать неловкость своей оппозиции, только на одной из лекций вдруг неожиданно услышали мы разбор поэмы Пушкина «Руслан». В конце лекции П. И., разбив в пух и прах новую школу, возгласил, что если он нашел в ней что-либо хорошее и достойное внимания, так это поэма «Хиосский сирота», [Поэма Плат. Григ. Ободовского (1805–1864), изданная в 1828 г. в пользу сироты, бежавшего с матерью из гарема; на этом «истинном происшествии» поэма и была основана.] которая и составила предмет его второй лекции.

Гербель, стр. 292–296.

Из воспоминаний Н. В. Кукольника

Федор Осипович или, правильнее, Фридрих-Иосиф Зингер

явился в нежинскую Гимназию высш. наук в звании млад, профессора немецкой словесности 11 июня 1824 г.

…Русская литература того времени была проникнута духом Байрона: Чайльд Гарольдов и Онегиных можно было встречать не только в столицах, но даже у нас в гимназическом саду. Зингер открыл нам новый, живоносный родник истинной поэзии. Любовь к человечеству, составляющая поэтический элемент творений Шиллера, по свойству своему прилипчивая, быстро привилась к нам – и много способствовала развитию характера многих. До Зингера обыкновенно на немецких лекциях отдыхали сном послеобеденным. Он умел разогнать эту сонливость увлекательным преподаванием, и не прошло и года, у нового профессора были ученики, переводившие «Дон Карлоса» и другие драмы Шиллера, а вслед за тем и Гете, и Кернер, и Виланд, и Клопшток, и все, как их называли, классики германской литературы, не исключая даже своеобразного Жан Поль Рихтера, в течение 4-х лет были любимым предметом изучения многих учеников Зингера. [Клопшток (1724–1803) и Виланд (1733–1818) – предшественники Гете, поэт Теодор Кернер (1791–1813) – его младший современник. Жан Поль Рихтер (1763–1825) – автор философских и сатирических романов – предшественник романтиков.]

…Я должен здесь кстати заметить, что развитию германизма между нежинцами много способствовал «Московский Телеграф», издаваемый тогда в Москве Полевым… [Николай Алексеевич Полевой (1796–1846) – журналист, критик и беллетрист; с 1825 по 1834 г. – издатель «Московского Телеграфа». «Московский Телеграф» уделял много внимания романтической литературе.] Вслед за «Московским Телеграфом» явились «Телескоп», «Московский Вестник» и так далее. [Следовало раньше упомянуть «Московский Вестник», издававшийся с 1827 по 1830 г. М. П. Погодиным при участии кружка московских романтиков (Шевырева, Вл. Одоевского, Титова и др.; сотрудничал и Пушкин). «Телескоп» Н. И. Надеждина относится к позднейшему времени (1831–1836 гг.).]

Гербель, стр. 261–262.

Н. В. Гоголь – Г. И. Высоцкому

19 марта 1827 г. [Гоголь в это время в 8-м классе.]

…Масленую мы провели прекрасно. – Четыре дни сряду был у нас театр; играли превосходно все. – Все бывшие из посетителей, людей бывалых, говорили, что ни на одном провинциальном театре не удалось видеть такого прекрасного спектакля.

Декорации (4 перемены) сделаны были мастерски и даже великолепно. Прекрасный ландшафт на занавесе довершал прелесть. Освещение залы было блистательное. Музыка также отличилась; наших было 10 человек, но они приятно заменили большой оркестр, и были устроены в самом выгодном, в громком месте. Разыграли четыре увертюры Россини, 2 Моцарта, одну Вебера, одну сочинения Севрюгина [Фед. Емел. Севрюгин – учитель пения в Гимназии высш. наук.] и друг. Пиесы, представленные нами, были следующие: «Недоросль», соч. Фонвизина, «Неудачный примиритель», комедия Я. Княжнина [Як. Бор. Княжнин (1742–1789) – автор трагедий и комедий.] «Береговое право» Коцебу, и вдобавок еще одну французскую, соч. Флориана, [Флориан (1755–1794) – франц. писатель, известный гл. обр. как автор сентиментальных романов.] и еще не насытились: к Светлому празднику заготовляем еще несколько пиес. [В письме Гоголя к матери от 26 февраля 1827 г. упомянута еще одна пьеса «Лукавин» – переводная комедия Ал-дра Ив. Писарева (1803–1828).]

«Письма», I, стр. 61.

Из воспоминаний школьных товарища Гоголя

[У Шенрока не назван; вероятно – К. М. Базили.]

…Театральные представления давались на праздниках. Мы с Гоголем и с Романовичем [Вас. Игн. Любич-Романович (1805–1888) – школьный товарищ Гоголя выпуска 1826 г., поэт, впоследствии чиновник.] сами рисовали декорации. Одна из рекреационных зал (они назывались у нас музеями) представляла все удобства для устройства театра. Зрителями были кроме наших наставников соседние помещики и военные расположенной в Нежине дивизии. В их числе помню генералов: Дибича (брата фельдмаршала), Столыпина, Эммануэля. Все были в восторге от наших представлений, которые одушевляли мертвенный уездный городок и доставляли некоторое развлечение случайному его обществу. Играли мы трагедии Озерова, «Эдипа» и «Фингала», водевили, какую-то малороссийскую пьесу, сочиненную тогда же Гоголем, от которой публика надрывалась со смеху. Но удачнее всего давалась у нас комедия Фонвизина «Недоросль». Видал я эту пьесу и в Москве, и в Петербурге, но сохранил всегда то убеждение, что ни одной актрисе не удавалась роль Простаковой так хорошо, как играл эту роль шестнадцатилетний тогда Гоголь. Не менее удачно пятнадцатилетний тогда Нестор Кукольник, худощавый и длинный, играл недоросля, а Данилевский [Ал-др Семен.

Данилевский (1809–1888) – одноклассник Гоголя, один из его самых близких друзей. Впоследствии педагог.] – Софью. Благодаря моей необыкновенной в то время памяти доставались мне самые длинные роли, Стародума, Эдипа и другие.

Шенрок, «Материалы», т. I, стр. 241.

Из воспоминаний Вит. Пашкова

[Со слов Тим. Григ. Пащенка, школьного товарища Гоголя выпуска 1830 г.]

…На небольшой сцене второго лицейского музея лицеисты любили иногда играть по праздникам комические и драматические пьесы. Гоголь и Прокопович – задушевные между собою приятели – особенно заботились об этом и устраивали спектакли. Играли пьесы и готовые, сочиняли и сами лицеисты; Гоголь и Прокопович были главными авторами и исполнителями пьес. Гоголь любил преимущественно комические пьесы и брал роли стариков, а Прокопович трагические. Вот однажды сочинили они пьесу из малороссийского быта, в которой немую роль дряхлого старика-малоросса взялся сыграть Гоголь. [См. выше. По другим известиям, Гоголь, «воротясь однажды после каникул в гимназию, привез на малороссийском языке комедию, которую играли на домашнем театре Трощинского» (т. е., по-видимому, комедию своего отца).] Разучили роли и сделали несколько репетиций. Настал вечер спектакля, на который съехались многие родные лицеистов и посторонние. Пьеса состояла из двух действий; первое действие прошло удачно, но Гоголь в нем не являлся, а должен был явиться во втором. Публика тогда еще не знала Гоголя, но мы хорошо знали и с нетерпением ожидали выхода его на сцену. Во втором действии представлена на сцене малорусская хата и несколько обнаженных деревьев; вдали река и пожелтевший камыш. Возле хаты стоит скамейка; на сцене никого нет.

Вот является дряхлый старик в простом кожухе, в бараньей шапке и смазных сапогах. Опираясь на палку, он едва передвигается, доходит кряхтя до скамейки и садится. Сидит, трясется, кряхтит, хихикает и кашляет, да наконец захихикал и закашлял таким удушливым и сиплым старческим кашлем, с неожиданным прибавлением, что вся публика грохнула и разразилась неудержимым смехом… А старик преспокойно поднялся со скамейки и поплелся со сцены, уморивши всех со смеху. Бежит за ширмы инспектор Белоусов: [Ник. Григ. Белоусов (1799–1854) – инспектор и профессор римского права в Гимназии высших наук.] «Как же это ты, Гоголь? Что же это ты сделал?» «А

как же вы думаете сыграть натуральнее роль 80-летнего старика? Ведь у него, бедняги, все пружины расслабли и винты уже не действуют, как следует». На такой веский аргумент инспектор и все мы расхохотались и более не спрашивали Гоголя. С этого вечера публика узнала и заинтересовалась Гоголем как замечательным комиком.

В другой раз Гоголь взялся сыграть роль дяди-старика – страшного скряги. В этой роли Гоголь практиковался более месяца, и главная задача для него состояла в том, чтобы нос сходился с подбородком…

…Сатирическую роль дяди-скряги сыграл он превосходно, морил публику смехом и доставил ей большое удовольствие. Все мы думали тогда, что Гоголь поступит на сцену, потому что у него был громадный сценический талант и все данные для игры на сцене: мимика, гримировка, переменный голос и полнейшее перерождение в роли, какие он играл. Думается, что Гоголь затмил бы и знаменитых комиков артистов, если бы поступил на сцену.

«Берег», 1880 г., № 268.

Н. В. Гоголь – Г. И. Высоцкому

26 июня 1827 г.

…я ничего теперь так не ожидаю, как твоих писем. Они – моя радость в скучном уединении. Несколько только я разгоняю его чтением новых книг, для которых берегу деньги, не составляющие для меня ничего, кроме их, и выписывание их составляет одно мое занятие и одну мою корреспонденцию. Никогда еще экзамен для меня не был так несносен, как теперь. Я совершенно весь истомлен, чуть движусь. Не знаю, что со мною будет далее. Только я и надеюсь, что поездкою домой обновлю немного свои силы. Как чувствительно приближение выпуска, а с ним и благодатной свободы! Не знаю, как-то на следующий год я перенесу это время!.. Как тяжко быть зарыту вместе с созданьями низкой неизвестности в безмолвие мертвое! Ты знаешь всех наших существователей, всех, населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодовольствия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться… Из них не исключаются и дорогие наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь в зеркале видишь меня. Пожалей обо мне! Может быть, слеза соучастия, отдавшаяся на твоих глазах, послышится и мне.

Ты уже и успел дать за меня слово об моем согласии на ваше

намерение отправиться за границу. Смотри только вперед не раскаяться! может быть, мне жизнь петербургская так понравится, что я и поколеблюсь, и вспомню поговорку: «Не ищи того за морем, что сыщешь ближе». Но уже так и быть; ты дал слово – нужно мне спустить твоей опрометчивости. Только когда это еще будет? Еще год мне нужно здесь да год, думаю, в Петербурге, но, впрочем, я без тебя не останусь в нем: куда ты, туда и я. Только будто ли меня ожидают? Меня это ужасть как приближает к Петербургу, – тем более, что я внесен уже в ваш круг.

«Письма», т. I, стр. 75.

Н. В. Гоголь – П. П. Косяровскому

[Петр Петр. Косяровский, двоюродный дядя Гоголя с материнской стороны.]

3 окт. 1827 г.

…Да, может быть, мне целый век достанется отжить в Петербурге, по крайней мере, такую цель начертал я уже издавна. Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимою ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принесть ему малейшую пользу, бросали меня в глубокое уныние. Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом – быть в мире и не означить своего существования – это было для меня ужасно. Я перебирал в уме все состояния, все должности в государстве и остановился на одном – на юстиции. Я видел, что здесь работы будет более всего, что здесь только я могу быть благодеянием, здесь только буду истинно полезен для человечества. Неправосудие, величайшее в свете несчастие, более всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сделав блага. Два года занимался я постоянно изучением прав других народов и естественных, как основных для всех законов; теперь занимаюсь отечественными. Исполнятся ли высокие мои начертания? или неизвестность зароет их в мрачной туче своей? В эти годы эти долговременные думы свои я затаил в себе. Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не поверял своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубь души моей. Да и кому бы я поверил и для чего бы высказал себя? не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем, пустым человеком. Никому, и даже из своих

товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойных.

«Письма», т. I, стр. 89.

Из архива гимназии высших наук в Нежине

С начала августа 1827 года – что пройдено из учебных предметов российской словесности.

В 9-м классе.

За август месяц. Из правил высшей словесности общее обозрение изящной словесности: что́ разумеется под именем оной вообще и частно? Чем различается она от высших собственно называемых знаний и какую связь имеет с ними?

За сентябрь месяц. О том, что знания усовершенствывают словесность, а словесность с своей стороны усовершенствывает знания – примеры в древней Греции, в Риме, в Африке и Европе.

За октябрь месяц. Читана по учебной книге Греча [Ник. Ив. Греч (1787–1867) – филолог, журналист (издатель «Сына Отечества» с 1829 г.) и беллетрист. В 1822 г. издал «Опыт краткой истории русской литературы».] История российской словесности от начала ее до царствования императора Петра Великого.

Примечание: Сего октября 31 дня на пополуденной лекции в 4-м классе взята мною от пансионера Шимкова принесенная им в класс книжка сочинения Эккартсгаузена, [Эккартсгаузен (1752–1803) – немецкий писатель-мистик.] содержащая третью и четвертую часть под заглавием «Терпимость и человеколюбие», представленные в виде трогательных повестей – в третьей части – Коллос, происшествие, взятое из времен гонения на веру, а в четвертой Карл Беттенгейм или пример благодарности, какая ныне не в обыкновении – книжка сия больше ко вреду, нежели к пользе ученику послужить может; то при сем и представляется.

За ноябрь месяц. Из высшей словесности о происхождении изящных искусств и словесности и о общем их начале – о подражании природе: продолжали чтение Истории российской словесности от времен Петра Великого до царствования Екатерины вторыя: сочинений однако не подавали по небрежению их.

За декабрь месяц. Об основных правилах высшей словесности, пользе и о унижении добродетели, о уме, гении и вкусе, о ораторской речи, о трех ее действиях научать, нравиться и трогать, о избирании материи, о вникании в оную, о нахождении в ней главных частей для исследования, о изобретении доказательств, о методе связывать их и переходить из одних в другие с правилом Цицерона: ut augeatur et crescat

semper oratio [«Чтобы речь все время увеличивалась и росла».] и краткий пример из речи того же Цицерона за Милона.

За генварь месяц 1828-го года. Продолжение основных правил высшей словесности – именно: располагать доказательства по возрастающей силе их; избегать двух главных недостатков – не настаивать на то, что ясно, и не оставлять без удовлетворительного изъяснения и утверждения, что без того темно; уметь хорошо располагать доказательства значит дать хороший план сочинению и о совершенствах хорошего плана – о точности, ясности, простоте, богатообильности или плодовитости, о единстве и соразмерности.

За февраль месяц. После основных правил высшей словесности читаны и изъяснены были четыре плана четырех похвальных слов из Бурдалу и Массильона [Бурдалу (1632–1704) и Массильон (1663–1742) – французские проповедники.] и прочитана с замечанием также плана речь Цицерона за Архия стихотворца.

За март месяц. О слоге вообще, о слоге простом или естественном – и о слоге среднем или умеренном и цветном, о принадлежностях и отличиях их, – занимались сочинениями больших речей.

За апрель месяц. О слоге высоком с изъяснением, что называется вообще высоким и с разделением его на высокое понятий, на высокое изображений и на высокое чувствований.

Старший Профессор Парфений Никольской.

«Гоголевский сборник», 1902 г., стр. 374–376.

Из воспоминаний А. П. Стороженко

[Алексей Петр. Стороженко (1805–1874) – украинский беллетрист (писал и по-русски). «Воспоминание» его приблизительно датируется 1827 годом (упоминание о персидской войне и определение возраста Гоголя – «лет 18-ти»). В том же «Воспоминании» Стороженко передает эпизод, как Гоголь своими рассказами сначала вывел из себя, а потом очаровал украинскую крестьянку.]

…Для ночлега мне отвели комнату в доме, а Гоголь, приехавший днем прежде, расположился во флигеле. На другой день, часу в восьмом, отец мой приказал запрягать лошадей. Я пошел во флигель, чтоб попрощаться с Гоголем, но мне сказали, что он в саду. Я скоро его нашел: он сидел на дерновой скамье и, как мне издалека показалось, что-то рисовал, по временам подымая голову кверху, и так был углублен в свое занятие, что не заметил моего приближения.

– Здравствуйте! – сказал я, ударив его по плечу. – Что вы делаете?

– Здравствуйте, – с замешательством произнес Гоголь, поспешно спрятав карандаш и бумагу в карман. – Я… писал.

– Полноте отговариваться! я видел издалека, что вы рисовали. Сделайте одолжение, покажите; я ведь тоже рисую.

– Уверяю вас, я не рисовал, а писал.

– Что вы писали?

– Вздор, пустяки, так, от нечего делать, писал – стишки.

Гоголь потупился и покраснел.

– Стишки! прочтите: послушаю.

– Еще не кончил, только начал.

– Нужды нет, прочтите, что написали.

Настойчивость моя пересилила застенчивость Гоголя; он нехотя вынул из кармана небольшую тетрадку, привел ее в порядок и начал читать.

Я сел возле него, с намерением слушать, но оглянулся и увидел почти над головой огромные сливы, прозрачные, как янтарь, висевшие на верхушке дерева. Я забыл о стихах: все мое внимание поглотили сливы. Пока я придумывал средство, как до них добраться, Гоголь окончил чтение и вопросительно смотрел на меня.

– Экие сливы! – воскликнул я, указывая на дерево пальцем.

Самолюбие Гоголя оскорбилось; на лице его выразилось негодование.

– Зачем же вы заставляли меня читать? – сказал он, нахмурясь, – лучше бы попросили слив, так я вам натрусил бы их полную шапку.

Я спохватился и только хотел извиниться, как Гоголь так сильно встряхнул дерево, что сливы градом посыпались на меня. Я кинулся подбирать их и Гоголь также.

– Вы совершенно правы, – сказал он, съев несколько слив, – они несравненно лучше моих стихов… Ух, какие сладкие, сочные!

– Охота вам писать стихи! Что вы, хотите тягаться с Пушкиным? Пишите лучше прозой.

– Пишут не потому, чтоб тягаться с кем бы то ни было, но потому, что душа жаждет поделиться ощущениями. Впрочем, не робей, воробей, дерись с орлом!

Я хотел было отвечать также пословицей: дай бог нашему теляти волка поймати; но Гоголь продолжал:

– Да! не робей, воробей, дерись с орлом.

Взгляд его оживился, грудь от внутреннего волнения высоко поднималась, и я безотчетно повторил слова его, сказанные мне накануне: «Ну это хорошо, это по-нашему! по-казацки».

Человек прибежал с известием, что отец меня ожидает. Я дружески обнял Гоголя, и мы расстались надолго.

Через несколько лет после этого свидания показались в свет сочинения Гоголя.

С каждым годом талант его более и более совершенствовался, и всякий раз, когда мне случалось читать его творения, я вспоминал одушевленный взгляд Гоголя, и мне слышались последние его слова: «Не робей, воробей, дерись с орлом!»

«Отечественные Записки», 1859 г., апрель.

Из «списка воспитанников, окончивших в 1828 году полный курс учения в гимназии высших наук с показанием поведения и успехов, по которым выданы им аттестаты»

Данные на Гоголя-Яновского Николая, студента, сына Коллежского Асессора Василия Афанасьевича.

Дата поступления в гимназию – 1 мая 1821 г.

С какими успехами окончил курс наук в гимназии

При каком поведении обучался – Очень хорошем

Закон божий – Очень хорошем

Нравственная философия – Очень хорошем

Логика – Очень хорошем

Российская словесность – Очень хорошем

Римское право – Очень хорошем

Российское гражданское право – Очень хорошем

Российское уголовное право – Очень хорошем

Государственное хозяйство – Очень хорошем

Чистая математика – Средственными

Физика и начала химии – Хорошими

Естественная история – Превосходными

Военные науки – Очень хорошем

География всеобщая и Российская – Хорошими

История всеобщая и Российская – Очень хорошем

Латинский – Хорошими

Немецкий – Довольно хорошими

Французский – Очень хорошем

В поисках профессии
Из «материалов для биографии Пушкина» П. В. Анненкова

Не можем удержаться, чтоб не привести здесь забавного

рассказа самого Гоголя о попытках его познакомиться с Пушкиным, когда он еще не имел права на это в своем звании писателя. Впоследствии он был представлен ему на вечере у П. А. Плетнева, [В мае 1831 г. Это сообщение, впервые опубликованное еще в 1855 г., не было учтено ни одним из биографов Гоголя.] но прежде и тотчас по приезде в С.-Петербург (кажется в 1829 году), Гоголь, движимый потребностью видеть поэта, который занимал все его воображение еще на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и наконец у самых дверей квартиры развилась до того, что он убежал в кондитерскую и потребовал рюмку ликера… Подкрепленный им, он снова возвратился на приступ, смело позвонил и на вопрос свой: «Дома ли хозяин», услыхал ответ слуги: «Почивают!» Было уже поздно на дворе. Гоголь с великим участием спросил: «Верно всю ночь работал». – «Как же, работал, – отвечал слуга, – в картишки играл». Гоголь признавался, что это был первый удар, нанесенный школьной идеализации его. Он иначе не представлял себе Пушкина до тех пор, как окруженного постоянно облаком вдохновения.

Анненков, «Материалы для биографии Пушкина», стр. 360.

Из «Опыта биографии Гоголя» П. Кулиша (Со слов Н. Я. Прокоповича)

…Между тем у Гоголя была в запасе поэма «Ганц Кюхельгартен», написанная, как сказано на заглавном листке, в 1827 году. [Возможно, что поэма писалась и позже (в 1828–1829 гг.). Вышла в свет в июне 1829 г.] Не доверяя своим силам и боясь критики, Гоголь скрыл это раннее произведение свое под псевдонимом В. Алова. Он напечатал его на собственный счет, вслед за стихотворением «Италия», и роздал экземпляры книгопродавцам на комиссию. В это время он жил вместе с своим земляком и соучеником по гимназии Н. Я. Прокоповичем, который поэтому-то и знал, откуда выпорхнул «Ганц Кюхельгартен». Для всех прочих знакомых Гоголя это оставалось непроницаемою тайною. Некоторые из них, и в том числе П. А. Плетнев, [Петр Алдр. Плетнев (1792–1865) – поэт, друг Пушкина и первый литературный покровитель Пушкина. По происхождению – разночинец (сын сел. священника). С 1814 г. учитель Екатерининского института, с 1832 г. – профессор Петербургского университета, с 1840 по 1861 г. – ректор его.] которого Гоголь знал тогда еще только по имени, получили инкогнито по экземпляру его поэмы; но автор никогда ни одним

словом не дал им понять, от кого была прислана книжка. Он притаился за своим псевдонимом и ждал, что будут говорить о его поэме. Ожидания его не оправдались. Знакомые молчали или отзывались о «Ганце» равнодушно, а между тем Н. Полевой, [Н. А. Полевой в «Моск. Телеграфе», в рецензии на «Ганца», процитировав 5 строк, где, между прочим, было слово «заплата» в смысле «плата», закончил так: «заплатою таких стихов должно бы быть сбережение оных под спудом».] прихлопнул ее в своем журнале насмешкою, от которой сердце юноши-поэта сжалось болезненною скорбью. Он понял, что это не его род сочинений, бросился с своим верным слугой Якимом по книжным лавкам, отобрал у книгопродавцев все экземпляры, нанял в гостинице нумер и сжег все до одного.

«Опыт биографии», стр. 37.

Н. В. Гоголь – матери

Пб., 30 апр. 1829 г.

…Теперь вы, почтеннейшая маминька, мой добрый ангел-хранитель, теперь вас прошу, в свою очередь, сделать для меня величайшее из одолжений. Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы много знаете обычаи и нравы малороссиян наших, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно. В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов, с поименованием, как это все называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиян; равным образом названия платья, носимого нашими крестьянскими девками, до последней ленты, также нынешними замужними и мужиками. Вторая статья: название точное и верное платья, носимого до времен гетма́нских. Вы помните, раз мы видели в нашей церкви одну девку, одетую таким образом. Об этом можно будет расспросить старожилов: я думаю Анна Матвеевна или Агафия Матвеевна [Тетки М. И. Гоголь, урожд. Косяровские. Анна Матвеевна – Трощинская, вдова Андр. Прок. Трощинского, старшего брата известного в биографии Гоголя «вельможи» Дмитрия Прокофьевича (члена Гос. совета, быв. министра).] много знают кое-чего из давних годов. Еще обстоятельное описание свадьбы, не упуская наималейших подробностей. Об этом можно расспросить Демьяна (кажется, так его зовут; прозвания не вспомню), которого мы видели учредителем свадеб и который знал, по-видимому, все возможные поверья и обычаи. Еще несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках. Если есть,

кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее, с их названиями и делами. Множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов, и проч., и проч., и проч. Все это будет для меня чрезвычайно занимательно. [Материалы были Гоголю доставлены, и он частично использовал их в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».] На этот случай и чтобы вам не было тягостно, великодушная, добрая моя маминька, советую иметь корреспондентов в разных местах нашего повета.

…Еще прошу вас выслать мне две папинькины малороссийские комедии «Овца-собака» и «Романа с Параскою». [Вас. Аф. Гоголь писал комедии на украинском языке. «Овца-собака» не сохранилась. Под «Романом с Параскою» Гоголь разумеет ком. «Простак, або хитрощі жінки, перехитрені москалем» (см. сборник «Рання укр. драма» под ред. П. И. Рулина, 1928).] Здесь так занимает всех всё малороссийское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну из них поставить на здешний театр. За это, по крайней мере, достался бы мне хотя небольшой сбор; а по моему мнению, ничего не должно пренебрегать, на всё нужно обращать внимание. Если в одном неудача, можно прибегнуть к другому, в другом – к третьему, и так далее. Самая малость иногда служит большою помощью.

«Письма», I, стр. 119–121.

Н. В. Гоголь – матери

Пб., 22 мая 1829 г.

…Я думаю, вы не забудете моей просьбы извещать меня постоянно об обычаях малороссиян. Я всё с нетерпением ожидаю вашего письма. Время свое я так расположил, что и самое отдохновение, если не теперь, то вскорости принесет мне существенную пользу. Между прочим, я прошу вас, почтеннейшая маминька, узнать теперь о некоторых играх из карточных: у Панхвиля как играть и в чем состоит он? равным образом, что за игра Пашок, семь листов? из хороводных: в хрещика, в журавля. Если знаете другие какие, то не премините. [Описания игр (кроме карточных) записаны Гоголем в его «Книге всякой всячины», но в «Вечерах» не использованы.] У нас есть поверья в некоторых наших хуторах, разные повести, рассказываемые простолюдинами, в которых участвуют духи и нечистые. Сделайте милость, удружите мне которою-нибудь из них.

«Письма», I, стр. 122–123.

Н. В. Гоголь – матери

Пб., 2 февр. 1830 г.

…Еще осмеливаюсь побеспокоить одною просьбою: ради бога, если будете иметь случай, собирайте все попадающиеся вам древние монеты и редкости, какие отыщутся в наших местах, стародавние, старопечатные книги, другие какие-нибудь вещи, антики, а особливо стрелы, которые во множестве находимы были в Псле. Я помню, их целыми горстями доставали. Сделайте милость пришлите их. Я хочу прислужиться этим одному вельможе, страстному любителю отечественных древностей, от которого зависит улучшение моей участи. Нет ли в наших местах каких записок, веденных предками какой-нибудь старинной фамилии, рукописей стародавних про времена гетманщины и прочего подобного? Простите меня великодушно, маминька, что я вас забрасываю просьбами и причиняю великое беспокойство. Чтобы не было вам тягости, вы разделите свои поручения людям, на которых можете положиться в этом случае.

«Письма», I, стр. 146.

Н. В. Гоголь – матери

Пб., 2 апр. 1830 г.

…Вы теперь, кажется, не получаете никакого журнала. Посылаю вам один, который, по важности своих статей, почитается здесь лучшим и который достается мне даром, по причине небольшого моего участия в издании его. [«Отечественные Записки», издаваемые в эти годы Пав. Пет. Свиньиным (1788–1839) и состоящие главным образом из исторических материалов. В февральской и мартовской книжках О. З. напечатан анонимно «Басаврюк, или вечер накануне Ивана Купалы» Гоголя.] Каждый месяц выходит книжка, которую я буду немедленно препровождать к вам. Посылаю вам также нововышедший роман, подаренный мне самим автором. [«Ягуб Скупалов» Свиньина.]

«Письма», I, стр. 152–153.

Из воспоминаний Н. Мундта

В одно утро 1830 или 1831 года, хорошо не помню, мне доложили, что кто-то желает меня видеть. В то время я занимал должность секретаря при директоре императорских театров, князе Серг. Серг. Гагарине, который жил тогда на Английской набережной, в доме бывшем Бетлинга, а теперь, кажется, Риттера, где помещалась и канцелярия директора.

Приказав дежурному капельдинеру просить пришедшего, я увидел молодого человека, весьма непривлекательной

наружности, с подвязанною черным платком щекою и в костюме, хотя приличном, но далеко не изящном.

Молодой человек поклонился как-то неловко, и довольно робко сказал мне, что желает быть представленным директору театров.

– Позвольте узнать вашу фамилию, – спросил я.

– Гоголь-Яновский.

– Вы имеете к князю какую-нибудь просьбу?

– Да, я желаю поступить на театр.

В то время имя Гоголя было совершенно неизвестно, и я не мог подозревать, что предо мною стоял в смиренной позе просителя будущий творец «Старосветских помещиков», «Тараса Бульбы» и «Мертвых душ». Я попросил его сесть и обождать.

…Доложив директору, что какой-то Гоголь-Яновский пришел просить об определении его к театру, я ввел Гоголя в кабинет к князю.

– Что вам угодно? – спросил князь.

Надобно заметить, что князь Гагарин, человек в высшей степени добрый, благородный и приветливый, имел наружность довольно строгую и даже суровую и тому, кто не знал его близко, внушал всегда какую-то робость. Вероятно, такое же впечатление произвел он и на Гоголя, который, вертя в руках шляпу, запинаясь отвечал:

– Я желал бы поступить на сцену и пришел просить ваше сиятельство о принятии меня в число актеров русской труппы.

– Ваша фамилия?

– Гоголь-Яновский.

– Из какого звания?

– Дворянин.

– Что же побуждает вас идти на сцену? Как дворянин, вы могли бы служить.

Между тем Гоголь имел время оправиться и отвечал уже не с прежнею робостью:

– Я человек небогатый, служба вряд ли может обеспечить меня; мне кажется, что я не гожусь для нее; к тому же я чувствую призвание к театру.

– Играли вы когда-нибудь?

– Никогда, ваше сиятельство. [Это, как видно из предыдущего, неверно.]

– Не думайте, чтоб актером мог быть всякий: для этого нужен талант.

– Может быть, во мне и есть какой-нибудь талант.

– Может быть! На какое же амплуа думаете вы поступить?

– Я сам этого теперь еще хорошо не знаю; но полагал бы на

драматические роли.

Князь окинул его глазами и с усмешкою сказал:

– Ну, г. Гоголь, я думаю, что для вас была бы приличнее комедия; впрочем, это ваше дело. Потом, обратясь ко мне, прибавил:

– Дайте г. Гоголю записку к Александру Ивановичу, чтоб он испытал его и доложил мне.

Князь поклонился, и мы вышли.

В то время инспектором русской труппы был известный любитель театра Ал-др Ив. Храповицкий. [Ал-др Ив Храповицкий (1787–1855) – инспектор русской драматической труппы с 1827 по 1832 г] Он был человек очень добрый, но принадлежал к старой, классической школе. Он сам часто играл в домашних спектаклях вместе со знаменитой Е. С. Семеновой (княг. Гагариной), [Екат. Сем. Семенова (1786–1849) – на сцене до 1826 г. Мужем Семеновой был кн. Иван Ал-еев. Гагарин.] считал себя великим знатоком театра и был убежден, что для истинного трагического актера необходимы: протяжное чтение стихов, декламация, дикие завывания и неизбежные всхлипывания или, как тогда выражались, драматическая икота.

К этому-то великому знатоку драматического искусства адресовал я бедного Гоголя. Храповицкий назначил день для испытания, кажется, в Большом театре утром, в репетиционное время. Там он заставил читать Гоголя монологи из Дмитрия Донского, [Трагедия Озерова.] Гофолии и Андромахи, перевода графа Хвостова. [Трагедии Расина. Граф Дм. Ив. Хвостов (1757–1835) – поэт и переводчик, предмет постоянных насмешек Пушкина и его современников.]

Я не присутствовал при этом испытании, но потом слышал, помнится мне, от М. А. Азаревичевой, И. П. Борецкого и режиссера Боченкова, а также и от П. А. Каратыгина, [Азаревичева – актриса на ролях субреток (дебютировала в 1821 г.), Борецкий – актер на ролях «благородных отцов» (деб. 1818 г.). Петр. Андр. Каратыгин (1805–1879) – актер на ролях «вторых любовников» (деб. 1822 г.) и водевилист.] что Гоголь читал просто, без всякой декламации, но как чтение это происходило в присутствии некоторых артистов, и Гоголь, не зная на память ни одной тирады, читал по тетрадке, то сильно конфузился и, действительно, читал робко, вяло и с беспрестанными остановками. Разумеется, такое чтение не понравилось и не могло нравиться Храповицкому, истому поклоннику всякого рода завываний и драматической икоты. Он, как мне сказывали, морщился, делал нетерпеливые жесты, и, не дав Гоголю кончить монолог Ореста из Андромахи, с которым

Гоголь никак не мог сладить, вероятно потому, что не постигал всей прелести стихов гр. Хвостова, предложил ему прочитать сцену из комедии «Школа стариков», [Комедия К. Делавиня (р. 1793 г., ум. 1843 г.), переведенная Ф. Ф. Кокошкиным (р. 1773 г., ум. 1838 г.)] но и тут остался совершенно недоволен.

Результатом этого испытания было то, что Храповицкий запискою донес кн. Гагарину, «что присланный на испытание Гоголь-Яновский оказался совершенно неспособным не только к трагедии или драме, но даже к комедии. Что он, не имея никакого понятия о декламации, даже и по тетради читал очень плохо и нетвердо, что фигура его совершенно неприлична для сцены, и в особенности для трагедии, что он не признает в нем решительно никаких способностей для театра, и что если его сиятельству угодно будет оказать Гоголю милость принятием его на службу к театру, то его можно было бы употребить разве только на выход…»

Гоголь, вероятно, сам чувствовал неуспех своего испытания и не являлся за ответом; тем дело и кончилось.

…Впоследствии я встречался иногда с Гоголем у кн. В. Ф. Одоевского, на его субботних вечерах. Гоголь был тогда уже знаменит, пользовался дружбой Жуковского и других известных писателей. Он или действительно не узнал меня, или делал вид, что не узнает…

Н. Мундт.

Н. В. Гоголь – матери

Пб., 3 июня 1830 г.

…Литературные мои занятия и участие в журналах я давно оставил, хотя одна из статей моих доставила мне место, ныне мною занимаемое. [Место – в департаменте уделов (с 10 апреля). О какой статье идет речь – неизвестно.] Теперь я собираю материалы только и в тишине обдумываю свой обширный труд. [Вероятно, исторический роман «Гетьман», оставшийся неоконченным. Первый отрывок напечатан в «Северных Цветах» на 1831 год (вышли в декабре 1830 г.).] Надеюсь, что вы по-прежнему, почтеннейшая маминька, не оставите иногда в часы досуга присылать все любопытные для меня известия, которые только удастся собрать.

…В 9 часов утра отправляюсь я каждый день в свою должность и пребываю там до 3 часов; в половине четвертого я обедаю; после обеда в 5 часов отправляюсь я в класс, в академию художеств, где занимаюсь живописью, которую я никак не в состоянии оставить, – тем более, что здесь есть все средства

совершенствоваться в ней, и все они, кроме труда и старания, ничего не требуют. По знакомству своему с художниками, и со многими даже знаменитыми, я имею возможность пользоваться средствами и выгодами, для многих недоступными. Не говоря уже об их таланте, я не могу не восхищаться их характером и обращением. Что это за люди! Узнавши их, нельзя отвязаться от них навеки. Какая скромность при величайшем таланте! Об чинах и в помине нет, хотя некоторые из них статские и даже действительные советники. В классе, который посещаю я три раза в неделю, просиживаю два часа; в семь часов прихожу домой, иду к кому-нибудь из своих знакомых на вечер, – которых у меня таки не мало. Верите ли, что одних однокорытников моих из Нежина до 25 человек.

…Посылаю вам следующий № журнала, разрезавши который, найдете вы в листах его письмо это: хитрость, которую я сделал, во избежание двойного платежа и за письмо и за посылку, между прочим как мне и то и другое стало столько же, сколько одно письмо.

Предуведомляю вас, что в этой книжке, равно и во всех последующих, вы не встретите уже ни одной статьи моей. Занятий моих литературных хотя я и не прекратил, однако ж, как они готовятся не для журнала, то и появятся не прежде, как по истечении довольно продолжительного времени. Рекомендую вам прочесть описание Полтавы господина Свиньина, в котором я хотя и природный жилец Полтавы много однако ж нашел для меня нового и доселе неизвестного.

«Письма», I, стр. 157–160.

Н. В. Гоголь – матери

Пб., 19 дек. 1830 г.

…Но мне больно то, что вы сами, маминька, обо мне говорите худое. Я здесь разумею письмо ваше, писанное вами перед этим. Вы мне приписываете те сочинения, которых бы я никогда не признал своими ни за какие деньги. Зачем марать мое доброе, еще не запятнанное ничем имя? Если вы так мало знаете меня, что нашли в этих сочинениях мой дух, мой образ мыслей, то вы слишком худого мнения обо мне. Неужели я заслужил его от вас? Вы бы по крайней мере обратились к какому-нибудь человеку, которому известен ход нашей литературы; тот бы вам сказал, что отрывки из комедии «Светский Быт» были помещаемы три года назад тому, когда я был еще в Нежине, в журналах и альманахах, с полною подписью автора: Павел Свиньин, от которого я получил и роман «Ягуб Скупалов». Сфера действия

этого романа во глубине России, где до сих пор еще и нога моя не была. Если бы я писал что-нибудь в этом роде, то, верно бы, я избрал для этого Малороссию, которую я знаю, нежели страны и людей, которых не знаю ни нравов, ни обычаев, ни занятий Но главное – скажите: встретили ли вы хотя одну мысль, хотя одно чувство, принадлежащее мне? Третью же, самую глупейшую статью я принужден был теперь только прочитать нарочно. Что вы нашли моего в этом лоскутке бумаги? и я, посвятивший себя всего пользе, обработывающий себя в тишине для благородных подвигов, пущусь писать подобные глупости! унижусь до того, чтобы описывать презренную жизнь каких-то низких тварей, и таким площадным, вялым слогом! буду способен на такое низкое дело, буду столько неблагодарен, черен душою, чтобы позабыть мою редкую мать, моих сестер, моих родственников, жертвоваших для меня последним для какой-нибудь девчонки! Даже имя, подписанное под этой статьею, не похоже на мое: там, если не ошибаюсь, написано: В. Б-в. Зная, что вы мне не поверите без доказательства (я не знаю, чем я утратил ваше ко мне доверие; я вам говорил, что вы не встретите в посылаемом вам журнале ничего моего; вы мне не поверили), я старался всеми силами узнать имя автора этой пиесы, и наконец узнал, что с моей стороны и нехорошо, потому что автор сам, может быть, чувствовал, глупость этой статьи и не выставил полного своего имени, а я принужден объявить: это некто Владимир Бурнашев, служащий здесь, говорят, даже хороший молодой человек. [Влад. Петр. Бурнашев (1809–1888), автор главным образом детских книг.]

«Письма», I, стр. 166–167.

Из воспоминаний М. Н. Лонгинова

[Мих. Ник Лонгинов (1823–1875) – в это время (1831 г.) восьмилетний мальчик; впоследствии литератор и цензор. Уроки в домах Лонгиновых, Васильчиковых и Балабиных Гоголь получил через Плетнева.]

…Новаторство было одним из отличительных признаков его характера. Когда кто-нибудь из нас употреблял какое-нибудь выражение, уже сделавшееся давно стереотипным, он быстро останавливал речь и говорил, усмехаясь: «Кто это научил вас говорить так? Это неправильно, надобно сказать так-то». Помню, что однажды я назвал Бальтийское море. Он тотчас перебил меня: «Кто это научил вас говорить Бальтийское море?» Я удивился вопросу. Он усмехнулся и сказал: «Надобно говорить Бальтическое море, называют его именем Бальтийского –

невежды, и вы их не слушайте».

…Гоголь скоро сделался у нас в доме очень близким человеком. В дни уроков своих он часто у нас обедал и выбирал обыкновенно за столом место поближе к нам, детям, потешаясь и нашею болтовней и сам предаваясь своей веселости. Рассказы его бывали уморительны: как теперь помню комизм, с которым он передавал, например, городские слухи и толки о танцующих стульях в каком-то доме Конюшенной улицы, бывшие тогда во всем разгаре. Кажется, этот анекдот особенно забавлял его, потому что несколько лет спустя вспоминал он о нем в своей повести «Нос».

«Современник», 1854 г., № 3.

П. А. Плетнев – А. С. Пушкину

22 февраля 1831 г.

…Надобно познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее. Ты, может быть, заметил в «Сев. Цветах» отрывок из исторического романа, с подписью ОООО, [Четыре О, по количеству соответственных букв в имени и фамилии «Николай Гоголь-Яновский».] также в Литературной газете «Мысли о преподавании географии», статью «Женщина» и главу из малороссийской повести «Учитель». Их писал Гоголь-Яновский. Он воспитывался в Нежинском лицее Безбородки. Сперва он пошел было по гражданской службе, но страсть к педагогике привела его под мои знамена: он перешел также в учители. [9 февраля 1831 г. Гоголь назначен младшим учителем истории в Патриотический институт.] Жуковский от него в восторге. Я нетерпеливо желаю подвести его к тебе под благословение. Он любит науки только для них самих, и как художник готов для них подвергать себя всем лишениям. Это меня трогает и восхищает.

«Переписка Пушкина», m. II, стр. 225.

А. С. Пушкин – П. А. Плетневу

Апрель 1831 г.

…О Гоголе не скажу тебе ничего потому, что доселе (ничего) его не читал за недосугом. Отлагаю чтение до Царского Села, где, ради бога, найми мне фатерку…

«Переписка Пушкина», m. II, стр. 236.

Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба

[Гр. Влад. Алдр. Соллогуб (1814–1882) – беллетрист, автор «Истории двух калош» (1839 г.), «Аптекарши» (1841 г.), «Тарантаса» (1845 г.) и пр.]

…В 1831 году летом я приехал на вакации из Дерпта в Павловск. В Павловске жила моя бабушка и с нею вместе покойная тетка моя, Александра Ивановна Васильчикова, женщина высокой добродетели, постоянно тогда озабоченная воспитанием своих детей. Один из сыновей ее, ныне умерший, к сожалению, родился с поврежденным при рождении черепом, так что умственные его способности остались навсегда в тумане. Все средства истощались, чтоб помочь горю, все было напрасно. Тетка придумала наконец нанять учителя, который бы мог развивать, хотя несколько, мутную понятливость бедного страдальца, показывая ему картинки и беседуя с ним целый день. Такой учитель был найден, и, когда я приехал в Павловск, тетка моя просила меня познакомиться с ним и обласкать его, так как, по словам ее, он тоже был охотником до русской словесности и, как ей сказывали, даже что-то пописывал. Как теперь помню это знакомство. Мы вошли в детскую, где у письменного стола сидел наставник с учеником и указывал ему на изображения разных животных, подражая при этом их блеянию, мычанию, хрюканию и т. д. «Вот это, душенька, баран, понимаешь ли, баран – бе, бе… Вот это корова, знаешь, корова, му, му». При этом учитель с каким-то особым оригинальным наслаждением упражнялся в звукоподражаниях. Признаюсь, мне грустно было глядеть на подобную сцену, на такую жалкую долю человека, принужденного из-за куска хлеба согласиться на подобное занятие. Я поспешил выйти из комнаты, едва расслышав слова тетки, представлявшей мне учителя и назвавшей его по имени: Николай Васильевич Гоголь.

У покойницы моей бабушки, как у всех тогдашних старушек, жили постоянно бедные дворянки, компанионки, приживалки. Им-то по вечерам читал Гоголь свои первые произведения. Вскоре после странного знакомства я шел однажды по коридору и услышал, что кто-то читает в ближней комнате. Я вошел из любопытства и нашел Гоголя посреди дамского домашнего ареопага. Александра Николаевна вязала чулок, Анна Антоновна хлопала глазами, Анна Николаевна по обыкновению оправляла напомаженные виски. Их было еще две или три, если не ошибаюсь. Перед ними сидел Гоголь и читал про украинскую ночь. «Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи!» Кто не слыхал читавшего Гоголя, тот не знает вполне его произведений. Он придавал им особый колорит своим спокойствием, своим произношением, неуловимыми оттенками

насмешливости и комизма, дрожавшими в его голосе и быстро пробегавшими по его оригинальному остроносому лицу, в то время как серые маленькие его глаза добродушно улыбались, и он встряхивал всегда падавшими ему на лоб волосами. Описывая украинскую ночь, он как будто переливал в душу впечатления летней свежести, синей, усеянной звездами выси, благоухания, душевного простора. Вдруг он остановился. «Да гопак не так танцуется!» Приживалки вскрикнули: «Отчего не так?» Они подумали, что Гоголь обращался к ним. Гоголь улыбнулся и продолжал монолог пьяного мужика. Признаюсь откровенно, я был поражен, уничтожен; мне хотелось взять его на руки, вынести его на свежий воздух, на настоящее его место. «Майская ночь» осталась для меня любимым гоголевским творением, быть может, оттого, что я ей обязан тем, что из первых в России мог узнать и оценить этого гениального человека. Карамзины жили тогда в Царском Селе, у них я часто видал Жуковского, который сказал мне, что уже познакомился с Гоголем и думает, как бы освободить его от настоящего места. Пушкина я встретил в Царскосельском парке. Он только что женился и гулял под ручку с женой, первой европейской красавицей, как говорил он мне после. Он представил меня тут жене, и на вопрос мой, знает ли он Гоголя, отвечал, что еще не знает, но слышал о нем и желает с ним познакомиться. [Формальное знакомство Гоголя с Пушкиным произошло в мае 1831 года на вечере у Плетнева (см. выше), но еще в начале лета 1831 г. Пушкин мог считать себя недостаточно знакомым с Гоголем как с человеком и писателем.]

В. А. Соллогуб, стр. 1208–1210.

Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину

Пб., 16 авг. 1831 г. [Летом 1831 г. Гоголь жил в Павловске (на уроке у Васильчиковых), а Пушкин (и Жуковский) в Царском Селе.]

Приношу повинную голову, что не устоял в своем обещании по странному случаю. Я никак не мог думать, чтобы была другая дорога не мимо вашего дома в Петербург. И преспокойно ехал в намерении остановиться возле вас; но вышло иначе. Я спохватился уже поздно; а сопутницы мои, спешившие к карантину для свидания с мужьями, никаким образом не захотели склониться на мою просьбу и потерять несколько минут. Если же посылка ваша [«Повести Белкина» – для передачи Плетневу. «Повести» печатались без имени Пушкина; возможно, что и Гоголь, передавая посылку, не знал, что она заключает.] может немножко обождать, то вы можете отдать Васильчиковой,

которой я сказал (она думает ехать в среду) заслать за нею к вам, и тогда она будет доставлена в мои руки. Я только что приехал в город и никого еще не видал. Здесь я узнал большую глупость моего корреспондента. Он, получивши на имя мое деньги и знавши, что я непременно буду к 15 числу, послал их таки ко мне на имя ваше в Царское Село вместе с письмом: и вам теперь, и мне новое затруднение. Но вы снисходительны и великодушны. Может быть, и ругнете меня лихим словом; но «где гнев, там и милость». Письмо с деньгами вы можете также отдать для отправки ко мне Васильчиковой. Теперь ничего не пишу к вам, потому что собираюсь дня через три писать снова. Адресуйте ко мне в Институт Патриотического общества на Васильевском острову.

Ваш Гоголь.

«Письма», I, стр. 183–184.

Первый литературный успех
Из «Опыта биографии Гоголя» П. Кулиша

…В эти первые годы литературной своей деятельности он работал очень много, потому что к маю 1831 года у него уже готово было несколько повестей, составивших первый том «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Не зная, как распорядиться с этими повестями, Гоголь обратился за советом к П. А. Плетневу. Плетнев хотел оградить юношу от влияния литературных партий и в то же время спасти повести от предубеждения людей, которые знали Гоголя лично или по первым его опытам и не получили о нем высокого понятия. Поэтому он присоветовал Гоголю, на первый раз, строжайшее инкогнито и придумал для его повестей заглавие, которое бы возбудило в публике любопытство. Так появились в свет «Повести, изданные пасичником Рудым Паньком», который будто бы жил возле Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею. Книга была принята огромным большинством любителей литературы с восторгом, и не прошло года, как уже появилась в печати вторая часть «Вечеров на хуторе». Пасичник Рудый Панько очевидно был ободрен первым приемом и разболтался в предисловиях ко второй книжке еще любезнее.

«Опыт биографии», стр. 45.

Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину

СПб., августа 21 (1831 г.).

Насилу теперь только управился я с своими делами и

получил маленькую оседлость в Петербурге. Но и теперь еще половиною, что я, половиною? целыми тремя четвертями, нахожусь в Павловске и Царском Селе. В Петербурге скучно до нестерпимости. Холера всех поразгоняла во все стороны, и знакомым нужен целый месяц антракта, чтобы встретиться между собою. У Плетнева я был, отдал ему в исправности ваши посылку и письмо. Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило; я к фактору, и он, после некоторых ловких уклонений, наконец сказал, что штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву. Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни. Кстати, о черни. Знаете ли, что вряд ли кто умеет лучше с нею изъясняться, как наш общий друг Александр Анфимович Орлов. [Ал-др Анф. Орлов (1790–1840 – приблиз.) – писатель, выпускавший в год по нескольку «нравственно-сатирических романов». Здесь Гоголь варьирует тему шуточного фельетона Пушкина «Торжество дружбы, или оправданный А. А. Орлов», печатавшегося в это время в «Телескопе» под псевд. Феофилакт Косичкин. Взгляд на Орлова как на писателя «во вкусе черни» опровергался С. А. Венгеровым, но П. Н. Сакулин с гораздо большими основаниями признал Орлова типичным представителем мещанской литературы («Русская литература», ч. II. с.184–187).] В предисловии к новому своему роману «Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина» он говорит, обращаясь к читателям: «Много, премного у меня романов в голове (его собственные слова), только все они сидят еще в голове; да такие бойкие ребятишки эти романы. Так и прыгают из головы. Но нет, не пущу до время; а после извольте, полдюжинами буду поставлять. Извольте, извольте! Ох, вы, мои други сердечные! Народец православный!» Последнее обращение так и задевает за сердце русский народ. Это совершенно в его духе, и здесь-то не шутя решительный перевес Александра Анф. над Фаддеем Бенедик. Другой приятель наш Бестужев-Рюмин [Мих. Ал-еев. Бестужев-Рюмин (1802–1832) – издатель «Северного Меркурия».] здравствует и недавно еще сказал в своей газете: «Должно признаться, что „Север. Меркурий“ побойче таки иных „Литератур. Прибавлений“». Как-то теперь должен беситься Воейков! [Ал-др Фед. Воейков (1778–1839) – издатель «Литерат. Прибавлений к „Русскому Инвалиду“», поэт-сатирик.] а он, я думаю, воображал, что бойче «Литератур. Прибавлений» нет ничего на свете. Еще о черни. Знаете ли, как бы хорошо написать

эстетический разбор двух романов, положим: Петра Ивановича Выжигина [Роман Булгарина (продолжение «Ивана Выжигина») 1831 г.; действие в 1812 г. Фад. Венед. Булгарин (1789–1859) в это время – жестокий враг Пушкина и его литературного круга, и Гоголь заметно подчеркивает свое единомыслие с Пушкиным; хотя, если верить Булгарину, в 1829 г. сам посвящал ему стихи и по его протекции служил одно время (мелким чиновником) в 3-м отделении'.] и «Сокол был бы сокол, да курица съела». [«Сокол был бы сокол, да курица его съела, или Бежавшая жена» – роман Орлова (1831 г.).] Начать таким образом, как теперь начинают у нас в журналах: «Наконец, кажется, приспело то время, когда романтизм решительно восторжествовал над классицизмом и старые поборники франц[узской] короны на ходульных ножках (что-нибудь в роде Надеждина) [Ник. Ив. Надеждин (1804–1856) – издатель „Телескопа“ (где и печатались полемические статьи Пушкина). Как критик был скорее враждебен Пушкину. С 1832 г. – ординарный профессор Московского университета по теории изящных искусств, археологии и логике.] убрались к черту. В Англии Байрон, во Франции необъятный великостью своею Виктор Гюго, Дюканж [Дюканж (1783–1833) – автор мелодрам, в том числе известной пьесы „Тридцать лет, или Жизнь игрока“.] и другие, в каком-нибудь проявлении объективной жизни, воспроизвели новый мир ее нераздельно-индивидуальных явлений. Россия, мудрости правления которой дивятся все образованные народы Европы, и проч., и проч., не могла оставаться также в одном положении. Вскоре возникли и у ней два представителя ее преображенного величия. Читатели догадаются, что я говорю о гг. Булгарине и Орлове. На одном из них, т. е. на Булгарине, означено направление чисто байронское (ведь эта мысль недурна – сравнить Булгарина с Байроном!): та же гордость, та же буря сильных, непокорных страстей, резко означившая огненный и вместе мрачный характер британского поэта, видны и на нашем соотечественнике; то же самоотвержение, презрение всего низкого и подлого принадлежит им обоим. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона: в самых даже портретах их заметно необыкновенное сходство. Насчет Алекс. Анфим. можно опровергать мнение Феофилакта Косичкина; говорят, что скорее Орлов более философ, что Булгарин весь поэт». Тут недурно взять героев романа Булгарина: Наполеона и Петра Ивановича, и рассматривать их обоих, как чистое создание самого поэта; натурально, что здесь нужно вооружиться очками строгого рецензента и приводить места (каких, само по себе, разумеется, не бывало в романе). Не худо присовокуплять: «Почему вы, г.

Булгарин, заставили Петра Ивановича открыться в любви так рано такой-то, или почему не продолжили разговора Петра Ивановича с Наполеоном, или зачем в самом месте развязки впутали поляка (можно придумать ему и фамилию даже)?» Всё это для того, чтобы читатели видели совершенное беспристрастие критика. Но самое главное – нужно соглашаться с жалобами журналистов наших, что действительно литературу нашу раздирает дух партий ужасным образом, и оттого никак нельзя подслушать справедливого суждения. Все мнения разделены на две стороны: одни на стороне Булгарина, а другие на стороне Орлова, и что они, между тем как их приверженцы нападают с таким ожесточением друг на друга, совершенно не знают между собою никакой вражды и внутренне, подобно всем великим гениям, уважают друг друга.

У нас бывают дожди и необыкновенно сильные ветры; вчерашнюю ночь даже было наводнение: дворы домов по Мещанской и Екатерининскому каналу и еще кое-где, а также и много магазинов, были наполнены водою. Я живу на третьем этаже и не боюсь наводнений, а, кстати, квартира моя во 2 Адмиралтейской части, в Офицерской улице, выходящей на Вознесенский проспект, в доме Брунста.

Прощайте. Да сохранит вас бог вместе с Надеждою Николаевною [Следовало «Натальею Николаевною». Шуточный отклик Пушкина на эту ошибку см. ниже.] от всего недоброго и пошлет здравие на веки. А также да будет его благословение и над Жуковским.

Ваш Гоголь.

«Письма», I, стр. 185–187.

А. С. Пушкин – Н. В. Гоголю

25 августа 1831 г.

Любезный Николай Васильевич, очень благодарю вас за письмо и доставление Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проект вашей ученой критики удивительно хорош. Но вы слишком ленивы, чтобы привести его в действие. Статья Ф. Косичкина еще не явилась; [3 сентября Пушкин уже пишет Вяземскому о выходе статьи. [не знаю, что это значит: не убоялся ли Надеждин гнева Фаддея Бенедиктовича? Поздравляю вас с первым вашим торжеством, с фырканьем наборщиков и изъяснениями фактора. С нетерпением ожидаю и другого – толков журналистов и отзыва остренького сидельца. [Н. А. Полевой по происхождению из купцов.] У нас всё благополучно: бунтов, наводнения и холеры нет. [В июне 1831 г. произошел в

Петербурге холерный бунт, вызванный безобразным обращением властей с «простым народом». В июле того же года вспыхнул мятеж в новгородских военных поселениях: поводом была и в этом случае холера.] Жуковский расписался. Я чую осень и собираюсь засесть. [«Засесть» – за литературную работу. Осень была любимым рабочим временем Пушкина; особенно плодотворна была для него предыдущая осень. Осенью 1831 года написаны «Сказка о царе Салтане» и «Сказка о попе и работнике его Балде».] Ваша Надежда Николаевна, т. е. моя Наталья Николаевна благодарит вас за воспоминание и сердечно кланяется вам. Обнимите от меня Плетнева и будьте живы в Петербурге, что довольно, кажется, мудрено. А. П.

«Переписка Пушкина», т. II, стр. 312.

А. С. Пушкин – А. Ф. Воейкову

Август 1831 г.

Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия, какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. Мольер и Фильдинг, [Фильдинг (1707–1754) – английский романист, высоко ценимый и Гоголем.] вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов.

Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на неприличие его выражений, на дурной тон и проч. Пора, пора нам осмеять les précieuses ridicules [«Смешных жеманниц» (название известной комедии Мольера).] нашей словесности, людей, толкующих вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят, и все это слогом камердинера профессора Тредьяковского. [Письмо было напечатано в «Лит. Прибавлениях к Русскому Инвалиду», представляя собою таким образом рецензию в форме письма к издателю.]

«Переписка Пушкина», т. II, стр. 309.

Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому

Пб., 10 сентября 1831 г.

Насилу мог я управиться с своею книгою и теперь только получил экземпляры для отправления вам: один собственно для вас, другой для Пушкина, третий, с сентиментальною надписью для Розетти, [Т. е. для Россет Ал-дры Осиповны (1809–1882), в замужестве Смирновой. Смирнова была близкой знакомой Пушкина и Жуковского, впоследствии и самого Гоголя.] а остальные тем, кому вы по усмотрению своему определите. Сколько хлопот наделала мне эта книга! Три дня я толкался из типографии в цензур. комитет, из цензур. комитета в типографию, и наконец теперь только перевел дух. Боже мой! сколько бы экземпляров я бы отдал за то, чтобы увидеть вас хоть на минуту! Если бы, часто думаю себе, появился в окрестностях Петербурга какой-нибудь бродяга, ночной разбойник и украл этот несносный кусок земли, эти 24 версты от Петербурга до Цар[ского] С[ела] и с ними бы дал тягу на край света, или какой-нибудь проголодавшийся медведь упрятал их вместо завтрака в свой медвежий желудок. О, с каким бы я тогда восторгом стряхнул власами головы моей прах сапогов ваших, возлег у ног вашего превосходительства и ловил бы жадным ухом сладчайший нектар из уст ваших, приуготовленный самими богами из тьмочисленного количества ведьм, чертей и всего любезного нашему сердцу. Но не такова досадная действительность или существенность. Карантины превратили эти 24 версты в дорогу от Петербурга до Камчатки. Знаете ли, что́ я узнал на днях только? что э… но вы не поверите мне, назовете меня суевером, – что всему этому виною не кто другой, как враг честнаго креста церквей господних и всего огражденного святым знамением. Это черт надел на себя зеленый мундир с гербовыми пуговицами, привесил к боку остроконечную шпагу и стал карантинным надзирателем. Но Пушкин, как ангел святой, не побоялся сего рогатого чиновника, как дух пронесся его мимо и во мгновение ока очутился в Петербурге, на Вознесенском проспекте и воззвал голосом трубным ко мне, лепившемуся по низменному тротуару, под высокими домами. Это была радостная минута; она уже прошла. Это случилось 8-го августа. [Описка, вместо 8-го сентября.] И к вечеру того же дня стало все снова скучно, темно, как в доме опустелом:

Окна мелом
Забелены; хозяйки нет;
А где, бог весть! пропал и след!

[Из 6-й главы «Евгения Онегина».]

Осталось воспоминание – и еще много кой-чего, чтó достаточно усладит здешнее одиночество: это известие, что сказка ваша уже окончена и начата другая, которой одно прелестное начало чуть не свело меня с ума. [В 1831 г. Жуковским написаны «Сказка о царе Берендее и т. д.» (гекзаметром) и «Спящая царевна» (четырехстопным хореем). [И Пушкин окончил свою сказку! [«Сказку о царе Салтане».] Боже мой, что-то будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии. Страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол на славу векам! Да поклоняются потомки и да имут место, где возносить умиленные молитвы свои. – Как прекрасен удел ваш, великие зодчие! Какой рай готовите вы истинным христианам! И как ужасен ад, уготовленный для язычников, ренегатов и прочего сброду! Они не понимают вас и не умеют молиться. Когда-то приобщусь я этой божественной сказки?.. Но скоро 12 часов, боюсь опоздать на почту. Прощайте! Извините мою несвязную грамоту. Не далось божественное писание в руки. Будьте здоровы, и да почиет над вами благословение божие, и да возбуждает оно вас чаще и чаще ударять в священные струны, а я, ваш верный богомолец, буду воссылать ему теплые за сие молитвы. Вечно ваш неизменный Гоголь.

«Письма», I, стр. 188–190.

Н. В. Гоголь – матери

Пб., 19 сентября 1831 г.

Поздравляю вас, бесценная и несравненная маминька, с радостным днем вашего ангела; желаю вам провесть его в полном удовольствии. Очень жалею, что не могу прислать вам хорошего подарка. Но вы и в безделице видите мою сыновнюю любовь к вам, и потому я прошу вас принять эту небольшую книжку. [Первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки». [Она есть плод отдохновения и досужих часов от трудов моих. Она понравилась здесь всем, начиная от государыни [Александра Федоровна, жена Николая I.] надеюсь, что и вам также принесет она сколько-нибудь удовольствия, и тогда я уже буду счастлив. Будьте здоровы и веселы, и считайте все дни не иначе, как именинами, в которые должны находиться всегда в веселом расположении духа…

«Письма», I, стр. 190.

Н. В. ГОГОЛЬ – СЕСТРЕ М. В. ГОГОЛЬ

[Марья Вас. Гоголь (1811–1844) – старшая сестра Гоголя, по мужу Трушковская (замужем с 1832 по 1836 г.).]

19 сентября 1831 г.

Поздравляю тебя, моя милая сестрица, с радостным для нас обоих днем, и желаю тебе также быть здоровою и веселою. У меня есть к тебе просьба. Ты помнишь, милая, ты так хорошо было начала собирать малороссийские сказки и песни и, к сожалению, прекратила. Нельзя ли возобновить это? Мне оно необходимо нужно. Еще прошу я здесь же маминьку, если попадутся где старинные костюмы малороссийские, собирать все для меня. Если владельцы будут требовать за них дорого, пишите ко мне, я постараюсь собрать и выслать нужные деньги. Я помню очень хорошо, что один раз в церкви нашей мы все видели одну девушку в старинном платье. Она, верно, продаст его. Если встретите где-нибудь у мужика старинную шапку или платье, отличающееся чем-нибудь необыкновенным, хотя бы даже оно было изорванное, приобретайте. Также нынешний мужской и женский костюм, только хороший и новый. Все это складывайте в один сундук или чемодан и при случае, когда встретится оказия, можете переслать ко мне. Но, так как это не к спеху, то вам будет довольно времени для собирания. А сказки, песни, происшествия можете посылать в письмах или небольших посылках. [Гоголь приступает к подготовке второй части «Вечеров».]

«Письма», I, стр. 190.

Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому

Пб., 2 ноября 1831 г.

…Порося мое давно уже вышло в свет. Один экземпляр послал я к тебе в Сорочинцы. Теперь, я думаю, Василий Иванович [В. И. Черныш – отчим А. С. Данилевского.] совокупно с любезным зятем Егором Львовичем [Егор Львович Лаппо-Данилевский – муж сестры А. С. Данилевского.] его почитывают. Однако ж, на всякий случай, посылаю тебе еще один. Оно успело уже заслужить

……славы дань,
Кривые толки, шум и брань

[Из 1-й главы «Евгения Онегина».]

…Все лето я прожил в Павловске и Царском Селе. Стало быть, не был свидетелем времен терроризма, бывших в столице. [Июньский холерный бунт, усмиренный вооруженной силой.] Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. [На самом деле, живя в Павловске, Гоголь вряд ли мог так часто

видеться с Пушкиным и Жуковским.] О если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей! У Пушкина повесть, октавами писанная, «Кухарка», [«Домик в Коломне». [в которой вся Коломна и петербургская природа живая. Кроме того, сказки русские народные – не то, что «Руслан и Людмила», но совершенно русские. Одна писана даже без размера, только с рифмами, и прелесть невообразимая! [«Сказка о попе и работнике его Балде».] У Жуковского тоже русские народные сказки, одни экзаметрами, другие просто четырехстопными стихами, и чудное дело! – Жуковского узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэт, и уже чисто русский; ничего германского и прежнего. А какая бездна новых баллад! они на днях выйдут.

«Письма», I, стр. 195–196.

Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому

Пб., 1 генваря 1832 г.

…Поэтическая часть твоего письма удивительно хороша, но прозаическая довольно в плохом положении. Кто это кавказское солнце? Почему оно именно один только Кавказ освещает, а весь мир оставляет в тени, и каким образом ваша милость сделалась фокусом зажигательного стекла, то есть, привлекла на себя все лучи его? За такую точность ты меня назовешь бухгалтерскою книгою или иным чем; но сам посуди: если не прикрепить красавицу к земле, то черты ее будут слишком воздушны, неопределенно-общи и потому бесхарактерны.

Посылаю тебе все, что только можно было скоро достать: [Речь идет об альманахах на 1832 год. «Северные Цветы» – альманах Дельвига (см. выше); «Альциона» – бар. Егора Фед. Розена (1800–1860); «Невский Альманах» – Егора Вас. Аладьина (1796–1860).] Северные Цветы и Альциону. «Невский Альманах» еще не вышел, да вряд ли в нем будет что-нибудь путное. Галстуков черных не носят; вместо них употребляют синие. Я бы тебе охотно выслал его, но сижу теперь болен и не выхожу никуда. Духи же, я думаю, сам ты знаешь, принадлежат к жидкостям, а жидкостей на почте не принимают. После постараюсь тебе и другое прислать, теперь же не хочу задерживать письма. Притом же Северные Цветы, может быть, на первый раз приведут в забвение неисправность в прочем. Тут ты найдешь Языкова так прелестным, как еще никогда, – Пушкина чудную пиесу «Моцарт и Салиери», в которой, кроме яркого поэтического создания, такое высокое драматическое искусство, картинного Делибаша, и всё, что ни есть его, чудесно! [Кроме

упомянутого – Дорожные жалобы, Эхо, Анчар, Бесы, Царскосельская статуя, Отрок, Рифма, Труд.] – Жуковского «Змия». [«Сражение со змием» – из Шиллера.] Сюда затесалась и Красненького [Н. Я. Прокопович.] «Полночь».

Письма твоего, писанного из Лубен, в котором ты описываешь приезд свой домой, я, к величайшему сожалению, не получал. Проклятые почты! Незадолго до твоего я получил письмо от Василия Ивановича, в котором он извещает меня, что книги, посланные мною тебе в Семереньки, он получил. Неизлишним почитаю при сем привесть его слова, сказанные в похвалу моей книги:

«Если выдадите еще книгу в свет „Вечера“, то пришлите для любопытства и прочету. Мы весьма знаем, что присланная вами книга есть сочинение ваше. Это есть прекраснейшее дело, благороднейшее занятие. Я читал и рекомендацию ей от Булгарина в „Северной Пчеле“ очень с хорошей стороны и к поощрению сочинителя. Это видеть приятно». [Булгарин поместил в №№ 219–220 «Северной Пчелы» очень сочувственную рецензию на «Вечера», которые приравнивал по «пергаментной простоте» к Борису Годунову.]

Видишь, какой я хвастун! Читал ли ты новые баллады Жуковского? Что за прелесть! Они вышли в двух частях вместе с старыми и стоят очень не дорого: десять рублей…

«Письма», I, стр. 199–201.

Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому

Пб., 30 марта 1832 г.

…Теперь несколько слов о твоем письме. С какой ты стати начал говорить о шутках, которыми будто бы было наполнено мое письмо? и что ты нашел бессмысленного в том, что я писал к тебе, что ты говоришь только о поэтической стороне, не упоминая о прозаической? Ты не понимаешь, что значит поэтическая сторона. Поэтическая сторона: «Она несравненная, единственная» и проч. Прозаическая: «Она Анна Андреевна такая-то». Поэтическая: Она принадлежит мне, ее душа – моя. Прозаическая: Нет ли каких препятствий в том, чтоб она принадлежала мне не только душою, но и телом, и всем, одним словом – ensemble? [Всецело.] Прекрасна, пламенна, томительна и ничем неизъяснима любовь до брака; но тот только показал один порыв, одну попытку к любви, кто любил до брака. Эта любовь не полна; она только, начало, мгновенный, но зато сильный и свирепый энтузиазм, потрясающий надолго весь организм человека. Но вторая часть, или лучше сказать, самая книга – потому что первая

только предуведомление к ней – спокойна и целое море тихих наслаждений, которых с каждым днем открывается более и более, и тем с большим наслаждением изумляешься им, что они казались совершенно незаметными и обыкновенными. Это художник, влюбленный в произведение великого мастера, с которого уже он никогда не отрывает глаз своих и каждый день открывает в нем новые и новые очаровательные и полные обширного гения черты, изумляясь сам себе, что он не мог их увидать прежде. Любовь до брака – стихи Языкова: они эффектны, огненны и с первого раза уже овладевают всеми чувствами. Но после брака любовь – это поэзия Пушкина: она не вдруг обхватит нас, но чем более вглядываешься в нее, тем она более открывается, развертывается и наконец превращается в величавый и обширный океан, в который чем более вглядываешься, тем он кажется необъятнее, и тогда самые стихи Языкова кажутся только частию, небольшою рекою, впадающею в этот океан. Видишь, как я прекрасно рассказываю! О, с меня бы был славный романист, если бы я стал писать романы! Впрочем, это самое я докажу тебе примером, ибо без примера никакое доказательство – не доказательство, и древние очень хорошо делали, что помещали его во всякую хрию. Ты, я думаю, уже прочел «Ивана Федоровича Шпоньку». Он до брака удивительно как похож на стихи Языкова, между тем как после брака сделается совершенно поэзией Пушкина.

Хочешь ли ты знать, что делается у нас в этом водяном городе? Приехал Возвышенный с паном Пла́тоном и Пеликаном. [Н. В. Кукольник с братом; Пеликан – фамилия доктора.] – Вся эта труппа пробудет здесь до мая, а может быть, и долее. Возвышенный всё тот же; трагедии его всё те же. «Тасс» его, которого он написал уже в шестой раз, необыкновенно толст, занимает четверть стопы бумаги. [«Торквато Тассо» – драма Кукольника (1832 г.).] Характеры все необыкновенно благородны, полны самоотверженья, и, вдобавок, выведен на сцену мальчишка 13 лет, поэт и влюбленный в Тасса по уши. А сравненьями играет, как мячиками; небо, землю и ад потрясает, будто перышко. Довольно, что прежние: «губы посинели у него цветом моря», или: «тростник шепчет, как шепчут в мраке цепи» – ничто против нынешних. Пушкина всё по-прежнему не любит; Борис Годунов ему не нравится…

«Письма», I, с. 210–211.

Из дневника А. В. Никитенко

[Ал-др Вас. Никитенко (1804–1877) – профессор

Петербургского университета и цензор.]

22 апреля 1832 г.

…Был на вечере у Гоголя-Яновского, автора весьма приятных, особенно для малороссиянина, «Повестей пасичника Рудого Панька». Это молодой человек лет 26, приятной наружности. В физиономии его, однако, доля лукавства, которое возбуждает к нему недоверие.

У него застал я человек до десяти малороссиян, всё почти воспитанников нежинской гимназии. Между ними никого замечательного. Романович. [В. И. Любич-Романович (см. выше).] правда, не без дарований, но, вспыхнув маленьким огоньком, он уже быстро гаснет.

Никитенко, стр. 222.

Из воспоминаний П. В. Анненкова

[Пав. Вас. Анненков (1813–1887) – мемуарист и критик, издатель сочинений Пушкина и первый его биограф. Здесь и ниже приводятся выдержки из его статьи «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 г». Новейшее издание 1928 г. («Academia») – с предисловием Н. К. Пиксанова, со вступит. статьей и примечаниями Б. М. Эйхенбаума.]

…Гоголь жил на Малой Морской, в доме Лепена, на дворе, в двух небольших комнатах, и я живо помню темную лестницу квартиры, маленькую переднюю с перегородкой, небольшую спальню, где он разливал чай своим гостям, и другую комнату, попросторнее, с простым диваном у стены, большим столом у окна, заваленным книгами, и письменным бюро возле него. В первый раз, как я попал на один из чайных вечеров его, он стоял у самовара и только сказал мне: «Вот, вы как раз поспели». В числе гостей был у него пожилой человек, рассказывавший о привычках сумасшедших, строгой, почти логической последовательности, замечаемой в развитии нелепых их идей. Гоголь подсел к нему, внимательно слушал его повествование, и когда один из приятелей стал звать всех по домам, возразил, намекая на своего посетителя: «Ты ступай… Они уже знают свой час и, когда надобно, уйдут»… Большая часть материалов, собранных из рассказов пожилого человека, употреблена была Гоголем потом в «Записках сумасшедшего». Часто потом случалось мне сидеть и в этой скромной чайной, и в зале. Гоголь собирал тогда английские кипсеки с видами Греции, Индии, Персии и пр., той известной тонкой работы на стали, где главный эффект составляют необычайная обделка гравюры и резкие противоположности света с тенью. Он любил показывать дорогие альманахи, из которых,

между прочим, почерпал свои поэтические воззрения на архитектуру различных народов и на их художественные требования. Степенный, всегда серьезный Яким состоял тогда в должности его камердинера. Гоголь обращался с ним совершенно патриархально, говоря ему иногда: «Я тебе рожу побью», что не мешало Якиму постоянно грубить хозяину, а хозяину заботиться о существенных его пользах и наконец устроить ему покойную будущность. Сохраняя практический оттенок во всех обстоятельствах жизни, Гоголь простер свою предусмотрительность до того, что раз, отъезжая по делам в Москву, сам расчертил пол своей квартиры на клетки, купил красок и, спасая Якима от вредной праздности, заставил его изобразить довольно затейливый паркет на полу во время своего отсутствия. Приятели сходились также друг у друга на чайные вечера, где всякий очередной хозяин старался превзойти другого разнообразием, выбором и изяществом кренделей, прибавляя всегда, что они куплены на вес золота. Гоголь был в этих случаях строгий, нелицеприятный судья и оценщик. На этих сходках царствовала веселость, бойкая насмешка над низостью и лицемерием, которой журнальные, литературные и всякие другие анекдоты служили пищей, но особенно любил Гоголь составлять куплеты и песни на общих знакомых.

Анненков. («Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года», стр. 54–55).

Новые замыслы

М. П. Погодин [1] – С. П. Шевыреву [2]

30 июня 1832 г.

…Нов[остей] лит[ературных] писать не хочется: скоро приедешь. Гоголь-Яновский написал две части повестей малорос[сийских] волшебных – много прекрасного. – Он здесь…

Рукописи ПБЛ (ср. «Русс. Архив», 1882).

Из воспоминаний С. Т. Аксакова

[Серг. Тим. Аксаков (1791–1859) – автор «Семейной хроники» (1856), в это время был цензором, в литературе же был известен в те годы больше как переводчик. Гоголя познакомил с ним Погодин. Воспоминания Аксакова о Гоголе («История моего знакомства с Гоголем») напечатаны впервые в газ. «Русь» 1880 г., полностью – в 1890 г. (в «Русс. Архиве» и отд.); в собрании сочинений – с пропусками. Позже напечатаны отдельно – в «Общедоступной библиотеке» тов-ва «Деятель» (без указ. года).]

…Через несколько дней, в продолжение которых я уже предупредил Загоскина, что Гоголь хочет с ним познакомиться и что я приведу его к нему, явился ко мне довольно рано Николай Васильевич. Я обратился к нему с искренними похвалами его Диканьке, но видно слова мои показались ему обыкновенными комплиментами, и он принял их очень сухо. Вообще, в нем было что-то отталкивавшее, не допускавшее меня до искреннего увлечения и излияния, к которым я способен до излишества. По его просьбе мы скоро пошли пешком к Загоскину. [Мих. Ник. Загоскин в 1832 г. был директором московских театров.] Дорогой он удивил меня тем, что начал жаловаться на свои болезни, и сказал даже, что болен неизлечимо. Смотря на него изумленными и недоверчивыми глазами, потому что он казался здоровым, я спросил его: «Да чем же вы больны?» Он отвечал неопределенно и сказал, что причина болезни его находится в кишках. Говорили и о Загоскине. Гоголь хвалил его за веселость; но сказал, что он не то пишет, что следует, особенно для театра. Я легкомысленно возразил, что у нас писать не о чем, что в свете все так однообразно, гладко, прилично и пусто, что

> …даже глупости смешной
> В тебе не встретишь, свет пустой!

[Из 7-й главы «Евгения Онегина».]

Но Гоголь посмотрел на меня как-то значительно и сказал, что «это неправда, что комизм кроется везде, что, живя посреди него, мы его не видим; но что если художник перенесет его в искусство, на сцену, то мы же сами над собой будем валяться со смеху и будем дивиться, что прежде не замечали его». Может быть, он выразился не совсем такими словами, но мысль была точно та. Я был ею озадачен, особенно потому, что никак не ожидал ее услышать от Гоголя. Из последующих слов я заметил, что русская комедия его сильно занимала и что у него есть свой оригинальный на нее взгляд. Надобно сказать, что Загоскин, также давно прочитавший Диканьку и хваливший ее, в то же время не оценил ее вполне, а в описаниях украинской природы находил неестественность, напыщенность, восторженность молодого писателя; он находил везде неправильность языка, даже безграмотность. Последнее очень было забавно, потому что Загоскина нельзя было обвинить в большой грамотности. Он даже оскорблялся излишними, преувеличенными, по его мнению, нашими похвалами. Но по добродушию своему и по самолюбию человеческому ему приятно было, что превозносимый всеми Гоголь поспешил к нему приехать. Он принял его с отверстыми объятиями, с криком и похвалами; несколько раз принимался целовать Гоголя, потом кинулся обнимать меня, бил кулаком в спину, называл хомячком, сусликом, и пр., и пр.; одним словом, был вполне любезен по-своему. – Загоскин говорил без умолку о себе: о множестве своих занятий, о бесчисленном количестве прочитанных им книг, о своих археологических трудах, о пребывании в чужих краях (он не был далее Данцига), о том, что он изъездил вдоль и поперек всю Русь и пр., и пр. Все знают, что это совершенный вздор и что ему искренно верил один Загоскин. Гоголь понял это сразу и говорил с хозяином, как будто век с ним жил, совершенно в пору и в меру. Он обратился к шкафам с книгами… тут началась новая, а для меня уже старая история. Загоскин начал показывать и хвастаться книгами, потом табакерками и наконец шкатулками. Я сидел молча и забавлялся этой сценой. Но Гоголю она наскучила довольно скоро: он вдруг вынул часы, сказал, что ему пора итти и, обещав еще забежать как-нибудь, ушел. – «Ну что, – спросил я Загоскина, – как понравился тебе Гоголь?» – «Ах, какой милый, – закричал Загоскин, – милый, скромный, да какой, братец, умница!.» и пр., и пр., а Гоголь ничего не сказал, кроме самых обиходных, пошлых слов.

Соч. С. Т. Аксакова, т. III, стр. 305–307.

Н. В. Гоголь – И. И. Дмитриеву

[Ив. Ив. Дмитриев (1760–1837) – поэт карамзинской школы; с 1810 по 1814 г. был министром юстиции. Гоголь представился ему, проезжая через Москву в Васильевку.]

Васильевка, [июль?] 1832 г.

Милостивый государь Иван Иванович. Приехавши на место, я почел долгом писать к вам. Ваш ласковый прием и ваша доброта напечатлелись неизгладимо в моей памяти. Мне кажется, я вижу вас, нашего патриарха поэзии, в ту самую минуту, когда вы радушно протянули руку еще безызвестному и не доверяющему себе автору. С того времени мне показалось, что я подрос по крайней мере на вершок. Минувши заставу и оглянувшись на исчезающую Москву, я почувствовал грусть. Мысль, что всё прекрасное и радостное мгновенно, не оставляла меня до тех пор, пока не присоединилась к ней другая, что через три или четыре месяца я снова увижусь с вами. В дороге занимало меня одно только небо, которое, по мере приближения к югу, становилось синее и синее. Мне надоело серое, почти зеленое северное небо, так же как и те однообразно печальные сосны и ели, которые гнались за мною по пятам от Петербурга до Москвы. Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным. [Гоголь мог иметь в виду «Деревню» Карамзина (1792 г.) и его же «Письмо сельского жителя» (1802 г.). Ник. Мих. Карамзин род. в 1766 г., умер в 1826 г. [Мне кажется, что он копировал малороссийскую деревню, так краски его ярки и сходны с здешней природой. Чего бы, казалось, недоставало этому краю! Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные. Всему виною недостаток сообщения: он усыпил и обленивил жителей. Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а они рыскают с горя за зайцами. Признаюсь, мне очень грустно было смотреть на расстроенное имение моей матери; если бы одна только лишняя тысяча, оно бы в три года пришло в состояние приносить шестерной против нынешнего доход. Но деньги здесь совершенная редкость… [Яркую картину мелкопоместного хозяйства 20–30 гг. дает недавно опубликованная переписка родителей Гоголя (С. Дурылин. «Из семейной хроники Гоголя». М., 1928). Независимо

от биографических данных, возводится творчество Гоголя к мелкопоместному бытию в известной книге В. Переверзева «Творчество Гоголя» (1-е издание 1914 г.).] Но я думаю, уже наскучил вам статистикой здешнего края.

Так как вы были столько снисходительно добры, что изъявили желание знать об обстоятельствах того, который, еще не видавши вас лично, питал к вам благоговейное уважение и привязался к вам всею душою, то скажу, что здоровье мое поправляется и, кажется, в лучшем состоянии, нежели в Москве. Совершенного же здоровья не надеюсь скоро дождаться. Позвольте, по крайней мере, пожелать вам, чтобы еще в продолжение нескольких лет вы не знали совершенно никаких болезней, чтобы горе не смело переступить через порог ваш. А я, упрашивая вас не переменять драгоценного вашего расположения ко мне, остаюсь с совершенным почтением и вечною признательностью вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Николай Гоголь.

Н. В. Гоголь – И. И. Дмитриеву

[Это – третье письмо Гоголя к Дмитриеву. Второе написано 23 сентября из Васильевки в ответ на письмо Дмитриева.]

Петерб., 30 ноября 1832 г.

Милостивый государь Иван Иванович. Я очень виноват перед вашим высокопревосходительством. Никаким образом не удалось мне быть у вас перед выездом моим в Петербург. Одна только уверенность, что вы, зная мою нелицемерную признательность и то глубокое уважение к вам, которое должно находиться в сердце каждого русского, меня извините, эта одна уверенность совершенно меня успокаивает. Сегодня будет месяц, как я нахожусь здесь, и хотя еще не успел побывать у кого бы следовало (чему причиною лень, вывезенная мною из Малороссии), однако ж виделся с Пушкиным. Газеты он не будет издавать, – и лучше! [Политическая газета «Дневник» была разрешена Пушкину в июле 1832 г.; в октябре выяснилось, что издание не состоится.] В нынешнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишком лестно и для неизвестного человека; но гению этим заняться – значит помрачить чистоту и непорочность души своей и сделаться обыкновенным человеком. Князь Одоевский скоро порадует нас собранием своих повестей, вроде «Квартета Бетговена», помещенного в «Север[ных] Цветах» на 1831. Их будет около десятка, и те, которые им написаны теперь, еще лучше прежних. Воображения и ума – куча! Это ряд психологических

явлений, непостижимых в человеке! Они выйдут под заглавием «Дом сумасшедших». [Влад. Фед. Одоевский (1803–1869) – беллетрист-романтик. Замысел «Дома сумасшедших» не осуществился и сменился замыслом «Русских ночей» (1844 г.), куда вошел и «Последний квартет Бетховена».] Вот почти все наши новости! Желая загладить перед вами невольный проступок мой, я спешу скорее отправить письмо и потому не распространяюсь. Но в следующий раз (если только это не нанесет вам скуки) постараюсь уведомить и об моих занятиях, которые, впрочем, незначительны. С чувством всегдашней признательности и глубочайшего почтения остаюсь вашего высокопревосходительства покорный слуга

Н. Гоголь.

1832 г., СПб., 30 ноября.

Если на случай вам понадобится знать мой чердак, то вот его адрес: II Адм[иралтейской] части в Новом переулке, дом Демут-Малиновского, близ Мойки.

«Письма», I, стр. 228–229.

П. А. Плетнев – В. А. Жуковскому

Из Пб. в Швейцарию, 8 дек. 1832 г.

…Кстати о чадах Малороссии. Гоголь нынешним летом ездил на родину. Вы помните, что он в службе и обязан о себе давать отчет. Как же он поступил? 4 месяца не было про него ни слуху ни духу. Оригинал. В Москве он виделся с И. И. Дмитриевым, который принял его со всею любезностью своею. Вообще тамошние литераторы, кажется, порадовали его особенным вниманием к его таланту. Он не может нахвалиться Погодиным, Киреевским [О ком из двух братьев Киреевских говорит здесь Плетнев – неизвестно. Скорее – о Петре Вас-че (1808–1856), который в это время служил в архиве М. И. Д. и приступал к собиранию песен. Ив. Вас-ч (1806–1856) выступал в это время как журналист и критик. Его «Европеец» в 1832 г. был запрещен на втором номере.] и прочими. Гоголь очень сожалеет, что Киреевский при его прекрасном уме слишком рассеянно, слишком светски проводит время. У Гоголя вертится на уме комедия. [«Владимир 3-й степени».] Не знаю, разродится ли он ею нынешней зимой; но я ожидаю в этом роде от него необыкновенного совершенства. В его сказках меня всегда поражали драматические места. Гоголь мне сказывал, что князь Одоевский (с которым я сам не видался больше полгода) готовит собрание своих повестей под названием «Дом сумасшедших». Некоторые прочитывал он с Гоголем: они ему так нравятся, что

он их предпочитает напечатанным, как, например, «Последний квартет Бетговена».

Сочинения и переписка Плетнева, т. III, стр. 522.

Н. В. Гоголь – М. А. Максимовичу

[Мих. Ал-др. Максимович (1804–1873) – украинский этнограф и историк. Гоголь познакомился с ним в Москве, на обратном пути с родины; М. был в это время профессором ботаники в Московском университете.]

Пб., 12 декабря 1832 г.

Я думаю, вы, земляче, порядочно меня браните за то, что я до сих пор не откликнулся к вам? Ваша виньетка меня долго задерживала. [Для «Украинских народных песен», которые М-ч в это время готовил к печати] Тот художник, малоросс в обоих смыслах, про которого я вам говорил и который один мог бы сделать национальную виньетку, пропал как в воду, и я до сих пор не могу его отыскать. Другой, которому я поручил, наляпал каких-то чухонцев, и так гадко, что я посовестился вам посылать. О Русь! старая, рыжая борода! когда ты поумнеешь? Однако ж жаль, что наши песни будут без виньетки; еще более жаль, если я вас задержал этим.

Как же вы поживаете? Можно ли надеяться мне вашего приезду нынешней зимой сюда? А это было бы так хорошо, как нельзя лучше. Я до сих пор не перестал досадовать на судьбу, столкнувшую нас мельком на такое короткое время. Не досталось нам ни покалякать о том, о сем, ни помолчать, глядя друг на друга. Посылаю вам виршу, говоренную запорожцами, и расстаюсь с вами до следующего письма.

…Поклонитесь от меня, когда увидите, Щепкину. [Мих. Сем. Щепкин (1788–1863) – выдающийся комический актер; до 1821 г. – крепостной кн. Репнина, отпущен на волю под поручительство украинского историка Д. Н. Бантыша-Каменского. С Гоголем познакомился тогда же, в Москве.] Посылаю поклон также земляку, [Осипу Макс. Бодянскому (1808–1877). Бодянский был, как и Гоголь, уроженец Полтавщины. Впоследствии – профессор Московского университета по кафедре славянских языков и литератур.] живущему с вами, и желаю ему успехов в трудах, так интересных для нас.

«Письма», I, стр. 230–231.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

Пб., 1 февраля 1833 г.

Насилу дождался я письма вашего! Узнавши из него причину вашего молчания, уже не досадую на вас. Зависть только одолевает меня. Как! в такое непродолжительное время и уже готова драма, огромная драма, между тем как я сижу, как дурак, при непостижимой лени мыслей. Это ужасно. Но поговорим о драме. Я нетерпелив прочесть ее. Тем более, что в Петре вашем драматическое искусство несравненно совершеннее, нежели в Марфе. Итак Борис, верно, еще ступенькою стал выше Петра. [Исторические драмы Погодина.] Если вы хотите непременно вынудить из меня примечание, то у меня только одно имеется. Ради бога, прибавьте боярам несколько глупой физиогномии. Это необходимо. Так даже, чтобы они непременно были смешны. Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина! а доказательство в наше время. Через это небольшой ум между ними уже будет резок. Об нем идут речи, как об разученой голове. Так бывает в государстве. А у вас, не прогневайтесь, иногда бояре умнее теперешних наших вельмож. Какая смешная смесь во время Петра, когда Русь превратилась на время в цирюльню, битком набитую народом! один сам подставлял свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что один бранит антихристову новизну, а между тем сам хочет сделать новомодный поклон и бьется из сил сковеркать ужимку французокафтанника. Я не иначе представляю себе это, как вообразя попа во фраке. Не пожалейте красненькой, нарядите попа во фрак, за другую обрейте ему бороду и введите его в собрание или толкните меж дам. Я это пробовал, и клянусь, что в жизнь не видел ничего лучше и смешнее. Каждое слово и движение нового фрачника нужно было записывать. Благословенный вы избрали подвиг! Ваш род очень хорош. Ни у кого столько истины и истории в герое пиесы. Бориса я очень жажду прочесть.

Как бы мне достать ваших Афоризмов? [«Исторические афоризмы» Погодина.] Меня очень обрадовало, что у вас их целая книга. Эх, зачем я не в Москве.

Журнальца, который ведут мои ученицы, я не посылаю, потому что они очень обезображены посторонними и чужими прибавлениями, которые они присоединяют иногда от себя из дрянных печатных книжонок, какие попадутся им в руки. Притом же я только такое подносил им, что можно понять женским мелким умом. Лучше обождите несколько времени: я вам пришлю или привезу чисто свое, которое подготовляю к печати. Это будет всеобщая история и всеобщая география в трех, если не в двух, томах, под названием: «Земля и люди». Из этого гораздо лучше вы узнаете некоторые мои мысли об этих науках. [Замысел книги

«Земля и люди» не был осуществлен, но что-то вроде географии для детей Гоголь начал писать См. «Атеней», 1926, № 2–3, стр. 78–80.]

Да. Я только теперь прочел изданного вами Беттигера. [Карл Вильгельм Беттигер (Böttiger; 1790–1862) – немецкий историк-популяризатор; профессор истории в Лейпциге и Эрлангене. Имеется в виду книга «Общая история Беттигера в 3 книжках, курс гимназический», вышедшая в 1833 г в переводе московских студентов под редакцией Погодина.] Это, точно, одна из удобнейших и лучших для нас история. Некоторые мысли я нашел у ней совершенно сходными с моими, и потому тотчас выбросил их у себя. Это несколько глупо с моей стороны, потому что в истории приобретение делается для пользы всех и владение им законно. Но что делать? Проклятое желание быть оригинальным. Я нахожу только в ней тот недостаток, что во многих местах не так развернуто и охарактеризовано время. Так Александрийский век слишком бледно и быстро промелькнул у него. Греки, в эпоху национального образованного величия, у него звезда не больше других, а не солнце древнего мира. Римляне, кажется, уже слишком много, внутренними и внешними разбоями, заняли места против других. Но это замечания собственно для нас. А для Руси, для преподавания, это самая золотая книга!

Вы спрашиваете об Вечерах Диканьских. Черт с ними! Я не издаю их. И хотя денежные приобретения были бы не лишние для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никак не имею таланта заняться спекуляционными оборотами. Я даже позабыл, что я творец этих Вечеров, и вы только напомнили мне об этом. Впрочем, Смирдин [Ал-др Филип. Смирдин (1794–1857) – известный книгопродавец и издатель. [отпечатал полтораста экземпляров 1-й части, потому что второй у него не покупали без первой. Я и рад, что не больше. Да обрекутся они неизвестности! покамест что-нибудь увесистое, великое, художническое не изыдет из меня! Но я стою в бездействии, в неподвижности. Мелкого не хочется! великое не выдумывается! Одним словом, умственный запор. Пожалейте обо мне и пожелайте мне! Пусть ваше слово будет действительнее клистира. Видите ли, какой я сделался прозаист и как гадко выражаюсь. Всё от бездействия.

Обнимая и целуя вас, остаюсь ваш Гоголь.

Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому

Пб., 8 февр. 1833 г.

…Мне уже кажется, что время то, когда мы были вместе в Васильевке и в Толстом, черт знает как отдалилось, – как будто ему минуло лет пять! Оно получило уже для меня прелесть воспоминания. Я вывез однако ж из дому всю роскошь лени и ничего решительно не делаю. Ум в странном бездействии; мысли так растеряны, что никак не могут собраться в одно целое.

И не один я, – всё, кажется, дремлет. Литература не двигается; пара только вздорных альманахов вышла – «Альциона» и «Комета Белы». Но в них, может быть, чайная ложка меду, а прочее всё деготь. Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Так он протранжирит всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай, и более необходимость, не затащат его в деревню. Один только князь Одоевский деятельнее. На днях печатает он фантастические сцены, под заглавием: «Пестрые Сказки». Рекомендую: очень будет затейливое издание, потому что производится под моим присмотром. [«Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Мод. Гомозейкою, изданные В. Безгласным» (1833 г.) Книжка была действительно затейлива – и по содержанию и по внешности.] Читаешь ли ты «Илиаду»? Бедный Гнедич уже не существует. Как мухи мрут люди и поэты. [Ник Ив. Гнедич, переводчик «Илиады», украинец по происхождению, р. 1784 г., умер 3 февраля 1833 г.] Один Хвостов и [Шаликов], [У Шенрока «Шишков», но, вероятно, это имя неверно прочитано, и следует «Шаликов» Рядом с графом Хвостовым естественно было вспомнить князя Петра Ив. Шаликова (1768–1852), так же часто подвергавшегося насмешкам. Ал-др Сем. Шишков (1754–1841), известный автор «Рассуждения о старом и новом слоге», меньше всего был известен как поэт.] на зло и посмеяние векам, остаются тверды и переживают всех, […] свои исподние платья. Поздравляю тебя с новым земляком, приобретением нашей родине. Это Фаддей Бенедиктович Булгарин. Вообрази себе: уже печатает малороссийский роман под названием «Мазепа». Пришлось и нам терпеть! В альманахе «Комета Белы» был помещен его отрывок под титулом: «Поход Палеевой вольницы», где лица говорят даже малороссийским языком. Попотчевать ли тебя чем-нибудь из Языкова, чтобы закусить […] конфектами? Но я похвастал, а ничего и не вспомню. Несколько строчек, однако ж, приведу:

Как вино, вольнолюбива,
Как вино, она игрива
И блистательно светла.
Как вино, ее люблю я,
Прославляемое мной.

Умиляя и волнуя
Душу, полную тоской,
Всю тоску она отгонит
И меня на ложе склонит
Беззаботной головой.
Сладки песни распевает
О былых, веселых днях,
И стихи мои читает
И блестит в моих очах.

[Стихотворение «Вино». Гоголь пропускает три первые строки: Голосистая, живая, / Чародейка молодая, / Удалая красота / и делает ошибку в шестой строке (у него – третьей); нужно «и блистательно чиста».]

«Письма», I, стр. 240–242.

П. А. Плетнев – В. А. Жуковскому

17 февр. 1833 г.

…У Пушкина ничего нет нового, у Гоголя также. Его комедия не пошла из головы. Он слишком много хотел обнять в ней, встречал беспрестанно затруднения в представлении и потому с досады ничего не написал. Еще есть другая причина его неудачи: он в такой холодной поселился квартире, что целую зиму принужден был бегать от дому, боясь там заморозить себя. Так-то физическая сторона человека иногда губит его духовную половину со всеми в ней зародышами…

Соч. и переписка Плетнева, т. III, стр. 528.

Из воспоминаний В. И. Родиславского [3] (Со слов М. С. Щепкина)

Вот что я узнал от М. С. Щепкина о содержании этой комедии. Героем ее был человек, поставивший себе целью жизни получить крест св. Владимира 3-й степени. Известно, что из всех орденов орден св. Владимира пользуется особенными привилегиями и уважением и дается за особенные заслуги и долговременную службу. Даже теперь, когда с получением других орденов не даются уже дворянские права, как это было прежде, орден св. Владимира удержал еще за собой это право. Старания героя пьесы получить орден составляли сюжет комедии и давали для него обширную канву, которою, как говорят, превосходно воспользовался наш великий комик. В конце пьесы герой ее

сходил с ума и воображал, что он сам и есть Владимир 3-й степени. С особенною похвалою М. С. Щепкин отзывался о сцене, в которой герой пьесы, сидя перед зеркалом, мечтает о Владимире 3-й степени и воображает, что этот крест уже на нем.

«Беседы в О-ве люб. рос. сл.» и Шенрок, «Материалы», т. III, стр. 531.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

Пб., 20 февраля 1833 г.

Я получил письмо твое еще февраля 12-го и почти неделю промедлил ответом. Винюсь, прости меня! Журнала девиц я потому не посылал, что приводил его в порядок, и его-то, совершенно преобразивши, хотел я издать под именем «Земля и Люди». Не знаю отчего на меня нашла тоска… корректурный листок выпал из рук моих, и я остановил печатание. [Вряд ли дело доходило до типографской корректуры.] Как-то не так теперь работается! Не с тем вдохновенно-полным наслаждением царапает перо бумагу. Едва начинаю и что-нибудь совершу из ист[ории], уже вижу собственные недостатки: то жалею, что не взял шире, огромнее объему, то вдруг зиждется совершенно новая система и рушит старую. Напрасно я уверяю себя, что это только начало, эскиз, что оно не нанесет пятна мне, что судья у меня один только будет, и тот один – друг. Но не могу, не в силах. Черт побери пока труд мой, набросанный на бумаге, до другого, спокойнейшего времени. Я не знаю, отчего я теперь так жажду современной славы. Вся глубина души так и рвется наружу. Но я до сих пор не написал ровно ничего. Я не писал тебе: я помешался на комедии. Она, когда я был в Москве, в дороге, и когда я приехал сюда, не выходила из головы моей, но до сих пор я ничего не написал. Уже и сюжет было на днях начал составляться, уже и заглавие написалось на белой толстой тетради: «Владимир 3-й степени», и сколько злости! смеху! соли! Но вдруг остановился, увидевши, что перо так и толкается об такие места, которые цензура ни за что не пропустит. А что из того, когда пиэса не будет играться? Драма живет только на сцене. Без нее она как душа без тела. Какой же мастер понесет на показ народу неконченное произведение? – Мне больше ничего не остается, как выдумать сюжет самой невинной, которым даже квартальный не мог бы обидеться. Но что комедия без правды и злости! Итак за комедию не могу приняться. Примусь за историю – передо мной движется сцена, шумит аплодисмент; рожи высовываются из лож, из райка, из кресел и оскаливают зубы, и – история к черту. И вот почему я сижу при лени мыслей.

Беттиг[ера] я не читал на немецком. Прочел в переводе. Имеется ли у него и новая история или только одна древняя? Мне нравится в ней то, что есть, по крайней мере, хоть несколько верный анатомический скелет. У нас и этого нигде не найдешь. Не будет ли еще чего-нибудь у вас историч[еского], переведенного университетскими? А что Европейская история?

Пушкин недавно говорил о тебе с государем на щет Петра и желания твоего трудиться вместе с ним. [Над архивными материалами по истории Петра I.] Государь наперед желал узнать о трудах твоих, и когда ему вычислили длинный ранг твоих изданий, то он тот же час изъявил согласие, и Пушкин говорит, что ты можешь, живя здесь или в Москве, издавать всё выкапываемое в архивах, и брать за это деньги. Как же велико будет твое жалованье, это ему еще неизвестно. Крылова нигде не попал, чтобы напомнить ему за портрет. [Имеется в виду Иван Андр. Крылов (1768–1844); очевидно, он обещал Погодину свой портрет.] Этот блюдолиз, несмотря на то что породою слон, летает как муха по обедам. Смирдину напоминал. Читал ли ты Смирдинское «Новоселье?» [«Новоселье» – альманах, изданный по случаю переезда книжной лавки А. Ф. Смирдина в новое помещение (1-я часть в 1833 г., 2-я – в 1834 г.).] Книжища ужасная; человека можно уколотить. Для меня она замечательна тем, что здесь в первый раз показались в печати такие гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тут и подлости и вони, и всего. [Ос. Ив. Сенковский («Барон Брамбеус») – 1800–1858; в 1-й части «Новоселья» напечатаны его «Незнакомка», «Большой выход у Сатаны» и «Антар». Новейшая работа о Сенковском – В. Каверина («Барон Брамбеус». Л., 1929).] Я слышал, у вас в Москве альманах составляется и участвуют люди такие, которых статьи непременно будут значительны. Будешь ли там?..

«Письма», I, стр. 244–245.

Н. В. Гоголь – М. А. Максимовичу

Пб., 2 июля 1833 г.

Чувствительно благодарю вас, земляче, за «Наума» и «Размышления», [«Книга Наума о великом божьем мире» и «Размышления о природе» – популярно-научные книги Максимовича.] а также и за приложенное к ним письмо ваше. Всё я прочел с большим аппетитом, хотя и получил, к сожалению, поздно, потому что теперь только приехал из Петергофа, где прожил около месяца, и застал их у Смирдина, лежавши около месяца.

Жаль мне очень, что вы хвораете. Бросьте в самом деле кацапию [Великороссию.] да поезжайте в гетманщину. Я сам думаю то же сделать и на следующий год махнуть отсюда. Дурни мы, право, как рассудишь хорошенько! Для чего и кому мы жертвуем всем? Едем! Сколько мы там насобираем всякой всячины! всё выкопаем! Если вы будете в Киеве, то отыщите экс-профессора Белоусова: этот человек будет вам очень полезен во многом, и я желаю, чтоб вы с ним сошлись. Итак, вы поймаете еще в Малороссии осень, благоухающую, славную осень, с своим свежим, неподдельным букетом. Счастливы вы! А я живу здесь среди лета и не чувствую лета! Душно, а нет его. Совершенная баня; воздух хочет уничтожить, а не оживить.

Не знаю, напишу ли я что-нибудь для вас. Я так теперь остыл, очерствел, сделался такой прозой, что не узнаю себя. Вот скоро будет год, как я ни строчки. Как ни принуждаю себя, нет, да и только. Но, однако ж, для «Денницы» [Альманах, издававшийся Максимовичем.] вашей употребляю все силы разбудить мозг свой и разворушить воображе[ние].

«Письма», I, стр. 253–254.

В. Ф. Одоевский – А. С. Пушкину

28 сентября 1833 г.

Скажите, любезнейший Александр Сергеевич, что делает наш почтенный г. Белкин? Его сотрудники Гомозейко и Рудый Панек, [Одоевский и Гоголь. «Чердак» описан Гоголем в «Невском проспекте» и «Портрете». Из повестей Вл. Одоевского имеется в виду, вероятно, «Княжна Мими» (впервые напечатана в «Библ. для чтения» 1834 г., № 1 под псевдонимом В. Безгласный).] по странному стечению обстоятельств, описали: первый гостиную, второй – чердак; нельзя ли г. Белкину взять на свою ответственность – погреб? Тогда бы вышел весь дом в три этажа, и можно было бы к Тройчатке сделать картинку, представляющую разрез дома в 3 этажа с различными в каждом сценами. Рудый Панек [«Панек» – вместо правильного Панько.] даже предлагал самый альманах назвать таким образом: Тройчатка или Альманах в три этажа, соч. и проч. – Что на это всё скажет г. Белкин? Его решение нужно бы знать немедленно, ибо заказывать картинку должно теперь, иначе она не поспеет, и Тройчатка не выйдет к новому году, что кажется необходимым. А что сам Александр Сергеевич?

«Переписка Пушкина», т. III, стр. 47.

А. С. Пушкин – В. Ф. Одоевскому

Болдино, 30 октября 1833 г.

Виноват, ваше сиятельство! кругом виноват. Приехал в деревню, думал распишусь. Не тут-то было. Головная боль, хозяйственные хлопоты, лень – барская, помещичья лень – так одолели меня, что не приведи боже. [Однако за октябрь 1833 г. в Болдине были написаны «Сказка о рыбаке и рыбке», «Анджело» и начат «Медный Всадник».] Не дожидайтесь Белкина; не на шутку видно он покойник; не бывать ему на новоселье ни в гостиной Гомозейки, ни на чердаке Панька. Недостоин он видно быть в их компании… А куда бы не худо до погреба-то добраться…

Кланяюсь Гоголю. Что его комедия? [Владимир 3-й степени.] В ней же есть закорючка.

Весь Ваш А. Пушкин.

«Переписка Пушкина», т. III, стр. 56.

В. Н. Гоголь – М. А. Максимовичу

Пб., 9 ноября 1833 г.

Я получил ваше письмо, любезнейший земляк, чрез Смирдина. Я чертовски досадую на себя за то, что ничего не имею, чтобы прислать вам в вашу «Денницу». У меня есть сто разных начал, и ни одной повести, и ни одного даже отрывка полного, годно[го] для альманаха. Смирдин из других уже рук достал одну мою старинную повесть, о которой я совсем было позабыл и которую я стыжусь назвать своею; впрочем, она так велика и неуклюжа, что никак не годится в ваш альманах. [«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», напечатанная во 2-й ч. «Новоселья», 1834 г. Все, что Гоголь говорит здесь об этой повести – мало достоверно и имеет характер самооправдания.] Не гневайтесь на меня, мой милый и от всей души и сердца любимый мною земляк. Я вам в другой раз непременно приготовлю, что вы хотите. Но не теперь. Если б вы знали, какие со мною происходили страшные перевороты, как сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я пережил, сколько перестрадал! Но теперь я надеюсь, что все успокоится, и я буду снова деятельный, движущийся. Теперь я принялся за историю нашей единственной, бедной Украины. Ничто так не успокаивает, как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее. Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили. [В начале 1834 г. Гоголь поместил в «Сев. Пчеле» объявление «Об издании истории малороссийских казаков», где просил о доставлении ему материалов. Тогда же написал статью «Взгляд на составление Малороссии». Дальше этого работа не пошла.] Я очень

порадовался, услышав от вас о богатом присовокупле[нии] песен и собрании Ходаковского. [Собрание укр. песен Доленги-Ходаковского (1784–1825), польского историка. Рукопись, которой пользовался Максимович, нашел в 80-х гг. XIX в. В. П. Науменко. [Как бы я желал теперь быть с вами и пересмотреть их вместе, при трепетной свече, между стенами, убитыми книгами и книжною пылью, с жадностью жида, считающего червонцы! Моя радость, жизнь моя, песни! как я вас люблю! Чтó все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!.. [Ср. статью Гоголя «О малороссийских песнях» в «Арабесках».] Я сам теперь получил много новых, и какие есть между ними! прелесть! Я вам их спишу… не так скоро, потому что их очень много. Да, я вас прошу, сделайте милость, дайте списать все находящиеся у вас песни, выключая печатных и сообщенных вам мною. Сделайте милость, и пришлите этот экземпляр мне. Я не могу жить без песен. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько песен, и вместе с тем не знаю. Это всё равно если б кто перед женщиной сказал, что он знает секрет, и не объявил бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу в тетрадь in quarto, на мой счет. Я не имею терпения дождаться печатного; притом я тогда буду знать, какие присылать вам песни, чтобы у вас не было двух сходных дублетов. Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни. Даже не исторические, даже похабные; они всё дают по новой черте в мою историю, всё разоблачают яснее и яснее, увы! прошедшую жизнь и, увы! прошедших людей… Велите сделать это скорее. Я вам зато пришлю находящие[ся] у меня, которых будет до двух сот, и что замечательно – что многие из них похожи совершенно на антики, на которых лежит печать древности, но которые совершенно не были в обращении и лежали зарытые.

Прощайте, милый, дышащий прежним временем земляк, не забывайте меня, как я не забываю вас…

«Письма», I, стр. 263–264.

Н. В. Гоголь – матери

Пб., 1833 г., ноября 22.

Во-первых, прежде всего я должен благодарить вас за посылку: сестру за песни, из которых особенно та что: «Що се братця як барятця!» очень характерна и хороша; но более всего одолжили вы меня присылкою старинной тетради с песнями: между ними есть многие очень замечательные. Сделаете большое одолжение, если отыщете подобные той тетради с песнями, которые, я думаю, более всего водятся в старинных сундуках

между старинными бумагами у старинных панов или у потомков старинных панов…

«Письма», I, стр. 264.

Из дневника А. С. Пушкина

3 декабря 1833 г.

Вчера Гоголь читал мне сказку, как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф. [«Новость о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».] – очень оригинально и очень смешно.

Из воспоминаний П. В. Анненкова

…Как далек еще тогда он был от позднейшей самоуверенности в оценке собственных произведений может служить то, что на одном из складчинных обедов 1832 г., он сомнительно и даже отчасти грустно покачал головой при похвалах, расточаемых новой повести его «Ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем». – «Это вы говорите, – сказал он, – а другие считают ее фарсом». Вообще суждениями так называемых избранных людей Гоголь, по благородно высокой практической натуре своей, никогда не довольствовался. Ему всегда нужна была публика. Случалось также, что в этих сходках на Гоголя нападала беспокойная, судорожная, горячечная веселость – явное произведение материальных сил, чем либо возбужденных. Вообще следует заметить, что природа его имела многие из свойств южных народов, которых он так ценил вообще. Он необычайно дорожил внешним блеском, обилием и разнообразием красок в предметах, пышными, роскошными очертаниями, эффектом в картинах и природе. «Последний день Помпеи» Брюллова [Карл Павл. Брюллов (1799–1852) – художник. О его картине «Последний день Помпеи» Гоголь написал статью (вошла в «Арабески»).] привел его, как и следовало ожидать, в восторг. Полный звук, ослепительный поэтический образ, мощное, громкое слово, всё, исполненное силы и блеска, потрясало его до глубины сердца. О метафизическом способе понимания явлений природы и искусства тогда и в помине не было. Он просто благоговел перед созданиями Пушкина за изящество, глубину и тонкость их поэтического анализа, но так же точно с выражением страсти в глазах и в голосе, сильно ударяя на некоторые слова, читал и стихи Языкова. В жизни он был очень целомудрен и трезв, если можно так выразиться, но в представлениях он совершенно сходился со страстными, внешне великолепными представлениями южных племен. Вот почему

также он заставлял других читать и сам зачитывался в то время Державина. Чтение его, если уже раз ухо ваше попривыкло к малороссийскому напеву, было чрезвычайно обаятельно: такую поразительную выпуклость умел он сообщать наиболее эффектным частям произведения и такой яркий колорит получали они в устах его! Можно сказать, что он проявлял натуру южного человека даже и светлым, практическим умом своим, не лишенным примеси суеверия… Если присоединить к этому замечательно тонкий эстетический вкус, открывавший ему подчас подделку под чувство и ложные, неестественные краски, как бы густо или хитро ни положены они были, то уже легко будет понять тот род очарования, которое имела его беседа. Он не любил уже в то время французской литературы, да не имел большой симпатии и к самому народу за «моду, которую они ввели по Европе», как он говорил: «быстро создавать и тотчас же, по-детски, разрушать авторитеты». Впрочем, он решительно ничего не читал из французской изящной литературы и принялся за Мольера только после строгого выговора, данного Пушкиным за небрежение к этому писателю. Также мало знал он и Шекспира (Гете и вообще немецкая литература почти не существовали для него), [По-видимому, сильно преувеличено. Гоголь не мог не иметь понятия о Гете, Шиллере, Тике, Гофмане, хотя бы по русским переводам; те же имена упоминаются в письмах и сочинениях Гоголя. Если не в эти, то в позднейшие годы Гоголь хорошо был знаком также с Шекспиром и Мольером.] и из всех имен иностранных поэтов и романистов было знакомо ему не по догадке и не по слухам одно имя – Вальтер Скотт. [Вальтера Скотта (1771–1832) Гоголь называл «полнейшим, обширнейшим гением XIX века» (статья «О движении журнальной литературы в 1834–1835 гг.»); литературная зависимость Гоголя от В. Скотта устанавливается в работах В. Виноградова и Д. Якубовича.] Зато и окружил он его необычайным уважением, глубокой почтительной любовью. Вальтер Скотт не был для него представителем охранительных начал, нежной привязанности к прошедшему, каким сделался в глазах европейской критики; все эти понятия не находили тогда в Гоголе ни малейшего отголоска и потому не могли задобривать его в пользу автора… Гоголь любил Вальтер Скотта просто с художнической точки зрения, за удивительное распределение материи рассказа, подробное обследование характеров и твердость, с которой он вел многосложное событие ко всем его результатам. В эту эпоху Гоголь был наклонен скорее к оправданию разрыва с прошлым и к нововводительству, признаки которого очень ясно видны и в его ученых статьях о разных предметах, чем к пояснению старого или к

искусственному оживлению его… В тогдашних беседах его постоянно выражалось одно стремление к оригинальности, к смелым построениям науки и искусства на других основаниях, чем те, какие существуют, к идеалам жизни, созданным с помощью отвлеченной, логической мысли – словом, ко всем тем более или менее поэтическим призракам, которые мучат всякую деятельную благородную молодость. При этом направлении два предмета служили как бы ограничением его мысли и пределом для нее, именно: страстная любовь к песням, думам, умершему прошлому Малороссии, что составляло в нем истинное, охранительное начало, и художественный смысл, ненавидевший все резкое, произвольное, необузданно-дикое. Они были, так сказать, умерителями его порывов. В этом соединении страсти, бодрости, независимости всех представлений, со скромностью, отличающей практический взгляд, и благородством художественных требований, заключался и весь характер первого периода его развития, того, о котором мы теперь говорим.

Никогда, однако ж, даже в среде одушевленных и жарких прений, происходивших в кружке по поводу современных литературных и жизненных явлений, не покидала его лица постоянная, как бы приросшая к нему, наблюдательность. Он, можно сказать, не раздевался никогда, и застать его обезоруженным не было возможности. Зоркий глаз его постоянно следил за душевными и характеристическими явлениями в других: он хотел видеть даже и то, что легко мог предугадать. Сколько было тогда подмечено в некоторых общих приятелях мимолетных черт лукавства, мелкого искательства, которыми трудолюбивая бездарность старается обыкновенно вознаградить отсутствие производительных способов; сколько разоблачено риторической пышности, за которой любит скрываться бедность взгляда и понимания, сколько открыто скудного житейского расчета под маской приличия и благонамеренности! Все это составляло потеху кружка, которому немалое удовольствие доставлял и тогдашний союз денежных интересов в литературе со всеми его изворотами, войнами, триумфами и победными маршами! Для Гоголя как здесь, так и в других сферах жизни ничего не пропадало даром. Он прислушивался к замечаниям, описаниям, анекдотам, наблюдениям своего круга и, случалось, пользовался ими. В этом, да и в свободном изложении своих мыслей и мнений круг работал на него. Однажды при Гоголе рассказан был канцелярский анекдот о каком-то бедном чиновнике, страстном охотнике за птицей, который необычайной экономией и неутомимыми, усиленными трудами сверх должности накопил сумму, достаточную на покупку хорошего

лепажевского ружья рублей в 200 (асс.). В первый раз, как на маленькой своей лодочке пустился он по Финскому заливу за добычей, положив драгоценное ружье перед собою на нос, он находился, по его собственному уверению, в каком-то самозабвении и пришел в себя только тогда, как, взглянув на нос, не увидал своей обновки. Ружье было стянуто в воду густым тростником, через который он где-то проезжал, и все усилия отыскать его были тщетны. Чиновник возвратился домой, лег в постель и уже не вставал: он схватил горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавших о происшествии и купивших ему новое ружье, возвращен он был к жизни, но о страшном событии он уже не мог никогда вспоминать без смертельной бледности на лице… Все смеялись анекдоту, имевшему в основании истинное происшествие, исключая Гоголя, который выслушал его задумчиво и опустил голову. Анекдот был первой мыслью чудной повести его «Шинель», и она заронилась в душу его в тот же самый вечер. Поэтический взгляд на предметы был так свойственен его природе и казался ему таким обыкновенным делом, что самая теория творчества, которую он излагал тогда, отличалась поэтому необыкновенной простотой. Он говорил, что для успеха повести и вообще рассказа достаточно, если автор опишет знакомую ему комнату и знакомую улицу. «У кого есть способность передать живописно свою квартиру, тот может быть и весьма замечательным автором впоследствии» – говорил он. На этом основании он побуждал даже многих из своих друзей приняться за писательство. Но если теория была слишком проста и умалчивала о многих качествах, необходимых писателю, то критика Гоголя, наоборот, отличалась разнообразием, глубиной и замечательной многосложностью требований. Не говоря уже о том, что он угадывал по инстинкту всякое не живое, а придуманное лицо, сознаваясь, что оно возбуждает в нем почти такое же отвращение, как труп или скелет, но Гоголь ненавидел идеальничание в искусстве прежде критиков, возбудивших гонение на него. Он никак не мог приучить себя ни к трескучим драмам Кукольника, [«Торквато Тассо» (1833 г.); «Рука всевышнего отечество спасла» (1834 г.). К последней – официально-патриотической – и должен в первую очередь относиться эпитет «трескучая».] которые тогда хвалились в Петербурге, ни к сентиментальным романам Полевого, [«Клятва при гробе господнем» (русская быль XV в.) – 4 ч. (1832 г.) и «Абадонна» – 4 ч. (1834 г.).] которые тогда хвалились в Москве. Поэзия, которая почерпается в созерцании живых, существующих, действительных предметов, так глубоко понималась и чувствовалась им, что он, постоянно и упорно удаляясь от

умников, имеющих готовые определения на всякий предмет, постоянно и упорно смеялся над ними и, наоборот, мог проводить целые часы с любым конным заводчиком, с фабрикантом, с мастеровым, излагающим глубочайшие тонкости игры в бабки, со всяким специальным человеком, который далее своей специальности и ничего не знает. Он собирал сведения, полученные от этих людей, в свои записочки – и они дожидались там случая превратиться в части чудных поэтических картин. Для него даже мера уважения к людям определялась мерой их познания и опытности в каком-либо отдельном предмете. При выборе собеседника он не запинался между остроумцем, праздным, даже, пожалуй, дельным литературным судьею и первым попавшимся знатоком какого-либо производства. Он тотчас становился лицом к последнему.

Анненков. («Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года»).

Н. В. Гоголь – М. А. Максимовичу

Пб., в декабре 1833 г.

Благодарю тебя за всё: за письмо, за мысли в нем, за новости и проч. Представь, я тоже думал: туда, туда! в Киев, в древний, в прекрасный Киев! [Во вновь открываемый Киевский университет, куда переходил из Москвы Максимович (на кафедру словесности).] Он наш, он не их – не правда ли? там или вокруг него деялись дела старины нашей. Я работаю. Я всеми силами стараюсь, но на меня находит страх: может быть, я не успею! Мне надоел Петербург, или, лучше, не он, но проклятый климат его: он меня допекает. Да, это славно будет, если мы займем с тобою киевские кафедры: много можно будет наделать добра. А новая жизнь среди такого хорошего края! Там можно обновиться всеми силами. Разве это малость? Но меня смущает, если это не исполнится!.. Если же исполнится, да ты надуешь, тогда одному приехать в этот край, хоть и желанный, но быть одному соверш[енно], не иметь с кем заговорить языком души – это страшно! Говорят, уже очень много назначено туда каких-то немцев! Это тоже не так приятно. Хотя бы для св. Владимира побольше славян! Нужно будет стараться кого-нибудь из известных людей туда впихнуть, истинно просвещенных и также чистых и добрых душою, как мы с тобою. Я говорил Пушкину о стихах. [Для альманаха «Денница».] Он написал, путешествуя, две большие пиесы, [«Анджело» и «Медный Всадник».] но отрывков из них не хочет давать, а обещается написать несколько маленьких. Я с своей стороны употребляю старание его подгонять.

Прощай до следующего письма. Жду с нетерпением от тебя обещанной тетради песен, тем более, что беспрестанно получаю новые, из которых много есть исторических, еще больше прекрасных. Впрочем, я нетерпеливее тебя и никак не могу утерпеть, чтобы не выписать здесь одной из самых интересных, которой, верно, у тебя нет. [Выписана песня «Наварила сечевиці / поставила на полиці…».]

«Письма», I, стр. 268–269.

Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину

Пб., 23 декабря 1833 г.

Если бы вы знали, как я жалел, что застал вместо вас одну записку вашу на моем столе. Минутой мне бы возвратиться раньше, и я бы увидел вас еще у себя. На другой же день я хотел непременно побывать у вас, но как будто нарочно все сговорилось идти мне наперекор: к моим геморроидальным добродетелям вздумала еще присоединиться простуда, и у меня теперь на шее целый хомут платков. По всему видно, что эта болезнь запрет меня на неделю. Я решился однако ж не зевать и, вместо словесных представлений, набросать мои мысли и план преподавания на бумагу. [Статья Гоголя «План преподавания всеобщей истории» была напечатана в «Журнале министерства нар. просвещения» 1834 г. февр.; с измененным заглавием вошла в «Арабески».] Если бы Уваров [Серг. Сем. Уваров (1786–1855) – с 21 марта 1833 г. управляющий министерством нар. просвещения; с 1834 по 1849 г. – министр. Пустил в ход формулу «самодержавие, православие, народность». В молодости имел много литературных знакомств, был членом Арзамаса; выступал в литературе и сам как критик и переводчик.] был из тех, каких немало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли, как и поступил я назад тому три года, когда мог бы занять место в Московском университете, которое мне предлагали; но тогда был Ливен, человек ума недальнего. [Карл Андр. Ливен – министр нар. просвещения с 1828 по 1833 г.] Грустно, когда некому оценить нашей работы. Но Уваров собаку съел. Я понял его еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во взгляде на жизнь Гёте. Не говорю уже о мыслях его по случаю экзаметров, где столько философического познания языка и ума быстрого. [Статьи Уварова в «Чтениях в беседе любителей русского слова» 1813 и 1815 гг. (письмо к Н. И. Гнедичу и ответ В. В. Капнисту), где доказывалось, что Гомера следует переводить гекзаметрами, а не александрийским и не так наз. «русским» стихом. Его же

«Заметка о Гете» (Notice sur Goethe) П., 1832 г.] Я уверен, что у нас он более сделает, нежели Гизо [Гизо (1787–1874) – французский историк; с 1830 г. министр просвещения.] во Франции. Во мне живет уверенность, что если я дождусь прочитать план мой, то в глазах Уварова он меня отличит от толпы вялых профессоров, которыми набиты университеты.

Я восхищаюсь заранее, когда воображу, как закипят труды мои в Киеве. Там я выгружу из-под спуда многие вещи, из которых я не все еще читал вам. Там кончу я историю Украины и юга России и напишу всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор, к сожалению, не только на Руси, но даже и в Европе, нет. А сколько соберу там преданий, поверьев, песен и проч.! Кстати, ко мне пишет Максимович, что он хочет оставить Московский университет и ехать в Киевский. Ему вреден климат. Это хорошо. Я его люблю. У него в естественной истории есть много хорошего, по крайней мере, ничего похожего на галиматью Надеждина. Если бы Погодин не обзавелся домом, я бы уговорил его проситься в Киев. Как занимательными можно сделать университетские записки; сколько можно поместить подробностей, совершенно новых о самом крае! Порадуйтесь находке: я достал летопись без конца, без начала об Украине, писаную по всем признакам в конце XVII века. Теперь покамест до свидания! Как только мне будет лучше, я явлюсь к вам.

Вечно ваш Гоголь.

«Письма», I, стр. 270–272.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

Пб., 11 января 1834 г.

…Щастлив ты, златой кузнечик [Несколько измененная строка Державина.] – что сидишь в новоустроенном своем доме, без сомнения, холодном. (NB: Но у кого на душе тепло, тому не холодно снаружи.) Рука твоя летит по бумаге; фельдмаршал твой бодрствует над ней; под ногами у тебя валяется толстой дурак, т. е. первый номер Смирдинской Библиотеки. [«Библиотека для чтения» – журнал, издававшийся Смирдиным под ред. Сенковского (с 1834 г.), рассчитанный на широкий круг читателей. Гоголь дал ему резко отрицательную оценку в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 г» («Современник», 1836 г.).] Кстати, о Библиотеке. Это довольно смешная история. Сенковский очень похож на старого пьяницу и забулдыжника, которого долго не решался впускать в кабак даже сам целовальник. Но который однако ж ворвался и бьет, очертя голову, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препарат.

Сословие, стоящее выше Брамбеусины, негодует на бесстыдство и наглость кабачного гуляки; сословие, любящее приличие, гнушается и читает. Начальники отделений и директоры департаментов читают и надрывают бока от смеху. Офицеры читают и говорят: «Сукин сын, как хорошо пишет!». Помещики покупают и подписываются и верно, будут читать. Одни мы, грешные, откладываем на запас для домашнего хозяйства. Смирдина капитал растет. Но это еще всё ничего. А вот что хорошо. Сенковский уполномочил сам себя властью решить, вязать: марает, переделывает, отрезывает концы и пришивает другие к поступающим пьесам. Натурально, что если все так будут кротки, как почтеннейший Фаддей Бенедиктович (которого лицо очень похоже на лорда Байрона, как изъяснялся не шутя один лейб-гвардии кирасирского полка офицер), который объявил, что он всегда за большую честь для себя почтет, если его статьи будут исправлены таким высоким корректором, которого фантастические путешествия даже лучше его собственных. [Сенковский прославился своим редакторским самоуправством (отклик в реплике Хлестакова: «я им всем статьи поправляю»). «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» (Сенковского) вышли в 1833 г. отдельным изданием. Под «путешествиями» «Фаддея Бенедиктовича» (Булгарина) имеются в виду его очерки «Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию земли» и «Правдоподобные небылицы, или Странствования по свету в 29 веке».] Но сомнительно, чтобы все были так робки, как этот почтенный государственный муж.

Но вот что плохо, что мы все в дураках! В этом и спохватились наши тузы литературные, да поздно. Почтенные редакторы зазвонили нашими именами, набрали подписчиков, заставили народ разинуть рот и на наших же спинах и разъезжают теперь. Они поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая Пчела! И вот литература наша без голоса! А между тем наездники эти действуют на всю Русь. Ведь в столице нашей чухонство, в вашей купечество, а Русь только среди Руси…

…Я весь теперь погружен в историю малороссийскую и всемирную; и та и другая у меня начинает двигаться. Это сообщает мне какой-то спокойный и равнодушный к житейскому характер, а без того я был страх сердит на все эти обстоятельства. Ух, брат! сколько приходит ко мне мыслей теперь! Да каких крупных! полных, свежих! мне кажется, что сделаю кое-что не общее во всеобщей истории. [В работах по всеобщей истории Гоголь не пошел дальше компилятивного изложения отдельных исторических эпизодов (статьи в «Арабесках»; отрывки,

напечатанные Тихонравовым).] Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна!

Кстати, я прочел только изо всего № 1-го Брамбеуса твои Афоризмы. [«Исторические афоризмы».] Мне с тобою хотелось бы поговорить о них. Я люблю всегда у тебя читать их, потому что или найду в них такие мысли, которые верны и новы, или же найду такие, с которыми хоть и не соглашусь иногда, но они зато всегда наведут меня на другую новую мысль. Да печатай их скорей!

Поцелуй за меня Киреевского! Правда ли, что он печатает русские песни? [Первая часть обширного собрания П. В. Киреевского появилась в печати только в 1848 г.] Поклон всем нашим.

«Письма», I, стр. 273–275.

Мнение цензора Экстраорд. Профессора Никитенко о статье под названием «Кровавый бандурист»

(Оглашено в заседании С.-Петерб. Ценз. Комитета 27 февр. 1834 г.)

Прочитав статью, назначенную для напечатания в «Библиотеке для чтения» под названием «Кровавый бандурист», глава из романа, я нашел в ней как многие выражения, так и самый предмет, в нравственном смысле, неприличными. Это картина страданий и унижения человеческого, написанная совершенно в духе новейшей французской школы, отвратительная, возбуждающая не сострадание и даже не ужас эстетический, а просто омерзение. Посему, имея в виду распоряжение высшего начальства о воспрещении новейших французских романов и повестей, [Циркуляр 27 июня 1832 г.: «содержа в себе предпочтительно изображения слабой стороны человеческой натуры, нравственного безобразия, необузданности страстей, сильных пороков и преступлений, эти романы не иначе должны действовать на читателей, как ко вреду морального чувства и религиозных понятий». Об отношении Гоголя к французской «неистовой школе» см. в книге В. В. Виноградова «Эволюция русского натурализма» (Л., 1929).] я тем менее могу согласиться на пропуск русского сочинения, написанного в их тоне. [«Кровавый бандурист» – отрывок из неоконченного исторического романа Гоголя «Гетьман», непосредственное продолжение отрывка, помещенного в «Арабесках» под названием

«Пленник». Предназначался к напечатанию в только что основанной «Библиотеке для чтения». В запрещении повести сыграл роль, кроме выше указанного циркуляра, приказ от 16 янв. 1834 г. «смотреть как можно строже за духом и направлением Библиотеки для чтения». «Кровавый бандурист» был впервые опубликован Ю. Г. Оксманом в «Ниве» 1917 г., № 1 (см. также «Литературный Музеум»).]

Цензор профессор Никитенко.

«Литературный Музеум», под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана, стр. 352.

Из дневника А. В. Никитенко

14 апреля 1834 г.

Был у Плетнева. Видел там Гоголя: он сердит на меня за некоторые непропущенные места в его повести, печатаемой в «Новоселье». Бедный литератор! Бедный цензор! [Речь идет о «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Рукопись этой повести не сохранилась, и о каких непропущенных местах говорится – неизвестно. О запрещении «Кровавого бандуриста» никаких следов в дневнике Никитенко нет.]

Никитенко, т. I, стр. 242.

Адъюнкт истории. Автор «Миргорода»

Н. В. Гоголь – М. А. Максимовичу

Пб., 14 августа 1834 г.

…Я решился ожидать благоприятнейшего и удобнейшего времени, хотел даже ехать осенью непременно в гетманщину, как здешний попечитель князь Корсаков [Кн. Ал-др Мих. Дондуков-Корсаков (1794–1869) – попечитель Петербургского университета.] предложил мне, не хочу ли я занять кафедру всеобщей истории в здешнем университете, обещая мне через три месяца экстраорд. профессора, ране не было ваканции. [24 июля 1834 г. Гоголь назначен адъюнкт-профессором Петербургского университета по всеобщей истории.] Я, хорошенько разочтя, увидел, что мне выбраться в этом году нельзя никак из Питера: так я связался с ним долгами и всеми делами своими, что́ было единственною причиною неуступчивости моих требований в рассуждении Киева. Итак, я решился принять предложение остаться на год в здешнем университете, получая тем более право к занятию в Киеве. Притом же от меня зависит приобресть имя, которое может заставить быть поснисходительнее в отношении ко мне и не почитать меня за несчастного просителя, привыкшего через длинные передние и лакейские пробираться к месту. Между тем, поживя здесь, я буду иметь возможность выпутаться из своих денежных обстоятельств. На театр здешний я ставлю пиесу, которая, надеюсь, кое-что принесет мне, да еще готовлю из-под полы другую. [Первая пьеса, – вероятно, «Женитьба», хотя Гоголь ее в это время не ставил, а только предполагал ставить. Вторая – может быть, только некоторый неопределенный замысел.] Короче, в эту зиму я столько обделаю, если бог поможет, дел, что не буду раскаиваться в том, что остался здесь этот год. Хотя душа сильно тоскует за Украиной, но нужно покориться, и я покорился безропотно, зная, что с своей стороны употребил все возможные силы…

«Письма», I, стр. 319.

А. С. Пушкин – Н. В. Гоголю

Октябрь – ноябрь 1834 г.

Прочел с большим удовольствием; кажется всё может быть пропущено. Секуцию жаль выпустить: она, мне кажется, необходима для полного эффекта вечерней мазурки. Авось бог

вынесет. С богом!

А. П. [Речь идет о «Невском проспекте». Сцена «секуции» была в печати несколько смягчена.]

«Переписка Пушкина», т. III, стр. 168–169.

Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину

Начало ноября 1834 г.

Вышла вчера довольно неприятная зацепа по цензуре, по поводу «Записок Сумасшедш[его]»: но, слава богу, сегодня немного лучше; по крайней мере, я должен ограничиться выкидкою лучших мест. [В тексте издания сочинений Гоголя под ред. Н. И. Коробки эти места отмечены прямыми скобками.] Ну, да бог с ними! Если бы не эта задержка, книга моя, может быть, завтра вышла [«Арабески».] Жаль однако ж, что мне не удалось видеться с вами. Я посылаю вам предисловие; сделайте милость, просмотрите, и если что, то поправьте и перемените тут же чернилами. Я ведь, сколько вам известно, сурьезных предисловий еще не писал, и потому в этом деле совершенно неопытен.

Вечно ваш Гоголь.

«Письма», I, стр. 329.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

Пб., 14 декабря 1834 г.

Я получил письмо твое от ноября 20. Об Герене я говорил тебе в шутку, между нами; [2 ноября 1834 г. Гоголь, между прочим, писал Погодину: «Охота тебе заниматься и возиться около Герена, который далее своего немецкого носа и торговли ничего не видит». Герен (1760–1842) – нем. историк.] но я его при всем том гораздо более уважаю, нежели многие, хотя он и не имеет так глубокого гения, чтобы стать наряду с первоклассными мыслителями. И я бы от души рад был, если б нам подавали побольше Геренов. Из них можно таскать обеими руками. С твоими мыслями я уже давно был согласен. И если ты думаешь, что я отсекаю народы от человечества, то ты не прав. Ты не гляди на мои исторические отрывки: они молоды, они давно писаны, не гляди также на статью о средних веках в департаментском журнале. [Статья Гоголя «О средних веках» (вступительная лекция в университете) была напечатана в сентябрьской книжке «Журнала Мин-ва нар. просвещения». Затем включена в «Арабески».] Она сказана только так, чтобы сказать что-нибудь и только раззадорить несколько в слушателях потребность узнать то, о чем еще нужно рассказать, что оно такое. Я с каждым

месяцем, с каждым днем вижу новое и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобы я старался только возбудить чувства и воображение. Клянусь, у меня цель высшая. Я, может быть, еще мало опытен, я молод в мыслях, но я буду когда-нибудь стар. Отчего же я через неделю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мною раздвигается природа и человек? Знаешь ли ты, что значит не встретить сочувствия, что значит не встретить отзыва? Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает, ни на одном ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я решительно бросаю теперь всякую художескую отделку, а тем более – желание будить сонных слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю вдаль и вижу его в той системе, в какой оно явится у меня вылитою через год. Хоть бы одно студентское существо понимало меня! Это народ бесцветной, как Петербург. Но в сторону все это.

Ты спрашиваешь, что́ я печатаю. Печатаю я всякую всячину. Все сочинения и отрывки, и мысли, которые меня иногда занимали [«Арабески».] Между ними есть и исторические, известные уже и неизвестные. Я прошу только тебя глядеть на них поснисходительнее. В них много есть молодого.

Я рад, что ты, наконец, принялся печатать. Только мне всё не верится. Ты мастер большой надувать; пришли, пожалуйста, лекции хоть в корректуре. Мне они очень нужны, – тем более что на меня взвалили теперь и древнюю историю, от которой я прежде было и руками и ногами, а теперь постановлен в такие обстоятельства, что должен принять поневоле после нового года. Такая беда! А у меня столько теперь дел, что некогда и подумать о ней…

«Письма», I, стр. 326–327.

Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину

В декабре 1834 г.

Я до сих пор сижу болен; мне бы очень хотелось видеться с вами. Заезжайте часу во втором; ведь вы, верно, будете в это время где-нибудь возле меня. Посылаю вам два экземпляра «Арабесков», которые, ко всеобщему изумлению, очутились в 2-х частях: один экземпляр для вас, а другой, разрезанный, для меня. Вы читайте мой, и сделайте милость, возьмите карандаш в ваши ручки и никак не останавливайте негодования при виде ошибок, но тот же час их всех на лицо. [На сохранившемся в библиотеке Пушкина экземпляре «Арабесок» (разрезанном) пометок нет.] Мне это очень нужно. Пошли вам бог достаточного терпения при чтении.

Ваш Гоголь.
«Письма», I, стр. 329.

Н. В. Гоголь – М. А. Максимовичу

Пб., 22 янв. 1835 г.

Ну, брат, я уже не знаю, что́ и думать о тебе. Как! ни слуху, ни духу! Да не сочиняешь ли ты какой-нибудь календарь, или конский лечебник? Посылаю тебе сумбур, смесь всего, кашу, в которой есть ли масло – суди сам. [«Арабески».] Зато ты должен непременно описать всё, что и как, начиная с университета и до последней киевской букашки. Я думаю, что ты пропасть услышал новых песен. Ты должен непременно поделиться со мною и прислать. Да нет ли каких-нибудь эдаких старинных преданий? Эй, не зевай! Время бежит, и с каждым годом всё стирается.

…Что тебе сказать о здешних происшествиях? У нас хорошего, ей богу, ничего нет. Вышла Пушкина «История Пугачевского бунта», а больше ни-ни-ни. Печатаются Жуковского полные сочинения и выйдут все 7 томов к маю месяцу. Я пишу историю средних веков, которая, думаю, будет состоять томов из 8, если не из 9. [Новая вариация грандиозного (и непосильного для Гоголя) замысла научно-исторического труда.] Авось-либо и на тебя нападет охота и благодатный труд. А нужно бы, право, нужно озарить Киев чем-нибудь хорошим. Но…

Прощай! Да неужели у тебя не выберется времени пискнуть хоть две строчки?

«Письма», I, с.331–332.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

20 февраля 1835 г.

Письмо твое от 7 февраля я получил от Смирдина сегодня, то есть 20 числа. Нельзя ли вперед адресовать прямо на мою квартиру? Что за лень такая! В Малой Морской, в доме Лепена. Хорош и ты. Как мне прислать вам повесть, когда моя книга уже отпечатана и завтра должна поступить в продажу? Мерзавцы вы все, московские литераторы. С вас никогда не будет проку. Вы все только на словах. Как! затеяли журнал, и никто не хочет работать! [Речь идет о «Московском Наблюдателе», издававшемся с 1835 г. под ред. Вас. Петр Андросова (1803–1841).] Как же вы можете полагаться на отдаленных сотрудников, когда не в состоянии положиться на своих? Страм, страм, страм! Вы посмотрите, как петербургские обделывают свои дела. Где у вас то постоянство и труд, и ловкость, и мудрость? Смотрите на наши

журналы: каждый из них чуть ли не сто лет собирается прожить. А ваш что? Вы сначала только раззадоритесь, а потом через день и весь пыл ваш к черту. И на первый номер до сих пор нет еще статей. Да вам должно быть стыдно, имея столько голов, обращаться к другим, да и к кому же? ко мне. Но ваши головы думают только о том, где бы и у кого есть блины во вторник, середу, четверг и другие дни. Если вас и дело общее не может подвинуть, всех устремить и связать в одно, то какой в вас прок? что у вас может быть? Признаюсь, я вовсе не верю существованию вашего журнала более одного года. Я сомневаюсь, бывало ли когда-нибудь в Москве единодушие и самоотвержение, и начинаю верить, уж не прав ли Полевой, сказавши, что война 1812 есть событие вовсе не национальное и что Москва невинна в нем. Боже мой! столько умов и всё оригинальных: ты, Шевырев, Киреевский. Черт возьми, и жалуются на бедность. Баратынский, Языков (ай, ай, ай! Ей богу, вы все похожи на петербургских широмижников, шатающихся по б[…]лям с мелочью в кармане, назначенною только для расплаты с извозчиками. Скажи пожалуйста, как я могу работать и трудиться для вас, когда знаю, что из вас никто не хочет трудиться. Разве жар мой не должен естественным образом охладеть? Я поспешу, сколько возможно, скорее окончить для вас назначенную повесть, [«Нос».] но всё не думаю, чтобы она могла подоспеть раньше 3-й книжки. Впрочем, я постараюсь как можно скорее. Прощай. Да ожидать ли тебя в Петербург, или нет?

«Письма», I, стр. 335–336.

Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву

10 марта 1835 г.

Посылаю вам мой «Миргород» и желал бы от всего сердца, чтобы он для моей собственной славы доставил вам удовольствие.

Изъявите ваше мнение, например, в «Московском Наблюдателе», вы этим меня обяжете много: вашим мнением я дорожу.

Я слышал также, что вы хотели сказать кое-что об «Арабесках». Я просил князя Одоевского не писать разбора, за который он хотел было приняться, потому что мнение его я мог слышать всегда и даже изустно. Ваше же я могу услышать только печатно. Я к вам пишу уже слишком без церемоний. Но, кажется, между нами так быть должно. Если мы не будем понимать друг друга, то я не знаю, будет ли тогда кто-нибудь понимать нас. Я вас люблю почти десять лет, с того времени, когда вы стали

издавать «Московский Вестник», который я начал читать, будучи еще в школе, и ваши мысли подымали из глубины души моей многое, которое еще доныне не совершенно развернулось. [«Моск. Вестник» издавался в 1827–1830 гг. при ближайшем участии Шевырева.] Вам просьба от лица всех, от литературы, литераторов и от всего, что есть литературного. Поддержите «Московский Наблюдатель», всё будет зависеть от успеха его. Ради бога, уговорите москвичей работать, грех, право, грех им всем. Скажите Киреевскому, что его ругнет всё, что будет после нас, за его бездействие. Да, впрочем, этот упрек можно присоединить ко многим. Я с своей стороны рад всё употребить. На днях я, может быть, окончу повесть для «Московского Наблюдателя» и начну другую. Ради бога, поспешите первыми книжками. Здесь большая часть потому не подписывается, что не уверена в существовании его, потому что Сенковский и прочая челядь разглашает, будто бы его совсем не будет и он уже запрещен. Подгоните с своей стороны всех, кого следует, и, самое главное, посоветуйте употребить все старания к тому, чтобы аккуратно выходили книжки. Это чрезвычайно действует на нашу публику. Москве предстоит старая ее обязанность – спасти нас от нашествия иноплеменных языков. Прощайте! Жму крепко вашу руку и прошу убедительно вашей дружбы. Вы приобретаете такого человека, которому можно всё говорить в глаза и который готов употребить бог знает что, чтобы только услышать правду.

Обнимите за меня Киреевского и вручите ему посылаемый при сем экземпляр. Другой экземпляр прошу вас отправить Надеждину.

Желаю вам всего хорошего, труда, спокойствия и прочего. Остаюсь вашим покорным слугой.

Ник. Гоголь.

«Письма», I, стр. 336–337.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

18 марта 1835 г.

Ну, как ты доехал? Что и как нашел всё? Посылаю тебе нос. Да если ваш журнал не выйдет, пришли мне его назад. Об[…]лись вы с вашим журналом. Вот уже 18 число, а нет и духа. Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что нос не может быть в Казанской церкви, то, пожалуй, можно его перевести в католическую. Впрочем и не думаю, чтобы она до такой степени уж выжила из ума. [«Нос» не был принят редакцией «Моск. Наблюдателя» и был напечатан в 1836 г. в «Современнике». При этом цензура превзошла ожидания Гоголя:

нос пришлось «перевести» в Гостиный двор.]

Кланяйся всем нашим.

«Письма», I, стр. 338.

Н. В. Гоголь – М. А. Максимовичу

Пб., 22 марта 1835 г.

Ой, чи живі, чи здорові,
Всі родичи гарбузові?

[Из песни «Ходить гарбуз по городу» (ходит тыква по огороду).]

Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, во-первых потому, что не коротко, а во-вторых потому, что я из него больше гораздо узнал о твоем образе жизни.

Посылаю тебе «Миргород». Авось-либо он тебе придется по душе. По крайней мере, я бы желал, чтобы он прогнал хандрическое твоё расположение духа, которое, сколько я замечаю, иногда овладевает тобою и в Киеве. Ей богу, мы все страшно отдалились от наших первозданных элементов. Мы никак не привыкнем (особенно ты) глядеть на жизнь, как на трын-траву, как всегда глядел казак. Пробовал ли ты когда-нибудь, вставши поутру с постели, дернуть в одной рубашке по всей комнате тропака? Послушай, брат: у нас на душе столько грустного и заунывного, что если позволять всему этому выходить наружу, то это черт знает что такое будет. Чем сильнее подходит к сердцу старая печаль, тем шумнее должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свете: это бутылка доброго вина. Когда душа твоя потребует другой души, чтобы рассказать всю свою полугрустную историю, заберись в свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стакан, то почувствуешь, как оживятся все твои чувства. Это значит, что в это время я, отдаленный от тебя 1500 верстами, пью и вспоминаю тебя. И на другой день двигайся и работай, и укрепляйся железною силою, потому что ты опять увидишься с старыми своими друзьями. Впрочем, я в конце весны постараюсь припхаться в Киев, хотя мне, впрочем, совсем не по дороге.

…Но прощай. Напиши, в каком состоянии у вас весна. Жажду, жажду весны! Чувствуешь ли ты свое счастие? знаешь ли ты его? Ты, свидетель её рождения, впиваешь ее, дышишь ею – и после этого ты еще смеешь говорить, что не с кем тебе перевести душу… Да дай мне ее одну, одну, и никого больше я не желаю

видеть, по крайней мере на всё продолжение ее, ни даже любовницы, что, казалось бы, потребнее всего весною. Но прощай. Желаю тебе больше упиваться ею, а с нею и спокойствием и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нет мрака в жизни.

Твой Гоголь.

«Письма», I, стр. 339–340.

Н. В. Станкевич – Я. М. Неверову

[Ник. Влад. Станкевич (1813–1840) – глава литературно-философского кружка 30-х гг. Януарий Мих. Неверов – его друг.]

Москва, 28 марта 1835 г.

…«Новик», [«Последний Новик» – исторический роман Ив. Ив. Лажечникова (р. 1792 г., ум. 1869 г.) вышел одновременно с гоголевским «Миргородом» в 1835 г.] не будучи так жив, как «Милославский», [«Юрий Милославский» – ист. роман Загоскина, вышедший в 1829 г.] далеко выше его по характерам человеческим. У Загоскина – куклы, здесь – люди. Как хорош Паткуль и последние дни его! Прочел одну повесть из Гоголева «Миргорода» – это прелесть! («Старомодные помещики» – так кажется она названа). Прочти! Как здесь схвачено прекрасное чувство человеческое в пустой ничтожной жизни!..

Н. В. Станкевич, стр. 317–318.

Из воспоминаний И. И. Панаева

[Ив. Ив. Панаев (1812–1862) – беллетрист, впоследствии один из издателей «Современника». Новейшее издание его воспоминаний (1928 г.) – под редакцией и с примеч. Иванова-Разумника.]

…Из находившихся в ту минуту в Петербурге литераторов я не был знаком только с Гоголем, который с первого своего шага стал почти впереди всех и потому обратил на себя всеобщее внимание. Мне очень захотелось взглянуть на автора «Старосветских помещиков» и «Тараса Бульбы», с которыми я носился и перечитывал всем моим знакомым, начиная с Кречетова. [Вас. Ив. Кречетов – учитель словесности (из семинаристов) в петербургском «Благородном пансионе».]

Кречетова поразил, или, вернее сказать, ошеломил «Бульба». Он во время моего чтения беспрестанно вскакивал с своего места и восклицал:

– Да это chef d'oeuvre… это сила… это мощь… это… это… это…

– Ах, да не перебивайте, Василий Иваныч, – кричали ему другие слушатели…

Но Кречетов не выдерживал и перебивал чтение беспрестанно, засовывал свои пальцы в волосы и раздирал свои волоски с каким-то ожесточением.

Когда чтение кончилось, он схватил себя за голову и произнес:

– Это, батюшка, такое явление, это, это, это… сам старик Вальтер Скотт подписал бы охотно под этим Бульбою свое имя… У-у-у – это уж талант из ряду вон… Какая полновесность, сочность в каждом слове… Этот Гоголь… да это черт знает что такое – так и брызжет умом и талантом.

Кречетов долго после этого чтения не мог успокоиться.

Панаев, «Литературные воспоминания», стр. 197.

А. И. Герцен – Н. А. Захарьиной

Вятка, март 1835 г. [Герцен был в это время в Вятке – в ссылке. Нат. Алдр. Захарьина – его родственница, впоследствии жена.]

Я вообще стал как-то ярче чувствовать с тех пор, как выброшен из общества людей. И потому нынче провел так скучно, как нельзя более. Теперь я писал к Эм. Мих.; [Эмилия Михайловна Аксберг – гувернантка Н. А. Захарьиной.] второй час, а всё еще спать не ложусь; тут попалась мне повесть Гоголя (Арабески, ч. II) «Невский проспект»; во всякое другое время я бы расхохотался над нею, но тут она свернула меня вдосталь. Поэт-живописец влюбился в публичную женщину; ты не знаешь, что такое эти твари, продающие любовь: не может быть более насмешки над всем чистым, как они, я знаю их очень. Поверишь ли, что повесть эта меня тронула, несмотря что она писана смешно. Я вспомнил подобный пример, бывший при моих глазах. Как можно их любить любовью?.. Власть красоты, красота земная есть отблеск бога…

Сочинения Герцена, под ред. Лемке, т. I, стр. 169.

Из дневника В. К. Кюхельбеккера

[Вильг. Карл. Кюхельбеккер (1797–1846) – поэт, товарищ Пушкина по лицею. К крепости приговорен по делу декабристов.]

Свеаборгская крепость, 26 марта 1835 г.

…Об Арабесках Гоголя «Библиотека» также судит по-своему: отрывок, который приводит рецензент, вовсе не так дурен; [В «Библ. для чтения» были высмеяны исторические статьи

«Арабесок» и снисходительно одобрены «страницы в шуточном роде». Отрывок приведен из статьи «О средних веках».] он, напротив, возбудил во мне желание прочесть когда-нибудь эти Арабески, которые написал, как видно по всему, человек мыслящий.

«Русск. Старина», 1884 г., № 2 и «Дневник» Кюхельбеккера, изд. «Прибой», 1929 г.

Из воспоминаний Н. И. Иваницкого

[Ник. Ив. Иваницкий род. в 1816 г., окончил Пб. университет в 1838 г., был учителем русского языка во Пскове, Вологде и Петербурге, а в 1853–1858 гг. – директором псковской гимназии. Помещал записи песен, переводы и статьи в разных журналах 40-х гг.]

Гоголь читал историю средних веков – для студентов 2-го курса филологического отделения. Начал он в сентябре 1834 г., а кончил в конце 1835 года. На первую лекцию он явился в сопровождении инспектора студентов. Это было в 2 часа. Гоголь вошел в аудиторию, раскланялся с нами и, в ожидании ректора, начал о чем-то говорить с инспектором, стоя у окна. Заметно было, что он находился в тревожном состоянии духа: вертел в руках шляпу, мял перчатку и как-то недоверчиво посматривал на нас. Наконец подошел к кафедре и, обратясь к нам, начал объяснять, о чем намерен он читать сегодня лекцию. В продолжение этой коротенькой речи, он постепенно всходил по ступеням кафедры: сперва встал на первую ступеньку, потом – на вторую, потом – на третью. Ясно, что он не доверял сам себе и хотел сначала попробовать, как-то он будет читать. Мне кажется, однако ж, что волнение его происходило не от недостатка присутствия духа, а просто от слабости нервов, потому что в то время как лицо его неприятно бледнело и принимало болезненное выражение, мысль, высказываемая им, развивалась совершенно логически и в самых блестящих формах. К концу речи Гоголь стоял уже на самой верхней ступеньке кафедры и заметно одушевился. Вот в эту-то минуту ему и начать бы лекцию, но вдруг вошел ректор… Гоголь должен был оставить на минуту свой пост, который занял так ловко, и даже, можно сказать, незаметно для самого себя. Ректор сказал ему несколько приветствий, поздоровался со студентами и занял приготовленное для него кресло. Настала совершенная тишина. Гоголь опять впал в прежнее тревожное состояние: опять лицо его побледнело и приняло болезненное выражение. Но медлить уж было нельзя: он взошел на кафедру и лекция началась…

Не знаю, прошло ли и пять минут, как уж Гоголь овладел совершенно вниманием слушателей. Невозможно было спокойно следить за его мыслью, которая летела и преломлялась, как молния, освещая беспрестанно картину за картиной в этом мраке средневековой истории. Впрочем, вся эта лекция из слова в слово напечатана в «Арабесках», кажется, под заглавием «О характере истории средних веков». [«О средних веках».] Ясно, что и в таком случае, не доверяя сам себе, Гоголь выучил наизусть предварительно написанную лекцию, и хотя во время чтения одушевился и говорил совершенно свободно, но уж не мог оторваться от затверженных фраз и потому не прибавил к ним ни одного слова.

Лекция продолжалась три четверти часа. Когда Гоголь вышел из аудитории, мы окружили его в сборной зале и просили, чтобы он дал нам эту лекцию в рукописи. Гоголь сказал, что она у него набросана только вчерне, но что со временем он обработает ее и даст нам; а потом прибавил: «На первый раз я старался, господа, показать вам только главный характер истории средних веков; в следующий раз мы примемся за самые факты и должны будем вооружиться для этого анатомическим ножом».

Мы с нетерпением ждали следующей лекции. Гоголь приехал довольно поздно и начал ее фразой: «Азия была всегда каким-то народовержущим вулканом». [Фраза эта есть и в статье «О движении народов в конце V века», тоже вошедшей в «Арабески».] Потом поговорил немного о великом переселении народов, но так вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не верили сами себе, тот ли это Гоголь, который на прошлой неделе прочел такую блестящую лекцию? Наконец, указав нам на кое-какие курсы, где мы можем прочесть об этом предмете, он раскланялся и уехал. Вся лекция продолжалась 20 минут. Следующие лекции были в том же роде, так что мы совершенно наконец охладели к Гоголю, и аудитория его все больше и больше пустела.

Но вот однажды – это было в октябре – ходим мы по сборной зале и ждем Гоголя. Вдруг входят Пушкин и Жуковский. От швейцара, конечно, они уж знали, что Гоголь еще не приехал, и потому, обратясь к нам, спросили только, в которой аудитории будет читать Гоголь. Мы указали на аудиторию. Пушкин и Жуковский заглянули в нее, но не вошли, а остались в сборной зале. Через четверть часа приехал Гоголь, и мы вслед за тремя поэтами вошли в аудиторию и сели по местам. Гоголь шел на кафедру, и вдруг, как говорится, ни с того, ни с другого начал читать взгляд на историю аравитян. Лекция была блестящая, в таком же роде, как и первая. Она вся из слова в слово напечатана

в «Арабесках». [Ал-Мамун.] Видно, что Гоголь знал заранее о намерении поэтов приехать к нему на лекцию, и потому приготовился угостить их поэтически. После лекции Пушкин заговорил о чем-то с Гоголем, но я слышал одно только слово: «Увлекательно»…

Все следующие лекции Гоголя были очень сухи и скучны: ни одно событие, ни одно лицо историческое не вызвало его на беседу живую и одушевленную… Какими-то сонными глазами смотрел он на прошедшие века и отжившие племена. Без сомнения, ему самому было скучно, и он видел, что скучно и его слушателям.

И. Иваницкий.

Из дневника А. В. Никитенко

21 февраля 1835 г.

Гоголь, Николай Васильевич. Ему теперь лет 28–29. [Только 26.] Он занимает у нас место адъюнкта по части истории; читает историю средних веков. Преподает ту же науку в женском Патриотическом институте. Литератор. Обучался в нежинской безбородковской гимназии вместе с Кукольником, Прокоповичем и т. д. Сделался известным публике повестями под названием «Вечера на хуторе: повести пасечника Панько Рудого». Они замечательны по характеристическому, истинно малороссийскому очерку иных характеров и живому, иногда очень забавному, рассказу. Написал он и еще несколько повестей с юмористическим изображением современных нравов. Талант его чисто теньеровский. [Теньер, правильнее Тенирс младший(1610–1685) – фламандский художник-бытовик. С ним любили сравнивать писателей-бытовиков (из предшественников Гоголя – А. Е. Измайлова, В. Т. Нарежного).] Но, помимо этого, он пишет всё и обо всем: занимается сочинением истории Малороссии; сочиняет трактаты о живописи, музыке, архитектуре, истории и т. д., и т. д. Но там, где он переходит от материальной жизни к идеальной, он становится надутым и педантичным или же расплывается в ребяческих восторгах. Тогда и слог его делается запутанным, пустоцветным и пустозвонным. Та же смесь малороссийского юмора и теньеровской материальности с напыщенностью существует и в его характере. Он очень забавно рассказывает разные простонародные сцены из малороссийского быта или заимствованные из скандалезной хроники. Но лишь только начинает он трактовать о предметах возвышенных, его ум, чувство и язык утрачивают всякую оригинальность. Но он этого не замечает и метит прямо в гении.

Вот случай из его жизни, который должен был бы послужить ему уроком, если бы фантастическое самолюбие способно было принимать уроки. Пользуясь особенным покровительством В. А. Жуковского, он хотел быть профессором. Жуковский возвысил его в глазах Уварова до того, что тот в самом деле поверил, будто из Гоголя выйдет прекрасный профессор истории, хотя в этом отношении он не представил ни одного опыта своих знаний и таланта. Ему предложено было место экстраординарного профессора истории в Киевском университете. Но Гоголь вообразил себе, что его гений дает ему право на высшие притязания, потребовал звания ординарного профессора и шесть тысяч рублей единовременно на уплату долгов. [Сообщение сомнительное и, во всяком случае, неточное. В Киев Гоголя соглашались назначить только адъюнктом; он колебался, пока не представилась та же возможность в Петербурге.] Молодой человек, хотя уже и с именем в литературе, но не имеющий никакого академического звания, ничем не доказавший ни познаний, ни способностей для кафедры – и какой кафедры – университетской! требует себе того, что сам Герен, должно полагать, попросил бы со скромностью. Это может делаться только в России, где протекция дает право на всё. Однако ж министр отказал Гоголю. Затем, узнав что у нас по кафедре истории нужен преподаватель, он начал искать этого места, требуя на этот раз, чтобы его сделали, по крайней мере, экстраординарным профессором. Признаюсь, и я подумал, что человек, который так в себе уверен, не испортит дела, и старался его сблизить с попечителем, даже хлопотал, чтобы его сделали экстраординарным профессором. Но нас не послушали и сделали его только адъюнктом.

Что же вышло? «Синица явилась зажечь море» – и только. Гоголь так дурно читает лекции в университете, что сделался посмешищем для студентов. Начальство боится, чтобы они не выкинули над ним какой-нибудь шалости, обыкновенной в таких случаях, но неприятной по последствиям. Надобно было приступить к решительной мере. Попечитель [М. А. Дондуков-Корсаков.] призвал его к себе и очень ласково объявил ему о неприятной молве, распространившейся о его лекциях. На минуту гордость его уступила место горькому сознанию своей неопытности и бессилия. Он был у меня и признался, что для университетских чтений надо больше опытности.

Вот чем кончилось это знаменитое требование профессорской кафедры. Но это в конце концов не поколебало веры Гоголя в свою всеобъемлющую гениальность. Хотя после замечания попечителя, он должен был переменить свой надменный тон с

ректором, деканом и прочими членами университета, но в кругу «своих» он все тот же всезнающий, глубокомысленный, гениальный Гоголь, каким был до сих пор.

Никитенко, стр. 262–264.

М. П. Погодин – В. П. Андросову

[Март?] 1835 г.

…Гоголь читал мне отрывки из двух своих комедий. [В конце февраля или в начале марта, когда Погодин приезжал в Петербург. Письмо это (о петербургских впечатлениях Погодина) было тогда же напечатано в «Московском Наблюдателе».] Одна под заглавием комедия, другая Провинциальный жених. [«Владимир 3-й степени» и «Женихи» (так называлась первоначальная редакция «Женитьбы»).] Что за веселость, что за смешное! Какая истина, остроумие! Какие чиновники на сцене, какие канцелярские служители, помещики, барыни! Талант первоклассный! На днях вы получите его Миргород и должны будете поклониться этим повестям, со всеми нашими повествователями без исключения стихотворными и прозаическими. Вот рассказ, вот живость, вот поэзия, истина, мера! Вы прочтете там повесть Старосветские помещики. Старик со старухою жили да были, кушали да пили, и умерли обыкновенною смертью, вот всё ее содержание, но сердцем вашим овладеет такое уныние, когда вы закроете книгу: вы так полюбите этого почтенного Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну, так свыкнетесь с ними, что они займут в вашей памяти место подле самых близких родственников и друзей ваших, и вы всегда будете обращаться к ним с любовию. Прекрасная идиллия и элегия. А Тарас Бульба! Как описаны там казаки, казачки; их набеги, жиды, Запорожье, степи. Какое разнообразие! Какая поэзия! Какая верность в изображении характеров! Сколько смешного и сколько высокого, трагического! О! на горизонте русской словесности восходит новое светило, и я рад поклониться ему в числе первых!

Барсуков, IV, стр. 267–268.

Из воспоминаний М. П. Погодина

…Читал Гоголь так, скажу здесь кстати, как едва ли кто может читать. Это был верх удивительного совершенства. Прекрасно некоторые вещи читал Щепкин, прекрасно читают другие комические вещи Садовский, Писемский, Островский; [Пров Мих. Садовский (1818–1872) – актер, прославившийся

впоследствии как исполнитель ролей Островского. Ал-дра Ник. Островского (1823–1886) и Алексея Феофилакт. Писемского (1820–1881) Погодин упоминает как чтецов их собственных произведений.] но Гоголю все они должны уступить. Скажу даже вот что: как ни отлично разыгрывались его комедии, или, вернее сказать, как ни передавались превосходно иногда некоторые их роли, но впечатления никогда не производили они на меня такого, как в его чтении. Читал он однажды у меня, в большом собрании, свою Женитьбу, в 1834 или 35 году. [В конце августа 1835 г., возвращаясь из Васильевки через Москву в Петербург.] Когда дело дошло до любовного объяснения жениха с невестою – в которой церкви вы были в прошлое воскресенье? какой цветок больше любите? – прерываемого троекратным молчанием, он так выражал это молчание, так оно показывалось на его лице и в глазах, что все слушатели à la lettre [Буквально.] покатывались со смеху и долго не могли притти в себя, а он, как ни в чем не бывало, молчал и поводил только глазами.

«Русский Архив», 1865 г., стр. 1274–1275.

Из воспоминаний С. Т. Аксакова

В 1834 году [Ошибка: рассказывается о событиях 1835 года. (Конец августа.)] мы жили на Сенном рынке, близ Красных ворот, в доме Штюрмера. Гоголь между тем успел уже выдать «Миргород» и «Арабески». Великий талант его оказался в полной силе. Свежи, прелестны, благоуханны, художественны были рассказы в Диканьке; но в «Старосветских помещиках», в «Тарасе Бульбе» уже являлся великий художник, с глубоким и важным значением. Мы с Константином [Конст. Серг. Аксаков (1817–1860) – старший сын С. Т., известный впоследствии писатель-славянофил.] и моя семья были в полном восторге от Гоголя. Надобно сказать правду, что, кроме присяжных любителей литературы, во всех слоях общества молодые люди лучше и скорее оценили Гоголя. Московские студенты все пришли от него в восхищение и первые распространили в Москве громкую молву о новом великом таланте. В один вечер сидели мы в ложе Большого театра; вдруг растворилась дверь и вошел Гоголь; с веселым дружеским выражением лица, какого мы никогда у него не видели, протянул он мне руку с словами: «Здравствуйте!» Нечего говорить, как мы были изумлены и обрадованы. Константин, едва ли не более всех понимавший значение Гоголя, забыл, где он, и громко закричал, что обратило внимание соседних лож. Это было во время антракта. Вслед за Гоголем вошел к нам в ложу товарищ сына А. П. Ефремов. [Ал-др. Павл.

Ефремов (1815–1876) – член кружка Станкевича, впоследствии преподаватель географии в Московском университете.] Константин шепнул ему на ухо: «Знаешь ли, кто у нас? Это Гоголь!» Ефремов, выпуча глаза также от изумления и радости, побежал в кресла и сообщил эту новость покойному Станкевичу и еще кому-то из наших знакомых. В одну минуту несколько трубок и биноклей обратились на нашу ложу, и слова «Гоголь, Гоголь» разнеслись по креслам. Не знаю, заметил ли он это движение, только, сказав несколько слов, что он опять в Москве на короткое время, Гоголь уехал.

…Гоголь вез с собою в Петербург комедию, всем известную теперь под именем «Женитьба»: тогда называлась она «Женихи». Он сам вызвался прочесть ее вслух в доме у Погодина, для всех знакомых хозяина. Погодин воспользовался этим позволением и назвал столько гостей, что довольно большая его зала была буквально набита битком. И какая досада! Я захворал и не мог слышать этого чудного, единственного чтения. К тому же это случилось в субботу, в мой день, а мои гости не были приглашены на чтение к Погодину. Разумеется, Константин был там. Гоголь до того мастерски читал или, лучше сказать, играл свою пиесу, что многие, понимающие это дело люди, до сих пор говорят, что на сцене, несмотря на хорошую игру актеров, особенно Садовского в роли Подколесина, эта комедия не так полна, цельна и далеко не так смешна, как в чтении самого автора. Я совершенно разделяю это мнение, потому что впоследствии хорошо узнал неподражаемое искусство Гоголя в чтении всего комического. Слушатели до того смеялись, что некоторым сделалось почти дурно; но увы! комедия не была понята! Большая часть говорили, что пиеса – неестественный фарс, но что Гоголь «ужасно смешно читает». Гоголь сожалел, что меня не было у Погодина, назначил день, в который хотел приехать к нам обедать и прочесть «Женихов» мне и всему моему семейству. В назначенный день я пригласил к себе именно тех гостей, которым не удалось слышать комедию Гоголя. Между прочими гостями были Станкевич и Белинский. [Первое указание на личное знакомство Гоголя с Белинским.] Гоголь очень опоздал к обеду, что впоследствии нередко с ним случалось. Мне стало досадно, что гости мои так долго голодают, и в 5 часов я велел подавать кушать; но в самое это время увидели мы Гоголя, который шел пешком через всю Сенную площадь к нашему дому. Но, увы! ожидания наши не сбылись: Гоголь объявил, что никак не может сегодня прочесть нам комедию, а потому и не принес ее с собой. Всё это мне было неприятно, и вероятно, вследствие того, и в этот приезд Гоголя в Москву не последовало тесного

сближения между нами… Я виделся с ним еще один раз поутру у Погодина на самое короткое время и узнал, что Гоголь на другой день едет в Петербург.

«История моего знакомства».

Из воспоминаний П. В. Анненкова

…Мы уже говорили, что Белинский обладал способностью отзываться, в самом пылу какого-либо философского или политического увлечения, на замечательные литературные явления с авторитетом и властью человека, чувствующего настоящую свою силу и призвание свое. В эпоху шеллингианизма одною из таких далеко озаряющих вспышек была статья Белинского «О русской повести и повестях Гоголя», написанная вслед за выходом в свет двух книжек Гоголя: «Миргород» и «Арабески» (1835 г.). Она и уполномочивает нас сказать, что настоящим воспреемником Гоголя в русской литературе, давшим ему имя, был Белинский. Статья эта, вдобавок, пришлась очень кстати. Она подоспела к тому горькому времени для Гоголя, когда вследствие претензии своей на профессорство и на ученость по вдохновению, он осужден был выносить самые злостные и ядовитые нападки не только на свою авторскую деятельность, но и на личный характер свой. Я близко знал Гоголя в это время, и мог хорошо видеть, как озадаченный и сконфуженный не столько ярыми выходками Сенковского и Булгарина, [Выражение «ярые выходки» к написанным в это время статьям Сенковского и особенно Булгарина – не применимо. Об исторических статьях «Арабесок» отозвались отрицательно все (в том числе и Белинский). О повестях были разные отзывы, но даже Сенковский, нападавший на Гоголя, похвалил некоторые из них. Критика Булгарина о повестях «Арабесок» и «Миргорода» была, в общем, сочувственной.] сколько общим осуждением петербургской публики, ученой братии и даже приятелей, он стоял совершенно одинокий, не зная, как выйти из своего положения и на что опереться. Московские знакомые и доброжелатели его покамест еще выражали в своем органе («Московском Наблюдателе») сочувствие его творческим талантам весьма уклончиво, сдержанно, предоставляя себе право отдаваться вполне своим впечатлениям только наедине, келейно, в письмах, домашним образом. Руку помощи в смысле возбуждения его упавшего духа протянул ему тогда никем непрошенный, никем неожиданный и совершенно ему неизвестный Белинский, явившийся с упомянутой статьей в «Телескопе» 1835 года. [В №№ 7 и 8 (вышли в сентябре).] И с

какой статьей! Он не давал в ней советов автору, не разбирал, что в нем похвально и что подлежит нареканию, не отвергал одной какой-либо черты, на основании ее сомнительной верности или необходимости для произведения, не одобрял другой, как полезной и приятной, а основываясь на сущности авторского таланта и на достоинстве его миросозерцания, просто объявил, что в Гоголе русское общество имеет будущего великого писателя. [«Эти надежды велики, ибо г. Гоголь владеет талантом необыкновенным, сильным и высоким. По крайней мере, в настоящее время он является главою литературы, главою поэтов, он становится на место, оставленное Пушкиным».] Я имел случай видеть действие этой статьи на Гоголя. Он еще тогда не пришел к убеждению, что московская критика, т. е. критика Белинского, злостно перетолковала все его намерения и авторские цели, – он благосклонно принял заметку статьи, а именно, что «чувство глубокой грусти, чувство глубокого соболезнования к русской жизни и ее порядкам слышится во всех рассказах Гоголя», [Передача слов Белинского здесь приблизительная, дальше – точная.] и был доволен статьей, и более чем доволен, он был осчастливлен статьей, если вполне верно передавать воспоминания о том времени. С особенным вниманием остановился в ней Гоголь на определении качеств истинного творчества, и раз, когда зашла речь о статье, перечитал вслух одно ее место: «Еще создание художника есть тайна для всех, еще он не брал пера в руки, а уже видит их (образы) ясно, уже может счесть складки их платья, морщины их чела, избражденного страстями и горем, – а уже знает их лучше, чем вы знаете своего отца, брата, друга, свою мать; сестру, возлюбленную сердца; также он знает и то, что они будут говорить и делать, видит всю нить событий, которая обовьет их и свяжет между собою»… – Это совершенная истина, – заметил Гоголь, и тут же прибавил с полузастенчивой и полунасмешливой улыбкой, которая была ему свойственна: «Только не понимаю, чем он (Белинский) после этого восхищается в повестях Полевого». Меткое замечание, попавшее прямо в больное место критика, но надо сказать, что кроме участия романтизма в благожелательной оценке рассказов Полевого, была у Белинского и еще причина для нее. Белинский высоко ценил тогда заслуги знаменитого журналиста и глубоко соболезновал о насильственном прекращении его деятельности по изданию «Московского Телеграфа»; [«Московский Телеграф» был запрещен в 1831 г. за отрицательный отзыв о патриотической драме Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла».] всё это повлияло на его суждение и о беллетристической карьере Полевого.

Анненков, «Замечательное десятилетие».

Послужной список Н. В. Гоголя

Копия

Звание

Какое получает содержание [На черте жалованье не отмечено]

Есть ли имение

Когда в службу вступил

Послужной список о службе состоящего по установлению в 8 классе адъюнкта по кафедре истории при Императорском С.-Петербургском университете Николая Гоголя-Яновского.

За 1834 год.

Состоящий по установлению в 8 классе Николай Васильевич Гоголь-Яновский, адъюнкт по кафедре истории при Императорском С.-Петербургском университете.

25 лет.

Из дворян

80 душ крестьян и 700 десятин в Полтавской губернии, Миргородского уезда

По окончании курса учения в лицее высших наук князя Безбородко с правом на чин 14 класса поступил на службу в департамент уделов в 1830 г. апреля 10.

Указом правительствующего сената того же 3 июля утвержден в чине коллежского регистратора со старшинством со дня вступления на службу.

Помещен помощником столоначальника в том же департаменте уделов 1830 июля 10.

По прошению своему уволен из департамента уделов 1831 марта 9.

С высочайшего созволения ее императорского величества определен в Патриотический институт старшим учителем истории, состоя в исполнение указа 1 апреля 1831 года в чине титулярного советника со дня вступления в нынешнюю должность 1831 марта 10.

В награду отличных трудов пожалован от ее императорского величества бриллиантовым перстнем 1834 марта 9.

Определен адъюнктом по кафедре всеобщей истории при С.-Петербургском университете 1834 июля 24.

По случаю преобразования С.-Петербургского университета от должности адъюнкта уволен 1835 дек. 31.

Подлинный подписал Ректор университета

Шульгин.

И. Линниченко.

Часть 2
«Вершина»

В поисках смешного сюжета

Гоголь о себе

…Первые мои опыты, первые упражненья в сочиненьях, к которым я получил навык в последнее время пребыванья моего в школе, были почти все в лирическом и сурьезном роде. [Гоголь, как видно, не считается со своей «сатирой» «Нечто о Нежине и т. д.»] Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся также вместе со мной в сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя, несмотря на мой меланхолический от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками; хотя в самих ранних сужденьях моих о людях находили уменье замечать те особенности, которые ускользают от вниманья других людей, как крупные, так мелкие и смешные. Говорили, что я умею не то что передразнить, но угадать человека, то есть угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержаньем самого склада и образа его мыслей и речей. Но всё это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думал о том, что сделаю со временем из этого употребление.

Причина той веселости, которую заметили в первых сочинениях моих, показавшихся в печати, заключалась в некоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мне самому необъяснимой, которая происходила, может быть, от моего болезненного состояния. Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе всё смешное, что только мог выдумать. Выдумывал целиком смешные лица и характеры, поставлял их мысленно в самые смешные положения, вовсе не заботясь о том, зачем это, для чего, и кому от этого выйдет какая польза. Молодость, во время которой не приходят на ум никакие вопросы, подталкивала. Вот происхождение тех первых моих произведений, которые одних заставляли смеяться так же беззаботно и безотчетно, как и меня самого, а других приводили в недоумение решить, как могли человеку умному приходить в голову такие глупости. Может быть, с летами и с потребностью развлекать себя, веселость эта исчезнула бы, а с нею вместе и мое писательство. Но Пушкин заставил меня взглянуть на дело сурьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне

сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех!» Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принялся за «Донкишота», никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и, в заключенье всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы, и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых Душ». (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему.) На этот раз и я сам уже задумался сурьезно, – тем более, что стали приближаться такие года, когда сам собой приходит запрос всякому поступку: зачем и для чего его делаешь? Я увидел, что в сочинениях моих смеюсь даром, напрасно, сам не зная, зачем. Если смеяться, так уже лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеянья всеобщего. В «Ревизоре» я решился собрать в одну кучу всё дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем, но это, как известно, произвело потрясающее действие. Сквозь смех, который никогда еще во мне не появлялся в такой силе, читатель услышал грусть. Я сам почувствовал, что уже смех мой не тот, какой был прежде, что уже не могу быть в сочиненьях моих тем, чем был дотоле, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами, окончилась вместе с молодыми моими летами. После «Ревизора» я почувствовал, более нежели когда-либо прежде, потребность сочиненья полного, где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться. Пушкин находил, что сюжет «Мертвых Душ» хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров. Я начал было писать, не определивши себе обстоятельного плана, не давши себе отчета, что такое именно должен быть сам герой. Я думал просто, что смешной проект, исполненьем которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мне самом охота смеяться создаст сама собою множество смешных явлений, которые я намерен был перемешать с трогательными… [Хронология работы Гоголя над «Мертвыми Душами» и «Ревизором» из этого позднейшего показания (1847 г.) не вполне ясна. Вероятнее всего, «Ревизор» написан между 3-й и 4-й главами «Мертвых Душ» (первоначальной редакции).]

«Авторская исповедь».

Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину

Пб., 7 октября 1835 г.

Решаюсь писать к вам сам; просил прежде Наталью Николаевну, но до сих пор не получил известия. Пришлите, прошу вас убедительно, если вы взяли с собою, мою комедию, которой в вашем кабинете не находится и которую я принес вам для замечаний. [«Женитьбу». В это время Пушкин был в с. Михайловском.] Я сижу без денег и решительно без всяких средств; мне нужно давать ее актерам на разыграние, что́ обыкновенно делается, по крайней мере, за два месяца прежде. Сделайте милость, пришлите скорее и сделайте наскоро хотя сколько-нибудь главных замечаний.

Начал писать «Мертвых Душ». Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь.

Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто Анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. [По-видимому, в ответ на это обращение, Пушкин, вернувшись в Петербург в половине октября, указал Гоголю на «русский анекдот» о мнимом ревизоре (случаи с Свиньиным, с самим Пушкиным и др.)] Если ж сего не случится, то у меня пропадет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами. Я, кроме моего скверного жалованья университетского 600 рублей, никаких не имею теперь мест. Сделайте милость, дайте сюжет; духом будет комедия из пяти Актов, и клянусь – будет смешнее черта! Ради бога, ум и желудок мой оба голодают. И пришлите «Женитьбу». Обнимаю вас и целую и желаю обнять скорее лично.

Ваш Гоголь.

Мои ни «Арабески», ни «Миргород» не идут совершенно. Черт их знает, что это значит! Книгопродавцы такой народ, которых без всякой совести можно повесить на первом дереве.

«Письма», I, стр. 353–354.

А. С. Пушкин – П. А. Плетневу

[Письмо Плетнева, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось. Задуманный альманах не состоялся. «Коляска» была напечатана в «Современнике», 1836 г., кн. 1.]

Октябрь 1835 г., с. Михайловское.

…Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, в ней Альманак далеко может уехать; но мое мнение: даром Коляски не брать, а установить ей цену: Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для Альманака: назовем его Арион или Орион; я люблю имена, не имеющие смысла: шуточкам привязаться не к чему. Лангера [Валерьян Плат. Лангер (р. 1800 г.) – художник.] заставь также нарисовать виньетку без смысла. Были бы цветочки, да лиры, да чаши, да плющ, как на квартере Алекс. Ив. [В «Владимире 3-й степени» (сохранено и в «Утре чиновника»), но в квартире не Ал-дра Ив-ча (Пролетова), а Ивана Петровича (Барсукова). Ал-др. Ив. только говорит об этой росписи потолков.] в комедии Гоголя. Это будет очень натурально.

«Переписка Пушкина», т. Ill, стр. 238.

Гоголь о себе

…С этих пор я стал наделять своих героев, сверх их собственных гадостей, моею собственною дрянью. Вот как это делалось: взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом звании и на другом поприще, старался себе изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобою, насмешкою и всем, чем ни попало. Если бы кто видел те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать тебе только то, что когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мертвых Душ», в том виде, как они были прежде, [Первые главы в редакции, читанной Пушкину, не сохранились.] то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться всё сумрачнее, сумрачнее, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «боже, как грустна наша Россия!» Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что всё это карикатура и моя собственная выдумка! Тут-то я увидел, что значит дело, взятое из души, и вообще душевная правда, и в каком ужасающем для человека виде может быть ему представлена тьма и пугающее отсутствие света. С этих пор я уже стал думать только о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести «Мертвые Души». Я увидел, что многие из гадостей не стоят злобы; лучше показать всю ничтожность их, которая должна быть навеки их уделом. Притом мне хотелось попробовать, что́ скажет вообще русский человек, если его попотчуешь его же собственною пошлостию. [

«Четыре письма» вошли в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). В это показание («письмо» написано не раньше 1843 года) примешано много позднейших настроений, слова: «с этих пор» можно понимать только в самом широком смысле.]

Четыре письма по поводу «Мертвых Душ» (3-е письмо).

Из воспоминаний П. И. Бартенева [4] (Со слов П. В. Нащокина) [5]

По словам Нащокина, Гоголь никогда не был близким человеком к Пушкину.]Позднейшие работы об отношениях Пушкина к Гоголю приходят к тому же заключению. Указания на эти работы (Вал. Брюсова, Б. Лукьяновского, А. С. Долинина и акад. М. Н. Сперанского) – см. в примечаниях М. А. Цявловского к цитируемой книге, стр. 115. Следует еще добавить – «Заметки о Гоголе» В. В. Каллаша – «Голос Минувшего», 1913, № 19.] Пушкин, радостно и приветливо встречавший всякое молодое дарование, принимал к себе Гоголя, оказывал ему покровительство, заботился о внимании к нему публики, хлопотал лично о постановке на сцену Ревизора, [В Москве. См. письмо Пушкина к жене от 5 мая 1836 г.] одним словом, выводил Гоголя в люди. – Нащокин никак не может согласиться, чтобы Гоголь читал Пушкину свои Мертвые Души. Он говорит, что Пушкин всегда рассказывал ему о всяком замечательном произведении. О Мертвых же Душах не говорил. [По справедливым словам М. А. Цявловского, «утверждение Нащокина говорит только о том, что чтение это не оставило у Пушкина сильного впечатления».] Хвалил он ему Ревизора, особенно Тараса Бульбу. О сей последней пьесе Пушкин рассказывал Нащокину, что описание степей внушил он. Пушкину какой-то знакомый господин очень живо описывал в разговоре степи. [Сем. Дан. Шаржинский, чиновник почтового департамента. Гоголь рекомендовал его Максимовичу (в письме 18 июля 1834 г.) как «земляка», желающего занять место директора гимназии на Украине. Впоследствии жил в Житомире.] Пушкин дал случай Гоголю послушать и внушил ему вставить в Бульбу описание степи.

Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым. 1925 г., стр. 44–45.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

Пб., 6 декабря 1835 г.

Здравствуй, душа моя! Спасибо тебе, что ты приехал и

написал ко мне. Но я думал, что ты сделаешь лучше и приедешь прежде в Петербург. Мне бы хотелось на тебя поглядеть и послушать, послушать, что́ и как было в пути, и что Немецина и немцы. Этого мне хотелось потому, что твои глаза ближе к моим, чем кого другого. Но на письме я знаю сам, что писать об этом слишком громоздко, и для нас, людей ленивых, очень скучно. Я жадно читал твое письмо в журнале просвещения, но еще хотел бы слышать изустных прибавлений. [«Письмо орд. профессора Моск. университета Погодина к г. министру нар. просвещения из Германии» (в Журн. Мин. нар. прос. 1835 г. VII).] Уведомь, какие книги привез и что́ есть такого, о чем нам неизвестно.

Я расплевался с университетом, и через месяц опять беззаботный казак. [Гоголь был официально уволен («по случаю преобразования университета») 31 декабря.] Неузнанный я взошел на кафедру и неузнанный схожу с нее. Но в эти полтора года – годы моего бесславия, потому что общее мнение говорит, что я не за свое дело взялся – в эти полтора года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души. Уже не детские мысли, не ограниченный прежний круг моих сведений, но высокие, исполненные истины и ужасающего величия мысли волновали меня… Мир вам, мои небесные гости, наводившие на меня божественные минуты в моей тесной квартире, близкой к чердаку! Вас никто не знает. Вас вновь опускаю на дно души до нового пробуждения, когда вы исторгнетесь с большею силою и не посмеет устоять бесстыдная дерзость ученого невежи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика… и проч., и проч… Я тебе одному говорю это, другому не скажу я: меня назовут хвастуном, и больше ничего.

Мимо, мимо всё это! Теперь вышел я на свежий воздух. Это освежение нужно в жизни, как цветам дождь, как засидевшемуся в кабинете прогулка. Смеяться, смеяться давай теперь побольше. Да здравствует комедия! Одну наконец решаюсь давать на театр, приношу переписывать экземпляр для того, чтобы послать к тебе в Москву, вместе с просьбою предуведомить кого следует по этой части. [«Ревизор».] Скажи Загоскину, что я буду писать к нему об этом, и убедительно просить о всяком с его стороны вспомоществовании, а милому Щепкину: что ему десять ролей в одной комедии, какую хочет, пусть такую берет; даже может разом все играть. [Щепкин играл городничего.] Мне очень жаль, что я не приготовил ничего к бенефису его. Так я был озабочен это время, что едва только успел третьего дни окончить эту пиесу. Той комедии, которую я читал у вас в Москве, давать не намерен на театр. [«Женихи» («Женитьба»).] Ну, прощай, мой Погодин. Обнимаю тебя очень крепко! Поцелуй за меня ручку супруги

своей.

Твой Гоголь.

«Письма», I, стр. 357–358.

В. А. Жуковский – А. О. Смирновой

[Январь 1836].

…В воскресенье буду к вам обедать. Но вот предложение: вам хотелось слышать Гоголеву комедию. Хотите, чтоб я к вам привез Гоголя? Он бы прочитал после обеда, а я бы так устроился, чтобы не заснуть под чтение. Отвечайте на это.

Бык. [Бык – прозвище Жуковского. Комедия – «Ревизор».]

«Русский Архив», 1883 г., № 2, стр. 336.

П. А. Вяземский [6] – А. И. Тургеневу [7]

Пб., 19 янв. 1836 г.

…Вчера Гоголь читал нам новую комедию «Ревизор»: петербургский департаментский шалопай, который заезжает в уездный город и не имеет чем выехать в то самое время, когда городничий ожидает из Петербурга ревизора. С испуга принимает он проезжего за ожидаемого ревизора, дает ему денег взаймы, думая, что подкупает его взятками и прочее. Весь этот быт описан очень забавно, и вообще неистощимая веселость; но действия мало; как и во всех произведениях его. Читает мастерски и возбуждает [«беглый огонь» раскатов смеха в аудитории]. Не знаю, не потеряет ли пиеса на сцене, ибо не все актеры сыграют, как он читает. Он удивительно живо и верно, хотя и карикатурно, описывает наши [административные нравы]. Вигель [Филипп Фил. Вигель (1786–1856) – член того же кружка и директор того же департамента; автор известных «Записок».] его терпеть не может за то, что он где-то отозвался о подлой роже директора департамента. У нас он тем замечательнее, что, за исключением Фонвизина, никто из наших авторов не имел истинной веселости. Он от избытка веселости часто завирается, и вот чем веселость его прилипчива.

«Остафьевский Архив», т. III, стр. 285.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

СПб., 21 февраля 1836 г.

…Я теперь занят постановкою комедии. Не посылаю тебе экземпляра потому, что беспрестанно переправляю. Не хочу даже посылать прежде моего приезда актерам, потому что ежели они

прочтут без меня, то уже трудно будет переучить их на мой лад. Думаю быть если не в апреле, то в мае в Москве.

Не можешь ли прислать мне каталога книг, приобретенных тобою и не приобретенных относительно славянщины, истории и литературы. Очень обяжешь – и, если можно, в двух-трех словах означить достоинство каждой и в каком отношении может быть полезна.

Новостей особенных здесь никаких. О журнале Пушкина, [«Современник».] без сомнения, уже знаешь. Мне известно только то, что будет много хороших статей, потому что Жуковский, князь Вяземский и Одоевский приняли живое участие, впрочем узнаешь подробнее о нем от него самого, потому что он, кажется, на днях едет к вам в Москву…

«Письма», I, стр. 365.

Н. В. Гоголь – А. С. Пушкину

Март 1836 г.

Посылаю вам «Утро чиновника». [Отрывок из «Владимира 3-й степени». В печати заглавие было переделано (очевидно, под давлением цензуры) в «Утро делового человека». Здесь и ниже идет речь о материале для первой книжки «Современника».] Отправьте ее, если можно, сегодня же или завтра поутру к цензору, потому что он может ее взять в ценз. комитет вместе с «Коляскою», ибо завтра утром заседание. Да возьмите из типографии статью о журнальной литературе. [«О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг.». Ответ Пушкина на эту статью см. в «Атенее», 1924 г., № 1 (статья Ю. Г. Оксмана). Включено в Академическое издание Пушкина, т. IX.] Мы с вами пребезалаберные люди и позабыли, что туды нужно включить многое из остающегося у меня хвоста. – Я прошу сделать так, чтоб эта сцена шла вперед, а за ней уж о литературе.

«Письма», I, стр. 367–368.

«Ревизор сыгран»

Из воспоминаний А. Иванова

[Неизвестное лицо (не смешивать с художником А. А. Ивановым).]

На первом представлении 1836 г. – рассказывал мне г. К. – (или на генеральной репетиции?) Гоголь сам распорядился вынести роскошную мебель, поставленную было в комнате городничего, и заменил ее простою мебелью, прибавив клетки с канарейками и бутыль на окне. Осип был наряжен в ливрею с галунами. Гоголь снял замасленный кафтан с ламповщика и надел его на актера, игравшего Осипа. С тех пор этот кафтан стал традиционным. Теперь обстановка, игра как-то яснее стали. Поняли необходимость соблюдения исторического колорита…

«Порядок», 1881 г., № 35.

Из дневника А. И. Храповицкого

В первый раз «Ревизор». Оригинальная комедия в 5-ти действиях сочинения Н. Гоголя. Государь император с наследником внезапно изволил присутствовать и был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души. Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество. Актеры все, в особенности Сосницкий, [Ив. Ив. Сосницкий (1794–1872) – комический актер, исполнитель роли городничего.] играли превосходно. Вызваны Сосницкий и Дюр. [Ник. Ос. Дюр (1807–1839) – актер, игравший Хлестакова. [

А. И. Храповицкий и Шенрок, «Материалы», III, стр. 31.

Из воспоминаний П. В. Анненкова

…Как ни странно покажется, что к числу причин, ускоривших отъезд Гоголя, мы относим и журнальные толки, но это было так. Мы намекнули прежде о том, что мнением публики Гоголь озабочивался, гораздо более, чем мнениями знатоков, друзей и присяжных судей литературы – черта общая всем деятелям, имеющим общественное значение, а петербургская публика относилась к Гоголю, если не вполне враждебно, то, по крайней мере, подозрительно и недоверчиво. Последний удар нанесен был представлением «Ревизора». Читатель должен хорошо помнить превосходное описание этого театрального вечера, данное самим

Гоголем. [«Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления „Ревизора“ к одному литератору», напечатанный в 1841 г., см. ниже.] Хлопотливость автора во время постановки своей пьесы, казавшаяся странной, выходящей из всех обыкновений и даже, как говорили, из всех приличий, горестно оправдалась водевильным характером, сообщенным главному лицу комедии и пошло-карикатурным, отразившимся в других. Гоголь пострадал весь этот вечер. Мне, свидетелю этого первого представления, позволено будет сказать – чтó изображала сама зала театра в продолжение 4-х часов замечательнейшего спектакля, когда-либо им виденного. Уже после первого акта недоумение было написано на всех лицах (публика была избранная в полном смысле слова), словно никто не знал, как должно думать о картине, только что представленной. Недоумение это возрастало потом с каждым актом. Как будто, находя успокоение в одном предположении, что дается фарс, большинство зрителей, выбитое из всех театральных ожиданий и привычек, остановилось на этом предположении с непоколебимой решимостью. Однако же в этом фарсе были черты и явления, исполненные такой жизненной истины, что раза два, особенно в местах наименее противоречащих тому понятию о комедии вообще, которое сложилось в большинстве зрителей, раздавался общий смех. Совсем другое произошло в четвертом акте: смех, по временам, еще перелетал из конца залы в другой, но это был какой-то робкий смех, тотчас же и пропадавший; аплодисментов почти совсем не было; зато напряженное внимание, судорожное, усиленное следование за всеми оттенками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дело, происходившее на сцене, страстно захватывало сердца зрителей. По окончании акта прежнее недоумение уже переродилось почти во всеобщее негодование, которое довершено было пятым актом. Многие вызывали автора потом за то, что написал комедию, другие за то, что виден талант в некоторых сценах, простая публика за то, что смеялась, но общий голос, слышавшийся по всем сторонам избранной публики, был: «это – невозможность, клевета и фарс». По окончании спектакля Гоголь явился к Н. Я. Прокоповичу в раздраженном состоянии духа. Хозяин вздумал поднесть ему экземпляр «Ревизора», только что вышедший из печати, со словами: «Полюбуйтесь на сынка». Гоголь швырнул экземпляр на пол, подошел к столу и, опираясь на него, проговорил задумчиво: «Господи боже! Ну, если бы один, два ругали, ну, и бог с ними а то все, все…»

Анненков. («Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года»).

Из статьи Гоголя
«Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления „Ревизора“ к одному литератору»

[Адресат письма (принявшего форму статьи) – Пушкин.]

…Ревизор сыгран – и у меня на душе так смутно, так странно… Я ожидал, я знал наперед, как пойдет дело, и при всем том чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же создание мне показалось противно, дико и как будто вовсе не мое. Главная роль пропала; так я и думал. Дюр ни на волос не понял, что́ такое Хлестаков. Хлестаков сделался чем-то в роде Альнаскарова, [Герой комедии Хмельницкого «Воздушные замки» (1818). Ник. Ив. Хмельницкий род. в 1789 г., ум. в 1846 г.] чем-то вроде целой шеренги водевильных шалунов, которые пожаловали к нам повертеться с парижских театров. Он сделался просто обыкновенным вралем – бледное лицо, в продолжение двух столетий являющееся в одном и том же костюме. Неужели в самом деле не видно из самой роли, что такое Хлестаков? [Извлечения из «Отрывка» здесь приводятся как показание о первом представлении «Ревизора» для связи с показаниями современников Гоголя. Поэтому следующая за этим характеристика Хлестакова, сама по себе исключительно ценная, опускается, как и многое другое. Текст «Отрывка» можно найти в любом собрании сочинений Гоголя. Об отношении гоголевских персонажей к предшествующей традиции – см. Вас. Гиппиус, «Композиция Ревизора в историко-литературной перспективе» (на украинском языке – в сб. «Література», 1928 г.).] …С самого начала представления пьесы я уже сидел и театре скучный. О восторге и приеме публики я не заботился. Одного только судьи из всех, бывших в театре, я боялся, и этот судья был я сам. Внутри себя я слышал упреки и ропот против моей же пьесы, которые заглушали все другие. А публика вообще была довольна. Половина ее приняла пьесу даже с участием; другая половина, как водится, ее бранила, по причинам, однако ж, не относящимся к искусству.

…Вообще с публикою, кажется, совершенно примирил «Ревизора» городничий. В этом я был уверен и прежде, ибо для таланта, каков у Сосницкого, ничего не могло остаться необъясненным в этой роли. Я рад, по крайней мере, что доставил ему возможность выказать во всей ширине талант свой, об коем уже начинали отзываться равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются так щедро рукоплесканиями во вседневных водевилях и прочих забавных

пьесах. На слугу тоже надеялся, потому что заметил в актере [Афанасьеве.] большое внимание к словам и замечательность. Зато оба наши приятели, Бобчинский и Добчинский, вышли сверх ожидания, дурны. [Воспитанники Крамалей и Петров, выбранные самим Гоголем.] Хотя я и думал, что они будут дурны, ибо, создавая этих двух маленьких человечков я воображал в их коже Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думал, что их наружность и положение, в котором они находятся, их как-нибудь вынесет и не так обкарикатурит. Сделалось напротив: вышла именно карикатура. Уже перед началом представления, увидевши их костюмированными, я ахнул. Эти два человека, в существе своем довольно опрятные, толстенькие, с прилично приглаженными волосами, очутились в каких-то нескладных, превысоких седых париках, всклоченные, неопрятные, взъерошенные, с выдернутыми огромными манишками; а на сцене оказались до такой степени кривляками, что, просто, было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и карикатурна. Я как бы предчувствовал это, когда просил, чтобы сделать одну репетицию в костюмах; но мне стали говорить, что это вовсе не нужно и не в обычае, и что актеры уж знают свое дело. Заметивши, что цены словам моим давали не много, я оставил их в покое. Еще раз повторяю: тоска, тоска! Не знаю сам, отчего одолевает меня тоска.

Из дневника А. В. Никитенко

28 марта 1836 г.

Комедия Гоголя «Ревизор» наделала много шуму. Ее беспрестанно дают – почти через день. Государь был на первом представлении, хлопал и много смеялся. Я попал на третье представление. Была государыня с наследником и великими княжнами. Их эта комедия тоже много тешила. Государь даже велел министрам ехать смотреть «Ревизора». Впереди меня, в креслах, сидели князь Чернышев [Алдр. Ив. Чернышев (1786–1857) – в то время граф, позже «светлейший князь» – военный министр.] и граф Канкрин. [Граф Егор Франц. Канкрин (1774–1845) – министр финансов.] Первый выражал свое полное удовольствие; второй только сказал:

– Стоило ли ехать смотреть эту глупую фарсу.

Многие полагают, что правительство напрасно одобряет эту пьесу, в которой оно так жестоко порицается. Я виделся вчера с Гоголем. Он имеет вид великого человека, преследуемого оскорбленным самолюбием. Впрочем, Гоголь действительно сделал важное дело. Впечатление, произведенное его комедией

много прибавляет к тем впечатлениям, которые накопляются в умах от существующего у нас порядка вещей.

Никитенко, стр. 273–274.

Из воспоминаний И. И. Панаева

I

…«Ревизор» Гоголя имел успех колоссальный, но в первые минуты этого успеха никто даже из самых жарких поклонников Гоголя не понимал вполне значения этого произведения и не предчувствовал, какой огромный переворот должен совершить автор этой комедии. Кукольник после представления «Ревизора» только иронически ухмылялся и, не отрицая таланта в Гоголе, замечал: «а все-таки это фарс, недостойный искусства».

Панаев, «Литературные воспоминания».

II

…Барон Розен [Егор Фед. Розен (см. выше) – поэт и драматург.] был уверен в том, что он глубокий и единственный в России знаток драматического искусства и величайший драматический поэт. Он очень наивно говаривал нараспев и с резким немецким акцентом:

– Из всего немецкого репертуара, без сомнения, самая замечательная вещь – это «Ифигения» Гете. Ее мог бы перевести один Жуковский и то только под моим руководством.

Впоследствии он гордился тем, что когда Гоголь, на вечере у Жуковского, в первый раз прочел своего «Ревизора», он один из всех присутствовавших не показал автору ни малейшего одобрения и даже ни разу не улыбнулся, и сожалел о Пушкине, который увлекся этим оскорбительным для искусства фарсом и во всё время чтения катался от смеха.

В мнении о «Ревизоре» два драматических писателя-врага, Кукольник и Розен, всегда иронически посматривавшие друг на друга и ни в чем не сходившиеся, сошлись совершенно.

Панаев, «Литературные воспоминания».

П. А. Вяземский – А. И. Тургеневу

Пб., 8 апреля 1836 г.

…Субботы Жуковского процветают, но давно без писем твоих.

Один Гоголь, которого Жуковский называет Гоголёк (никто не равняется с Жуковским в перековеркании имен; помнишь ли, когда он звал Дашкова Дашенькою?) [Дм. Вас. Дашков (1788–1839) – лит. критик, член «Арзамаса».] оживляет их своими рассказами. В последнюю субботу читал он нам повесть об носе, который пропал с лица неожиданно у какого-то коллежского асессора и очутился после в Казанском соборе в мундире министерства просвещения. Уморительно смешно. Много настоящего [юмора]. Коллежский асессор, встретясь с носом своим, говорит ему: «Удивляюсь, что нахожу вас здесь; вам, кажется, должно бы знать свое место». И чтобы и мое письмо не пропало, а попало к своему месту, то есть, тебе под нос, а я не остался бы с носом, кончаю и отправляю письмо в министерство иностранное.

«Остафьевский Архив», т. Ill, стр. 313–314.

А. О. Смирнова – П. А. Вяземскому

4 мая 1836 г.

Благодарю за «Современник», [Первый том «Современника», где были напечатаны «Утро делового человела» и «Коляска», вышел в апреле 1836 г.] я его вкушаю с чувством и расстановкой, разом проглотив Чиновников и Коляску Гоголя, смеясь, как редко смеются, а я никогда. Ведь это однако Плетнев открыл это маленькое сокровище; у него чутье очень верное, он его распознал с первой встречи.

«Русский Архив», 1884 г., № 4.

П. А. Вяземский – А. И. Тургеневу

Петерб., 8 мая 1836 г.

…Вот тебе «Современник» и «Ревизор». Прочти «Ревизора» и заключи, сколько толков раздаются о нем. [Все претендуют на то, чтобы быть «бóльшими монархистами, чем монарх»,] и все гневаются, что позволили играть эту пиесу, которая, впрочем, имела блистательный и полный успех на сцене, хотя не успех общего одобрения. Неимоверно что за глупые суждения слышишь о ней, особенно в высшем ряду общества. «Как будто есть такой город в России». Во-первых, вероятно, и есть, а во-вторых, мог бы быть, и для комика довольно и этой возможности. Комик не историк, не статистик нравов. Комик в некотором отношении карикатурный живо писец нравов, Гогарт общества и только. [Вильям Гогарт (1697–1765) – английский художник-жанрист.] «Как не представить хотя одного честного, порядочного человека.

Будто их нет в России». Разумеется, есть, но честный человек не входит в объем плана, который расчертил перед собою автор. Вы требуете фасада, а он хотел показать вам один угол, чтобы тем сильнее сосредоточить [световые эффекты] и внимание ваше. [«Впрочем, в пиесе есть честный человек», сказал я всенародно, «это правительство, разрешившее ее представление, ибо оно не узнаёт себя в этой картине, признаёт существование этих злоупотреблений, более или менее присущих природе человеческой, подавляет их, когда они обнаруживаются, – доказательство этому в заглавии пиесы „Ревизор“ – и хочет внушить к ним отвращение, предавая их осмеянию и презрению на сцене».]

Кажется, после этого надобно бы замолчать. Куда, кричат пуще прежнего. Козловский один из малого числа ратоборцев за пиесу, [Кн. Петр Бор. Козловский (1783–1840) – дипломат и писатель-дилетант, отличавшийся в жизни исключительным даром слова.] Жуковский, да я, не говоря уже о государе, который читал ее в рукописи.

Я готовлю для «Современника» разбор комедии, а еще более разбор зрителей.

«Остафьевский Архив», т. III, стр. 317–318.

Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину

Пб., 29 апреля 1836 г.

Наконец пишу к вам, бесценнейший Михаил Семенович. Едва ли, сколько мне кажется, это не в первый раз происходит. Явление точно замечательное: два первые ленивца в мире наконец решаются изумить друг друга письмом. Посылаю вам «Ревизора». Может быть, до вас уже дошли слухи о нем. Я писал к ленивцу 1-й гильдии и беспутнейшему человеку в мире, Погодину, чтобы он уведомил вас. Хотел даже посылать к вам его, но раздумал, желая сам привезти к вам и прочитать собственногласно, дабы о некоторых лицах не составились заблаговременно превратные понятия, которые, я знаю, чрезвычайно трудно после искоренить. Но, познакомившись с здешнею театральною дирекциею, я такое получил отвращение к театру, что одна мысль о тех приятностях, которые готовятся для меня еще и на московском театре, в силе удержать поездку в Москву и попытку хлопотать о чем-либо. К довершению наконец возможнейших мне пакостей здешняя дирекция, т. е. директор Гедеонов, [Ал-др Мих. Гедеонов (1790–1867) – с 1833 г. директор петерб. имп. театров.] вздумал, как слышу я, отдать главные роли другим персонажам после четырех представлений ее, будучи

подвинут какою-то мелочною личною ненавистью к некоторым главным актерам в моей пиесе, как-то к Сосницкому и Дюру. Мочи нет. Делайте, что хотите с моею пиесою, но я не стану хлопотать о ней. Мне она сама надоела так же, как хлопоты о ней. Действие, произведенное ею, было большое и шумное. Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня. Бранят и ходят на пиесу; на четвертое представление нельзя достать билетов. Если бы не высокое заступничество государя, пиеса моя не была бы ни за что на сцене, и уже находились люди, хлопотавшие о запрещении ее. Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем. Малейший признак истины – и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия. Воображаю, что же было бы, если бы я взял что-нибудь из петербургской жизни, которая мне больше и лучше теперь знакома, нежели провинциальная. Досадно видеть против себя людей тому, который их любит между тем братскою любовью.

Комедию мою, читанную мною вам в Москве, под заглавием «Женитьба», я теперь переделал и переправил, и она несколько похожа теперь на что-нибудь путное. Я ее назначаю таким образом, чтобы она шла вам и Сосницкому в бенефис здесь и в Москве, что, кажется, случается в одно время года. Стало быть, вы можете адресоваться к Сосницкому, которому я ее вручу. Сам же через месяца полтора, если не раньше, еду за границу, и потому советую вам, если имеется ко мне надобность не медлить вашим ответом и меньше предаваться общей нашей приятельнице, лени.

Прощайте. От души обнимаю вас и прошу не забывать вашего старого земляка, много, много любящего вас

Гоголя.

«Письма», I, стр. 368–369.

М. С. Щепкин – Н. В. Гоголю

Москва, май 1836 г.

Милостивый государь, Николай Васильевич! Письмо и Ревизора несколько экземпляров получил и по назначению все роздал, кроме Киреевского, который в деревне, и потому я отдал его экземпляр С. П. Шевыреву для доставления. Благодарю вас от души за «Ревизора» – не как за книгу, а как за комедию, которая, так сказать, осуществила все мои надежды, и я совершенно ожил. Давно я уже не чувствовал такой радости; ибо, к несчастию, мои все радости сосредоточены в одной сцене. Знаю, что это почти

сумасшествие, но что ж делать? Я, право, не виноват. Порядочные люди смеются надо мной и почитают глупостью, но я за усовершенствование этой глупости отдал бы остаток моей жизни. Ну, всё это в сторону, а теперь просто о «Ревизоре». Не грех ли вам оставлять его на произвол судьбы – и где же? в Москве, которая так радушно ждет вас, так от души смеется в «Горе от ума»? И вы оставите ее от некоторых неприятностей, которые доставил вам Ревизор? Во-первых, на театре таких неприятностей не может быть, ибо М. Н. Загоскин, благодаря вас за экземпляр, сказал, что будет писать к вам, и поручил мне еще уведомить вас, что для него весьма приятно было бы, если бы вы приехали, дабы он мог совершенно с вашим желанием «делать всё, что нужно для постановки пиесы». Со стороны же публики, чем более будут на вас злиться, тем более я буду радоваться, ибо это будет значить, что она разделяет мое мнение о комедии, и вы достигли своей цели. Вы сами лучше всех знаете, что ваша пиеса более всякой другой требует, чтобы вы прочли ее нашему начальству и действующим. Вы это знаете и не хотите приехать. Бог с вами! Пусть она вам надоела, но вы должны это сделать для комедии; вы должны это сделать по совести; вы должны это сделать для Москвы, для людей, вас любящих и принимающих живое участие в «Ревизоре». Одним словом, вы твердо знаете, что вы нам нужны, и не хотите приехать. Воля ваша, это эгоизм. Простите меня, что я так вольно выражаюсь, но здесь дело идет о комедии, и потому я не могу быть хладнокровным. Видите, я даже не ленив теперь. Вы, пожалуй, не ставьте ее у нас; только прочтите два раза, а там… Ну, полно, я вам надоел. Спасибо вам за подарок пиесы для бенефиса. Верьте, что такое одолжение никогда не выйдет из моей старой головы, в которой теперь одно желание видеть вас, зацеловать. Чтобы это исполнить, я привел бы всю Москву в движение. Прощайте. Простите, что оканчиваю без чинов.

Ваш М. Щепкин.

Прилагаю письмо Погодина.

Если вы решитесь ехать к нам, то скорее, ибо недели через три, а может быть и ранее, она будет готова. К ней пишут новую декорацию. [Гоголь в Москву не поехал, но написал Щепкину письмо от 10 мая (см. ниже), разминувшееся с этим. На это письмо Гоголь отвечал 15 мая (Письма, I, стр. 375).]

«Русская Старина», 1886 г., № 10, стр. 147–148.

М. П. Погодин – Н. В. Гоголю

Москва, 6 мая 1836 г.

…Щепкин плачет. Ты сделал с ним чудо. При первом слухе о

твоей комедии на сцене он оживился, расцвел, вновь сделался веселым, всюду ездил и рассказывал. Надо почтить это участие таланта. Ставить пиесу я сам тебе не советую: я как-то с год был знаком с кулисным миром, впрочем, как постороннее лицо, и убедился, что ничего не может быть мучительнее, как кланяться директорам, инспекторам, спорить со всеми этими сюжетами [Субъектами.] и против режиссера, машиниста и даже суфлера, и все эти господа думают еще, что они одолжают бедного автора выучивая роль и ставя стул и проч. Нет, черт их возьми: не ставь ни за что никакой пиесы, если не хочешь попортить себе кровь, но ты должен непременно раз прочесть пиесу актерам, а там пусть делают, что хотят.

Итак, приезжай непременно и поскорее. Мы все просим тебя.

Еще говорят, ты сердишься на толки. Ну, как тебе, братец, не стыдно! Ведь ты сам делаешься комическим лицом. Представь себе, автор хочет укусить людей не в бровь, а прямо в глаз. Он попадает в цель. Люди щурятся, отворачиваются, бранятся и, разумеется, кричат: «да нас таких нету!» Так ты должен бы радоваться, ибо видишь, что достиг цели. Каких доказательств яснее истины в комедии! А ты сердишься?! Ну не смешон ли ты? Я расхохотался, читая в «Пчеле», которая берется доказать, что таких бессовестных и наглых мошенников нет на свете. «Есть, есть они, вы такие мошенники!» – говори ты им и отворачивайся с торжеством. Вот за это мне надо тебя покупать в стиксовой воде, которая протекает по моим нынешним владениям.

«Русская Старина», 1889 г., № 8, стр. 381–382.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

[Это еще не ответ на письмо Погодина от 6 мая. Ответ см. ниже (от 15 мая).]

Пб., 10 мая 1836 г.

…Я хотел было ехать непременно в Москву и с тобой наговориться вдоволь. Но не так сделалось. Чувствую, что теперь не доставит мне Москва спокойствия, а я не хочу приехать в таком тревожном состоянии, в каком нахожусь ныне. Еду за границу, там размыкаю ту тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен подальше быть от своей родины. Пророку нет [приюта] славы в отчизне. Что против меня уже решительно восстали теперь все сословия, я не смущаюсь этим, но как-то тягостно грустно, когда видишь против себя несправедливо восстановленных своих же соотечественников, которых от души любишь, когда видишь, как ложно, в каком

неверном виде ими всё принимается, частное принимается за общее, случай за правило. Что́ сказано верно и живо, то уже кажется пасквилем. Выведи на сцену двух-трех плутов – тысяча честных людей сердится, – говорит: мы не плуты. Но бог с ними. Я не оттого еду за границу, чтобы не умел перенести этих неудовольствий. Мне хочется поправиться в своем здоровьи, рассеяться, развлечься и потом, избравши несколько постоянное пребывание, обдумать хорошенько труды будущие. Пора уже мне творить с большим размышлением. Лето буду на водах, август месяц на Рейне, осень в Швейцарии, уединюсь и займусь. Если удастся, то зиму думаю пробыть в Риме или Неаполе… [На Рейне Гоголь был только проездом, с августа по октябрь – в Швейцарии, затем в Париже, и только с марта 1837 г. в Риме.]

Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину

Пб., 10 мая 1836 г.

Я забыл вам, дорогой Михаил Семенович, сообщить, кое-какие замечания предварительные о «Ревизоре». Во-первых, вы должны непременно, из дружбы ко мне, взять на себя всё дело постановки ее. Я не знаю никого из актеров ваших, какой и в чем каждый из них хорош. Но вы это можете знать лучше, нежели кто другой. Сами вы, без сомнения, должны взять роль городничего, иначе она без вас пропадет. Есть еще трудней роль во всей пиесе – роль Хлестакова. Я не знаю, выберете ли вы для нее артиста. [Хлестакова в Москве играл Дм. Тим. Ленский (1805–1860).] Боже сохрани, [если] ее будут играть с обыкновенными фарсами, как играют хвастунов и повес театральных. Он просто глуп, болтает потому только, что видит, что его расположены слушать; врет, потому что плотно позавтракал и выпил порядочного вина. Вертляв он тогда только, когда подъезжает к дамам. Сцена, в которой он завирается, должна обратить особое внимание. Каждое слово его, то есть фраза или речение, есть экспромт совершенно неожиданный и потому должно выражаться отрывисто. Не должно упускать из виду, что к концу этой сцены начинает его мало-помалу разбирать. Но он вовсе не должен шататься на стуле; он должен только раскраснеться и выражаться еще неожиданнее и, чем далее, громче и громче. Я сильно боюсь за эту роль. Она и здесь была исполнена плохо, потому что для нее нужен решительный талант. Жаль, очень жаль, что я никак не мог быть у вас: многие из ролей могли быть совершенно понятны только тогда, когда бы я прочел их. Но нечего делать. Я так теперь мало спокоен духом, что вряд ли бы мог быть слишком полезным. Зато, по возврате из-за границы, я намерен основаться

у вас в Москве. С здешним климатом я совершенно в раздоре. За границей пробуду до весны, а весною к вам.

Скажите Загоскину, что я всё поручил вам. Я напишу к нему, что распределение ролей я послал к вам. Вы составьте записочку и подайте ему как сделанное мною. [Да еще не одевайте Бобчинского и Добчинского в том костюме, в каком они напечатаны. Это их одел Храповицкий]. [В замечаниях при 1-м издании «Ревизора» было сказано о Бобчинском и Добчинском: «Оба в серых фраках, желтых нанковых панталонах. Сапоги с кисточками. Представляются Добчинский в широком фраке бутылочного цвета и Бобчинский в прежнем гарнизонном мундире».] Я мало входил в эти мелочи и приказал напечатать по-театральному. Тот, который имеет светлые волоса, должен быть в темном фраке, а брюнет, т. е. Бобчинский, должен быть в светлом. Нижнее обоим – темные брюки. Вообще, чтобы не было форсировано. Но брюшки у обоих должны быть непременно, и притом остренькие, как у беременных женщин.

«Письма», I, стр. 372–373.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

Пб., 15 мая 1836 г.

Я получил письмо твое. Приглашение твое убедительно. Но никаким образом не могу. Нужно захватить время пользования на водах. Лучше пусть приеду к вам в Москву обновленный и освеженный. Приехавши, я проживу с тобою долго, потому что не имею никаких должностных уз и не намерен жить постоянно в Петербурге. Я не сержусь на толки, как ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются те, которые отыскивают в моих оригиналах свои собственные черты и бранят меня. Не сержусь, что бранят меня неприятели литературные, продажные таланты, но грустно мне это всеобщее невежество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупейшее мнение ими же опозоренного и оплеванного писателя действует на них же самих и их же водит за нос. Грустно, когда видишь, в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель. Все против него, и нет никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. «Он зажигатель, он бунтовщик»! И кто же говорит? Это говорят люди государственные, люди выслужившиеся, опытные, люди, которые должны бы иметь на сколько-нибудь ума, чтоб понять дело в настоящем виде, люди, которые считаются образованными и которых свет, по крайней мере русский свет, называет образованными. Выведены на сцену плуты, и все в ожесточении, зачем выводить на сцену плутов. Пусть сердятся плуты, но

сердятся те, которых я не знал вовсе за плутов. Прискорбна мне эта невежественная раздражительность, признак глубокого, упорного невежества, разлитого на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тем, что выведены нравы шести чиновников провинциальных; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ее собственные нравы? Я огорчен не нынешним ожесточением против моей пиесы; меня заботит моя печальная будущность. Провинция уже слабо рисуется в моей памяти, черты ее уже бледны. Но жизнь петербургская ярка перед моими глазами, краски ее живы и резки в моей памяти. Малейшая черта ее – и как тогда заговорят мои соотечественники? И то, что бы приняли люди просвещенные с громким смехом и участием, то самое возмущает желчь невежества; а это невежество всеобщее. Сказать о плуте, что он плут, считается у них подрывом государственной машины; сказать, какую-нибудь только живую и верную черту – значит, в переводе, опозорить всё сословие и вооружить против него других, или его подчиненных. [Ср. в статье «Петербургские записки 1836 года»: «Если сказать, что в одном городе один надворный советник нетрезвого поведения, то все надворные советники обидятся… Нужны ли примеры? Вспомните „Ревизора“». Ср. также начало «Шинели».] Рассмотри положение бедного автора, любящего между тем сильно свое отечество и своих же соотечественников, и скажи ему, что есть небольшой круг, понимающий его, глядящий на него другими глазами, утешит ли это его? Москва больше расположена ко мне, но отчего? Не оттого ли, что я живу в отдалении от ней, что портрет ее еще не был виден нигде у меня, что, наконец… но не хочу на этот раз выводить все случаи. Сердце мое в эту минуту наполнено благодарностью к ней за внимание ко мне. Прощай. Еду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторские, свои будущие творения, и возвращусь к тебе, верно, освеженный и обновленный. Всё, что́ ни делалось со мною, всё было спасительно для меня: все оскорбления, все неприятности посылались мне высоким провидением на мое воспитание. И ныне я чувствую, что не земная воля направляет путь мой. Он, верно, необходим для меня.

Целую тебя несчетно. Пиши ко мне. Еще успеешь.

Твой Гоголь.

«Письма», I, стр. 377–378.

Из статьи А. Б. В

[Автор статьи не выяснен; делались предположения об

авторстве В. Г. Белинского или друга его Вас. Петр. Боткина (1811–1869).]

Спектакль в Малом театре. Большой переламывают. Следовательно, лож вполовину менее и публики также. По общему закону и порядку, места эти достаются лучшей публике, что и быть должно; а кто привык к Москве, тому стоит оглянуться в театре, чтобы видеть, какая публика посетила спектакль. На первом представлении «Ревизора» была в ложах бельэтажа и бенуара так называемая лучшая публика, высший круг; кресла, за исключением задних рядов, были заняты тем же обществом. Не раз уже было замечаемо, что в Москве каждый спектакль имеет свою публику. Взгляните на спектакль воскресный или праздничный: дают трагедию, или «Филатку» [«Филатка и Мирошка соперники» – водевиль из крестьянской жизни П. И. Григорьева (1806–1871), поставленный впервые в 1831 г.] играют Мочалов, [Пав. Степ. Мочалов (1800–1848) – знаменитый трагик.] Живокини; [Вас. Игн. Живокини (1807–1874) – известный комический актер.] кресла и бельэтажи пусты, но верхние слои театра утыканы головами зрителей, и вы видите, между лесу бород, страусовые перья на желтых шляпках, раек полон чепчиками гризеток, обведенных темною рамою молодежи всякого рода. Посмотрите на тот же театр в будни, когда дают, например, «Невесту Роберта»: [«Роберт-Дьявол» – опера Мейербера.] посетители наоборот: низ, дорогие места полны, дешевые, верхние пусты. И в том разделении состояния и вкусов видна уже та черта, которая делит общество на две половины, не имеющие ничего между собою общего, которых жизнь, занятие, удовольствия разны, чуть ли не противоположны, и следовательно то, что может и должно действовать на одних, не возбуждает в других участия; занимательное для круга высшего не встречает сочувствия в среднем.

Итак, публика, посетившая первое представление «Ревизора», была публика высшего тона, богатая, чиновная, выросшая в будуарах, для которых посещение спектакля есть одна из житейских обязанностей, не радость, не наслаждение. … Блестящий наряд и мертвенная, холодная физиономия, разговор из общих фраз или тонких намеков на отношения личные: вот отличительная черта общества, которое низошло до посещения «Ревизора», этой русской, всероссийской пьесы, изникнувшей не из подражания, но из собственного, быть может, горького чувства автора. Ошибаются те, которые думают, что эта комедия смешна, и только. Да, она смешна, так сказать, снаружи; но внутри это горе-гореваньицо, лыком подпоясано, мочалами испугано. И та публика, которая была в «Ревизоре», могла ли, должна ли была

видеть эту подкладку, эту внутреннюю сторону комедии?.. Что значит для богатого вельможи буднишняя, мелочная жизнь этих чиновников? И как много значит она, какое влияние имеет на класс, от них зависящий? С этой-то точки глядя на собравшуюся публику, пробираясь на местечко между действительными и статскими советниками, извиняясь перед джентельменами, обладающими несколькими тысячами душ, мы невольно думали: вряд ли «Ревизор» им понравится, вряд ли почувствуют наслаждение видеть в натуре эти лица, так для нас страшные, которые вредны не потому, что сами дурно свое дело делают, а потому, что лишают надежды видеть на местах своих достойных исполнителей распоряжений, направленных к благу общему. Так и случилось. «Ревизор» не занял, не тронул, только рассмешил слегка бывшую в театре публику, а не порадовал ее. Уже в антракте был слышен полуфранцузский шепот негодования, жалобы, презрения: «mauvais genre!», [Пьеса дурного тона.] страшный приговор высшего общества, которым клеймит оно самый талант, если он имеет счастие ему не нравиться. Пьеса сыграна, и, осыпаемая местами аплодисментами, она не возбудила ни слова, ни звука по опущении занавеса. Так должно было быть, так и случилось! Ни один актер не был вызван, и мы слышали, выходя из театра, как иные в изумлении спрашивали: что же это значит? Эти иные забыли различие публики, или не знают, что даже в удовольствиях уже прошла та неизгладимая черта, которая делит общество, достигнувшее известного развития, на две параллельные, никогда не сходящиеся полосы.

…Первую роль занимал г. Щепкин, и выполнил ее по средствам своим хорошо. Он не усиливал, не пародировал нигде, но все-таки, он представляя городничего, не был им, не превратился в него, а этого должно от него требовать, потому что он один из тех людей, которые действуют с знанием. Вообще лучшие сцены его были: распоряжение к принятию ревизора, сцена с купцами и мечтания с женою. При уме и сметливости городничего, который должен же был понять, что молодой человек не может уж быть опасен, кажется, он бы мог менее быть принужден, чем был г. Щепкин пред Хлестаковым; он не должен был бояться его слишком впоследствии, а только соблюдать глубокое приличие, и только… Скажем все однако сердечное спасибо г. Щепкину за выполнение своей роли. Если он не создал, по крайней мере показал нам городничего; сверх того, при ее выполнении, он оставил многие привычки свои, и потому-то не был похож на себя, как говорили иные ценители театра, не понявшие, что на сцене должно видеть Городничего, а не Богатонова. [Богатонов – главное действующее лицо в двух

комедиях Загоскина – «Г. Богатонов, или Провинциал в столице» (1817) и «Богатонов в деревне, или Сюрприз самому себе» (1822).] При всем том мы должны упрекнуть г. Щепкина, а вместе с ним и всех артистов без исключения за эту болтовню, скороговорку, вовсе не согласную с духом пьесы, и если кто-либо будет утверждать противное, беремся указать ему неоспоримые признаки, что весь ход пьесы, для того, чтобы вполне выразить характер провинциальности, должен быть тих, медлен, осмотрительно важен. Поверьте, нигде и никогда в уездном городе нет такой быстроты в действиях, мыслях, словах, поступках: там никто не торопится жить, потому что жизнь там бесцветна, тянется однообразно: кто же станет торопиться жить? Медленность, эта напрасная трата времени, есть там наслаждение, потому что этого времени слишком много для провинциальной жизни. Право, на недельное событие и происшествие иного города довольно бы получасу петербургского; как там всё сжато в времени, так тут всё растягивается, чтобы заместить пустоту его хоть пустяками. И вот где причина повсеместности и необходимости Бобчинских и Добчинских… Но это дело стороннее. Если не поверят нам на слово, пусть требуют доказательств: мы дадим их. Мы твердо уверены, что основным характером исполнения комедий Гоголя должны быть медленность и вялость всех лиц, которые хотя и оживились чрезвычайным происшествием, но не могли же в два-три часа утратить привычек целой жизни; самая суетливость их должна бать тиха, мерна, ленива, как все мысли, которые не вяжутся в их головах, не потому, чтобы они были вовсе глупы, а потому, что отвыкли мыслить, обленились, завязли в колее своей, опустились нравственно. И этого-то именно ни один актер, кроме г. Потанчикова, [Ф. С. Потанчиков (1800?–1871) – исполнитель роли почтмейстера.] не выдерживал; почему игра его отделилась от всех, но, не имея себе соответствия в прочих, казалась не столь прекрасною, какова была в самом деле. Г. Потанчиков был отменно прост, естествен, даже не позволил себе пародировать костюма, что сделали гг. Степанов, Баранов [Судья и Земляника.] и другие. Заметим здесь г. Степанову один раз навсегда, что передразнивание недостойно таланта; надобно создавать роли, а не копировать с кого бы то ни было. Больше не будем говорить ни о ком, кроме гг. Орлова и Ленского; [Илья Вас. Орлов играл Осипа, а Д. Т. Ленский – Хлестакова.] остальные ниже замечаний.

Г. Орлов хорошо взялся за роль вовсе не его, и выполнил ее только удачно. Он умно воспользовался всеми своими средствами и был хорош, а старание его ручается, что будет еще лучше. Но г. Ленский? – Ссылаемся на самого его: он верно согласится с нами.

Он верно согласится, что доселе еще не попал на свою роль, и, несмотря на то, что менял игру, каждое представление было неудачно. Особливо в сцене хвастовства он очень вял, и, что всего страннее, позволяет себе переменять слова роли. Ужли думает он поправлять Гоголя?

Вообще представление «Ревизора» наводит нас на мысль новую. Нам бы надобно два театра, потому что публика делится на два разряда огромные. Но пока этого нет, будем ходить наслаждаться туда ж, куда другие ездят отдохнуть и вздремнуть после обеда; к счастию они спят так сладко, что и не вздрагивают при самых шумных взрывах истинно любящей искусство публики.

«Молва», 1836 г., т. XI.

М. С. Щепкин – И. И. Сосницкому

Москва, 26 мая 1836 г.

…Есть предел грусти, где далее она уже нейдет. Что делать! может быть, любовь к искусству я простер далее, нежели должно, но это не моя вина. Теперь «Ревизор» дал немного мне приятных минут и вместе горьких, ибо в результате оказался недостаток в силах и в языке. Может быть найдутся люди, которые были довольны; но надо заглянуть ко мне в душу! Ну, меня в сторону. Ежели Н. В. Гоголь не уехал за границу, то сообщи ему, что вчерашний день игрался «Ревизор» – не могу сказать, чтобы очень хорошо, но нельзя сказать, чтобы и дурно; игран был в абонемент, и потому публика была высшего тона, которой, как кажется, она (комедия) многим не по вкусу. Несмотря на то, хохот был беспрестанно; вообще принималась пьеса весело; на завтра билеты на бельэтажи и бенуары, а равно и на пятницу – разобраны. Ежели получил от Гоголя пьесу «Женитьба», то пожалуйста, переписав, пришли; а то, несмотря ни на какие неудобства, я сам за ней приеду. Прощай, целую тебя.

М. С. Щепкин, стр. 162–163.

М. С. Щепкин – И. И. Сосницкому

3 июня 1836 г.

Сейчас получил от тебя, дружище, письмо, и сейчас отвечаю. Бранишь, что я не писал подробно об успехе пьесы, но я написал тебе всё, что мог написать. Публика была изумлена новостью, хохотала чрезвычайно много, но я ожидал гораздо большего приема. Это меня чрезвычайно изумило; но один знакомый забавно объяснил мне эту причину: «Помилуй, говорит, как можно было ее лучше принять, когда половина публики берущей,

а половина дающей?» И последующие разы это оправдали: принималась (комедия) чрезвычайно хорошо, принималась с громкими вызовами, и она теперь в публике общим разговором, и до кого она ни коснулась – все в восхищении, а остальные морщатся. Ленский в Хлестакове очень недурен. Орлов в слуге хорош. Бобчинский и Добчинский порядочны, [Ник. Мат. Никифоров (1796–1880) и Серг. Вас. Шумский (1820–1878).] а особливо в сцене, где они являются с просьбой – один об сыне, а другой хлопочет о том, чтобы привести в известность о его местопребывании; а первой сценой я недоволен. Собой я большею частию недоволен, а особливо первым актом. Петр Степанов в судье бесподобен. Женщинами я вообще недоволен, а особливо женой и дочерью: чрезвычайно нежизненны. [Марья Дм. Львова-Синецкая (1795–1875) и Панова.] Вчера играл я в четвертый раз, и публика каждый раз принимает ее теплее и теплее; театр всегда бывает полон. Теперь доволен ли моим отчетом?

М. С. Щепкин, стр. 163–164.

И. И. Лажечников о Гоголе

…В письме к Белинскому от 18 июня 1836 г. Лажечников хвалит написанные им тогда разборы Шевырева, «Постоялого двора», [Роман Ал-дра Петр. Степанова, вышед. в 1835 г. Отзыв Белинского (отрицательный) – в «Молве», 1836 г., № 1 «Разборы Шевырева» – статья «О критике и лит. мнениях Моск. Наблюдателя» («Телескоп», № 5).] но думает, что Белинский польстил «Современнику» и слишком пристрастен к Гоголю. Тогда только что вышел «Ревизор», и Лажечников, как многие писатели старой школы, совершенно искренно не понимал восторга от новой комедии, которую считал просто карикатурой, фарсом, годным для потехи райка, а не художественным творческим произведением. Он еще раз потом возвращается к этому предмету… «Высоко уважаю талант автора „Старосветских помещиков“ и „Бульбы“; но не дам гроша за то, чтобы написать „Ревизора“… Признаюсь, я сержусь на вас: вы пристрастны… Зачем, взыскивая с других за всё и про всё, вы прощаете всё Гоголю? Но приезжайте, приезжайте хоть для того, чтобы поспорить; я выиграю вдвойне, – буду иметь удовольствие вас видеть у себя и, может быть, убеждусь, что я принимал белое за черное».

А. Пыпин. «Белинский, его жизнь и переписка», изд. 2-е, стр. 103–104.

Из воспоминаний В. В. Стасова

[Влад. Вас. Стасов (1824–1906) – археолог и историк искусства. Воспитывался в училище правоведения в Петербурге. Воспоминания относятся к 1836 г.]

…Первое, что я прочитал из Гоголя, это была «Повесть о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем», напечатанная в «Новоселье», сборнике, составившемся из статей лучших тогдашних писателей, по поводу переезда книгопродавца Смирдина в новый магазин. Вот где можно сказать, что новое поколение подняло великого писателя на щитах с первой же минуты его появления. Тогдашний восторг от Гоголя – ни с чем несравним. Его повсюду читали точно запоем. Необыкновенность содержания, типов, небывалый, неслыханный по естественности язык, отроду еще неизвестный никому юмор – всё это действовало просто опьяняющим образом. С Гоголя водворился на России совершенно новый язык; он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительною бойкостью и близостью к натуре. Все гоголевские обороты, выражения быстро вошли во всеобщее употребление. Даже любимые гоголевские восклицания: «черт возьми», «к черту», «черт вас знает», и множество других, вдруг сделались в таком ходу, в каком никогда до тех пор не бывали. Вся молодежь пошла говорить гоголевским языком. Позже мы стали узнавать и глубокую поэтичность Гоголя, и приходили от нее в такой же восторг, как и от его юмора, Вначале же всех поразил, прежде всего остального, юмор его, с которым нам нельзя было сравнить ничего из всего, до тех пор нам известного. Мы раньше всего купили для нашего класса «Новоселье», и тотчас же толстый том был совершенно почти в клочках от беспрерывного употребления. Тогда не только в Петербурге, но даже во всей России было полное царство Булгарина, Греча и Сенковского. Но нас мало заинтересовали «Похождения квартального» Булгарина и «Большой выход сатаны» Сенковского, появившиеся в этом томе. Ложный и тупой юмор Брамбеуса был настолько скучен, и мы только и читали, что «Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича». Скоро потом купили два томика «Арабесок». Тут «Невский проспект», «Портрет» нравились нам до бесконечности, и я разделял общий восторг. Не могу теперь сказать – как другие, но что касается до меня лично, то я был тогда в великом восхищении и от исторических статей Гоголя, напечатанных в «Арабесках». «Шлецер, Миллер и Гердер», «Средние века», «Мысли об изучении истории», [«О преподавании всеобщей истории»] все это глубоко поражало меня картинностью и художественностью изложения. Что, кабы нам на этот манер читали историю в классе, думал я сто раз, сравнивая статьи Гоголя с тою мертвечиною, тоской и скукой, какою нас угощали

наши учителя, под названием «истории», конечно и не подозревая, что у нас есть воображение, потребность жизни и пластичности. И, мне кажется, эти статьи не пропали даром. Они имели значительное влияние на отношение мое, и моих товарищей, к истории…

Некоторые из нас видели тогда тоже и «Ревизора» на сцене. Все были в восторге, как и вся вообще тогдашняя молодежь. Мы наизусть повторяли потом друг другу, подправляя и пополняя один другого, целые сцены, длинные разговоры оттуда. Дома или в гостях нам приходилось нередко вступать в горячие прения с разными пожилыми (а иной раз, к стыду, даже и не пожилыми) людьми, негодовавшими на нового идола молодежи и уверявшими, что никакой натуры у Гоголя нет, что это всё его собственные выдумки и карикатуры, что таких людей вовсе нет на свете, а если и есть, то их гораздо меньше бывает в целом городе, чем тут у него в одной комедии. Схватки выходили жаркие, продолжительные, до пота на лице и на ладонях, до сверкающих глаз и глухо начинающейся ненависти или презрения, но старики не могли изменить в нас ни единой черточки, и наше фанатическое обожание Гоголя разрасталось всё только больше и больше.

«Русская Старина», 1881 г., № 2, стр. 414–418.

Письма русского путешественника

Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому

Гамбург, 28/16 июня (1836) [Гоголь уехал из Петербурга 6 июня, на пароходе, вместе с А. С. Данилевским.]

Мне очень было прискорбно, что не удалось с вами проститься перед моим отъездом, тем более, что отсутствие мое, вероятно, продолжится на несколько лет. Но теперь для меня есть что-то в этом утешительное. Разлуки между нами не может и не должно быть, и где бы я ни был, в каком бы отдаленном уголке ни трудился, я всегда буду возле вас. Каждую субботу я буду в вашем кабинете, вместе со всеми близкими вам. Вечно вы будете представляться мне слушающим меня читающего. Какое участие, какое заботливо-родственное участие видел я в глазах ваших!.. Низким и пошлым почитал я выражение благодарности моей к вам. Нет, я не был проникнут благодарностью; клянусь, это что-то выше, что-то больше ее; я не знаю, как назвать это чувство, но катящиеся в эту минуту слезы, но взволнованное до глубины сердце говорят, что оно одно из тех чувств, которые редко достаются в удел жителю земли. – Мне ли не благодарить пославшего меня на землю! Каких высоких, каких торжественных ощущений, невидимых, незаметных для света, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сделаю, чего не делает обыкновенный человек. Львиную силу чувствую в душе своей и заметно слышу переход свой из детства, проведенного в школьных занятиях, в юношеский возраст. В самом деле, если рассмотреть строго и справедливо, что такое все, написанное мною до сих пор? Мне кажется, как будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, в которой на одной странице видно нерадение и лень, на другой нетерпение и поспешность, робкая, дрожащая рука начинающего и смелая замашка шалуна, вместо букв выводящая крючки, за которую бьют по рукам. Изредка, может быть, выберется страница, за которую похвалит разве только учитель, провидящий в них зародыш будущего. Пора, пора наконец заняться делом. О, какой непостижимо-изумительный смысл имели все случаи и обстоятельства моей жизни! Как спасительны для меня были все неприятности и огорчения! Они имели в себе что-то эластическое; касаясь их, мне казалось, я отпрыгивал выше, по крайней мере чувствовал в душе своей крепче отпор. Могу сказать, что я никогда не жертвовал свету моим талантом. Никакое развлечение, никакая страсть не в состоянии были на минуту

овладеть моею душою и отвлечь меня от моей обязанности. Для меня нет жизни вне моей жизни, и нынешнее мое удаление из отечества, оно послано свыше, тем же великим провидением, ниспославшим все на воспитание мое. Это великий перелом, великая эпоха моей жизни. Знаю, что мне много встретится неприятного, что я буду терпеть и недостаток и бедность, но ни за что в свете не возвращусь скоро. Долее, долее, как можно долее буду в чужой земле. И хотя мысли мои, мое имя, мои труды будут принадлежать России, но сам я, но бренный состав мой будет удален от нее.

Не знаю, как благодарить вас за хлопоты ваши доставить мне от императрицы на дорогу. Если это сопряжено с неудобствами, или сколько-нибудь неприлично, то не старайтесь об этом. Я надеюсь, что при теперешней бережливости моей могу как-нибудь управиться с моими средствами. Правда, разделавшись с Петер[бургом], я едва только вывез две тысячи, но, может быть, с ними я протяну как-нибудь до октября, а в октябре месяце должен мне Смирдин вручить тысячу с лишком. С петербургскими моими долгами я кое-как распорядился: иные выплатил из моей суммы, другие готовы подождать. Если же на случай вы получите для меня деньги, то вручите их Плетневу, который мне может переслать, если мне придется большая надобность. Я еду теперь прямо в Ахен. Письмо же к Коппу [Доктор во Франкфурте.] отправил по почте вчера, раньше никак не мог.

Наше плавание было самое несчастное. Вместо четырех дней, пароход шел целые полторы недели, по причине дурного и бурного времени и беспрестанно портившейся пароходной машины. Один из пассажиров, граф М[усин-]Пушкин, умер. В Ахене я дождусь ответа Коппа, к которому послал описание моей болезни, впрочем не слишком важной. В Ахене я займусь месяца два языками, потому что мне чрезвычайно трудно изъясняться, и потом еду на Рейн. Передайте мой поклон князю Вяземскому и благодарите его от меня за его участие и письмо. Даже с Пушкиным я не успел и не мог проститься; впрочем он в этом виноват. [Пушкин вернулся из Москвы в Петербург 23 мая, и лето провел на даче – на Каменном острове. Возможность свидания с Гоголем была таким образом затруднена, но не исключена. Но 1836 г. – год охлаждения между Гоголем и Пушкиным, вероятно, на почве журнальных отношений.] Для его журнала я приготовлю кое-что, которое, как кажется мне, будет смешно: из немецкой жизни. [Написано не было.] Плетневу скажите, что я буду писать к нему из Ахена, и что я очень сильно жму его руку. Желая вам как можно лучше, веселее проводить время и прося вас думать иногда о том, который думать о вас почитает праздником и

приготовляет только на закуску после трудов, остаюсь навсегда ваш

Н. Гоголь.

«Письма», I, стр. 383–386.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

Женева, сентября 22/10 1836 г.

Здравствуй, мой добрый друг! как живешь? чтó делаешь? скучаешь ли, веселишься ли? или работаешь, или лежишь на боку да ленишься? Бог в помощь тебе, если занят делом. Пусть весело горит пред тобою свеча твоя!.. Мне жаль, слишком жаль, что я не видался с тобою перед отъездом. Много я отнял у себя приятных минут… но на Руси есть такая изрядная коллекция гадких рож, что невтерпеж мне пришлось глядеть на них. Даже теперь плевать хочется, когда об них вспомню. Теперь передо мною чужбина, вокруг меня чужбина, но в сердце моем Русь, – не гадкая Русь, но одна только прекрасная Русь: ты, да несколько других близких, да небольшое число заключивших в себе прекрасную душу и верный вкус. Я не пишу тебе ничего о моем путешествии. Впечатления мои уже прошли. Уже я привык к окружающему, и потому описание его, сомневаюсь, чтобы было любопытно. Два предмета только поразили и остановили меня: Альпы да старые готические церкви.

Осень наступила, и я должен положить свою дорожную палку в угол и заняться делом. Думаю остаться или в Женеве, или в Лозане, или в Веве, где будет теплее (здесь нет наших теплых домов). Принимаюсь перечитывать вновь всего Вальтер Скотта, а там, может быть, за перо…

«Письма», I, стр. 396.

Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому

Париж, 12 ноября 1836 г.

…Прошатавшись лето на водах, я перебрался на осень в Швейцарию. Я хотел скорее усесться на месте и заняться делом; для этого поселился в загородном доме близ Женевы. Там принялся перечитывать я Мольера, Шекспира и Вальтер Скотта. [Вероятно, на французском языке (английским Гоголь занялся только в последние годы жизни).] Читал я до тех пор, покамест сделалось так холодно, что пропала вся охота к чтению. Женевские холода и ветры выгнали меня в Веве. Никого не было в Веве; один только Блашне выходил ежедневно в 3 часа к пристани встречать пароход. Сначала было мне несколько скучно, потом я

привык и сделался совершенно вашим наследником: завладел местами ваших прогулок, мерял расстояние по назначенным вами верстам, колотя палкою бегавших по стенам ящериц, нацарапал даже свое имя русскими буквами в Шильонском подземелье, не посмел подписать его под двумя славными именами творца и переводчика «Шильон. узника»; [Т. е. Байрона и Жуковского. Шильонский замок – на берегу Женевского озера.] впрочем, даже не было и места. Под ними расписался какой-то Бурнашев. Внизу последней колонны, которая в тени, когда-нибудь русский путешественник разберет мое птичье имя, если не сядет на него англичанин. Недоставало только мне завладеть комнатой в вашем доме, в котором живет теперь великая кн. Анна Федоровна. Осень в Веве наконец настала прекрасная, почти лето. У меня в комнате сделалось тепло, и я принялся за «Мертвых Душ», которых было начал в Петербурге. Все начатое переделал я вновь, обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись. Швейцария сделалась мне с тех пор лучше; серо-лилово-голубо-сине-розовые ее горы легче и воздушнее. Если совершу это творение так, как нужно его совершить, то… какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем! Это будет первая моя порядочная вещь; вещь, которая вынесет мое имя. Каждое утро, в прибавление к завтраку, вписывал я по три страницы в мою поэму, и смеху от этих страниц было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокий день. Но наконец и в Веве сделалось холодно. Комната моя была нимало не тепла; лучшей я не мог найти. Мне тогда представился Петербург, наши теплые домы; мне живее тогда представились вы, вы в том самом виде, в каком встречали меня приходившего к вам и брали меня за руку, и были рады моему приходу… И мне сделалось страшно скучно. Меня не веселили мои «Мертвые Души», я даже не имел в запасе столько веселости, чтобы продолжать их. Доктор мой отыскал во мне признаки ипохондрии, происходившей от геморроид, и советовал мне развлекать себя; увидевши же, что я не в состоянии был этого сделать, советовал переменить место. Мое намерение до того было провести зиму в Италии, но в Италии бушевала холера страшным образом; карантины покрыли ее, как саранча. Я встречал только бежавших оттуда итальянцев, которые от страху в масках проезжали свою землю. Не надеясь развлечься в Италии, я отправился в Париж, куда вовсе не располагал было ехать. Здесь встретил я своего двоюродного брата, [Так Гоголь назвал почему-то А. С. Данилевского.] с которым выехал из Петербурга. Это лучший из выпущенных вместе со мною из Нежина. Жаль, что вы не знаете его стихов, которые под величайшим страхом показал

он только одному мне, и то не прежде, как затворивши все двери, чтобы и французы не услышали. Париж не так дурен, как я воображал, и, что всего лучше для меня, мест для гулянья множество; одного сада Тюльери и Елисейских полей достаточно на весь день ходьбы. Я нечувствительно делаю порядочный моцион, что для меня теперь необходимо. Бог простер здесь надо мною своё покровительство и сделал чудо: указал мне теплую квартиру; на солнце, с печкой, и я блаженствую. Снова весел. «Мертвые» текут живо, свежее и бодрее, чем в Веве, и мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мною всё наше, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словом вся православная Русь. Мне даже смешно, как подумаю, что я пишу Мертвых Душ в Париже. Еще один Левиафан затевается. Священная дрожь пробирает меня заранее, как подумаю о нем, слышу кое-что из него. Божественные вкушу минуты… но… теперь я погружен весь в «Мертвые Души». Огромно велико мое творение, и не скоро конец его. Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками. Терпение! Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом. Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня, и потомки тех же земляков моих, может быть, с глазами, влажными от слез, произнесут примирение моей тени.

…Не представится ли вам каких-нибудь казусов, могущих случиться при покупке мертвых душ? Это была бы для меня славная вещь, потому, как бы то ни было, но ваше воображение верно, увидит такое, чего не увидит мое. Сообщите об этом Пушкину; авось-либо и он найдет что-нибудь с своей стороны. Хотелось бы мне страшно вычерпать этот сюжет со всех сторон. У меня много есть таких вещей, которые бы мне никак прежде не представились; но, несмотря, вы все еще можете мне сказать много нового, ибо что голова, то ум. Никому не сказывайте, в чем состоит сюжет «Мертвых Душ».

Название можете объявить всем. Только три человека: вы, Пушкин да Плетнев, должны знать настоящее дело. Прилагаемое письмо прошу вас покорнейше вручить Плетневу немедленно; оно нужное.

«Письма», I, стр. 413–416.

Н. В. Гоголь – Н. Я. Прокоповичу

Париж, 25 янв. 1837 г.

Я получил письмо от Данилевского, что он скучает в Париже, и решился ехать разделять его скуку. Париж город хорош для

того, кто именно едет для Парижа, чтобы погрузиться во всю его жизнь. Но для таких людей, как мы с тобою, – не думаю, разве нужно скинуть с каждого из нас по 8 лет. К удобствам здешним приглядишься, тем более, что их более, нежели сколько нужно; люди легки, а природы, в которой всегда находишь ресурс и утешение, когда всё приестся, – нет: итак, нет того, что бы могло привязать к нему мою жизнь. Жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренной художнической, не может понравиться таким счастливцам праздным, [«Нас мало избранных, счастливцев праздных». («Моцарт и Сальери» Пушкина).] как мы с тобою. Здесь всё политика, в каждом переулке и переулочке библиотека с журналами. Остановишься на улице чистить сапоги, тебе суют в руки журнал; в нужнике дают журнал. Об делах Испании больше всякий хлопочет, нежели о своих собственных. [Междоусобные войны 1833–1840 гг. и парламентские реформы 1836–1837 гг.] Только в одну жизнь театральную я иногда вступаю: итальянская опера здесь чудная! Гризи, Тамбурини, Рубини, Лаблаш – это такая четверня, что даже странно, что они собрались вместе. На свете большею частью бывает так, что одна вещь находится в одном углу, а другая, которой бы следовало быть возле нее, в другом. Не приведи бог принести сюда Пащенка. Беда была бы нашим ушам. Он бы напевал, я думаю, ежедневно и ежеминутно. Я был не так давно в Théâtre Français, где торжествовали день рождения Мольера. Давали его пиесы «Тартюф» и «Мнимый Больной». Обе были очень хорошо играны, по крайней мере в сравнении с тем, как играются они у нас. [На петербургской русской сцене до отъезда Гоголя эти комедии не шли. [Каждый год Téâtre Français торжествует день рождения Мольера. В этом было что-то трогательное. По окончании пиесы поднялся занавес: явился бюст Мольера. Все актеры этого театра попарно под музыку подходили венчать бюст. Куча венков вознеслась на голове его. Меня обняло какое-то странное чувство. Слышит ли он, и где он слышит это? Видел в трех пиесах M-elle Mars. Ей 60 лет. [Анна Бутэ-Монвель, по сцене Марс (1773–1847).] В одной пиесе играла она 18-летнюю девицу. Немножко смешно было сначала, но потом в других действиях, когда девица становится замужней женщиною, ей прощаешь лишние годы. Голос ее до сих пор гармонический и, зажмуривши глаза, можно вообразить живо перед собою 18-летнюю. Всё просто, живо; очищенная натура в местах патетических; слова исходят прямо из глубоко тронутой души, ничего дикого, ни одной фальшивой или искусственной ноты. На русском нашем театре далеко недостает до Mars. Актеров много, очень много хороших. На каждом театре есть два или три своих корифея.

Видел наследника Тальмы [Франсуа Жозеф Тальма (1763–1826) – французский трагик.] [Лижье]. Среднего росту, пожилых лет человек, бегает по сцене довольно свободно, как дома, не складывает рук крестом и не глядит из-за плеча. Пиес, где герой является идеалом физической силы, он, как кажется, избегает. Я его не видел, по крайней мере, никогда ни в старых трагедиях, ни в новых драмах, где герои сильно страдают и много беснуются. Играл он Людовика XI в пиесе Делавиня [«Людовик XI» – драма Делавиня (1832). Казимир Делавинь (Delavigne) род. 1793, ум. 1843 г.] и, кажется, вряд ли Делавиню так написать, как Ligier играл. Он был даже смешон – до такой степени хорош. Король, распоряжающийся очень коварно и плутовски и между тем дающий всему этому вид необходимости, им же самим наложенной, был очень занимателен для зрителя. В пиесах Мольера старики, дяди, опекуны и отцы играются очень хорошо, плуты-слуги тоже прекрасно. Если бы собрать с каждого из здешних театров по три первых персонажа, то можно бы таким образом обставить пиесу, как только может себе составить идею один комик или трагик. Театры все устроены прекрасно. Они не имеют великолепных наружных фасадов, но внутри всё как следует. От первого до последнего слова слышно и видно всем. Балеты становятся с такою роскошью, как в сказках; особливо костюмы необыкновенно хороши, страшною историческою точностью. Сколько прежде французы глядели мало на дух века, столько теперь приглядываются на мелочи; само собою, что при этом ускользает много крупного. Золота, атласу и бархату на сцене много. Как у нас одеваются на сцене первые танцовщицы, так здесь все до одной фигурантки. Далеко Гедеонову до Петрова дня, хотя ему и значительно помогает в украшении декораций Федор Андреевич. Тальони [Мария Тальони (1804–1884) – прима-балерина парижской оперы.] – воздух! Бездушнее еще ничего не бывало на сцене. Впрочем, здесь около десяти есть таких танцовщиц, или солисток, перед которыми Пейсар [Лаура Пейсар – одна из лучших петербургских балерин (на сцене между 1832 и 1837 гг.)] – Пащенко. Скажи Жюлю, [Прозвище П. В. Анненкова.] как, право, не совестно ему жить с мамзель Жорж. Ведь ей 67 лет. [Шутка. Маргарите Веммер, по сцене Жорж, было в это время 50 лет (р. 1787, ум. 1867 г.).] Да притом видно, что она только красотой своей брала. Игра ее очень монотонна и часто напыщенна. Впрочем, говорят, что ее нужно видеть только в старых трагедиях, которых однако ж не играют вовсе на том театре, где она теперь находится. Играет она в театре Porte St. Martin, где играются только одни новые драмы и мелодрамы, и где зрители шумят больше, нежели на всех других театрах.

Всякий почти раз в партере произойдет какая-нибудь комедия или даже и водевиль, если у зрителей хорош голос. Тогда актеры делаются зрителями: сначала слушают, а потом уходят со сцены, занавес опускается, музыка начинает играть и пиесу начинают снова. Народ очень любит драмы и особенно партия республиканская. Это народ сумрачный, апплодирует редко. Прочие ходят в Водевиль, среднее сословие – в театр Variéte, или в театр Палероляя (лучшие водевильные театры). Знать, как бывает всегда, корчит меломанов, и ходит в Итальянскую или в Большую оперу (на французском диалекте), где конопатят до сих пор еще «Гугенотов» и «Роберта», [Оперы Мейербера.] ударяя в медные горшки и тазы сколько есть духу; или иногда в Opéra Comique (французскую оперу).

…Тощи ваши петербургские литературные новости. Да скажи, пожалуйста, с какой стати пишете вы все про «Ревизора»? В твоем письме и в письме Пащенка, которое вчера получил Данилевский, говорится, что «Ревизора» играют каждую неделю, театр полон и проч… и чтобы это было доведено до моего сведения. Что это за комедия? Я, право, никак не понимаю этой загадки. Во-первых, я на «Ревизора» – плевать, а во-вторых – к чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мне никто бы не мог нагадить. Но, славу богу, это ложь: я вижу через каждые три дня русские газеты. [В сезон 1836–1837 г. (с весны до весны) «Ревизор» был сыгран в Петербурге 26 раз.] Не хотите ли вы из этого сделать что-то вроде побрякушки и тешить меня ею, как ребенка? И ты!.. Стыдно тебе! – ты предполагал во мне столько мелочного честолюбия! Если и было во мне что-нибудь такое, что могло показаться легко меня знавшему тщеславием, то его уже нет. Пространства, которые разделяют меня с тобою, поглотили всё то, за что поэт слышит упреки во глубине души своей. Мне страшно вспомнить обо всех моих мараньях. Они вроде грозных обвинителей являются глазам моим. Забвенья, долгого забвенья просит душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры «Ревизора», а с ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мне, в течение долгого времени, ни печатно, ни изустно не произносил никто ни слова – я бы благодарил судьбу. Одна только слава по смерти (для которой, увы! не сделал я, до сих пор, ничего) знакома душе неподдельного поэта. А современная слава не стоит копейки.

…Кстати о литературных новостях. Они, однако ж, не тощи. Где выберется у нас полугодие, в течение которого явились бы разом две такие вещи, каковы «Полководец» и «Капитанская Дочь». [«Полководец» (стих. Пушкина) – в третьем, а «Капитанская дочка» – в четвертом томе «Современника» за

1836 г.] Видана ли была где-нибудь такая прелесть! Я рад, что «Капитанская Дочь» произвела всеобщий эффект.

…Извести меня, что это такое «Литературные Прибавления», которые издает Краевский [Анд. Ал-др. Краевский (1810–1889) – издатель «Литературных Прибавлений» к «Русскому Инвалиду», а с 1839 г. – «Отечественных Записок».] и о которых пишет Пащенко? и отчего мое бедное имя туда заехало? или ему суждено валяться, как векселю несостоявшегося банкрота, от которого хотя не ждут никакой пользы, но не раздирают его потому только, что когда-то он стоил денег. Впрочем мне это неприятно, и только в нашем литературном мире могут случаться такие самоуправства. Я не желал бы, очень не желал, чтобы мое имя упоминалось в печати…

Из воспоминаний А. О. Смирновой

В 1837 году я провела зиму в Париже, rue du Mont Blanc, № 21. Русских было довольно, в конце зимы был Гоголь с приятелем своим Данилевским. Он был у нас раза три один, и мы уже обходились с ним как с человеком очень знакомым, но которого, как говорится, ни в грош не ставили. Всё это странно, потому что мы читали с восторгом «Вечера на хуторе близ Диканьки», и они меня так живо перенесли в великолепную Малороссию. Оставив еще в детстве этот край, я с необыкновенным чувством прислушивалась ко всему тому, что его напоминало, а «Вечера на хуторе» так ею и дышат. С ним тогда я обыкновенно заводила речь о высоком камыше и бурьяне, о белых журавлях на красных лапках, [Конечно, аистах, а не журавлях.] которые по вечерам прилетают на кровлю знакомых хат, о галушках и варениках, о сереньком дымке, который легко струится и выходит из труб каждой хаты; пела ему «Не ходи, Грицько, на вечерницы». Он более слушал, потому что я очень болтала, но однажды описывал мне малороссийский вечер, когда солнце садится, табуны гонят с поля, и отсталые лошади несутся, подымая пыль копытами, а за ними с нагайками в руках пожилой хохол с чупром; он описывал это живо, с любовью, хотя порывисто и в коротких словах. О Париже мало было речи, по-видимому, он уже и тогда его не любил. Однако он посещал с Данилевским театры, потому что рассказывал мне, как входили в оперу [один за другим в хвосте] и как торгуют правом на хвост. С свойственною ему одному способностью замечать то, что другим не кажется смешным, ни замечательным, он рассказывал это очень смешно. Один раз говорили мы о разных комфортах в путешествии, и он сказал мне, что хуже всего на этот счет в

Португалии, и советовал мне туда не ездить. «Вы как это знаете, Николай Васильевич?» – спросила я его. – «Да я там был: пробрался из Испании, где также прегадко в трактирах», – отвечал он преспокойно. Я начала утверждать, что он не был в Испании, что это не может быть, потому что там всё в смутах, дерутся на всех перекрестках, что те, которые оттуда приезжают, много рассказывают, а он ровно никогда ничего не говорил. На всё это он очень хладнокровно отвечал: «На что же всё рассказывать и занимать публику? Вы привыкли, чтобы вам с первого раза человек всё выкладывал, что́ знает и не знает, даже и то, что́ у него на душе». Я осталась при своем, что он не был в Испании, и меж нами осталась эта шутка: «Это когда я был в Испании». В Испании он точно был, но проездом, [Никаких данных, подтверждающих это сообщение Смирновой, нет.] потому что в самом деле оставаться долго было неприятно после Италии: ни климат, ни природа, ни художества, ни картины, ни народ не могли произвести на него особенного впечатления. Испанская школа сливалась для него с болонскою в отношении красок и в особенности рисунка; болонскую он совсем не любил. Очень понятно, что такой художник, как Гоголь, раз взглянувши на Рафаэля в Риме, не мог слишком увлекаться другими живописцами. [С болонской школой принято сближать испанскую живопись так наз. гранадской школы, но она лишь в самой малой мере характерна для испанской живописи вообще. Классических испанских художников первой половины XVII в. – Риберу, Сурбарана, Веласкеса – вряд ли можно было «сливать» с болонцами.] Вообще у него была [известная трезвость в оценке искусства; ему нужно было всеми струнами души признать предмет прекрасным, чтобы назвать его прекрасным]. «Стройность во всем, вот что прекрасно», – говорил он.

Смирнова, «Записки», стр. 311–313.

Н. В. Гоголь – Богдану Залесскому

[Богдан Залесский (1802–1886) – польский поэт «украинской школы». Гоголь познакомился с ним в Париже. Письмо печатается по современному украинскому правописанию.]

Париж [февраль? 1837].

Дуже-дуже було жалко, що не застав пана земляка дома. Чував, що на пана щось напало, не то соняшниця, не то завійниця (хай ій присниться лисий дідько), [«Соняшниця» и «завійниця» – болезни желудка. «Лисий дідько» – черт.] та тепер, спасибо богові, кажуть начей-то пан зовсім здоров. Дай же боже, щоб надовго, на славу усій казацькій землі давав би чернецького хліба

усякій болізні і злидням. Тай нас би не забував, писульки в Рим слав. Добре б було, коли б і сам туди коли-небудь примандрував. Дуже, дуже близький, земляк, а по серцю ще ближчий, чим по землі.

Микола Гоголь.

«Письма», I, стр. 431.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Рим, 16 марта 1837 г.

Что месяц, что неделя, то новая утрата; но никакой вести хуже нельзя было получить из России. [29 января 1837 г. умер Пушкин. Гоголь узнал об этом в Париже, в феврале.] Всё наслаждение моей жизни, всё мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое – вот что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепет не вкушаемого на земле удовольствия обнимал мою душу… Боже! нынешний труд мой, внушенный им, его создание… [«Мертвые Души»] я не в силах продолжать его. Несколько раз принимался я за перо – и перо падало из рук моих. Невыразимая тоска!.. Напишите мне хоть строчку, что делаете вы, или скажите об этом два слова Прокоповичу: он будет писать ко мне…

«Письма», I, стр. 432.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

Рим, 30 марта 1837 г.

Я получил письмо твое в Риме. Оно наполнено тем же, чем наполнены теперь все наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всех больше. Ты скорбишь как русский, как писатель, я… я и в сотой доле не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло с ним. Мои светлые минуты моей жизни были минуты, в которые я творил. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина. Ничто мне были все толки, я плевал на презренную чернь, известную под именем публики, мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка его не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим. Я тешил себя мыслью, как будет доволен он,

угадывал, что будет нравиться ему. И это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нет впереди! Что труд мой? Что теперь жизнь моя? Ты приглашаешь меня ехать к вам. Для чего? не для того ли, чтоб повторить вечную участь поэтов на родине? Или ты нарочно сделал такое заключение после сильного тобой приведенного примера, чтоб сделать еще разительнее самый пример. Для чего я приеду? Не видал я разве дорогого сборища наших просвещенных невежд? Или я не знаю, что такое советники, начиная от титулярных до действительных тайных? Ты пишешь, что все люди, даже холодные, были тронуты этою потерей. А что эти люди готовы были делать ему при жизни? Разве я не был свидетелем горьких, горьких минут, которые приходилось чувствовать Пушкину, несмотря на то, что сам монарх (буди за то благословенно имя его!) почтил талант? О, когда я вспомню наших судий, меценатов, ученых, умников, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли… Должны быть сильные причины, когда они меня заставили решиться на то, на что я бы не хотел решиться. Или ты думаешь мне ничего, что мои друзья, что вы отделены от меня горами? Или я не люблю нашей неизмеримой, нашей родной русской земли? Я живу около года на чужой земле, вижу прекрасные небеса, мир, богатый искусствами и человеком. Но разве перо мое принялось описывать предметы, могшие поразить всякого? Ни одной строки не мог посвятить я чуждому. Непреодолимою связью прикован я к своему. И наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обнаженные пространства предпочел я небесам лучшим, приветливее глядевшим на меня. И я ли после этого могу не любить своей отчизны? Но ехать, выносить надменную гордость безмозглого класса людей, которые будут передо мною дуться и даже мне пакостить. Нет, слуга покорный. В чужой земле я готов всё перенести, готов нищенски протянуть руку, если дойдет до этого дело. Но в своей – никогда! Мои страдания тебе не могут вполне быть понятны. Ты в пристани, ты, как мудрец, можешь перенесть и посмеяться. Я бездомный, меня бьют и качают волны, и упираться мне только на якорь гордости, которую вселили в грудь мою высшие силы, – сложить мне голову свою не на родине!..

«Письма», I, стр. 434–435 и «Исторический Вестник», 1902, № 2.

Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому

Рим, апр. 1837 г.

…Здесь тепло, как летом; а небо, небо – совершенно кажется

серебряным. Солнце дальше и больше и сильнее обливает его своим сиянием. Что сказать тебе вообще об Италии? Мне кажется, как будто бы я заехал к старинным малороссийским помещикам. Такие же дряхлые двери у домов, со множеством бесполезных дыр, марающие платье мелом; старинные подсвечники и лампы в виде церковных; блюда все особенные; всё на старинный манер. Везде доселе виделась мне картина изменений; здесь всё остановилось на одном месте и далее нейдет. Когда въехал в Рим я в первый раз, не мог дать себе ясного отчета: он показался маленьк[им]; но, чем далее, он мне кажется бóльшим и бóльшим, строение огромнее, виды красивее, небо лучше; а картин, развалин и антиков смотреть на всю жизнь станет. Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу – и уж на всю жизнь. Словом, вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия для того, чтобы жить. Это говорят все те, которые остались здесь жить. И правда, что зато вряд ли где сыщешь землю, где бы можно так дешево прожить. Никаких [?] и ничего того, «что в Париже вкус голодный изобретает для забав». [Из 1-й главы «Евгения Онегина».] В магазинах только Оссия [?] да антики. Но зато для наслаждений художнических… Ты не можешь себе дать никакой идеи, что такое Рафаэль. Ты будешь стоять пред ним так же безмолвный и обращенный весь в глаза, как ты сиживал некогда перед Гризи. [Итальянская певица, которую Гоголь и Данилевский слышали в Париже. См. письмо Прокоповичу от 25 янв.]

«Письма», I, стр. 438–439.

Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому

Рим, апрель 18/6 1837 г.

Я пишу к вам на этот раз с намерением удручить вас моею просьбою. Вы одни в мире, которого интересует моя участь. Вы сделаете, я знаю, вы сделаете всё то, что только в пределах возможности. Меня страшит мое будущее. Здоровье мое, кажется, с каждым годом становится плоше и плоше. Я был недавно очень болен, теперь мне сделалось немного лучше. Если и Италия мне ничего не поможет, то я не знаю, что тогда уже делать. Я послал в Петербург за последними моими деньгами, и больше ни копейки; впереди не вижу совершенно никаких средств добыть их. Заниматься каким-нибудь журнальным мелочным вздором не могу, хотя бы умирал с голода. Я должен продолжать мною начатой большой труд, который писать взял с меня слово Пушкин, которого мысль есть его создание и которой обратился для меня с этих пор в священное завещание. Я дорожу теперь минутами моей жизни потому, что не думаю, чтоб она была

долговечна; а между тем… я начинаю верить тому, что прежде считал басней, что писатели в наше время могут умирать с голоду…

…Я думал, думал и ничего не мог придумать лучше, как прибегнуть к государю. Он милостив; мне памятно до гроба то внимание, которое он оказал к моему «Ревизору». Я написал письмо, которое прилагаю; если вы найдете его написанным как следует, будьте моим предстателем, вручите! Если же оно написано не так, как следует, то – он милостив, он извинит бедному своему подданному. Скажите, что я невежа, незнающий, как писать к его высокой особе, но что я исполнен весь такой любви к нему, какою может быть исполнен один только русский подданный, и что осмелился потому только беспокоить его просьбою, что знал, что мы все ему дороги как дети. – Но я знаю, вы лучше и приличнее скажете, нежели я. Не в первый раз я обязан многим, многим вам, чего сердце не умеет высказать; и я бы почувствовал на душе совесть беспокоить вас, если б вы не были вы! Но в сторону всё это: я с вами говорю просто, и я бы покраснел до ушей, если бы сказал вам какой затейливый комплимент. – Если бы мне такой пансион, какой дается воспитанникам академии художеств, живущим в Италии, или хоть такой, какой дается дьячкам, находящимся здесь при нашей церкви, то я бы протянулся, тем более, что в Италии жить дешевле. Найдите случай и средство указать как-нибудь государю на мои повести: «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба». Это те две счастливые повести, которые нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам; [Гоголь мог, между прочим, иметь в виду сочувственный отзыв об этих повестях в рецензии Сенковского на «Миргород».] все недостатки, которыми они изобилуют, вовсе неприметны были для всех, кроме вас, меня и Пушкина. Я видел, что по прочтении их более оказывали внимания. Если бы их прочел государь! Он же так расположен ко всему, где есть теплота чувств и что пишется от души. О, меня что-то уверяет что он бы прибавил ко мне участия. Но будь всё то, что угодно богу. На его и на вас моя надежда. Уведомьте меня вашей строчкой, или скажите Плетневу: он, может быть, ко мне напишет. Прощайте! Храни бог прекрасную вашу жизнь!

«Письма», I, стр. 441–444.

Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому

Рим, 30 октября 1837 г.

Я получил данное мне великодушным нашим государем вспоможение. Благодарность сильна в груди моей, но излияние ее

не достигнет к его престолу. Как некий бог, он сыплет полною рукою благодеяния и не желает слышать наших благодарностей; но, может быть, слово бедного при жизни поэта дойдет до потомства и прибавит умиленную черту к его царственным доблестям. Но до вас может досягнуть моя благодарность. Вы, все вы! Ваш исполненный любви взор бодрствует надо мною! Как будто нарочно дала мне судьба тернистый путь, и сжимающая нужда увила жизнь мою, чтобы я был свидетелем прекраснейших явлений на земле.

Вексель с известием еще в августе месяце пришел ко мне в Рим, но я долго не мог возвратиться туда но причине холеры. Наконец я вырвался. Если бы вы знали, с какою радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию! Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня. Я родился здесь. Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр – всё это мне снилось. Я проснулся опять на родине и пожалел только, что поэтическая часть этого сна – вы, да три-четыре оставивших вечную радость воспоминания в душе моей, не перешли в действительность. Еще одно безвозвратное… О, Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни, и как печально было мое пробуждение! Что бы за жизнь моя была после этого в Петербурге; но как будто с целью всемогущая рука промысла бросила меня под сверкающее небо Италии, чтобы я забыл о горе, о людях, обо всем, и весь впился в ее роскошные красы. Она заменила мне всё. Гляжу как исступленный на всё и не нагляжусь до сих пор. Вы говорили мне о Швейцарии, о Германии и всегда вспоминали о них с восторгом. Моя душа также их приняла живо, и я восхищался ими, даже, может, с бóльшей живостью, нежели, как я въехал в первый раз в Италию. Но теперь, когда я побывал в них после Италии, низкими, пошлыми, гадкими, серыми, холодными показались мне они со всеми их горами и видами, и мне кажется, как будто бы я был в Олонецкой губернии и слышал медвежье дыхание северного океана.

И неужели вы не побываете здесь и не поглядите на нее, и не отдадите тот поклон, которым должен красавице-природе всяк кадящий прекрасному? Здесь престол ее. В других местах мелькает одно только воскраие ее ризы, а здесь она вся глядит прямо в очи своими пронзительными очами. Я весел. Душа моя светла. Тружусь и спешу всеми силами совершить труд мой. Жизни! Жизни! Еще бы жизни! Я ничего еще не сделал, чтó бы было достойно вашего трогательного расположения. Но, может быть, это, которое пишу ныне, будет достойно его. По крайней мере мысль о том, что вы будете читать его некогда, была одна из

первых, оживлявших меня во время бдения над ним. Храни бог долго, долго прекрасную жизнь вашу!

Ваш Гоголь.

«Письма», I, стр. 458–460.

Н. В. Гоголь – Н. Я. Прокоповичу

[Ноябрь?] 1837 г.

Я рад, что у тебя не отнял денег, которые, может быть, тебе нужны самому и которые я просил у тебя взаймы. Я получил от государя, спасибо ему, почти неожиданно и теперь не нуждаюсь. Если что-нибудь вышло по части Русск[ой] Исто[рии], издания Нестора, или Киевской Летописи, Ипатьевской или Хлебниковского списка – пожалуйста, пришли. Если вышел перевод славянской истории Шафарика [Пав. Йозеф Шафарик (1795–1861) – знаменитый чешский ученый и общественный деятель. Имеется в виду книга «Словенские древности», изданная Погодиным в переводе О. М. Бодянского (2 книги вышли в 1837 г., 3-я – в 1838).] или что-нибудь относит[ельно] славян или мифол[огии] слав[янской]. Также какие-нибудь акты к древней русск[ой] истории, или хорошее издание русских песен или малоросс[ийских] песен. Все это возьми у Смирдина. Пусть поставит на мой счет. Также, если есть что новое насчет раскольничьих сект. Если вышло Снегирева описание праздников и обрядов – пришли. [«Русские простонародные праздники и суеверные обряды». 1838. Автор – Ив. Мих. Снегирев (1793–1868) – профессор Московского университета и цензор (с 1828 по 1855 г.).] Или другого какого-нибудь. Да ради бога пиши. Я к тебе ничего не пишу – ни [о] моей жизни, ни трудах, потому что не уверен, будешь ли ты и на это отвечать. Как получу – напишу.

«Письма», I, стр. 456–457.

Н. В. Гоголь – М. П. Балабиной

[Балабина Марья Петр, – ученица Гоголя (в 1831 г.). С семейством Балабиных Гоголь встретился летом 1836 г. в Бадене.]

Рим, месяц апрель. Год 2588 от основания города.

…Знаете, что́ я вам скажу теперь о римском народе? Я теперь занят желанием узнать его во глубине, весь его характер, слежу его во всем, читаю все народные произведения, где только он отразился, и скажу, что, может быть, это первый народ в мире, который одарен до такой степени эстетическим чувством, невольным чувством понимать то, что́ понимается только пылкою

природою, на которую холодный, расчетливый, меркантильный европейский ум не набросил своей узды. Как показались мне гадки немцы после итальянцев, немцы, со всею их мелкою честностью и эгоизмом! Но об этом я вам, кажется, уже писал. Я думаю, уже вы сами слышали очень многие черты остроумия римского народа, того остроумия, которым иногда славились древние римляне, а еще более – аттический вкус греков. Ни одного происшествия здесь не случится без того, чтоб не вышла какая-нибудь острота и эпиграмма в народе. Во время торжества и праздника по случаю избрания кардиналов, когда город был иллюминован три дня (да, кстати здесь сказать, что наш приятель Меццофанти [Меццофанти (1774–1849) – профессор персидской и арабской словесности Болонского университета, знавший свыше 50 языков, в том числе русский.] сделан тоже кардиналом и ходит в красных чулочках), во время этого праздника было почти всё дурное время; в первые же дни карнавала дни были совершенно итальянские, те светлые, без малейшего облачка дни, которые вам так знакомы, когда на голубом поле неба сверкают стены домов, все в солнце, и таким блеском, какого не вынесет северный глаз, – в народе вышел вдруг экспромт: «Il Dio vuol carnevale e non vuol cardinale». [Бог хочет карнавала и не хочет кардинала.] Это напоминает мне экспромт по случаю запрещения папою карнавала в прошлом году. Вы знаете, что нынешнего папу, по причине его большого носа, зовут Пульчинеллой, [Пульчинелла (во Франции Полишинель) – традиционная фигура импровизованной комедии. Упоминаемый здесь папа – Григорий XVI.] вот экспромт:

Oh! questa si ch'e bella!
Proibisce il carnevale Pulcinella

[Ах, как это хорошо! Пульчинелла запрещает карнавал!]

Знакомы ли были вы с транстеверянами, то есть жителями по ту сторону Тибра, которые так горды своим чистым римским происхождением? Они одних себя считают настоящими римлянами. Никогда еще транстеверянин не женился на иностранке (иностранкой называется всякая, кто только не в городе их), и никогда транстеверянка не выходила замуж за иностранца. Случалось ли вам слышать язык il Meo Patacca, для которой рисунки делал Пинелли? [Бартоломео Пинелли (1781–1835) – итальянский живописец и график.] Но вам, верно, не случалось читать сонетов нынешнего римского поэта Белли, [Джузеппе Джовакино Белли (1791–1863) – автор свыше 2000 сонетов на транстеверинском диалекте. Писал гл. обр. в 30-х г.,

при жизни не издавался; книга сонетов вышла только в 1868 г.] которые впрочем нужно слышать, когда он сам читает. В этих сонетах, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и так верно отражается в них жизнь нынешних транстеверян, что вы будете смеяться, и это тяжелое облако, которое налегает часто на вашу голову, слетит прочь вместе с докучливой и несносной вашей головной болью. Они писаны in lingua romanesca; они не напечатаны, но я вам их после пришлю.

Кстати мы начали говорить о литературе. Нам известна только одна эпическая литература итальянцев, то есть литература умершего времени, литературa XV и XVI веков; но нужно знать, что в прошедшем XVIII и даже в конце XVII века у итальянцев обнаружилась сильная наклонность к сатире, веселости, и если хотите изучить дух нынешних итальянцев, то нужно их изучать в их поэмах герои-комических. [Наиболее известным автором в упоминаемых Гоголем комических жанрах XVII в. был Алессандро Тассони (1565–1635). Труднее решить, какие явления XVIII в. имеет в виду Гоголь (если здесь нет ошибки): может быть, поэмы Джузеппе Парини (1729–1799).] Вообразите, что собрание «Autori burleschi italiani» состоит из сорока толстых томов. Во многих из них блещет такой юмор, такой оригинальный юмор, что дивишься, почему никто не говорит о них. Впрочем нужно сказать и то, что одни итальянские типографии могут печатать их. Во многих из них есть несколько нескромных выражений, которых не всякому можно позволить читать.

Я вам расскажу теперь об этом празднике, который не знаю, знаете ли вы, или нет. Это – торжество по случаю основания Рима, юбилей рождения, или именины этого чудного старца, видевшего в стенах своих Ромула. Этот праздник, или, лучше сказать, собрание академическое, было очень просто, в нем не было ничего особенного; но самый предмет был так велик и душа так была настроена к могучим впечатлениям, что всё казалось в нем священным, и стихи, которые читались над небольшим числом римских писателей, больше вашими друзьями аббатами, все без изъятия казались прекрасными и величественными и, как будто по звуку трубы, воздвигали в памяти моей древние стены, храмы, колонны, и возносили всё это под самую вершину небес. Прекрасно, прекрасно всё это было! но так ли оно прекрасно, как теперь? Мне кажется, теперь… по крайней мере, если бы мне предложили – натурально, не какой-нибудь государь-император или король, а кто-нибудь посильнее их – что́ бы я предпочел видеть перед собою – древний Рим в грозном и блестящем величии, или Рим нынешний в его теперешних развалинах, я бы предпочел Рим нынешний. Нет, он никогда не был так прекрасен.

Он прекрасен уже тем, что ему 2588-й год, [Годом «основания Рима» принято считать 753 г. до нашей эры. Гоголь ошибся здесь (и в заголовке письма) на три года.] что на одной половине его дышит век языческий, на другой – христианский, и тот и другой – огромнейшие две мысли в мире.

Но вы знаете, почему он прекрасен. Где вы встретите эту божественную, эту райскую пустыню посреди города? Какая весна! Боже, какая весна! Но вы знаете, что такое молодая свежая весна среди дряхлых развалин, зацветших плющом и дикими цветами. Как хороши теперь синие клочки неба промеж дерев, едва покрывшихся свежей, почти желтой зеленью, и даже темные, как воронье крыло, кипарисы, а еще далее – голубые, матовые, как бирюза, горы Фраскати и Албанские, и Тиволи! Что за воздух! кажется, как потянешь носом, то по крайней мере семьсот ангелов влетают в носовые ноздри. Удивительная весна! Гляжу – не нагляжусь. Розы усыпали теперь весь Рим, но обонянию моему еще слаще от цветов, которые теперь зацвели и которых имя я, право, в эту минуту позабыл. Их нет у нас. Верите ли, что часто приходит неистовое желание превратиться в один нос: чтобы не было ничего больше – ни глаз, ни рук, ни ног, кроме одного только большущего носа, у которого бы ноздри были в добрые ведра, чтобы можно было втянуть в себя как можно побольше благовония и весны…

«Письма», I, стр. 494–498.

Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому

Рим, 11 апр. 1838 г.

Досадую на тебя очень, что не догадался списать для меня ни «Египетских Ночей», ни «Галуба». [Посмертные поэмы Пушкина («Современник», 1837).] Ни того, ни другого здесь нет. «Современник» в Риме не получается, и даже ничего современного. Если «Современник» находится у Тургенева, [Алдра Ивановича.] то попроси у него моим именем. Если можно привези весь; а не то – перепиши стихи. Еще, пожалуйста, купи для (меня) новую поэму Мицкевича – удивительнейшую вещь: «Пан Тадеуш». [С Адамом Мицкевичем, знаменитым польским поэтом (1798–1855), Гоголь познакомился лично в Париже.] Она продается в польской лавке. Где эта польская лавка, ты можешь узнать у других книгопродавцев. Еще: не отыщешь ли ты где-нибудь первого тома Шекспира, – того издания, которое в двух столбцах и в двух томах? Я думаю, в этих лавочках, что… в Палерояле, весьма легко можно отыскать его. Если бы был Ноэль, [Парижский знакомый Гоголя и Данилевского, дававший им

уроки итальянского языка.] он славно исполнил бы эту комиссию. За него можно дать до 10 франков, ибо я за оба тома дал 13 фран[ков].

«Письма», I, стр. 483.

Из воспоминаний Н. В. Берга

[Ник. Вас. Берг (1823–1884) – поэт и переводчик. Его встречи с Гоголем (см. ниже) относятся к 1848 и сл. гг.; данное воспоминание Гоголя, вероятно, – к 1838 году.]

…Однажды, кажется у Шевырева, кто-то из гостей, несмотря на принятую всеми знавшими Гоголя систему не спрашивать его ни о чем, особенно о литературных работах и предприятиях, – не удержался и заметил ему, «что это он смолк: ни строки, вот уже сколько месяцев сряду!» – Ожидали простого молчания, каким отделывался Гоголь от подобных вопросов, или ничего незначащего ответа. Гоголь грустно улыбнулся и сказал: «Да! как странно устроен человек: дай ему всё, чего он хочет, для полного удобства жизни и занятий, тут-то он и не станет ничего делать; тут-то и не пойдет работа!»

Потом, помолчавши немного, он сообщил следующее:

«Со мною был такой случай: ехал я раз между городками Джансано и Альбано, в июле месяце. Среди дороги, на бугре, стоит жалкий трактир, с бильярдом в главной комнате, где вечно гремят шары и слышится разговор на разных языках. Все проезжающие мимо непременно тут останавливаются, особенно в жар. Остановился и я. В то время я писал первый том Мертвых Душ, и эта тетрадь со мною не расставалась. Не знаю почему, именно в ту минуту, когда я вошел в этот трактир, захотелось мне писать. Я велел дать столик, уселся в угол, достал портфель и под гром катаемых шаров, при невероятном шуме, беготне прислуги, в дыму, в душной атмосфере, забылся удивительным сном и написал целую главу, не сходя с места. Я считаю эти строки одними из самых вдохновенных. Я редко писал с таким одушевлением.»

Н. В. Берг, стр. 124.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

Рим, 1 дек. 1838 г.

…Мне было очень грустно узнать из письма твоего, что ты живешь не без неприятностей и огорчений… Литературные разные пакости, и особливо теперь, когда нет тех, на коих почиет надежда, в состоянии навести большую грусть, даже, может быть,

отравить торжественные и вдохновенные минуты души. Ничего не могу сказать тебе в утешение. Битву, как ты сам знаешь, нельзя вести тому, кто благородно вооружен одною только шпагой, защитницей чести, против тех, которые вооружены дубинами и дрекольями. Поле должно остаться в руках буянов. Но мы можем, как первые христиане в катакомбах и затворах, совершать наши творения. Поверь, они будут чище, прекраснее, выше.

Меня ты очень разжалобил Щепкиным. Мне самому очень жалко его. Я о нем часто думаю. Я даже, признаюсь, намерен собрать черновые, какие у меня есть, лоскутки истребленной мною комедии и хочу что-нибудь из них для него сшить. [Обработкой этих «лоскутков» Гоголь занялся в 1839-40 гг.]

Кстати о «Ревизоре». Ты хочешь печатать «Ревизора». Мне, признаюсь, хотелось бы немного обождать. Я начал переделывать и поправлять некоторые сцены, которые были написаны довольно небрежно и неосмотрительно. Я хотел бы издать его теперь исправленного и совершенного. [Переработку «Ревизора» для 2-го изд. Гоголь закончил только в 1841 г.] Но если ты находишь, что второе издание необходимо нужно, и без отлагательства, то располагай по своему усмотрению. Я не думаю, чтобы он доставил теперь большие деньги. Но если наберется около двух, или слишком, тысяч, то я буду очень рад, потому что, признаюсь, мне присланные тобою деньги несколько тяжелы: мне все кажется, что ты отказал себе и что нуждаешься…

«Письма», I, стр. 549–550.

Из воспоминаний Ф. И. Иордана

[Фед. Ив. Иордан (1800–1883) – гравер, проф. и ректор Академии художеств, встречался с Гоголем в Риме.]

…Приезд наследника [Будущего имп. Александра II (р. 1818 г.). С ним приехал в Рим В. А. Жуковский, его наставник.] привлек в Рим множество гостей, особенно русских; Н. В. Гоголь, воспользовавшись этим, как известный писатель, желая помочь одному земляку своему, малороссу, весьма посредственному художнику, Шаповаленко, объявил, что будет читать комедию «Ревизор» в пользу этого живописца, по 5 скуд за билет. Как приезжие русские, так и приятели художника все бросились брать билеты. Говорили, что Гоголь имеет необыкновенный дар читать, особенно «Ревизора», – комедию, обессмертившую его. Княгиня Зинаида Волконская дала ему в своем дворце, Palazzo Poji, большое зало, с обещанием дарового угощения. [Зин. Ал-др-на Волконская (1792–1862) – известная в 20-х г. образованная светская дама; в ее салоне собирались литераторы, художники и

ученые; сама тоже писала стихи. С 1829 г. поселилась в Италии, где перешла в католичество.] Съезд был огромный…

…В зале водворилась тишина; впереди, полукругом, стояло три ряда стульев, и все они были заняты лицами высшего круга. По середине залы стоял стол, на нем графин с водою и лежала тетрадь; видим, Н. В. Гоголь с довольно пасмурным лицом раскрывает тетрадь, садится и начинает читать, вяло, с большими расстановками, монотонно. Публика, по-видимому, была мало заинтересована, скорее скучала, нежели слушала внимательно; Гоголь, время от времени, прихлебывал воду; в зале царствовала тишина. Окончилось чтение первого действия без всякого со стороны гостей одобрения; гости поднялись со своих мест, а Гоголь присоединился к своим друзьям. Явились официанты с подносами, на них чашки с отличным чаем и всякого рода печением.

…Во время чтения второго действия многие кресла оказались пустыми. Я слышал, как многие, выходя, говорили: «этою пошлостью он кормил нас в Петербурге, теперь он перенес ее в Рим».

Доброе намерение Н. В. Гоголя оказалось для него совершенно проигранным. Несмотря на яркое освещение зала и на щедрое угощение, на княжеский лад, чаем и мороженым, чтение прошло сухо и принужденно, не вызвав ни малейшего аплодисмента, и к концу вечера зало оказалось пустым; остались только мы и его друзья, которые окружили его, выражая нашу признательность за его великодушное намерение устроить вечер в пользу неимущего художника.

Иордан, «Записки», стр. 207–208.

Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому

Рим, 2 апр. 1839 г.

…Погодин и Шевырев примутся не шутя издавать настояще дельный журнал; ты бы мог трудиться для него тоже. С первым днем 1840 года, кажется, должна выйти первая книжка. [«Москвитянин». Разрешение на его издание было получено еще в конце 1837 г., но выходить он начал только с 1841 г.] Кстати о журнале «Отечественные Записки». Я получил тотчас по приезде моем в Рим предлинное письмо от Краевского, [Краевский с 1839 г. издавал «Отечественные Записки». До 1846 г. в них сотрудничает Белинский.] на которое я никак не собрался отвечать, да притом и не знаю как, к тому ж и самое письмо пошло на какие-то требы. Краевский просто воет и подымает решительно всех ополчиться на сатану; [«Сатана» – очевидно

«Библиотека для чтения» (Сенковский).] говорит, что здесь должны мы всеобщими силами двинуться, что это последний крестовый поход и что если этот [не удастся?], то тогда уже решительно нужно бр[осить] всё и отчаяться. Я себе представляю мысленно, как этот человечек хлопочет и почесывает очень солидно бакенбарды на своем миниатюрном лице…

Погодин видел первую книжку и говорит, что вдвое больше «Библиотеки для Чтения», но что он не заглядывал в середину книги и не имел для этого времени. Еще он же сказывал, что ему говорил один, – что Краевский очень благонамеренно действует и поощряет молодых литераторов, собирая их около, но что имен этих литераторов трудно упомнить, а литераторы хорошие и очень образованные. Я сам тоже думаю…

«Письма», I, стр. 582–583.

Из статьи Сент-Бёва [8] (Рецензия на «Повести» Гоголя, переведенные Л. Виардо [9])

…Что касается России, мы не удосужились (и это наша вина) познакомиться с ней, даже в то время, когда у нее были поэты – Пушкин и Лермонтов. Теперь речь идет о романисте и новеллисте, имя которого, высоко ценимое на его родине, все еще не проникло во Францию. До появления перевода г. Виардо вряд ли хоть один француз прочитал в оригинале что-нибудь из сочинений г. Гоголя; то же было и со мной, как и со всеми другими; но у меня было одно преимущество, о котором я хочу рассказать: несколько лет тому назад, на пароходе, отправлявшемся из Рима в Марсель, я встретил самого автора [Воспоминание Сент-Бёва относится к июню 1839 г. В это время Гоголь сблизился с семьей Виельгорских (иначе Велигурских). 23-летний Иосиф В. умер к Риме, и Гоголь с отцом умершего, Мих. Юрьевичем В., едет в Марсель, где жила Луиза Карловна В., жена М. Ю-ча. Мих. Юр. Виельгорский (1788–1856) был известен как композитор и сановник-меценат.] и после разговора с ним – разговора умного, ясного и богатого меткими бытовыми наблюдениями, – я уже мог предвкушать всё своеобразие и весь реализм самих его произведений. Действительно, г. Гоголь заботится прежде всего о верности в изображении нравов, о воспроизведении действительного, натурального, как в настоящем, так и в историческом прошлом; его занимает национальный дух и куда бы ни обратились его взоры, он всюду готов находить его и изучать.

(Так, например, Гоголь говорил мне, что нашел в Риме

настоящего поэта, народного поэта, по имени Белли, который пишет сонеты на транстеверинском наречии, – сонеты, следующие друг за другом и образующие поэму. Он говорил мне подробно и убедительно о своеобразии и значительности таланта этого Белли, который остался совершенно неизвестен нашим путешественникам.)

Я слышал от образованных русских, что в Гоголе есть нечто общее с Мериме; [Проспер Мериме (1803–1879) – автор «Жакерии» (1828) и ряда новелл, в том числе – «Кармен» (1847).] такого рода сравнения всегда довольно случайны и приблизительны; несомненно только то, что г. Гоголь хочет не столько идеализировать, сколько наблюдать, что он не отступает перед грубыми и некрасивыми сторонами предмета и не останавливается перед подчеркиванием этих сторон; он заботится только о натуральности, и многим обязан Шекспиру.

«Revue des deux mondes», 1815, XII.

Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву

Вена, 25 авг. 1839 г.

…Что я в Мариенбаде, ты это знал. Лучше ли мне, или хуже бог его знает. Это решит время. Говорят, следствия вод могут быть видимы только после. Но что главное и что, может быть, тебя заинтересует (ибо ты любишь меня, как и я люблю тебя) это – посещение, которое сделало мне вдохновение. Передо мною выясниваются и проходят поэтическим строем времена казачества, и если я ничего не сделаю из этого, то я буду большой дурак. Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навеяли их, или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается. Благослови! [Первое упоминание о замысле драмы из украинской истории, впоследствии уничтоженной. В первый приезд свой в Москву Гоголь сказал Щепкину: «Ну, Мих. Сем., будет вам работа. У меня есть драма за выбритый ус, вроде Тараса Бульбы. Я скоро ее окончу». (Зап. Кулиша, I, стр. 330). Подробнее об этом замысле Гоголя см. в статье Ю. Г. Оксмана «Сожженная трагедия Гоголя из прошлого Запорожья» («Атеней», кн. 3, 1926 г).]

Н. В. Гоголь – М. П. Балабиной

Вена, 5 сент. 1839 г.

Нет, больше не буду говорить ни слова о немцах. Боюсь, право, боюсь. Может быть, вы в эти три года, как я не имел

удовольствия вас видеть, переменились совершенно. Ведь как бы то ни было, вам теперь 18 лет. Я ничего не знаю, что могло случиться с вами в это время. Может быть, вы сделались теперь высокого росту, у вас явилась страшная сила в руках. Я же человек тщедушной и худенькой и после разных минеральных вод сделался похожим на мумию или на старого немецкого профессора с опущенным чулком на ножке, высохшей, как зубочистка. Долго ли в таком случае до греха? Вы мне дадите кулака, и я пропал. Вы в себе точно имеете много страшного. Я помню, когда еще вам было 14 и 15 лет, у вас любимою поговоркою было: «Я вас выброшу за окно». И потому, следуя правилам благоразумия, лучше поберечься и ни слова не говорить о немцах. – Но знаете ли что? в сторону пустяки и шутки. Когда я прочел ваше письмо и свернул его, я поникнул головою, и сердцем моим овладело меланхолическое чувство. Я вспомнил мои прежние, мои прекрасные годы, мою юность, мою невозвратимую юность и – мне стыдно признаться, – я чуть не заплакал. Это было время свежести молодых сил и порыва чистого, как звук, произведенный верным смычком. Это были лета поэзии: в это время я любил немцев, не зная их, или, может быть, я смешивал немецкую ученость, немецкую философию и литературу с немцами. Как бы то ни было, но немецкая поэзия далеко уносила меня тогда вдаль, и мне нравилось тогда ее совершенное отдаление от жизни и существенности. И я гораздо презрительнее глядел тогда на всё обыкновенное и повседневное. Доныне я люблю тех немцев, которых создало тогда воображение мое. Но оставим это. Я не люблю, мне тяжело будить ржавеющие струны в глубине моего сердца. Скажу вам только, что тяжело очутиться стариком в лета, еще принадлежащие юности, ужасно найти в себе пепел вместо пламени и услышать бессилие восторга.

«Голос Минувшего», 1913 г., март.

Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву

Вена, 10 сент. 1839 г.

Что касается до меня, я… странное дело, я не могу и не в состоянии работать, когда я предан уединению, когда не с кем переговорить, когда нет у меня между тем других занятий и когда я владею всем пространством времени, неразграниченным и неразмеренным. Меня всегда дивил Пушкин, которому для того, чтобы писать, нужно было забраться в деревню одному и запереться. Я, наоборот, в деревне никогда ничего не мог делать, и вообще я не могу ничего делать, где я один и где я чувствовал

скуку. Все свои ныне печатные грехи я писал в Петербурге, именно тогда, когда я был занят должностью, когда мне было некогда, среди этой живости и перемены занятий, и чем я веселее провел канун, тем, вдохновенней возвращался домой, тем свежее у меня было утро. В Вене я скучаю. Погодина до сих пор нет. Ни с кем почти не знаком, да и не с кем, впрочем, знакомиться. Вся Вена веселится, и здешние немцы вечно веселятся. Но веселятся немцы, как известно, скучно, пьют пиво и сидят за деревянными столами, под каштанами, – вот и всё тут. Труд мой, который начал, нейдет; а, чувствую, вещь может быть славная. Или для драматического творения нужно работать в виду театра, в омуте со всех сторон уставившихся на тебя лиц и глаз зрителей, как я работал во времена оны? Подожду, посмотрим. Я надеюсь много на дорогу. [Гоголь собирался ехать в Россию (для устройства сестер – Анны и Елизаветы, окончивших институт). 22 сентября, вместе с Погодиным и женою Шевырева, он выехал из Вены в Россию.] Дорогою у меня обыкновенно развивается и приходит на ум содержание; все сюжеты почти я обделывал в дороге.

«Письма», I, стр. 619–620.

Русский теньер на родине

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Москва, 27 сент. ст. стиля 1839 г.

Я в Москве. Покамест не сказывайте об этом никому. [Гоголь приехал в Москву 26 сентября 1839 г.] Грустно и не хотелось сильно! Но долг и обязанность последняя: мои сестры. Я должен устроить судьбу их. Без меня (как ни ворочал я это дело) я не находил никакого средства. Я на самое малое время, и как только устрою, не посмотрю ни на какие препятствия, ни на время, и через полтора или два месяца я на дороге в Рим. К вам моя убедительнейшая просьба узнать, могу ли я взять сестер моих до экзамена и таким образом выиграть время, или необходимо они должны ожидать выпуска. Дайте мне ответ ваш и, если можно, скорее. Скоро после него я обниму, может быть, вас лично. Я слышал и горевал о вашей утрате. Вы лишились вашей доброй и милой супруги, [Степаниды Ал-др-ны, урожд. Раевской.] столько лет шедшей об руку вашу, свидетельницы горя и радостей ваших и всего, что волнует нас в прекрасные годы нашей жизни. Знаете ли, что я предчувствовал это. И когда я прощался с вами, мне что-то смутно говорило, что я увижу вас в другой раз уже вдовцом. Еще одно предчувствие, оно еще не исполнилось, но исполнится, потому что предчувствия мои верны, и я не знаю, от чего во мне поселился теперь дар пророчества. Но одного я никак не мог предчувствовать – смерти Пушкина, и я расстался с ним, как будто бы разлучаясь на два дни. Как странно! Боже, как странно! Россия без Пушкина! Я приеду в П[етер]бург – и Пушкина нет. Я увижу вас – и Пушкина нет. Зачем вам теперь Петербург? К чему вам теперь ваши милые прежние привычки, ваша прежняя жизнь? Бросьте все! и едем в Рим. О если б вы знали, какой там приют для того, чье сердце испытало утраты. Как наполняются там незаместимые пространства пустоты в нашей жизни! Как близко там к небу! Боже, боже, боже! О мой Рим! Прекрасный мой, чудесный Рим! Несчастлив тот, кто на два месяца расстался с тобой, и счастлив тот, для которого эти два месяца прошли, и он на возвратном пути к тебе. Клянусь, как ни чудесно ехать в Рим, но возвращаться в него в тысячу раз прекраснее…

«Письма», II, стр. 11–13.

А. А. Краевский – И. И. Панаеву

Пб., октябрь 1839 г.

…«Христа ради хлопочите сами, подбейте Павлова [Ник. Филипп. Павлов (1805–1864) – беллетрист, автор „Трех повестей“ 1835 г. (см. о них статью Пушкина) и „Новых повестей“ 1839 г.] и Погодина, чтобы вырвать у Гоголя статью для „Отечественных Записок“. Кстати. Я объявил было в „Литературных Прибавлениях“ о приезде Гоголя в Москву, но Плетнев сказал мне, что получил от него письмо с просьбою никому не объявлять, что он в Москве… Жуковский сказывал мне, что Гоголь через месяц будет в Петербурге. Его статья необходима; надобно употребить все средства, чтобы получить ее. Не пишу к нему сам, потому что эти вещи не делаются через письма, особенно с ним. Растолкуйте ему необходимость поддерживать „Отечественные Записки“ всеми силами. Если же он сделался равнодушен к судьбам „российской словесности“, чего я не ожидаю, то покажите ему впереди за статью хорошие деньги, в которых он верно нуждается. Если ж ничто не возьмет, то надо дожидаться приезда его сюда, и здесь напасть на него соединенными силами…». [Попытки привлечь Гоголя к сотрудничеству в «Отечественных Записках» были безуспешны.]

Панаев, «Литературные воспоминания», стр. 308–309.

Т. Н. Грановский [10] – Н. В. Станкевичу

Москва, 2 дек. 1839 г.

…Был здесь Гоголь. Я поругался за него с Белинским и Катковым: [Мих. Никиф. Катков (1818–1887) – впоследствии реакционный публицист.] давали Ревизора (играли чудесно); вдруг, после второго акта наши друзья и еще несколько молодцов заорали: подавай сюда сочинителя. Разумеется, к ним присоединилось много других голосов; кричали, кричали, но без толку: сочинитель уехал, не желая тешить зрителей появлением своей особы. [Это могло быть не позже октября 1839 г.; в конце октября и Гоголь, и Белинский уехали из Москвы в Петербург.] За это его ужасно поносили. Мне стало досадно: как будто человек обязан отдавать себя на волю публики, да еще какой! И Белинский, и Катков видели, какой народ наиболее кричал: отъявленные дураки, люди известные.

Т. Н. Грановский и его переписка, т. II, стр. 374.

Из воспоминаний С. Т. Аксакова

I

Мы выехали [Из Москвы в Петербург.] в четверг после обеда 26-го октября (1839 г.). Я взял особый дилижанс, разделенный на два купе… Это путешествие было для меня и для детей моих так приятно, так весело, что я теперь вспоминаю о нем с удовольствием. Гоголь был так любезен, так постоянно шутлив, что мы помирали со смеху. Все эти шутки обыкновенно происходили на станциях или при разговорах с кондуктором и ямщиками. Самый обыкновенный вопрос или какое-нибудь требование Гоголь умел так сказать забавно, что мы сейчас начинали хохотать; иногда даже было нам совестно перед Гоголем, особенно когда мы бывали окружены толпою слушателей. В продолжение дороги, которая тянулась более четырех суток, Гоголь говорил иногда с увлеченьем о жизни в Италии, о живописи (которую очень любил и в которой имел решительный талант), об искусстве вообще, о комедии в особенности, о своем «Ревизоре», очень сожалея о том, что главная роль Хлестакова играется дурно в Петербурге [Гоголь имел в виду Дюра (см. «Отрывок из письма к бедному литератору»), исполнявшего роль Хлестакова до конца 1838 г. (умер в мае 1839 г.). После Дюра Хлестакова играли Ал-ей Мих. Максимов I (1813–1861) и Ник. Ив. Куликов (1812–1891).] и в Москве, отчего пиеса теряла весь смысл (хотя в Москве он не видал «Ревизора» на сцене). Он предлагал мне, воротясь из Петербурга, разыграть «Ревизора» на домашнем театре: сам хотел взять роль Хлестакова, мне предлагал городничего, Томашевскому [Ант. Франц. Томашевский – приятель Аксакова. Участвовал в лит. кружке Ранча.] (с которым я успел его познакомить) назначал роль почтмейстера и так далее. Много высказал Гоголь таких ясных и верных взглядов на искусство, таких тонких пониманий художества, что я был очарован им; иногда же во время езды, закутавшись в шинель, подняв ее воротник выше головы, он читал какую-то книгу, которую прятал под себя или клал в мешок; мешок же он всегда выносил с собою на станциях. Сосед Гоголя в купе, четырнадцатилетний мой Миша, подсмотрел даже, какую книгу он читал: это был Шекспир на французском языке.

II

…16 ноября, обедали у Карташевских [Григ. Ив. Карташевский (1777–1840) – сенатор, был женат на сестре Аксакова, Надежде Тимофеевне.] два тайных советника: весьма известный и любимый прежде литератор Хмельницкий [Ник. Ив.

Хмельницкий (1789–1846) – драматург. Об Альнаскарове из его «Воздушных замков» Гоголь писал как об отрицательном примере для исполнителя роли Хлестакова.] и другой, тоже литератор, мало известный, но не без дарования – Марков. [О каком Маркове идет речь – неясно, но во всяком случае не о беллетристе Мих. Ал-др. Маркове.] Несколько раз разговор обращался на Гоголя. Боже мой, что они говорили, как они понимали его – этому трудно поверить! Я тогда же написал об них в письме к моей жене, что это были Калибаны [Т. е. грубые дикари (персонаж из «Бури» Шекспира).] в понимании искусства, и это совершенная правда. Зная свою горячность, резкость и неумеренность в своих выражениях, я молил только бога дать мне терпение и положить хранение устам моим. Я ходил по зале с Верой [Вера Серг. Аксакова (1819–1864) – старшая дочь С. Т. [и Машенькой [Марья Григ. Карташевская – племянница С. Т. [где, однако, были слышны все разговоры, и удивлялся вместе с ними крайнему тупоумию и невежеству высшей петербургской публики как служебной, так и литературной. Брату Николаю Тимофеевичу было даже совестно за старинного его приятеля Хмельницкого, а Григорию Ивановичу – за Маркова. Наконец, терпение мое лопнуло; я подошел к ним и с убийственным выражением сказал: «Ваши превосходительства, сядемте-ка лучше в карты!»

Только что мы кончили игру, в которой я с злобным удовольствием обыграл всех трех тайных советников, как пришел ко мне Гоголь. Я выбежал к нему навстречу и увел его наверх…

III

…26 ноября давали «Ревизора». У нас было два бельэтажа, но я никак не мог уговорить Гоголя ехать с нами. Он верно рассчитал, до чего должно было дойти его представление в течение четырех лет: «Ревизора» нельзя было видеть без отвращения, все актеры впали в отвратительную карикатуру. Сосницкий сначала был недурен; много было естественности и правды в его игре; слышно было, что Гоголь сам два раза читал ему «Ревизора», он перенял кое-что и еще не забыл; но как скоро дошло до волнений духа, до страсти, говоря по-театральному, Сосницкий сделался невыносимым ломакой, балаганным паясом.

На другой день поутру я поехал к Гоголю. Мне сказали, что его нет дома, и я зашел к его хозяину, к Жуковскому. Я не был с ним коротко знаком, но по Кавелину [Дм. Алдр. Кавелин (1780–1851) – бюрократ и литератор; товарищ Жуковского по Благородному пансиону, член Арзамаса. В роли директора

Петербургского университета приобрел печальную известность как крайний реакционер.] и Гоголю он хорошо меня знал. Я засиделся у него часа два. Говорили о Гоголе. Я не могу умолчать, несмотря на все мое уважение к знаменитому писателю и еще большее уважение к его высоким нравственным достоинствам, что Жуковский не вполне ценил талант Гоголя. Я подозреваю в этом даже Пушкина, особенно потому, что Пушкин погиб, зная только наброски первых глав «Мертвых Душ». Оба они восхищались талантом Гоголя преимущественно в изображении пошлости человеческой, его неподражаемым искусством схватывать вовсе незаметные черты и придавать им такую выпуклость, такую жизнь, такое внутреннее значение, что каждый образ становился живым лицом, совершенно понятным и незабвенным для читателя; восхищались его юмором, комизмом – и только. Серьезного значения, мне так кажется, они не придавали ему. Неприятно звучало мне часто упоминаемое тогда Жуковским сравнение Гоголя с Теньером. …Наконец, я простился с ласковым хозяином и сказал, что зайду узнать, не воротился ли Гоголь, которого мне нужно видеть. «Гоголь никуда не уходил, – сказал Жуковский. – Он дома и пишет. Но теперь пора уже ему гулять. Пойдемте!» И он провел меня через внутренние комнаты к кабинету Гоголя; тихо отпер и отворил дверь. Я едва не закричал от удивления. Передо мною стоял Гоголь в следующем фантастическом костюме: вместо сапогов длинные шерстяные русские чулки выше колен; вместо сюртука, сверх фланелевого камзола, бархатный спензер; шея обмотана большим разноцветным шарфом, а на голове – бархатный малиновый, шитый золотом кокошник, весьма похожий на головной убор мордовок. Гоголь писал и был углублен в свое дело, и мы очевидно ему помешали. Он долго, не зря смотрел на нас, по выражению Жуковского, но костюмом своим нисколько не стеснялся. Жуковский сейчас ушел, и я, скрепя сердце, сказал Гоголю, что мы поедем из Петербурга после 6-го декабря. Он был очень огорчен, но отвечал, что делать нечего, и что он покоряется своей участи. Я звал его гулять, но он возразил, что еще рано. Я, увидев, что ему надобно было что-то кончить, сейчас с ним простился.

«История моего знакомства».

Из воспоминаний П. В. Анненкова

…Последнее мое свидание с Гоголем было в 1839 году, в Петербурге, когда он останавливался в Зимнем дворце, у Жуковского. [Гоголь пробыл в Петербурге ноябрь и половину

декабря, остальное время (до весны 1840 г.) – в Москве.] Первые главы «Мертвых Душ» были уже им написаны, и однажды вечером, явившись в голубом фраке с золотыми пуговицами, с какого-то обеда, к старому товарищу своему Н. Я. Прокоповичу, он застал там всех скромных, безызвестных своих друзей и почитателей, которыми еще дорожил в то время… Мы уже узнали, что он собирался прочесть нам новое свое произведение, но приступить к делу было нелегко. Гоголь, как ни в чем не бывало, ходил по комнате, добродушно подсмеивался над некоторыми общими знакомыми, а об чтении и помину не было. Даже раз он намекнул, что можно отложить заседание, но Н. Я. Прокопович, хорошо знавший его привычки, вывел всех из затруднения. Он подошел к Гоголю сзади, ощупал карманы его фрака, вытащил оттуда тетрадь почтовой бумаги в осьмушку, мелко-намелко исписанную, и сказал по-малороссийски, кажется, так: «А що се таке у вас, пане?» Гоголь сердито выхватил тетрадку, сел мрачно на диван и тотчас же начал читать, при всеобщем молчании. Он читал без перерыва до тех пор, пока истощился весь его голос и зарябило в глазах. Мы узнали таким образом первые четыре главы «Мертвых Душ»… Общий смех мало поразил Гоголя, но изъявление нелицемерного восторга, которое видимо было на всех лицах под конец чтения, его тронуло… Он был доволен. Кто-то сказал, что приветствие Селифана босой девочке, которую он сажает на козлы вместо проводника от Коробочки, – приветствие: «ноздря» – не совсем прилично. Все остальные слушатели восстали против этого замечания, как выражающего излишнюю щекотливость вкуса и отчасти испорченное воображение, но Гоголь прекратил спор, взяв сторону критика и заметив: «Если одному пришла такая мысль в голову – значит и многим может прийти. Это надо исправить». [В окончательном тексте 3-й главы «Мертвых Душ» этого выражения, действительно, нет; нет его и в опубликованных в печати вариантах.] После чтения он закутался по обыкновению в шубу до самого лба, сел со мной на извозчика, и мы молча доехали до Зимнего дворца, где я его ссадил. Вскоре потом он опять исчез из Петербурга.

Анненков. («Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года»).

В. Г. Белинский – К. С. Аксакову

Пб., 10 янв. 1840 г.

…Поклонись от меня Гоголю и скажи ему, что я так люблю его и как поэта, и как человека, что те немногие минуты, в которые я встречался с ним в Питере, были для меня отрадою и

отдыхом. [22 ноября 1839 г. Белинский писал Боткину: «Гоголя видел два раза, во второй обедал с ним у Одоевского». Где они встретились в первый раз – неизвестно, может быть, у Прокоповича.] В самом деле, мне даже не хотелось и говорить с ним, но его присутствие давало полноту моей душе, и в ту субботу, как я не увидел его у Одоевского, мне было душно среди этих лиц и пустынно среди множества. М. С. Щепкину и всему запорожскому семейству правь челобитье великое и не жалей лба…

«Письма В. Г. Белинского», т. II.

Т. Н. Грановский – Н. В. Станкевичу

Москва, 20 февр. 1840 г.

Вчера была среда и чтение у Киреевских: читал Крюков, [Дм. Льв. Крюков (1809–1845) – профессор римской литературы.] которого наконец допекли до того, что покаялся; признаюсь, я от него не ожидал такой дельной статьи «Об отношении искусства к жизни». Но главное украшение вечера был отрывок из романа, еще не конченного, читанный Гоголем. Чудо. Действие происходит в Риме. Это одно из лучших произведений Гоголя, если только он доведет до конца так же хорошо. …Гоголь здесь давно: я его вижу раза два в неделю; он был у меня; но как человек он очень переменился. Много претензий, манерности, что-то неестественное во всех приемах. Талант тот же. Как бы прислать тебе Пушкина, и, если что выйдет, Гоголя? Найди способ. По почте едва ли можно, впрочем, попробую.

Т. Н. Грановский и его переписка, т. II, стр. 383–384.

Из воспоминаний С. Т. Аксакова

…Докуки Погодина увенчались однако успехом. Гоголь дал ему в журнал большую статью под названием «Рим», которая была напечатана в № 3 «Москвитянина». Он прочел ее в начале февраля предварительно у нас, а потом на литературном вечере у князя Дм. Вл. Голицина [Московский военный ген. – губернатор.] (у Гоголя не было фрака, и он надел фрак Константина). Несмотря на высокое достоинство этой пиесы, слишком длинной для чтения на рауте и у какого бы то ни было генерал-губернатора, чтение почти усыпило половину зрителей, но когда к концу пиесы дело дошло до комических разговоров итальянских женщин между собою и с своими мужьями, все общество точно проснулось и пришло в неописуемый восторг, который и остался надолго в благодарной памяти слушателей.

«История моего знакомства».

Из воспоминаний А. Д. Галахова

[Ал-ей Дм. Галахов (1807–1892) в эти годы преподавал словесность в московских учебных заведениях и сотрудничал в «От. Записках» (рецензии, статьи, повести; псевдоним «Сто один». Впоследствии – профессор ист. – фил. института в Петербурге. Автор известной «Истории русской словесности» (1-е изд. 1875 г.).]

Припомню несколько моих свиданий с Гоголем. Первое относится к тому времени, когда вслед за «Вечерами на хуторе близ Диканьки» явились «Арабески» и «Миргород». [Судя по дальнейшему (упоминание о «Пане Халявском») это было не раньше конца сентября 1839 г., когда Гоголь приехал из-за границы в Москву.] Автор их приехал в Москву, где у него было уже немало почитателей. В числе их, кроме Погодина и семейства Аксаковых, состоял и короткий их знакомый А. О. Армфельд, профессор судебной медицины и в то же время инспектор классов в Николаевском сиротском институте, где я преподавал историю русской словесности. Он пригласил на обед близких знакомых, в том числе и меня, жаждавших лицезреть новое светило нашей литературы. Обедом не торопились, зная обычай Гоголя запаздывать, но потом, потеряв надежду на его прибытие, сели за стол. При втором блюде явился Гоголь, видимо смущенный, что заставил себя долго ждать. Он сидел серьезный и сдержанный, как будто дичился, встретив две-три незнакомые личности. Но когда зашла речь о повести Основьяненки (Квитки) «Пан Халявский», напечатанной в «Отечественных Записках», [Гр. Фед. Квитка (Основьяненко – псевдоним) – украинский и русский беллетрист (1778–1843). Его роман «Пан Халявский» – юмористическое изображение быта украинских «старосветских помещиков» на родине и приключений одного из них в столице – был напечатан в «Отеч. Записках», 1839 г., т. 4, отдельно – в 1840 г.] тогда и он скромно вставил свое суждение. Соглашаясь с замечанием, что в главном лице (Халявском) есть преувеличения, доходящие до карикатуры, он старался, однако ж, умалить этот недостаток. Может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что он в невыгодном отзыве о Квитке видел как бы косвенную похвалу себе, намерение возвеличить его собственный талант. Вообще он говорил очень умно и держал себя отлично, не в пример другим случаям.

Вторая встреча устроилась в том же доме. Хозяин (Армфельд) играл в карты с С. Т. Аксаковым, а Гоголь, обедавший с ними,

спал на кровати. Проснувшись, он вышел из-под полога, и я был представлен ему как искренний поклонник его таланта, знакомивший институток с его сочинениями, которые читались мною по вечерам в квартире начальницы, разумеется с исключением некоторых мест, не подлежащих ведению девиц. Гоголь, бывший в хорошем расположении духа, протянул мне руку и сказал, смеясь: «Не слушайтесь вашего инспектора, читайте все сплошь и рядом, не пропускайте ничего». «Как это можно? – возразил Армфельд, – всему есть вес и мера». «Да не все ли равно? Ведь дивчата прочтут же тайком, втихомолку».

Третий раз сошелся я с ним в Москве же, в книжной лавке Базунова, бывшей Ширяева. Он просил показать ему вышедшие в его отсутствие литературные новинки. Базунов выложил на прилавок несколько книг, в том числе и новое издание моей «Русской Хрестоматии» в трех книгах, из которых последняя, под названием «примечаний», заключала в себе биографические сведения о важнейших писателях и оценку их деятельности. Гоголь, разумеется, был превознесен выше облака ходячего, но и он польстил мне, когда в число отобранных им книг включил и мой учебник. [В следующем рассказе о четвертой и последней встрече Галахов передаст объяснение Гоголя со слугой в гостинице («Что это такое?» «Редиска». «Нет, мой друг, это не редиска, а редище, точно так же, как ты не осленок, а ослище»). Переданные дальше рассказы с чужих слов не вполне достоверны.]

Галахов.

Из воспоминаний И. И. Панаева

…Гоголь встал с дивана, взглянув на меня не совсем приятным и пытливым глазом (он не любил, как я узнал после, присутствия малознакомых ему лиц при его чтениях) и направил шаги в гостиную. [В Москве у Аксаковых в начале марта 1840 г.] Все последовали за ним. В гостиной дамы уже давно ожидали его.

Он нехотя подошел к большому овальному столу перед диваном, сел на диван, бросил беглый взгляд на всех, опять начал уверять, что он не знает, что́ прочесть, что у него нет ничего обделанного и оконченного… и вдруг икнул раз, другой, третий…

Дамы переглянулись между собою, мы не смели обнаружить при этом никакого удивления и только смотрели на него в тупом недоумении.

– Что это у меня? точно отрыжка? – сказал Гоголь, и остановился. Хозяин и хозяйка дома даже несколько смутились…

Им, вероятно, пришло в голову, что обед их не понравился Гоголю, что он расстроил желудок… и проч. Гоголь продолжал:

– Вчерашний обед засел в горле: эти грибки да ботвиньи! Ешь, ешь, просто черт знает, чего не ешь…

И заикал снова, вынув рукопись из заднего кармана и кладя ее перед собою… «Прочитать еще „Северную Пчелу“, что там такое?..» – говорил он, уже следя глазами свою рукопись.

Тут только мы догадались, что эта икота и эти слова были началом чтения драматического отрывка, напечатанного впоследствии под именем «Тяжбы». Лица всех озарились смехом, но громко смеяться никто не смел… Все только посматривали друг на друга, как бы говоря: «Каково? Каково читает?» Щепкин заморгал глазами, полными слез.

Чтение отрывка продолжалось не более получаса. Восторг был всеобщий; он подействовал на автора.

– Теперь я вам прочту, – сказал он, – первую главу моих «Мертвых Душ», хотя она еще не обделана…

Все литературные кружки перед этим уже были сильно заинтересованы слухами о «Мертвых Душах». Гоголь, если я не ошибаюсь, прежде всех читал начало своей поэмы Жуковскому. Говорили, что это произведение гениальное… Любопытство к «Мертвым Душам» возбуждено было не только в литературе, но и в обществе.

Нечего говорить, как предложение Гоголя было принято его поклонниками.

Гоголь читал неподражаемо. Между современными литераторами лучшими чтецами своих произведений считаются Островский и Писемский: Островский читает без всяких драматических эффектов, с величайшею простотою, придавая между тем должный оттенок каждому лицу; Писемский читает как актер, он, так сказать, разыгрывает свою пьесу в чтении… В чтении Гоголя было что-то среднее между двумя этими манерами. Он читал драматичнее Островского и с гораздо большею простотою, чем Писемский…

Когда он окончил чтение первой главы и остановился несколько утомленный, обведя глазами своих слушателей, его авторское самолюбие должно было удовлетвориться вполне… На лицах всех ясно выражалось глубокое впечатление, произведенное его чтением. Все были потрясены и удивлены. Гоголь открывал для своих слушателей тот мир, который всем нам так знаком и близок, но который до него никто не умел воспроизвести с такою беспощадною наблюдательностью, с такою изумительною верностью и с такою художественною силою… И какой язык-то! язык-то! Какая сила, свежесть, поэзия!.. У нас даже

мурашки пробегали по телу от удовольствия.

Панаев, «Литературные воспоминания».

Из воспоминаний С. Т. Аксакова

I

…Кроме нас Гоголь читал первые главы «Мертвых Душ» у Ив. Вас. Киреевского и еще у кого-то. Все слушатели приходили в совершенный восторг, но были люди, которые возненавидели Гоголя с самого появления «Ревизора». «Мертвые Души» только усилили эту ненависть. Так, например, я сам слышал, как известный граф Толстой-Американец [Гр. Фед. Ив. Толстой (1782–1846) – приятель многих писателей, прославился своими эксцентричными, подчас скандальными похождениями. Путешествовал в Америку и на Алеутские острова, почему и был прозван «Американцем»] говорил при многолюдном собрании в доме Перфильевых, которые были горячими поклонниками Гоголя, что он – «враг России, и что его следует в кандалах отправить в Сибирь». В Петербурге было гораздо более таких особ, которые разделяли мнение графа Толстого.

II

…Покуда переписывались первые шесть глав, Гоголь прочел мне, Константину и Погодину остальные 5 глав. Он читал их у себя на квартире, т. е. в доме Погодина, и ни за что не соглашался, чтобы кто-нибудь слышал их кроме нас троих. Он требовал от нас критических замечаний, не столько на частности, как на общий состав и ход происшествия в целом томе. Я решительно не был тогда способен к такого рода замечаниям; частности, мелочи бросались мне в глаза во время чтения, но и об них я забывал после. Итак я молчал, но Погодин заговорил. Чтó он говорил, я хорошенько не помню; помню только, что он между прочим утверждал, что в первом томе содержание поэмы не двигается вперед; что Гоголь выстроил длинный коридор, по которому ведет своего читателя вместе с Чичиковым и, отворяя двери направо и налево, показывает сидящего в каждой комнате урода. Я принялся спорить с Погодиным, доказывая, что тут никакого коридора и никаких уродов нет, что содержание поэмы идет вперед, потому что Чичиков ездит по добрым людям и скупает мертвые души. Но Гоголь был недоволен моим

заступлением и, сказав мне: «Сами вы ничего заметить не хотите или не замечаете, а другому замечать мешаете…», просил Погодина продолжать и очень внимательно его слушал, не возражая ни одним словом.

«История моего знакомства».

Из воспоминаний А. А. Фета

[Афан. Аф. Фет (1820–1892) учился в пансионе Погодина, затем с 1840 г. в Московском университете. Первая книга его стихов – «Лирический пантеон» вышла в 1840 г. Одобрение Гоголя, очевидно, предшествует ее выходу.]

Все мы хорошо знали, что Ник. Вас. Гоголь проживает на антресолях в доме Погодина, но никто из нас его не видал. Только однажды, всходя на крыльцо погодинского дома, я встретился с Гоголем лицом к лицу. Его горбатый нос и светло-русые усы навсегда запечатлелись в моей памяти, хотя это была единственная в моей жизни с ним встреча. Не будучи знакомы, мы даже друг другу не поклонились.

О своих университетских занятиях в то время совестно вспоминать… Зато желтая моя тетрадка все увеличивалась в объеме, и однажды я решился отправиться к Погодину за приговором моему эстетическому стремлению.

– Я вашу тетрадку, почтеннейший, передам Гоголю, – сказал Погодин, – он в этом случае лучший судья.

Через неделю я получил от Погодина тетрадку обратно со словами: «Гоголь сказал, это несомненное дарование».

А. Фет. «Ранние годы моей жизни», стр. 140–141.

Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину

Венеция, 10 сентября 1840 г. [Выехав из Москвы 18 мая, Гоголь в половине июня приехал в Вену, где провел лето в напряженной работе («Шинель», «Тарас Бульба» в новой редакции, драма из украинской истории). Надорвавшись на этой работе, он нервно заболел и поспешил уехать в Италию (см. следующее письмо к Погодину). В Венецию приехал 2 сентября.]

Ну, Михал Семенович, любезнейший моему сердцу! половина заклада выиграна: комедия готова. [По-видимому, уезжая из Москвы, Гоголь побился об заклад со Щепкиным, что приготовит для него две комедии (не считая проредактированного в 1839 г. «Сганареля» Мольера). В Венеции в начале сентября 1840 г. он и занялся редактурой (а по подозрению А. И. Кирпичникова самостоятельным переводом) итальянской комедии Жана Жиро

(1776–1834) – «Дядька в затруднительном положении». Третья пьеса, видимо, не была приготовлена; может быть, с этим замыслом связано дальнейшее упоминание о пьесе Шекспира.] В несколько дней русские наши художники перевели. И как я поступил добросовестно! Всю от начала до конца выправил, перемарал и переписал собственною рукою. В афишке вы должны выставить два заглавия: русское и итальянское. Можете даже прибавить тотчас после фамилии автора: «первого итальянского комика нашего времени». Первое действие я прилагаю при письме вашем, второе будет в письме к С. Т., [С. Т. Аксакову.] а за третьим отправьтесь к Погодину. Велите ее тотчас переписать, как следует, с надлежащими пробелами, и вы увидите, что она довольно толста. Да смотрите, до этого не потеряйте листков: другого экземпляра нет: черновой пошел на задние обстоятельства. Комедия должна иметь успех; по крайней мере в итальянских театрах и во Франции она имела успех блестящий. Вы, как человек, имеющий тонкое чутье, тотчас постигнете комическое положение вашей роли. Нечего вам и говорить, что ваша роль – сам дядька, находящийся в затруднительном положении: роль ажитации сильной. Человек, который совершенно потерял голову: тут сколько есть комических и истинных сторон! Я видел в ней актера с большим талантом, который, между прочим, далеко ниже вас. Он был прекрасен, и так в нем было все натурально и истинно! Слышен был человек, не рожденный для интриги, а попавший невольно в оную, – и сколько натурально комического! Этот гувернер, которого я назвал дядькой, потому что первое, кажется, не совсем точно, да и не русское, должен быть одет весь в черном, как одеваются в Италии доныне все эти люди: аббаты, ученые и проч.: в черном фраке не совсем по моде, а так, как у стариков, в черных панталонах до колен, в черных чулках и башмаках, в черном суконном жилете, застегнутом плотно снизу до верху, и в черной пуховой шляпе, трехугольной, – [не в той] как носят у нас, что называют вареником, а в той, в какой нарисован блудный сын, пасущий стада, то есть с пригнутыми немного полями на три стороны. Два молодые маркиза точно также должны быть одеты в черных фраках, только помоднее, и шляпы вместо трехугольных, круглые, черные, пуховые или шелковые, как носим мы все, грешные люди, черные чулки, башмаки и панталоны короткие. Вот все, что вам нужно заметить о костюмах. Прочие лица одеты, как ходит весь свет.

Но о самих ролях нужно кое-что. Роль Джильды лучше всего, если вы дадите которой-нибудь из ваших дочерей. Вы можете тогда более дать им почувствовать во всех ее тонкостях. Если же

кому другому, то, ради бога, слишком хорошей актрисе. Джильда умная, бойкая; она не притворяется; если ж притворяется, то это притворное у ней становится уже истинным. Она произносит свои монологи, которые, говорит, набрала из романов, с одушевлением истинным; а когда в самом деле проснулось в ней чувство матери, тут она не глядит ни на что и вся женщина. Ее движения просты и развязны, а в минуту одушевления картины она становится как-то вдруг выше обыкновенной женщины, что удивительно хорошо исполняют итальянки. Актриса, игравшая Джильду, которую я видел, была свежая, молодая, проста и очаровательна во всех своих движениях, забывалась и одушевлялась, как природа. Француженка убила бы эту роль и никогда бы не выполнила. Для этой роли, кажется, как будто нужна воспитанная свежим воздухом деревни и степей.

Играющему роль Пиппето никак не нужно сказывать, что Пиппето немного приглуповат: он тотчас будет выполнять с претензиями. Он должен выполнить ее совершенно невинно, как роль молодого, довольно неопытного человека, а глупость явится сама собою, так, как у многих людей, которых вовсе никто не называет глупыми.

Больше, кажется, не нужно говорить ничего… Вы сами знаете, что чем больше репетиций вы сделаете, тем будет лучше и актерам сделаются яснее их роли. Впрочем, ролей немного, и постановка не обойдется дорого и хлопотливо. Да! маркиза дайте какому-нибудь хорошему актеру. Эта роль энергическая: бешеный, взбалмошный старик, не слушающий никаких резонов. Я думаю, коли нет другого, отдайте Мочалову; его же имя имеет магическое действие на московскую публику. Да не судите по первому впечатлению и прочитайте несколько раз эту пиесу, – непременно несколько раз. Вы увидите, что она очень мила и будет иметь успех…

Итак, вы имеете теперь две пиесы. Ваш бенефис укомплектован. Если вы обеим пиесам сделаете по большой репетиции и сами за всех прочитаете и объясните себе роли всех, то бенефис будет блестящий, и вы покажете шиш тем, которые говорят, что снаряжаете себе бенефис как-нибудь. Еще Шекспировой пиесы я не успел второпях поправить. Ее переводили мои сестры и кое-какие студенты. [Об этом переводе ничего не известно.] Пожалуйста, перечитайте ее и велите переписать на тоненькой бумаге все монологи, которые читаются неловко, и перешлите ко мне поскорее; я вам все выправлю, хоть всю пиесу, пожалуй. За хвостом комедии сходите сейчас к Аксакову и Погодину.

«Письма», II, стр. 61–64.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

Рим, 17 окт. 1840 г.

…А я… не хотелось бы, о, как бы не хотелось мне открывать своего состояния! и в письме моем к тебе из Вены я бодрился и не дал знать тебе ни слова. Но знай все. Я выехал из Москвы хорошо, и дорога до Вены по нашим открытым степям тотчас сделала надо мною чудо. Свежесть, бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовал. Я, чтобы освободить еще, между прочим, свой желудок от разных старых неудобств и кое-где засевших остатков московских обедов, начал пить в Вене мариенбадскую воду. Она на этот раз помогла мне удивительно: я начал чувствовать какую-то бодрость юности, а самое главное – я почувствовал, что нервы мои пробуждаются, что я выхожу из того летаргического умственного бездействия, в котором я находился в последние годы и чему причиною было нервическое усыпление… Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчел; воображение мое становится чутко. О, какая была это радость, если бы ты знал! Сюжет, [Сюжет драмы из украинской истории.] который в последнее время лениво держал я в голове своей, не осмеливаясь даже приниматься за него, развернулся предо мною в величии таком, что все во мне почувствовало сладкий трепет, и я, позабывши все, переселился вдруг в тот мир, в котором давно не бывал, и в ту же минуту засел за работу, позабыв, что это вовсе не годилось во время пития вод, и именно тут-то требовалось спокойствие головы и мыслей. Но впрочем как же мне было воздержаться? Разве тому, кто просидел в темнице без свету солнечного несколько лет, придет на ум, по выходе из нее, жмурить глаза, из опасения ослепнуть, и не глядеть на то, что радость и жизнь для него? Притом я думал: «Может быть, это только мгновенье, может, это опять скроется от меня, и я буду потом вечно жалеть, что не воспользовался временем пробуждения сил моих». Если бы я хотя прекратил в это время питие вод! но мне хотелось кончить курс, и я думал: «Когда теперь уже я нахожусь в таком светлом состоянии, по окончании курса еще более настроено будет во мне все». Это же было еще летом, в жар, и нервическое мое пробуждение обратилось вдруг в раздраженье нервическое. Все мне бросилось разом на грудь. Я испугался; я сам не понимал своего положения; я бросил занятия, думал, что это от недостатка движения при водах и сидячей жизни, пустился ходить и двигаться до усталости, и сделал еще хуже. Нервическое расстройство и раздражение возросло ужасно: тяжесть в груди и давление, никогда дотоле мною не испытанное, усилилось. По

счастию, доктора нашли, что у меня еще нет чахотки, что это желудочное расстройство, остановившееся пищеварение и необыкновенное раздражение нерв. От этого мне было не легче, потому что лечение мое было довольно опасно: то, что могло бы помочь желудку, действовало разрушительно на нервы, а нервы обратно на желудок. К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания. Я был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться. Ни двух минут я не мог остаться в покойном положении ни на постели, ни на стуле, ни на ногах. О, это было ужасно, это была та самая тоска, то ужасное беспокойство, в каком я видел бедного Виельгорского в последние минуты жизни! [Иосифа. См. выше примечание к статье Сент-Бёва. Смертью Иос. Виельгорского навеян отрывок Гоголя «Ночи на вилле».] Вообрази, что с каждым днем после этого мне становилось хуже и хуже. Наконец уже доктор сам ничего не мог предречь мне утешительного. При мне был один Боткин, [Ник. Петр. Боткин, брат Вас. Петр-ча, приятель Данилевского, случайно оказавшийся в Вене.] очень добрый малый, которому я всегда останусь за это благодарен, который меня утешал сколько-нибудь, но который сам потом мне сказал, что он никак не думал, чтоб я мог выздороветь. Я понимал свое положение и наскоро, собравшись с силами, нацарапал, как мог, тощее духовное завещание, чтобы хоть долги мои были выплачены немедленно после моей смерти. Но умереть среди немцев мне показалось страшно. Я велел себя посадить в дилижанс и везти в Италию. Добравшись до Триэста, я себя почувствовал лучше. Дорога, мое единственное лекарство, оказала и на этот раз свое действие. Я мог уже двигаться. Воздух, хотя в это время он был еще неприятен и жарок, освежил меня. О, как бы мне в это время хотелось сделать какую-нибудь дальнюю дорогу! Я чувствовал, я знал и знаю, что я бы восстановлен был тогда совершенно. Но я не имел никаких средств ехать куда-либо. С какою бы радостью я сделался фельдъегерем, курьером даже на русскую перекладную, и отважился бы даже в Камчатку, – чем дальше, тем лучше. Клянусь, я бы был здоров! Но мне всего дороги до Рима было три дни только. Тут мало было перемен воздуха. Все, однако ж, и это сделало на меня действие, и я в Риме почувствовал себя лучше в первые дни. По крайней мере, я уже мог сделать даже небольшую прогулку, хотя после этого уставал так, как будто б я сделал 10 верст. Я до сих пор не могу понять, как я остался жив, и здоровье мое в таком сомнительном положении, в каком я еще никогда не бывал…

«Письма», II, стр. 80–82.

В. А. Панов [11] – с. Т. Аксакову

Рим, 21/9 ноября 1840 г.

…Болезнь, от которой он думал умереть, задержала его в Вене… Болезнь эта надолго расстроила Николая Васильевича, без того уже расстроенного. Она отвлекла его внимание от всего, и только в Венеции иногда проглядывали у него минуты спокойные, в которые дух его сколько-нибудь просветлял ужасную мрачность его состояния, большею частью, по необходимости, материального. Какие мысли светлые он тогда высказывал, какое сознание самого себя! Но, приехавши сюда, он уже, казалось, ничем не был занят, как только своим желудком, поправлением своего здоровья, а между тем никто из нас не мог съесть столько макарон, сколько он отпускал иной раз. Скучал, беспрестанно жаловался, что даже ничего не может читать. Хотя я в душе никогда не переставал быть убежденным, что Гоголь непременно пробудится с новыми силами, но, признаюсь, мне кажется я уже забывал видеть в нем Гоголя, как вдруг, в одно утро, дней десять тому назад, он меня угостил началом своего произведения! Это будет, как он мне сказал, трагедия. План ее он задумал еще в Вене. [Задумал в Вене, но не в 1840, а в 1839 году; начал же писать, как видно из письма к Погодину, в Вене в 1840 г.] Начал писать здесь. Действие в Малороссии. В нескольких сценах, которые он уже написал и прочел мне, есть одно лицо комическое, которое, выражаясь не столько в действии, сколько в словах, теперь уже совершенство. О прочих судить нельзя: они должны еще обрисоваться в самом действии. Главное лицо еще не обозначилось…

Барсуков, т. V, стр. 368–369.

В. Г. Белинский – В. П. Боткину

Пб., 11 дек. 1840 г.

…Аксаков сказывал, что Гоголь пишет к нему, что он убедился, что у него чахотка, что он ничего не может делать. [Аксаков – Константин, проезжавший из-за границы через Петербург. Письмо, о котором идет речь, неизвестно.] Но это, может быть, и пройдет, как вздор. Важно вот что: его начинает занимать Россия, ее участь, он грустит о ней; ибо в последний раз он увидел, что в ней есть люди! А я торжествую: субстанция общества взяла свое – космополит поэт кончился и уступает свое место русскому поэту.

«Письма В. Г. Белинского», т II.

Поэма в рукописи

Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову

Рим, 28 дек. 1840 г.

…Я теперь приготовляю к совершенной очистке первый том «Мертвых Душ». Переменяю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что их печатание не может обойтись без моего присутствия. Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначащий сюжет, которого первые невинные и скромные главы вы уже знаете. Болезнь моя много отняла у меня времени, но теперь, слава богу, я чувствую даже по временам свежесть, мне очень нужную. Я это приписываю отчасти холодной воде, которую я стал пить по совету доктора, которого за это благослови бог и который думает, что мне холодное лечение должно помочь. Воздух теперь чудный в Риме, светлый. Но лето, лето – это я уже испытал – мне непременно нужно провести в дороге. Я повредил себе много, что зажился в душной Вене. Но что же было делать? признаюсь – у меня не было средств тогда предпринять путешествие; у меня слишком было все рассчитано. О, если б я имел возможность всякое лето сделать какую-нибудь дальнюю, дальнюю дорогу! Дорога удивительно спасительна для меня… Но обратимся к началу. В моем приезде к вам, которого значения я даже не понимал вначале, заключалось много, много для меня. Да, чувство любви к России, слышу, во мне сильно. Многое, что́ казалось мне прежде неприятно и невыносимо, теперь мне кажется опустившимся в свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, как я мог их когда-либо принимать близко к сердцу. И то, что́ я приобрел в теперешний приезд мой в Москву, вы знаете! Что я разумею, вам за этим незачем далеко ходить, чтобы узнать какое это приобретение. Да, я не знаю, как и чем благодарить мне бога. Но уже когда я мыслю о вас и об этом юноше, так полном сил и всякой благодати, [Конст. Серг. Аксаков.] который так привязался ко мне, – я чувствую в этом что-то такое сладкое.

Но довольно; сокровенные чувства как-то становятся пошлыми, когда облекаются в слова. Я хотел было обождать этим письмом и послать вместе с ним перемененные страницы в

«Ревизоре» и просить вас о напечатании его вторым изданием – и не успел. Никак не хочется заниматься тем, что́ нужно к спеху, а все бы хотелось заняться тем, что́ не к спеху. А между тем оно было бы очень нужно скорее. У меня почти дыбом волос, как вспомню, в какие я вошел долги. Я знаю, что вам подчас и весьма нужны деньги; но я надеюсь через неделю выслать вам переправки и приложения к «Ревизору», которые, может быть, заставят лучше покупать его. Хорошо бы, если бы он выручил прежде должные вам, а потом тысячу, взятую у Панова, которую я пообещал ему уплатить было в феврале.

«Письма», II, стр. 91–93.

Н. В. Гоголь – М. П. Погодину

Рим, декабря 28, 1840 г.

Утешься! Чудно милостив и велик бог: я здоров. Чувствую даже свежесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолжением «Мертвых Душ». Вижу, что предмет становится глубже и глубже. Даже собираюсь в наступающем году печатать первый том, если только дивной силе бога, воскресившего меня, будет так угодно. Многое совершилось во мне в немногое время; но я не в силах теперь писать о том, не знаю почему, – может быть, по тому самому, почему не в силах был в Москве сказать тебе ничего такого, что́ бы оправдало меня перед тобою во многом. Когда-нибудь в обоюдной встрече, может быть, на меня найдет такое расположение, что слова мои потекут, и я, с чистой откровенностью ребенка, поведаю состояние души моей, причинившей многое вольное и невольное. О, ты должен знать, что тот, кто создан сколько-нибудь творить в глубине души, жить и дышать своими твореньями, тот должен быть странен во многом! Боже, другому человеку, чтобы оправдать себя, достаточно двух слов, а ему нужны целые страницы! Как это тягостно иногда! Но довольно. Целую тебя.

Письмо твое утешительно. Благодарю тебя за него, растроганно, душевно благодарю! Я покоен. Свежий воздух и приятный холод здешней зимы действуют на меня животворительно. Я так покоен, что даже не думаю вовсе о том, что у меня ни копейки денег. Живу кое-как в долг. Мне теперь все трын-трава. Если только мое свежее состояние продолжится до весны или лета, то, может быть, мне удастся еще приготовить что-нибудь к печати, кроме первого тома «Мертвых Душ». [Гоголь мог иметь в виду драму из украинской истории (позже сожженную) и новую редакцию «Ревизора».] Но лето, лето… Мне непременно нужна дорога, дорога, далекая. Как это сделать? Но… бог

милостив. Прощай!

Обними за меня Елизавету Васильевну от всей души. [Жена Погодина (урожд. Вагнер).]

«Письма», II, стр. 94.

Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову

Рим, 5 марта 1841 г.

Мне грустно так долго не получать от вас вести, Сергей Тимофеевич. Но, может быть, я сам виноват: может быть, вы ожидали высылки мною обещанных изменений и приложений, следуемых ко 2 изданию «Ревизора». Но я не мог найти нигде их. Теперь только случаем нашел их там, где не думал. Если б вы знали, как мне скучно теперь заниматься тем, что́ нужно на скорую руку, – как мне тягостно на миг оторваться от труда, наполняющего ныне всю мою душу! Но вот вам, наконец, эти приложения. Здесь письмо, писанное мною к Пушкину, по его собственному желанию. Он был тогда в деревне. Пиеса игралась без него. Он хотел писать полный разбор ее для своего журнала и меня просил уведомить, как она была выполнена на сцене. Письмо осталось у меня не отправленным, потому что он скоро приехал сам. [«Отрывок из письма к одному литератору». Н. И. Тихонравов и В. И. Шенрок заподозрили – и, по-видимому, неосновательно – правильность этого показания.] Из этого письма я выключил то, что собственно могло быть интересно для меня и для него, и оставил только то, что может быть интересно для будущей постановки «Ревизора», если она когда-нибудь состоится. Мне кажется, что прилагаемый отрывок будет нелишним для умного актера, которому случится исполнять роль Хлестакова. Это письмо под таким названием, какое на нем выставлено, нужно отнесть на конец пиесы, а за ним непосредственно следуют две прилагаемые выключенные из пиесы сцены. [Разговор Анны Андреевны с Марией Антоновной и сцена представления Растаковского Хлестакову.] Небольшую характеристику ролей, которая находится в начале книги первого издания, нужно исключить. Она вовсе не нужна. У Погодина возьмите приложенное в его письме изменение четвертого акта, которое совершенно необходимо. Хорошо бы издать «Ревизора» в миниатюрном формате, а впрочем, как найдете лучшим.

«Письма», II, стр. 96–97.

Из воспоминаний П. В. Анненкова

[Анненков приехал в Рим в конце апреля.]

I

…Гоголь вставал обыкновенно очень рано и тотчас принимался за работу. На письменном его бюро стоял уже графин с холодной водой из каскада Терни, и в промежутках работы опорожнял его дочиста, а иногда и удвоивал порцию. Это была одна из потребностей того длинного процесса самолечения, которому он следовал всю свою жизнь. Он имел даже особенный взгляд на свой организм и весьма серьезно говорил, что устроен совсем иначе, чем другие люди, и, если не обманывает меня память, с каким-то извращенным желудком. Я относился тогда несколько скептически к его жалобам на свои немощи, и помню, что Гоголь возражал мне с досадой и настойчиво: «Вы этого не можете понять, говорил он, это так: я себя знаю». При наступившем вскоре римском зное Гоголь довольно часто жаловался на особенное свойство болезненной своей природы – никогда не подвергаться испарине. «Я горю, но не потею», говорил он. Все это не мешало ему следовать вполне своим обыкновенным привычкам. Почти каждое утро заставал я его в кофейной del buon gusto, [«Хороший вкус».] отдыхающим на диване после завтрака, состоявшего из доброй чашки крепкого кофе и жирных сливок, за которые почасту происходили у него ссоры с прислужниками кофейни: яркий румянец пылал на его щеках, а глаза светились необыкновенно. Затем отправлялись мы в разные стороны до условного часа, когда положено было сходиться домой для переписки поэмы. Тогда Гоголь крепче притворял внутренние ставни окон от неотразимого южного солнца, я садился за круглый стол, а Николай Васильевич, разложив перед собой тетрадку на том же столе подалее, весь уходил в нее и начинал диктовать мерно, торжественно, с таким чувством и полнотой выражения, что главы первого тома «Мертвых Душ» приобрели в моей памяти особенный колорит. Это было похоже на спокойное, правильно разлитое вдохновение, какое порождается обыкновенно глубоким созерцанием предмета. Николай Васильевич ждал терпеливо моего последнего слова и продолжал новый период тем же голосом, проникнутым сосредоточенным чувством и мыслию. Превосходный тон этой поэтической диктовки был так истинен в самом себе, что не мог быть ничем ослаблен или изменен. Часто рев итальянского осла пронзительно раздавался в комнате, затем слышался удар палки по бокам его и сердитый вскрик женщины: Ecco birbone! (Вот тебе, разбойник!). Гоголь останавливался, приговаривал, улыбаясь: «Как разнежился, негодяй!», – и снова начинал вторую половину фразы с тою же силой и крепостью, с какой вылилась у

него ее первая половина. Случалось также, что он прекращал диктовку на моих орфографических заметках, обсуживал дело, и как будто не было ни малейшего перерыва в течении его мыслей, возвращался свободно к своему тону, к своей поэтической ноте. Помню, например, что, передавая ему написанную фразу, я вместо продиктованного им слова «щекатурка» употребил штукатурка. Гоголь остановился и спросил: «Отчего так?» – «Да правильнее, кажется». Гоголь побежал к книжным шкафам своим, вынул оттуда какой-то лексикон, приискал немецкий корень слова, русскую его передачу и, тщательно обследовав все доводы, закрыл книгу и поставил опять на место, сказав: «А за науку спасибо». Затем он сел по-прежнему в кресла, помолчал немного, и снова полилась та же звучная, по-видимому, простая, но возвышенная и волнующая речь. Случилось также, что прежде исполнения моей обязанности переписчика я в некоторых местах опрокидывался назад и разражался хохотом. Гоголь глядел на меня хладнокровно, но ласково улыбался и только проговаривал: «Старайтесь не смеяться, Жюль». Действительно, я знал, что переписка замедляется подобным выражением личных моих ощущений и делал усилия над самим собой, но в те годы усилия эти редко сопровождались успехом. Впрочем, сам Гоголь иногда следовал моему примеру и вторил мне при случае каким-то сдержанным полусмехом, если могу так выразиться. Это случилось, например, после окончания «Повести о капитане Копейкине», первая редакция которой, далеко превосходящая в силе и развитии напечатанную, только недавно сделалась известна публике. [Воспоминания Анненкова печатались в 1857 г. в «Библиотеке для чтения». В это время был известен только вариант, произвольно скомпонованный Гербелем из разных редакций «Повести». Подлинные первоначальные редакции «Повести» напечатаны были позже (в 1865 и 1896 гг.).] Когда по окончании повести, я отдался неудержимому порыву веселости, Гоголь смеялся вместе со мною и несколько раз спрашивал: «Какова повесть о капитане Копейкине?»

– «Но увидит ли она печать, когда-нибудь?» – заметил я.

– «Печать – пустяки, – отвечал Гоголь с самоуверенностью, – все будет в печати». Еще гораздо сильнее выразилось чувство авторского самодовольствия в главе, где описывается сад Плюшкина. Никогда еще пафос диктовки, помню, не достигал такой высоты в Гоголе, сохраняя всю художническую естественность, как в этом месте. Гоголь даже встал с кресел (видно было, что природа, им описываемая, носится в эту минуту перед глазами его) и сопровождал диктовку гордым, каким-то повелительным жестом. По окончании всей этой изумительной VI

главы я был в волнении и, положив перо на стол, сказал откровенно: «Я считаю эту главу, Николай Васильевич, гениальной вещью». Гоголь крепко сжал маленькую тетрадку, по которой диктовал, в кольцо и произнес тонким, едва слышным голосом: «Поверьте, что и другие не хуже ее». В ту же минуту, однако ж, возвысив голос, он продолжал: «Знаете ли, что нам до cenare (ужина) осталось еще много: пойдемте смотреть сады Саллюстия, которых вы еще не видали, да и в виллу Людовизи постучимся». [В «Вилле Людовизи» хранились ценные памятники римской скульптуры.] По светлому выражению его лица, да и по самому предложению видно было, что впечатления диктовки привели его в веселое состояние духа. Это сказалось еще более на дороге. Гоголь взял с собой зонтик на всякий случай, и как только повернули мы налево от дворца Барберини в глухой переулок, он принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец пустился просто в пляс и стал вывертывать зонтиком на воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону. Он быстро поднял отломленную часть и продолжал песню. Так отозвалось удовлетворенное художническое чувство: Гоголь праздновал мир с самим собою, и в значении этого бурного порыва веселости, который вполне напомнил мне старого Гоголя, я не ошибся и тогда.

II

…Еще одна черта. Мы, разумеется, весьма прилежно осматривали памятники, музеи, дворцы, картинные галереи, где Гоголь почти всегда погружался в немое созерцание, редко прерываемое отрывистым замечанием. Только уже по прошествии некоторого времени развязывался у него язык и можно было услыхать его суждение о виденных предметах. Всего замечательнее, что скульптурные произведения древних тогда еще производили на него сильное впечатление. Он говорил про них: «То была религия, иначе нельзя бы и проникнуться таким чувством красоты».

Может статься, всего тяжелее было для позднейшего Гоголя победить врожденное благоговение к высокой, непогрешительной, идеальной, пластической форме, какое высказывалось у него в мое время поминутно. Он часто забегал в мастерскую известного Тенерани [Пьетро Тенерани (1789–1869) – итальянский скульптор.] любоваться его «Флорой», приводимой тогда к окончанию, и с восторгом говорил о чудных линиях,

которые представляет она со всех сторон и особенно сзади: «Тайна красоты линий, – прибавлял он, – потеряна теперь во Франции, Англии, Германии, и сохраняется только в Италии». Так точно и знаменитый римский живописец Камуччини, [Винченцо Камуччини (1775–1844).] воспитанный на классических преданиях, находил в нем усердного почитателя за чистоту своего вкуса, грацию и теплоту, разлитые в его картинах, похожих на оживленные барельефы. Никогда не забывал Гоголь, при разговоре о римских женщинах или даже при встрече с замечательной женской фигурой, каких много в этой стране, сказать: «А если бы посмотреть на нее в одном только одеянии целомудрия, так скажешь: женщина эта с неба сошла».

III

…После утренней работы, еще до обеда, Гоголь приходил прямо к превосходной террасе виллы Барберини, господствующей над всей окрестностью, куда являлся и я, покончив с осмотрами города и окрестностей. Гоголь садился на мраморную скамейку террасы, вынимал из кармана книжку, читал и смотрел, отвечая и делая вопросы быстро и односложно. Надо сказать, что Гоголь перечитывал в то время «Историю Малороссии», кажется, Каменского, [Д. Н. Бантыш-Каменский. «История Малой России», 1822 (2-е изд. 1830 г.).] и вот по какому поводу. Он писал драму из казацкого запорожского быта, которую потом бросил равнодушно в огонь, недовольный малым действием ее на Жуковского: [См. ниже воспоминания Чижова.] история Малороссии служила ему пособием. О существовании драмы я узнал случайно. Между бумагами, которые Гоголь тщательно подкладывал под мою тетрадку, когда приготовлялся диктовать, попался нечаянно оторванный лоскуток, мелконамелко писанный его рукою. Я наклонился к бумажке и прочел вслух первую фразу какого-то старого казака (имени не припомню), попавшуюся мне на глаза и мною удержанную в памяти: «И зачем это господь бог создал баб на свете, разве только, чтоб казаков рожала баба»… [Ср. слова Пулька в отрывках романа «Гетьман» («Несколько глав из неоконченной повести»): «Пришла ж охота господу богу породить эдакое племя! Или ему недосуг тогда был, или бог его знает, что ему тогда было». Ср. также гл. 4 «Сорочинской ярмарки».] Гоголь сердито бросился ко мне с восклицанием: «Это что?» и вырвал у меня бумажку из рук и сунул ее в письменное бюро; затем мы спокойно принялись за дело.

IV

…В Риме не было тогда постоянного театра, но какая-то заезжая труппа давала пьесы Гольдони, [Карло Гольдони (1707–1793) – итальянский драматург, автор до сих пор держащихся в репертуаре комедий «Хозяйка гостиницы», «Слуга двух господ» и др.] Нотте [Так назван, вероятно, Альберто Нота (1775–1847) – автор комедий.] и переделки из французских водевилей. Спектакль начинался обыкновенно в десять часов вечера и кончался за полночь. Мы довольно часто посещали его, ради первой его любовницы, красавицы в полном смысле слова, очень хорошего jeune premier, [Первого любовника.] а более ради старика Гольдони, который по весьма спокойному, правильному развитию сложных завязок в своих комедиях составлял противоположность с путаницей и небывальщиной французского водевиля. Гоголь весьма высоко ценил итальянского писателя. Ночь до спектакля проводили мы в прогулках по улицам Рима, освещенным кофейнями, лавочками и разноцветными фонарями тех сквозных балаганчиков с плодами и прохладительными напитками, которые, наподобие небольших зеленых храмиков, растут в Риме по углам улиц и у фонтанов его. В тихую летнюю ночь Рим не ложился спать вовсе, и как бы поздно ни возвращались мы домой, всегда могли иметь надежду встретить толпу молодых людей без курток или с куртками, брошенными на одно плечо, идущих целой стеной и вполголоса распевающих мелодический туземный мотив. Бряцание гитары и музыкальный строй голосов особенно хороши бывали при ярком блеске луны: чудная песня как будто скользила тогда тонкой серебряной струей по воздуху, далеко расходясь в пространстве. Случалось, однако же, что удушливый сирокко, перелетев из Африки через Средиземное море, наполнял город палящей, раскаленной атмосферой, тогда и ночи были знойны по-своему: жало удушливого ветра чувствовалось в груди и на теле. В такое время Гоголь видимо страдал: кожа его делалась суха, на щеках выступал яркий румянец. Он начинал искать по вечерам прохлады на перекрестках улиц; опершись на палку, он закидывал голову назад и долго стоял так, обращенный лицом кверху, словно перехватывая каждый свежий ток, который может случайно пробежать в атмосфере. Наскучив прогулками и театрами, мы проводили иногда остаток вечера у себя дома за бостоном. Надо сказать, что ни я, ни хозяин, ни А. А. Иванов, [Алдр. Андр. Иванов (1806–1858) – выдающийся художник. Гоголь близко сошелся с ним в Риме, позже написал статью о нем («Исторический живописец Иванов»).] участвовавший в этих

партиях, понятия не имели не только о сущности игры, но даже и о начальных ее правилах. Гоголь изобрел по этому случаю своего рода законы, которые и прикладывал поминутно, мало заботясь о противоречиях и происходившей оттого путанице; он даже весьма аккуратно записывал на особенной бумажке результаты игры, неизвестно для чего, потому что с новой игрой всегда оказывалась необходимость изменить прежние законы и считать недействительными все старые приобретения и потери. Лучше всего была обстановка игры: Гоголь зажигал итальянскую свою лампу об одном рожке, не дававшую света даже столько, сколько дает порядочный ночник, но имевшую достоинство напоминать, что при таких точно лампах работали и веселились древние консулы, сенаторы и проч. Затем Гоголь принимал в свое распоряжение фляжку орвиетто, захваченную кем-нибудь на дороге, и мастерским образом сливал из нее верхний пласт оливкового масла, заменявший, тоже по древнему обычаю, пробку и укупорку…

Анненков. («Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 г.»).

Из воспоминаний Ф. И. Буслаева

[Фед. Ив. Буслаев (1818–1897) – историк литературы, проф. Моск. университета. Окончив университет в 1838 г., он в 1839–1841 гг. путешествовал по Европе с семейством гр. Строганова. Это воспоминание относится к лету 1841 г.]

…Однажды утром в праздничный день сговорились мы с Пановым итти за город и именно, хорошо помню и теперь, в виллу Альбани, которую особенно часто посещал я. Положено было сойтись нам в cafe Greco, куда в эту пору дня обыкновенно собирались русские художники. Когда явился я в кофейню, человек пять-шесть из них сидели вокруг стола, приставленного к двум деревянным скамьям, которые соединяются между собою там, где стены образуют угол комнаты. Это было налево от входа. Собеседники болтали и шумели: это был народ веселый и беззаботный. Только в том углу сидел, сгорбившись над книгою, какой-то неизвестный мне господин, и в течение получаса, пока я поджидал своего Панова, он так погружен был в чтение, что ни разу ни с кем не перемолвился ни единым словом, ни на кого не обратил хоть минутного взгляда, будто окаменел в своей невозмутимой сосредоточенности. Когда мы с Пановым вышли из кофейни, он спросил меня: «Ну, видел? познакомился с ним? говорил?» Я отвечал отрицательно. Оказалось, что я целых полчаса просидел за столом с самим Гоголем. Он читал тогда что-то из Диккенса, которым, по словам Панова, в то время был он

заинтересован. Замечу мимоходом, что по этому случаю узнал я в первый раз имя великого английского романиста: [Первые переводы из Диккенса (1812–1870) появились в России в 1840 г. «Николай Никльби» и «Записки Пиквикского клуба» в «Библиотеке для чтения». Общепризнанным писателем Диккенс еще не был. Белинский до 1843 г. относился к Диккенсу пренебрежительно.] так и осталось оно для меня навсегда в соединении с наклоненною над книгой фигурою в полусвете темного угла.

…Гоголь желал познакомиться с лирическими произведениями Франциска Ассизского, [Франциск Ассизский (1182–1226) – основатель нищенствующего ордена, герой многих народных легенд. Имеется в виду, вероятно, книга «Цветочки святого Франциска».] и я через Панова доставил их ему в том издании старинных итальянских поэтов, которое… рекомендовал мне мой наставник Франческо Мази.

Как-то случилось, что в течение двух или трех недель ни разу не привелось нам с Пановым видеться: ко мне он перестал заходить, я нигде его не встречал, спрашивал о нем у наших общих знакомых, но и от них о нем ни слуху, ни духу, – совсем запропастился. Наконец, является ко мне, но такой странный и необычный, каким я его никогда не видывал, умиленный и просветленный, будто какая благодать снизошла на него с неба; я спрашиваю его: «Что с тобой? куда ты девался?». «Все это время, – отвечал он, – был я занят великим делом, таким, что ты и представить себе не можешь, продолжаю его и теперь». И говорит он это так сдержанно, таинственно, чуть не шепотом, чтобы кто не похитил у него сокровище, которое переполняет его душу светлою радостью. Будучи погружен в свои римские интересы, я подумал, что где-нибудь в развалинах откопан новый Лаокоон или новый Аполлон Бельведерский, и что теперь пришел Панов сообщить мне об этой великой радости. «Нет, совсем не то, – отвечал он, – дело это наше родное, русское. Гоголь написал великое произведение, лучше всех Лаокоонов и Аполлонов; [Аполлон Бельведерский и группа Лаокоона – знаменитые античные статуи, первая IV в., вторая – I в. до нашей эры. Обе в Ватиканском музее в Риме.] называется оно „Мертвые Души“, а я его теперь переписываю набело». Тут в первый раз услышал я загадочное название книги, которая стала потом драгоценным достоянием нашей литературы, и сначала вообразил себе, что это какой-нибудь фантастический роман или повесть вроде Вия; но Панов разуверил меня, однако не мог ничего сообщить мне о содержании нового произведения, потому что Гоголь желал сохранять это дело в тайне.

«Вестник Европы», 1891. № 6, стр. 211–213.

Из воспоминаний Ф. В. Чижова

[Фед. Вас. Чижов (1811–1877) был одновременно с Гоголем адъюнктом Петерб. университета (по математике), в 1843 г. жил в Риме в одном доме с Гоголем.]

…Жуковский, как известно, очень любил Гоголя, но журил его за небрежность в языке, а уважая и высоко ценя его талант, никак не был его поклонником. Проживая в Дюссельдорфе, я бывал у Жуковского раза три-четыре в неделю, часто у него обедал, и мне не раз случалось говорить с ним о Гоголе. Прочтя наскоро «Мертвые Души», я пришел к Жуковскому; признаюсь, с первого разу, я очень мало раскусил их. Я был восхищен художническим талантом Гоголя, лепкою лиц, но, как я ожидал содержания в самом событии, то, на первый раз, в ряде лиц, для которых рассказ о Мертвых Душах был только внешним соединением, видел какое-то отсутствие внутренней драмы. Я об этом сообщил Жуковскому и из слов его увидел, что ему не был известен полный план Гоголя. На замечание мое об отсутствии драмы в Мертвых Душах, Жуковский отвечал мне:

– «Да и вообще в драме Гоголь не мастер. Знаете ли, что он написал было трагедию? (Не могу утверждать, сказал ли мне Жуковский ее имя, содержание и из какого быта она была взята, только, как-то при воспоминании об этом, мне представляется, что она была из русской истории). Читал он мне ее во Франкфурте. [В сентябре 1841 г. Имеется в виду упомянутая выше драма из украинской истории.] Сначала я слушал; сильно было скучно; потом решительно не мог удержаться и задремал. Когда Гоголь кончил и спросил, как я нахожу, я говорю: „Ну, брат Николай Васильевич, прости, мне сильно спать захотелось“. – „А когда спать захотелось, тогда можно и сжечь ее“, – отвечал он, и тут же бросил в камин. Я говорю: „И хорошо, брат, сделал“.

„Записки“, т. I, стр. 330.

Н. В. Гоголь – В. Ф. Одоевскому

Москва, в начале января 1842 г. [Гоголь приехал в Петербург в начале октября 1841 г. С 18 окт. и до 27 мая 1842 г. он в Москве.]

Принимаюсь за перо писать к тебе, и не в силах. Я так устал после письма, только что конченного, к Александре Осиповне, что нет мочи. Часа два после того лежал в постели, и все еще рука моя в силу ходит. Но ты все узнаешь из письма к Александре

Осиповне, которое доставь ей сей час же, отвези сам, вручи лично. Белинский сейчас едет. [После выпадов в заседании моск. цензурного комитета (см. след. письмо) Гоголь решил попытать счастья в Петербурге, рассчитывая на протекцию Одоевского и Смирновой. Белинский, бывший тогда в Москве, взялся передать рукопись Одоевскому.] Времени нет мне перевести дух, я очень болен и в силу двигаюсь. Рукопись моя запрещена. [Рукопись запрещена не была.] Проделка и причина запрещения – все смех и комедия. Но у меня вырывают мое последнее имущество. Вы должны употребить все силы, чтобы доставить рукопись государю. [Эта мера не понадобилась.] Ее вручат тебе при сем письме. Прочтите ее вместе с Плетневым и Александрой Осиповной и обдумайте, как обделать лучше дело. Обо всем этом не сказывайте до времени никому. Какая тоска, какая досада, что я не могу быть лично в Петербурге! Но я слишком болен, я не вынесу дороги. Употребите все силы. Ваш подвиг будет благороден. Клянусь, ничто не может быть благороднее! Ради святой правды, ради Иисуса, употребите все силы!

Прощай, обнимаю тебя бессчетно. Плетнев и Смирнова прочтут тебе свои письма. Ты все узнаешь. Кроме их не вручай никому моей рукописи. Да благословит тебя бог!

„Письма“, II, стр. 135.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Москва, 7 января 1842 г.

Расстроенный и телом и духом, пишу к вам. Сильно хотел бы ехать теперь в Петербург; мне это нужно, это я знаю, и при всем том не могу. Никогда так не впору не подвернулась ко мне болезнь, как теперь. Припадки ее приняли теперь такие странные образы… но бог с ними! Не об болезни, а об цензуре я теперь должен говорить.

Удар для меня никак неожиданный: запрещают всю рукопись. Я отдаю сначала ее цензору Снегиреву, [И. М. Снегирев – вышеупомянутый автор книги о народных праздниках.] который несколько толковее других, с тем, что если он находит в ней какое-нибудь место, наводящее на него сомнение, чтоб объявил мне прямо, что я тогда посылаю ее в Петербург. Снегирев через два дня объявляет мне торжественно, что рукопись он находит совершенно благонамеренной, и в отношении к цели, и в отношении к впечатлению, производимому на читателя, и что кроме одного незначительного места: перемены двух-трех имен (на которые я тот же час согласился и изменил) нет ничего, что бы могло навлечь притязанья цензуры самой строгой. Это же

самое он объявил и другим. Вдруг Снегирева сбил кто-то с толку, и я узнаю, что он представляет мою рукопись в комитет. Комитет принимает ее таким образом, как будто уже был приготовлен заранее и был настроен разыграть комедию. Ибо обвинения, все без исключения, были комедия в высшей степени. Как только занимавший место президента Голохвастов [Дм. Павл. Голохвастов (1796–1849) – историк, пом. попечителя московского учебного округа.] услышал название „Мертвые Души“, закричал голосом древнего римлянина: „Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть; автор вооружается против бессмертья“. В силу наконец мог взять в толк умный президент, что дело идет об ревизских душах. Как только взял он в толк и взяли в толк вместе с ним другие цензоры, что мертвые значит ревизские души, произошла еще большая кутерьма. „Нет, – закричал председатель и за ним половина цензоров, – этого и подавно нельзя позволить, хотя бы в рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: ревизская душа; уж этого нельзя позволить, это значит против крепостного права“. Наконец сам Снегирев, увидев, что дело зашло уже очень далеко, стал уверять цензоров, что он рукопись читал и что о крепостном праве и намеков нет, что даже нет обыкновенных оплеух, которые раздаются во многих повестях крепостным людям; что здесь совершенно о другом речь; что главное дело основано на смешном недоумении продающих и на тонких хитростях покупщика и на всеобщей ералаши, которую произвела такая странная покупка, что это – ряд характеров, внутренний быт России и некоторых обитателей, собрание картин самых невозмутительных. Но ничего не помогло.

„Предприятие Чичикова, – стали кричать все, – есть уже уголовное преступление“. – „Да, впрочем, и автор не оправдывает его“, – заметил мой цензор. „Да, не оправдывает! А вот он выставил его теперь, и пойдут другие брать пример и покупать мертвые души“. – Вот какие толки! это толки цензоров-азиатцев, то есть людей старых, выслужившихся и сидящих дома. Теперь следуют толки цензоров-европейцев, возвратившихся из-за границы, людей молодых. „Что вы ни говорите, а цена, которую дает Чичиков“ (сказал один из таких цензоров, именно Крылов, [Никита Ив. Крылов (1800–1879) проф. римского права.] „цена два с полтиною, которую он дает за душу, возмущает душу. Человеческое чувство вопиет против этого; хотя, конечно эта цена дается только за одно имя, написанное на бумаге, но все же это имя душа, душа человеческая; она жила, существовала. Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя позволить. Да после этого ни один иностранец к нам не приедет“. Это главные пункты,

основываясь на которых произошло запрещение рукописи. Я не рассказываю вам о других мелких замечаниях, как то в одном месте сказано, что один помещик разорился, убирая себе дом в Москве в модном вкусе. „Да, ведь и государь строит в Москве дворец!“ – сказал цензор (Каченовский). [Мих. Троф. Каченовский (р. 1775 г., ум. 19 апреля того же 1842 г.) – историк, проф. Моск. университета, издатель „Вестника Европы“, литературный противник Пушкина.] Тут, по поводу, завязался у цензоров разговор единственный в мире. Потом произошли другие замечанья, которые даже совестно пересказывать, и наконец дело кончилось тем, что рукопись объявлена запрещенною, хотя комитет только прочел три или четыре места.

Вот вам вся история. Она почти невероятна, а для меня вдобавку подозрительна. Подобной глупости нельзя предположить в человеке. Цензора не все же глупы до такой степени. Я думаю, что против меня что-нибудь есть. Но дело, между прочим, для меня слишком серьезно. Из-за их комедии или интриг мне похмелье. У меня, вы сами знаете, все мои средства и все мое существование заключены в моей поэме. Дело клонится к тому, чтобы вырвать у меня последний кусок хлеба, выработанный семью годами самоотверженья, отчужденья от мира и всех его выгод. Другого я ничего не могу предпринять для моего существования. Усиливающееся болезненное мое расположение и недуги лишают меня даже возможности продолжать далее начатый труд. Светлых минут у меня немного, а теперь просто отымаются руки. Но что я пишу вам, уже не помню, я думаю, вы не разберете вовсе моей руки. Дело вот в чем. Вы должны теперь действовать соединенными силами и доставить рукопись к государю. Я об этом пишу к Александре Осиповне Смирновой. Я просил ее через великих княжен или другими путями, это ваше дело. Об этом вы сделаете совещание вместе. Попросите Алекс[андру] Осипов[ну], чтобы она прочла вам мое письмо. Это вам нужно. Рукопись моя у князя Одоевского. Вы прочитайте ее вместе, человека три-четыре, не больше. Не нужно об этом деле производить огласки. Только те, которые меня очень любят, должны знать. Я твердо полагаюсь на вашу дружбу и на вашу душу, и нечего между нами тратить больше слов! Обнимаю сильно вас, и да благословит вас бог! Если рукопись будет разрешена и нужно будет только для проформы дать цензору, то, я думаю, лучше дать Очкину [Амплий Никол. Очкин (1791–1865) – литератор и цензор, редактор „СПБургских Ведомостей“.] для подписанья, а впрочем, как найдете вы. Не в силах больше писать.

Весь ваш Гоголь.

„Письма“, II, стр. 135–138.

Граф с. Г. Строганов [12] – гр. А. Х. Бенкендорфу [13]

Москва, 29 января 1842 г.

Граф, узнав о стесненном положении, в котором находится г. Гоголь, автор „Ревизора“ и один из наших самых известных современных писателей, нуждающийся в особом содействии, думаю, что исполню по отношению к вам свой долг, если извещу вас об этом и возбужу в вас интерес к молодому человеку. Может быть, вы найдете возможным доложить о нем императору и получить от него знак его высокой щедрости. Г. Гоголь строит все свои надежды, чтобы выйти из тяжелого положения, в которое он попал, на напечатании своего сочинения „Мертвые Души“. Получив уведомление от московской цензуры, что оно не может быть разрешено к печати, он решил послать ее в Петербург. Я не знаю, что ожидает там это сочинение, но это сделано по моему совету. В ожидании же исхода Гоголь умирает с голоду и впал в отчаяние. Я нимало не сомневаюсь, что помощь, которая была бы оказана со стороны его величества, была бы одной из наиболее ценных. Простите граф, попытку, которую мне продиктовало мое чувство, почерпаемое в уверенности в вашей просвещенной доброте и которой я имею столько доказательств, и позвольте, пользуясь случаем, принести вам уверение в моем глубоком уважении» (и т. д.).

Доклад А. Х. Бенкендорфа Николаю I

от 2 февраля 1842 г.

Попечитель московского учебного округа генерал-адютант гр. Строганов уведомляет меня, что известный писатель Гогель [По свидетельству издавшего этот документ М. К. Лемке именно так в подлиннике.] находится теперь в Москве в самом крайнем положении, что он основал всю надежду свою на сочинении своем под названием «Мертвые Души», но оно московской цензурою не одобрено и теперь находится в рассмотрении здешней цензуры, и как между тем Гогель не имеет даже дневного пропитания и оттого совершенно пал духом, то граф Строганов просит об исходатайствовании от монарших щедрот какого-либо ему пособия. Всеподданнейше донося вашему императорскому величеству о таковом ходатайстве гр. Строганова за Гогеля, который известен многими своими сочинениями, в особенности комедией своей «Ревизор», я осмеливаюсь испрашивать всемилостивейшего вашего величества повеления о выдаче

единовременного пособия пятьсот рублей серебром. [Согласие на выдачу пособия было получено.]

М. Лемке. «Николаевские жандармы и литература 1836–1855 гг.», стр. 135–136.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Москва, 17 февраля 1842 г.

Я получил ваше уведомление о том, что рукопись пропускается. Дай бог, чтоб это было так, но я еще не получил ее, хотя три дни уже прошло после полученья вашего письма. Я немножко боюсь, что она попала к Никитенке. Он кроме своих цензор[ских] должностных взглядов, понимает званье цензора в смысле древних цензоров римских, то есть наблюдателей за чистотою нравов, и потому многие мои выражения пострадают сильно от него. Словом, не могу еще предаваться надежде, пока вовсе не окончится дело. [Никитенко подписал цензурное разрешение «Мертвых Душ» 9 марта 1842 г.] Дай бог, чтоб оно было хорошо. Я уже ко всему приготовился и чуть было не послал вам письма, которое нарочно прилагаю вам при сем. Вы можете во всяком случае прочесть его всем, к кому оно имеет отношение. Нельзя ли на Никитенку подействовать со стороны каких-нибудь значительных людей, приободрить и пришпандорить к большей смелости. Добрый граф Виельгорский! как я понимаю его душу! Но изъявить каким бы то ни было образом чувства мои – было бы смешно и глупо с моей стороны. Он слишком хорошо понимает, что́ я должен чувствовать. Хорошо бы было, если бы на сих днях я получил мою поэму. Время уходит. В другом письме моем вы начитаете просьбу о позволении въехать в ваш «Современник».

«Письма», II, стр. 263–264.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Москва, 17 марта 1842 г.

Вот уже вновь прошло три недели после письма вашего, в котором вы известили меня о совершенном окончании дела, а рукописи нет как нет. Уже постоянно целые две недели я посылаю каждый день осведомиться на почту, в университет, и во все места, куда бы только она могла быть адресована, – нигде никаких слухов! Боже, как истомили, как измучили меня все эти ожиданья и тревоги! А время уходит, и чем далее, тем менее вижу возможность успеть с ее печатаньем. Уведомьте меня, ради бога, что случилось, чтобы я хотя, по крайней мере, знал, что она не пропала на почте, чтобы знал, что́ мне предпринять.

Я силился написать для «Современника» статью, во многих отношениях современную, мучил себя, терзал всякий день, и не мог ничего написать, кроме трех беспутных страниц, которые тот же час истребил. Но как бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержал своего слова. Посылаю вам повесть мою «Портрет». Она была напечатана в «Арабесках», но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее, вы увидите, что осталась одна только канва прежней повести, что всё вышито по ней вновь. В Риме я ее переделал вовсе, или, лучше, написал вновь, вследствие сделанных еще в Петербурге замечаний. Вы, может быть, даже увидите, что она более, чем какая другая, соответствует скромному и чистому направлению вашего журнала. [«Портрет» в новой редакции был напечатан в «Современнике» 1842 г., № 3.] Да, ваш журнал не должен заниматься тем, чем занимается торопящийся, шумный современный свет. Его цель другая. Это благоуханье цветов, растущих уединенно на могиле Пушкина. Рыночная толпа не должна знать к нему дороги – с нее довольно славного имени поэта. Но только одни сердечные друзья должны сюда сходиться, с тем, чтобы безмолвно пожать друг другу руку и предаться хоть раз в год тихому размышлению. Вы говорите, что я бы мог достославно подвизаться на журнальном поприще, но что у меня для этого нет терпенья. Нет. У меня нет для этого способностей. Отвлеченный писатель и журналист так же не могут соединиться в одном человеке, как не могут соединиться теоретик и практик. Притом каждый писатель уже означен своеобразным выражением таланта, и потому никак нельзя для них вывести общего правила. Одному дан ум быстрый схватывать мгновенно все предметы мира в минуту их представления. Другой может сказать свое слово, только глубоко обдумавши, иначе его слово будет глупее всякого обыкновенного слова, произнесенного самым обыкновенным человеком. Ничем другим не в силах я заняться теперь, кроме одного постоянного труда моего. Он важен и велик, и вы не судите о нем по той части, которая готовится теперь предстать на свет (если только будет конец ее непостижимому странствию по цензурам). Это больше ничего, как только крыльцо к тому дворцу, который во мне строится. Труд мой занял меня совершенно всего, и оторваться от него на минуту – есть уже мое несчастие. Здесь, во время пребыванья моего в Москве, я думал заняться отдельно от этого труда, написать одну-две статьи, потому что заняться чем-нибудь важным я здесь не могу. Но вышло напротив: я даже не в силах собрать себя.

Притом уже в самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живо мир, когда я удалился от

него. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстает мне вся, во всей своей громаде. А здесь я погиб и смешался в ряду с другими. Открытого горизонта нет предо мною. Притом здесь, кроме могущих смутить меня внешних причин, я чувствую физическое препятствие писать. Голова моя страждет всячески: если в комнате холодно, мои мозговые нервы ноют и стынут, и вы не можете себе представить, какую муку чувствую я всякий раз, когда стараюсь в то время пересилить себя, взять власть над собою и заставить голову работать. Если же комната натоплена, тогда этот искусственный жар меня душит совершенно; малейшее напряжение производит в голове такое странное сгущение всего, как будто бы она хотела треснуть. В Риме я писал пред открытым окном, обвеваемый благотворным и чудотворным для меня воздухом. Но вы сами в душе вашей можете чувствовать, как сильно могу я иногда страдать в то время, когда другому никому не видны мои страданья. Давно остывши и угаснув для всех волнений и страстей мира, я живу своим внутренним миром, и тревога в этом мире может нанести мне несчастие, выше всех мирских несчастий. Участье ваше мне дорого: не оставьте письмо мое без ответа, напишите сейчас вашу строчку. Повесть не разделяйте на два номера, но поместите ее всю в одной книжке и отпечатайте для меня десяток экземпляров. Скажите, как вы нашли ее? (мне нужно говорить откровенно). Если встретите погрешности в слоге, исправьте. Я не в силах был прочесть ее теперь внимательно. Голова моя глупа, душа неспокойна. Боже, думал ли я вынести столько томлений в этот приезд мой в Россию. Посылаю вам отдельные брошюры статьи, напечатанной в «Москвитянине». [«Рим».]

Разошлите по адресам. А две неподписанные я определил: одну для наследника, он был в Риме: она ему напомнит лучшее время его путешествия, когда он так весело предавался общей веселости в карнавале и был участником во многом хорошем; а другой экземпляр для в. к. Марии Николаевны. [Марья Николаевна (1819–1876) – дочь Николая I.] Велите переплести их в хорошенькую папку. Последней я почитаю ныне священным долгом представить ее. Два другие экземпляра дайте, кому найдете приличным; а не то – Прокоповичу.

«Письма», II, стр. 155–158.

В. П. Боткин – А. А. Краевскому

Москва, 16 марта 1842 г.

…В 3 № «Москвитянина» помещен большой отрывок из романа Гоголя «Рим». Это так хорошо, что сказать нельзя. Что

язык, что за краски, что за колорит. Между колоритом и манерою Брюллова и языком и колоритом Гоголя сходство необыкновенное. Как освещают они свои картины! Какая смелость в постановке и очерке фигур! У обоих всё, до чего ни коснутся они, становится рельефно и пластично. У Гоголя фоном картин всегда служит возвышенное поэтическое созерцание: оно сообщает яркому колориту его идеальность и воздушную прозрачность; не будь этого созерцания, колорит его сверкал бы только, а не грел. Вы изумитесь, как возмужало его искусство, как окреп его резец. – Но оставляю вас насладиться самому.

Отчет ПБЛ за 1889 г., стр. 46–47.

П. А. Плетнев – Я. К. Гроту

[Як. Карл. Грот (1812–1893) – филолог, проф. Гельсингфорского университета, впоследствии академик.]

Пб., 1 апр. 1842 г.

…Во вторник чтение было в кабинете государыни. Читали «Рим» Гоголя. Вот чудо-то! Прочитай его в № 3 «Москвитянина», да непременно вели перевести на шведский язык для какой-нибудь газеты. Это даст высокую идею о русской литературе.

«Переписка Грота с Плетневым», т. I, стр. 512.

А. В. Никитенко – Н. В. Гоголю

IIб., 1 апреля 1842 г.

Милостивый государь, Николай Васильевич! Вы, вероятно, уже получили рукопись вашу «Мертвые Души», отправленную из здешнего цензурного комитета на имя М. П. Погодина по адресу, который доставил мне П. А. Плетнев. Сочинение это, как вы видите, прошло цензуру благополучно; путь ее узок и тесен, и потому не удивительно, что на нем осталось несколько царапин, и его нежная и роскошная кожа кой-где поистерлась. Впрочем, надеюсь, что вы отдадите также и справедливость умеренности нашей цензуры: она всячески щадила прекрасное творение, которое искажать придирчивостью слишком осторожною я считал святотатственным посягательством на нашу бедную литературу. Совершенно невозможным к пропуску оказался эпизод Копейкина – ничья власть не могла защитить его от гибели, и вы сами, конечно, согласитесь, что мне тут нечего было делать. [Представляя «Мертвые Души» в цензуру, Гоголь сильно смягчил «Повесть о капитане Копейкине» (первоначально Копейкин голодал по вине бюрократов), но и смягченная редакция цензуру не удовлетворила; пришлось переделывать «Повесть» третий раз.]

Как жаль, что вас нет здесь! Места, которые исключила цензура или принуждена была заменить своими, вы, вероятно, исправили бы сами так, что и сено было бы цело и козы сыты; я уверен, что мы легко согласились бы с вами, на основании великого правила взаимной уступчивости.

После сего официального изъяснения не могу удержаться, чтоб не сказать вам несколько сердечных слов, а сердечные эти слова не иное что, как изъяснение восторга к вашему превосходному творению. Какой глубокий взгляд в самые недра нашей жизни! Какая прелесть неподдельного, вам одним свойственного комизма! Что за юмор! Какая мастерская, рельефная, меткая обрисовка характеров! Где ударила ваша кисть, там и жизнь, и мысль, и образ – и образ так и глядит на вас, вперив свои живые очи, так и говорит с вами, как будто сидя возле вас на стуле, как будто он сейчас пришел ко мне в 4-й этаж прямо из жизни – мне не надобно напрягать своего воображения, чтоб завести с ним беседу – он живой, дышащий, нерукотворный, божье и русское создание. Прелесть, прелесть и прелесть! и что это будет, когда всё вы кончите; если это исполнится так, как я понимаю, как, кажется, вы хотите, то тут выйдет полная великая эпопея России XIX века. Рад успехам истины и мысли человеческой, рад вашей славе. Продолжайте, Николай Васильевич. Я слышал, что вас иногда посещает проклятая гостья, всем впрочем нам, чадам века сего, не незнакомая хандра, да бог с ней! вам дано много силы, чтоб с нею управиться. Гоните ее могуществом вашего таланта – она стоит самой доблестной воли. Но дело зовет, почта отходит – прощайте! Да хранит вас светлый гений всего прекрасного и высшего – не забывайте в вашем цензоре человека, всей душой вам преданного и умеющего понимать вас.

А. Никитенко.

«Русская Старина», 1889 г., № 8, стр. 384–385.

П. А. Плетнев – А. В. Никитенке

Пб., 12 апреля 1842 г.

Александр Васильевич! Вы растрогали Гоголя своим письмом – и он за то с новою к вам просьбою.

Посылаю письмо его к вам и переделанного Копейкина. Ради бога помогите ему, сколько возможно. Он теперь болен, и я уверен, что если не напечатает «Мертвых Душ», то и сам умрет. [Конечно, ирония.]

Когда решите судьбу рукописи, то не медля ни дня препроводите ко мне для доставления страдальцу.

Он у меня лежит на сердце как тяжелой камень.
П. Плетнев.
Рукописи ПД.

Н. В. Гоголь – А. В. Никитенке

Москва, 10 апреля 1842 г.

Милостивый государь, Александр Васильевич! Благодарю вас за ваше письмо. В нем видно много участия, много искренности и много того, что́ прекрасно и благородно волнует человека. Да, я не могу пожаловаться на цензуру; она была снисходительна ко мне, и я умею быть признательным. Но, признаюсь, уничтоженье Копейкина меня много смутило. Это одно из лучших мест. И я не в силах ничем теперь заплатать ту прореху, которая видна в моей поэме. Вы сами, одаренные эстетическим вкусом, который так отразился в письме вашем, вы сами можете видеть, что кусок этот необходим, не для связи событий, но для того, чтобы на миг отвлечь читателя, чтобы одно впечатление сменить другим, и кто в душе художник, тот поймет, что без него остается сильная прореха. Мне пришло на мысль: может быть цензура устрашилась генералитета. Я переделал Копейкина; я выбросил всё, даже министра, даже слово «превосходительство». В Петербурге, за отсутствием всех, остается только одна временная комиссия. Характер Копейкина я вызначил сильнее; так что теперь ясно, что он сам причиной своих поступков, а не недостаток состраданья в других. Начальник комиссии даже поступает с ним очень хорошо. Словом, всё теперь в таком виде, что никакая строгая цензура, по моему мнению, не может найти предосудительного в каком бы ни было отношении. Молю вас возвратить мне это место и скорее сколько возможно, чтобы не задержать печатанья. У Плетнева вы возьмете рукопись и передайте ее потом ему же для пересылки ко мне. Ничего вам не скажу более, ибо вы сами в письме вашем сказали, что понимаете меня, стало быть, поймете и благодарность мою.

Истинно преданный вам Н. Гоголь.

«Письма», IV, стр. 434–435 и Рукописи ПД.

В. Г. Белинский – М. С. Щепкину

Пб., 14 апреля 1842 г.

…Скажу вам несколько слов о приключениях в Питере рукописи Гоголя. Приехав в Питер, я только и слышал везде, что о подкинутых в гвардейские полки, на имя фельдфебелей, безымянных возмутительных письмах. Правительство было

встревожено; цензурный террор усилился. К этому, наделала шуму повесть Кукольника «Иван Иванович Иванов, или все за одно», напечатанная в сборнике «Сказка за сказкою». [В повести было усмотрено желание «выказать дурную сторону русского дворянина и хорошую – его дворового человека, …добродетель податного состояния и пороки высшего класса людей» (письмо Бенкендорфа Кукольнику).] Предводитель дворянства хотел жаловаться; министр флота князь Меньшиков в Государственном совете сказал членам: А знаете ли вы, дворяне, как вас бьют холопы палками и пр. Дошло до государя, и, по его приказанию, граф Бенкендорф вымыл Нестору голову. Вследствие этого Уваров приказал цензорам не только не пропускать повестей, где выставляется с смешной стороны сословие, но где даже есть слишком смешное хоть одно лицо. По этому случаю Никитенко сказал Краевскому, что если б «Актеон» Панаева, вместо 1 № попал во второй, [В «Актеоне» И. И. Панаева («От. Зап.», 1842 г., № 1) изображена резко отрицательная фигура помещика.] – он не стал бы и читать его, а зачеркнул бы с первой же строки. К этому еще Башуцкий написал пошлую глупость «Водовоз», [Алдр. Павл. Башуцкий (1801–1876) – беллетрист, издавал иллюстрированную серию «Наши, списанные с натуры русскими». Сюда вошел и очерк «Водовоз», в котором правительство усмотрело «восстановление низших классов против высших».] в которой увидели невесть что: опять дошло до царя, и Башуцкий был у Бенкендорфа. К довершению всего Уваров обратил внимание на мою статью в 1 № [«Русская литература в 1841 г.».] и сказал цензорам, что, хотя в ней и нет ничего противного цензуре, и хотя он сам пропустил бы ее, но что тон ее нехорош (т. е.: эй, вы, канальи, пропустите вперед такую, так я вас вздую). Шевырка [Шевырев.] на повесть Кукольника напечатал донос в «Москвитянине», а Булгарин на Башуцкого в «Пчеле». Ну сами посудите: как было тут поступить? Вы, живя в своем Китай-городе и любуясь, в полноте московского патриотизма, архитектурными красотами Василия Блаженного, ничего не знаете, что деется в Питере. И вот Одоевский передал рукопись графу Виельгорскому, который хотел отвезти ее к Уварову; но тут готовился бал у великой княгини, и его сиятельству некогда было думать о таких пустяках, как рукопись Гоголя. Потом он вздумал, к счастию, дать ее (приватно) прочесть Никитенко. Тот, начавши ее читать как цензор, промахнул как читатель, и должен был прочесть снова. Прочтя, сказал, что кое-что надо Виельгорскому показать Уварову. К счастию, рукопись не попала к сему министру погашения и помрачения просвещения в России. В Питере погода на это меняется 100 раз, и Никитенко не решился пропустить

только кой-каких фраз, да эпизода о капитане Копейкине. Но и тут горе: рукопись отослана 7 марта, за № 109, на имя Погодина, а Гоголь ее не получал. Я думаю, что Погодин ее украл, чтоб променять на толкучем рынке на старые штаны и юбки; или чтоб, притаив ее до времени, выманить у (простодушно обманывающегося на счет сего мошенника) Гоголя еще что-нибудь для своего холопского журнала…

«Письма В. Г. Белинского», т. II.

В. Г. Белинский – Н. В. Гоголю

Пб., 20 апреля 1842 г.

Милостивый государь, Николай Васильевич!

Я очень виноват перед вами, не уведомляя вас давно о ходе данного мне вами поручения. Главною причиною этого было желание написать вам что-нибудь положительное и верное, хотя бы даже и неприятное. Во всякое другое время ваша рукопись прошла бы без всяких препятствий, особенно тогда, как вы были в Питере. Если бы даже и предположить, что ее не пропустили бы, то всё же можно наверное сказать, что только в китайской Москве могли поступить с вами, как поступил г. Снегирев, и что в Петербурге этого не сделал бы даже Петрушка Корсаков, [Петр Алдр. Корсаков (1790–1844) – цензор; редактор реакционного журнала «Маяк».] хотя он и моралист, и пиэтист. Но теперь дело кончено, и говорить об этом бесполезно.

Очень жалею, что «Москвитянин» взял у вас всё, и что для «Отечественных Записок» нет у вас ничего. Я уверен, что это дело судьбы, а не вашей доброй воли или вашего исключительного расположения в пользу «Москвитянина» и к невыгоде «Отечественных Записок». Судьба же давно играет странную роль в отношении ко всему, что есть порядочного в русской литературе: она лишает ума Батюшкова, [Конст. Ник. Батюшков (род. 1787 г.), психически заболевший в 1822 г., в это время был еще жив, но для литературы потерян. Умер в 1855 г.] жизни Грибоедова, Пушкина и Лермонтова – и оставляет в добром здоровье Булгарина, Греча и других подобных им негодяев в Петербурге и Москве; она украшает «Москвитянин» вашими сочинениями и лишает их «Отечественные Записки». Я не так самолюбив, чтобы «Отечественные Записки» считать чем-то соответствующим таким великим явлениям в русской литературе, как Грибоедов, Пушкин и Лермонтов; но я далек и от ложной скромности бояться сказать, что «Отечественные Записки» теперь единственный журнал на Руси, в котором находит себе место и убежище честное, благородное и – смею думать – умное мнение, и

что «Отечественные Записки» ни в каком случае не могут быть смешиваемы с холопами знаменитого села Поречья. [Т. е. холопами министра нар. просв. Уварова, которому село Поречье принадлежало. Белинский имеет в виду «Москвитянин» и ближайшим образом льстивую статью о селе Поречье проф. И. И. Давыдова (1794–1863), напечатанную в «Москвитянине» 1841 г., №№ 8 и 9. В 1842 г. и вообще разгорелась вражда между «Москвитянином» и «Отеч. Записками», в частности, между Шевыревым и Белинским. Шевырев напал на Белинского в статье «Взгляд на современное направление русской литературы» («Москвитянин», № 1). Белинский отвечал памфлетом «Педант» («Отеч. Записки», № 3).] Но потому-то, видно, им тоже счастье; не изменить же для «Отечественных Записок» судьбе своей роли в отношении к русской литературе!

С нетерпением жду выхода ваших «Мертвых Душ». Я не имею о них никакого понятия, мне не удалось слышать ни одного отрывка, чему я, впрочем, и очень рад: знакомые отрывки ослабляют впечатление целого. Недавно в «Отечественных Записках» была обещана статья о «Ревизоре». Думаю, по случаю выхода «Мертвых Душ», написать несколько статей вообще о ваших сочинениях. С особенною любовью хочется мне поговорить о милых мне «Арабесках», тем более, что я виноват перед ними: во время о́но я с жестокою запальчивостью изрыгал хулу на ваши в «Арабесках» статьи ученого содержания, не помня, что тем изрыгаю хулу на духа. [В примечании к статье «О русской повести и повестях Гоголя» (1835) Белинский писал об исторических статьях «Арабесок»: «Если подобные этюды ученость, то избавь нас бог от такой учености». Намерение Белинского написать несколько статей вообще о сочинениях Гоголя исполнено не было.] Они были тогда для меня слишком просты, а потому и неприступно высоки; притом же на мутном дне самолюбия бессознательно шевелилось желание блеснуть и беспристрастием. Вообще, мне страх как хочется написать о ваших сочинениях. Я опрометчив, я способен вдаваться в дикие нелепости; но, слава богу, я вместе с этим одарен движимостью вперед и способностью собственные промахи и глупости называть настоящим их именем и с такою же откровенностью, как и чужие грехи. И потому, подумалось, во мне много нового с тех пор, как в 1840 году, в последний раз врал я о ваших повестях и «Ревизоре». [Белинский имеет в виду свою статью 1840 г. о «Горе от ума», где он попутно говорил о повестях «Миргорода» и особенно подробно о «Ревизоре».] Теперь я понял, почему вы Хлестакова считаете героем вашей комедии и понял, что он точно герой ее; понял, почему «Старосветских Помещиков» считаете вы лучшею

повестью своею в «Миргороде», также понял, почему одни вас превозносят до небес, а другие видят в вас нечто вроде Поль-де-Кока, [Поль-де-Кок (1794–1871) – французский беллетрист-бытовик, к которому критика 30-40-х гг. иронически приравнивала Гоголя.] и почему есть люди, и притом не совсем глупые, которые знают наизусть ваши сочинения, но не могут без ужаса слышать, что вы выше Марлинского [С романтической эффектностью Л. А. Бестужева-Марлинского (1797–1837) Белинский боролся во имя гоголевской «простоты».] и что ваш талант – великий талант. Объяснение всего этого даст мне возможность сказать дело о деле, не бросаясь в отвлеченные и окольные рассуждения; а умеренный тон (признак, что предмет понят ближе к истине) даст многим возможность сознательно полюбить ваши сочинения. Конечно критика не сделает дурака умным и толпу мыслящею; но она у одних может просветлить сознанием безотчетное чувство и у других – возбудить мыслию спящий инстинкт. Но величайшею наградою за труд для меня может быть только ваше внимание и ваше доброе, приветливое слово. Я не заношусь слишком высоко, но, признаюсь, – и не думаю о себе слишком мало, я слышал похвалы себе от умных людей и – что́ еще лестнее – имел счастье приобрести себе ожесточенных врагов: и все-таки больше всего этого меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастью, дошедших до меня из верных источников, и я чувствую, что это не мелкое самолюбие с моей стороны, а то, что я понимаю, что́ такое человек, как Пушкин, и что́ такое одобрение со стороны такого человека, как Пушкин. После этого вы поймете, почему для меня так дорог ваш человеческий, приветливый отзыв.

Дай вам бог здоровья, душевных сил и душевной ясности. Горячо желаю вам этого как писателю и как человеку, ибо одно с другим тесно связано. Вы у нас теперь один, – и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связаны с вашею судьбою; не будь вас – и прощай для меня настоящее и будущее в художественной жизни нашего отечества: я буду жить в одном прошедшем и, равнодушный к мелким явлениям современности, с грустной отрадой буду беседовать с великими тенями, перечитывая их неумирающие творения, где каждая буква давно мне знакома.

Хотелось бы мне сказать вам искренно мое мнение о вашем «Риме», но, не получив предварительного позволения на откровенность, не смею этого сделать. [Белинский отрицательно отнесся к «Риму», напомнившему ему того же Марлинского. В

письме 31 марта к Боткину он писал: «Рим – много хорошего; но есть фразы, а взгляд на Париж возмутительно гнусен».]

Не знаю, понравится ли вам тон моего письма, – даже боюсь, чтобы он не показался вам более откровенным, нежели сколько допускают то наши с вами светские отношения; но не могу переменить ни слова в письме моем, ибо в случае, противном моему ожиданию, легко утешусь, сложив всю вину на судьбу, издавна уже не благоприятствующую русской литературе.

С искренним желанием вам всякого счастья, остаюсь готовый к услугам вашим.

Виссарион Белинский.

«Письма В. Г. Белинского», т. II.

Н. В. Гоголь – Н. Я. Прокоповичу

Москва, мая 11 (1842 г.).

Ты удивляешься, я думаю, что до сих пор не выходят «Мертвые Души». Все дело задержал Никитенко. Какой несносный человек! Более полутора месяца он держит у себя листки «Копейкина» и хоть бы уведомил меня одним словом, а между тем все листы набраны уже неделя тому назад, и типография стоит, а время это мне слишком дорого. Но бог с ними со всеми! Вся эта история есть пробный камень, на котором я должен испытать, в каком отношении ко мне находятся многие люди. Я пожду еще два дни, и если не получу от несносного Никитенка, обращусь вновь в здешнюю цензуру, тем более, что она чувствует теперь раскаяние, таким образом поступивши со мною. Не пишу к тебе ни о чем, потому через недели две буду, может быть, сам у тебя, и мы поговорим обо всем, и о деле, от которого, как сам увидишь, много будет зависеть твое положение и твоя деятельность. Я получил письмо от Белин[ского]. Поблагодари его. Я не пишу к нему, потому что минуты не имею времени и потому что, как сам он знает, обо всем этом нужно потрактовать и поговорить лично, что́ мы и сделаем в нынешний проезд мой через Петербург. [Гоголь пробыл в Петербурге с 27 мая по 5 июня. Свидание с Белинским состоялось, но ни к чему положительному не привело.] Прощай. Будь здоров, тверд и крепок духом и надейся на будущее, которое будет у тебя хорошо, если только ты веришь мне, дружбе и мудрости, которая не даром дается человеку.

Твой Гоголь.

«Письма», II, стр. 169–170.

«Пестрая куча толков» [14]

Из воспоминаний С. Т. Аксакова

Вскоре после отъезда Гоголя «Мертвые Души» быстро разлетелись по Москве и потом по всей России. [Первые экземпляры «Мертвых Душ» вышли из печати 21 мая 1842 г.] Книга была раскуплена нарасхват. Впечатления были различны, но равносильны. Публику можно было разделить на три части. Первая, в которой заключалась вся образованная молодежь и все люди, способные понять высокое достоинство Гоголя, приняла его с восторгом. Вторая часть состояла, так сказать, из людей озадаченных, которые, привыкнув тешиться сочинениями Гоголя, не могли вдруг понять глубокого и серьезного значения его поэмы; они находили в ней много карикатуры и, основываясь на мелочных промахах, считали многое неверным и неправдоподобным. Должно сказать, что некоторые из этих людей, прочитав «Мертвые Души» во второй и даже в третий раз, совершенно отказались от первого своего неприятного впечатления и вполне почувствовали правду и художественную красоту творения. Третья часть читателей обозлилась на Гоголя: она узнала себя в разных лицах поэмы и с остервенением вступилась за оскорбление целой России. К сожалению, должно сказать, что некоторые добрые и хорошие люди принадлежали к этой категории и остались в ней навсегда.

«История моего знакомства».

П. А. Плетнев – В. А. Жуковскому

Пб., 5 июня 1842 г. (в Дюссельдорф).

…Нынешнюю весну провел здесь Гоголь. Сегодня опять отправляется он за границу. Он напечатал свой роман «Мертвые Души». Это, без сомнения, лучшее из всего, что́ только есть в нашей литературе. Сколько комизму разнообразного, схваченного живьем в натуре и переданного со всею яркостию красок! Особенно это поражает всякого, когда он сам читает. Для его сочинений нужен чтец, который бы наперед изучил его: иначе досадно слушать, чувствуя, как гибнут изумительные красоты искусства поэтического…

Сочин. и переписка Плетнева, III, стр. 539–540.

Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому

Берлин, 26 июня 1842 г.

Мне не хотелось, чтобы свиданье наше было похоже на свиданье прошлого году, [В сентябре 1841 г. во Франкфурте.] когда у вас много было забот и развлечений, и вместе с тем сосредоточенной в себя самого жизни, и было вовсе не до меня, и когда мне, тоже подавленному многими ощущеньями, было не под силу лететь с светлой душой к вам навстречу. Душе моей тогда были сильно нужны пустыня и одиночество. Я помню, как, желая передать вам сколько-нибудь блаженство души моей, я не находил слов в разговоре с вами, издавал одни только бессвязные звуки, похожие на бред безумия, и, может быть, до сих пор осталось в душе вашей недоумение, за кого принять меня и чтó за странность произошла внутри меня. Но и теперь я ничего вам не скажу – и о чем говорить? Скажу только, что с каждым днем и часом становится светлей и торжественней в душе моей, что не без цели и значенья были мои поездки, удаленья и отлученья от мира, что совершалось незримо в них воспитанье души моей, что я стал далеко лучше того, каким запечатлелся в священной для меня памяти друзей моих, что чаще и торжественней льются душевные мои слезы и что живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях. Много труда и пути, и душевного воспитанья впереди еще! Чище горнего снега и светлей небес должна быть душа моя, и тогда только я приду в силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрешится загадка моего существованья.

Вот всё, чтó могу сказать вам! и вместе с тем силою стремлений моих, силою слез, силою душевной жажды быть достойну того, благословляю вас. Благословенье это не бессильно, и потому с верой примите его. О житейских мелочах моих не говорю вам ничего: их почти нет, да, впрочем, слава богу, их даже и не чувствуешь, и не слышишь. Посылаю вам «Мертвые Души». Это первая часть. Вы получите ее в одно время с письмом по почте, по уверению здешнего почтового начальства, в три дня. Я переделал ее много с того времени, как читал вам первые главы, но всё, однако же, не могу не видеть ее малозначительности в сравнении с другими, имеющими последовать ей, частями. Она, в отношении к ним, всё мне кажется похожею на приделанное губернским архитектором наскоро крыльцо к дворцу, который задуман строиться в колоссальных размерах, а, без сомнения, в ней наберется не мало таких погрешностей, которых я пока еще не вижу. Ради бога, сообщите мне ваши замечания. Будьте строги и неумолимы как

можно больше. Вы знаете сами, как мне это нужно. Не соблазняйтесь даже счастливым выраженьем, хотя бы оно показалось на первый вид достаточным выкупить погрешность. Не читайте без карандаша и бумажки, и тут же на маленьких бумажных лоскутках пишите свои замечанья; потом, по прочтении каждой главы, напишите два-три замечанья вообще обо всей главе; потом о взаимном отношении всех глав между собою, и потом, по прочтении всей книги, вообще обо всей книге, и все эти замечания, и общие, и частные, соберите вместе, запечатайте в пакет и отправьте мне. Лучшего подарка мне нельзя теперь сделать ни в каком отношении… [Этой просьбы Жуковский, по-видимому, не исполнил.]

«Письма», II, стр. 184–185.

Министерство народного просвещения

От попечителя московского учебного округа в Москве.
Его Высокопревосход-ву
С. С. Уварову
16 июля 1842.
№ 1985.

Милостивый государь, Сергий Семенович.

На днях, прочитывая новую поэму Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые Души», я останавливался на многих местах которые, несмотря на свою занимательность и юмор, не могли, как я думаю, быть дозволены к напечатанию без особенного высшего разрешения и с какою-либо особенною целию.

Цензурные постановления вообще неопределенны. Были случаи, что цензура, при одобрении некоторых сочинений к напечатанию или при неодобрении, руководствовалась доселе особенными указаниями правительства и из них составляла для себя частные правила. Теперь новое произведение Гоголя обратило на себя всеобщее внимание и конечно будет подвергнуто разным толкованиям и критике. В сем случае цензура будет поставлена в затруднение, потому что не имеет указания, при каких обстоятельствах дозволено напечатание означенной поэмы.

Вследствие сего и для ограждения членов московского цензурного комитета, покорнейше прошу ваше высокопревосходительство снабдить меня наставлением, какими условиями должно руководствоваться, в случае представления рецензий и критик на поэму Гоголя, для напечатания в повременных изданиях и журналах.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

гр. Строганов.

М. Н. П.

Канцелярия

Господину попечителю московского учебного округа.

18 июля 1842 г.

№ 797.

Предполагая, что книга г. Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые Души» дозволена к напечатанию по особому высшему разрешению и с какою-либо особенно целию, ваше сиятельство испрашиваете, какими условиями должно руководствоваться в случае представления рецензий и критик на это сочинение.

На сие считаю нужным уведомить, что книга «Похождения Чичикова» рассмотрена и одобрена цензурою на общих основаниях, и при рассмотрении критик на это сочинение надлежит руководствоваться общими цензурными постановлениями.

Министр народного просвещения

Уваров.

«Литературный Музеум», стр. 43–45.

Из дневника А. И. Герцена

I

Новгород, 11 июня 1842 г.

…Он [Н. П. Огарев. Герцен в Новгороде в ссылке с июля 1841 г.] привез «Мертвые Души» Гоголя, – удивительная книга, горький упрек современной Руси, но не безнадежный. Там, где взгляд может проникнуть сквозь туман нечистых, навозных испарений, там он увидит удалую, полную силы национальность. Портреты его удивительно хороши, жизнь сохранена во всей полноте; не типы отвлеченные, а добрые люди, которых каждый из нас видел сто раз. Грустно в мире Чичикова, так, как грустно нам в самом деле; и там, и тут одно утешение в вере и уповании на будущее. Но веру эту отрицать нельзя, и она не просто романтическое упование ins Blaue, [На «голубое» (даль, небеса).] а имеет реалистическую основу: кровь как-то хорошо обращается у русского в груди.

II

Москва, 29 июля 1842 г.

…Толки о «Мертвых Душах». Славянофилы и антиславянисты разделились на партии. Славянофилы № 1 говорят, что это – апофеоз Руси, «Илиада» наша, и хвалят, след[ственно]; другие бесятся, говорят, что тут анафема Руси, и за то ругают. Обратно тоже раздвоились антиславянисты. Велико достоинство художественного произведения, когда оно может ускользать от всякого одностороннего взгляда. Видеть апофеоз – смешно, видеть одну анафему – несправедливо. Есть слова примирения, есть предчувствия и надежды будущего, полного и торжественного, но это не мешает настоящему отражаться во всей отвратительной действительности. Тут переход от Собакевичей к Плюшкиным, – обдает ужас; вы с каждым шагом вязнете, тонете глубже, лирическое место вдруг оживит, осветит, и сейчас заменяется опять картиной, напоминающей еще яснее, в каком рве ада находимся и как Данте хотел бы перестать видеть и слышать, а смешные слова веселого автора раздаются. [Сравнение первой части «Мертвых Душ» с дантовым «Адом» было повторено Алексеем Н. Веселовским, который предположил (вряд ли основательно) в замысле трех частей «Мертвых Душ» параллель с замыслом «Божественной комедии».] «Мертвые Души» – поэма, глубоко выстраданная. «Мертвые Души» – это заглавие само носит в себе что-то, наводящее ужас. И иначе он не мог назвать; не ревизские – мертвые души, а все эти Ноздревы, Маниловы и tutti quanti – вот мертвые души, и мы их встречаем на каждом шагу. Где интересы общие, живые, в которых живут все вокруг нас дышащие мертвые души? Не все ли мы после юности, так или иначе, ведем одну из жизней гоголевских героев? Один остается при маниловской тупой мечтательности, другой буйствует à la Nosdreff, третий – Плюшкин и пр. Один деятельный человек – Чичиков, и тот ограниченный плут. Зачем он не встретил нравственного помещика добросерда, стародума… Да откуда попался бы в этот омут человек столько анормальный, и как он мог бы быть типом? Пушкин в «Онегине» представил отрадное человеческое явление во Владимире Ленском да и расстрелял его, и за дело. Что ему оставалось еще, как не умереть, чтобы остаться благородным, прекрасным явлением? Через десять лет он отучнел бы, стал бы умнее, но всё был бы Манилов. Да и в самой жизни у нас так. Всё выходящее из обыкновенного порядка гибнет: Пушкин, Лермонтов впереди, а потом от A до Z многое множество, оттого что они не дома в мире мертвых душ.

Сочинения Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. Ill, стр. 29 и 34–35.

Из статьи А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России»

Ницца, 1851 г.

…После «Ревизора» Гоголь обратился к поместному дворянству и выставил напоказ этот неизвестный народ, державшийся за кулисами вдали от дорог и больших городов, хоронившийся в глуши своих деревень, – эту Россию дворянчиков, которые, хотя и живут без шума и кажутся совсем ушедшими в заботы о своих землях, но скрывают более глубокое развращение, чем западное. Благодаря Гоголю мы наконец увидели их выходящими из своих дворцов и домов без масок, без прикрас, вечно пьяными и обжирающимися: рабы власти без достоинства и тираны без сострадания своих крепостных, высасывающие жизнь и кровь народа с тою же естественностью и наивностью, с какой питается ребенок грудью своей матери.

«Мертвые Души» потрясли всю Россию.

Подобное обвинение необходимо было современной России. Это – история болезни, написанная мастерской рукой. Поэзия Гоголя – это крик ужаса и стыда, который испускает человек, унизившийся от пошлой жизни, когда вдруг он замечает в зеркале свое оскотинившееся лицо. Но чтобы такой крик мог раздаться из чьей-либо груди, нужно, чтобы были и здоровые части, и большое стремление к реабилитации.

Сочинения А. И. Герцена, т. VI, стр. 378. (Подлинник на французском языке.)

Ф. В. Чижов – Н. В. Гоголю

Рим, 4 марта 1847 г.

…В первый раз я прочел его [«Мертвые Души».] в Дюссельдорфе, и оно просто не утомило, а оскорбило меня. Утомить безотрадностию выставленных характеров не могло, – я восхищался талантом, но, как русский, был оскорблен до глубины сердца. Дошло дело до Ноздрева; отлегло от сердца. Выставляйте вы мне печальную сторону, разумеется, по самолюбию будет больно читать, да есть истинное, а как же вы во мне выставите пошлым то, где пошлость в одной внешности? Чувство боли началось со второй страницы, где вы бросили камень в того, кого ленивый не бьет, – в мужика русского. Прав ли я, не прав ли, вам судить, но у меня так почувствовалось. С душой вашей роднится душа беспрестанно; много ли, всего два-три слова, как девчонка слезла с козел, а душе понятно это. Русский же, то есть, русак, невольно восстает против вас, и когда я прочел, чувство русского,

простого русского до того было оскорблено, что я не мог свободно и спокойно сам для себя обсуживать художественность всего сочинения. Один приятель мой, петербургский чиновник, первый своим неподдельным восторгом сблизил меня с красотами «Мертвых Душ», я прочел еще раз, после читал еще, отчетливее понял, что восхищало меня, но болезненное чувство не истреблялось. Чиновник этот не из средины России – он родился и взрос в Петербурге, ему не понятны те глупости, какие у нас взрощены с детства.

«Русская Старина», 1889 г., № 8, стр. 279–370.

Из записок К. Н. Лебедева

[Кастор Никиф. Лебедев (1812–1876) – в 1842 г. нач. отделения в одном из департаментов министерства юстиции, впоследствии сенатор.]

1842 г.

Я читал Чичикова или «Мертвые Души» Гоголя. По содержанию и связи повести или поэмы это вздор, сущий вздор, небылица; но по подробностям, по описанию портретов это замечательное произведение, верность их несомненна. Это русские люди, русские привычки, манеры и речи, подмеченные острым, зорким умом русским. Тип за типом, картина за картиной; слог очень небрежен, но это последнее дело, читается не отрываясь. И тепло, и плотно, я не мог досыта нахохотаться, читая о Селиване (sic), Ноздреве, Коробочке, Собакевиче, эти провинциальные сплетни, этот губернаторский бал и этот рассказ о Копейкине. Верно, умно. Но нельзя не заметить скрытой мысли автора: он пародирует современный порядок, современный класс чиновный, он не совсем прав и местами немного дерзок. Это портит вкус. К сожалению, подобные пародеры мало знают наше управление и еще менее – причины его недостатков; они говорят: мы не знаем, отчего это дурно. Жаль. А знай, они могли бы принести пользу своими критиками.

«Русский Архив», 1910, № 8.

Я. К. Грот – П. А. Плетневу

Гельсингфорс, 15 июля 1842 г.

…В неудовольствии при чтении Чичикова ты сам виноват: его не следовало читать в салоне у светских дам; таланту бездна, но грязненько, и дружба к Гоголю не должна скрывать, что pudeur, [Стыдливость.] одно из главных оснований общества, необходима и в книге, как в труде, посвященном обществу.

«Переписка Грота с Плетневым», т. I, стр. 566.

П. А. Плетнев – Я. К. Гроту

Пб., 25 июля 1842 г.

…Не понял ты меня, думая, что грязноватость Чичикова затрудняла мое чтение при дамах. Всё им ненужное я умею вмиг пропускать. Но меня бесит дамская тупоголовость, глупость, непостижение лучших мест, и всё это по непривычке говорить по-русски. На французском будь в половину слабее, они с ума бы сошли от восторга.

«Переписка Грота с Плетневым», т. I, стр. 566.

С. Т. Аксаков – Н. В. Гоголю

Москва, 3 июля 1842 г.

…Я обещал вам записывать разные толки о Чичикове – я сделал это, сколько мог успеть, ибо через неделю мы уехали из Москвы. Вот они: выписываю их с дипломатическою точностью. С. В. Перфильев [Степ. Вас. Перфильев (1796–1878) – жандармский генерал, впоследствии начальник 2-го (т. е. московского) корпуса жандармов.] сказал мне: «Не смею говорить утвердительно, но признаюсь: „Мертвые Души“ мне не так нравятся, как я ожидал. Даже как-то скучно читать; всё одно и то же, натянуто – видно желание перейти в русские писатели; употребление руссицизмов вставочное не выливается из характера лица, которое их говорит». Он прочел залпом в один день. Я просил его через несколько времени прочесть в другой раз и не искать анекдота. Он хотел прочесть три раза. Уходя, он прибавил, что сальности в прежних сочинениях, даже в «Ревизоре», его не оскорбляли; но что здесь они оскорбительны, потому что как будто нарочно вставляются автором. Н. И. Васьков говорил, «что состав губернского общества не верен (как и в „Ревизоре“, где пропущены: стряпчий, казначей и исправник); что председателей двое; что полицеймейстер лицо ничтожное в губернском городе; что, представив сначала всё в дрянном и смешном виде, странно сделать такое горячее обращение к России; что часто шутки автора плоски, неблагопристойны, и что порядочной женщине нельзя читать всю книгу». Наконец, нашелся один, который обиделся следующими словами: «Посмотрим, что делает наш приятель?» И кто же этот приятель?.. Селифан или половой!. Что же они мне за приятели?.. Не сочтите за выдумку последнего выражения; всё правда до последней буквы. Есть, впрочем, обвинения и справедливые. Я очень браню себя, что одно

просмотрел, а на другое мало настаивал: крестьяне на вывод продаются с семействами, а Чичиков отказался от женского пола; без доверенности, выданной в присутственном месте, нельзя продать чужих крестьян, да и председатель не может быть в одно и то же время и доверенным лицом и присутствующим по этому делу. Несмотря на лето «Мертвые Души» расходятся очень живо и в Москве и в Петербурге…

«История моего знакомства».

Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову

Гастейн, 27/15 июня 1842 г.

Сделайте милость, обнимите всех, кого увидите из моих знакомых. Если Никол. Филипп. и Карол[ина] Карл. Павловы [Н. Ф. Павлов – беллетрист (см. письмо А. А. Краевского к И. И. Панаеву, октябрь 1839 г.); Каролина Карловна (1810–1893) – его жена, поэтесса.] точно едут, то вы мне сделаете большую услугу присланьем чрез них некоторых книг, а именно: «Памятник Веры», [«Памятник веры, представляющий благочестивому взору христианина празднества, православною церковью установленные св. угодникам божиим с кратким оных жизнеописанием» и проч. (1-е изд. 1825 г.).] такой совершенно, как у Ольги Семеновны, [Жена С. Т. Аксакова, урожд. Заплатина (р. 1793 г., ум. 1878).] и «Статистику России» Андросова, [«Хозяйственная статистика России», издал Василий Андросов. М., 1827 г.] и еще, если есть какое-нибудь замечательное сочинение статистическое о России вообще или относительно частей ее, вышедшее в последних годах, то хорошо бы очень присовокупить его к ним. Кажется, вышел какой-то толстый том от мин. внутр[енних] дел. А Григория Сергеевича [Сын Аксакова, служивший в Симбирске прокурором.] попрошу присылать мне реестр всех сенатских дел за прошлый год, с одной простой отметкой, между какими лицами завязалось дело и о чем дело. Этот реестр можно присылать частями при письмах ваших. Это мне очень нужно. Да чуть было не позабыл еще попросить о книге Кошихина, [Так ошибочно называли Григ. Карп. Котошихина (ум. 1667 г.), автора книги «О России в царствование Алексея Михайловича» (издана впервые в 1840 г.).] при ц[аре] Ал[ексее] Михайловиче. Я прошу вас записать цену их, чтобы я знал, сколько вам должен. Я уверен, что Павловы не откажутся привезть мне их. Обнимите их от меня обоих. Они, верно, не сомневаются в том, что я очень хотел бы их увидеть. Около октября 1 я надеюсь быть в Риме. Прощайте. Не забывайте меня и пишите. Посылаю вам мой душевный поцелуй.

Ваш Гоголь.

«Письма», II, стр. 195–196.

Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову

Гастейн, 18/6 августа (1842 г.)

…Все ваши известия, всё, что́ ни заключалось в письме вашем, всё до последнего слова и строчки было для меня любопытно и равно приятно, начиная с вашего препровождения времени, уженья в прудах и реках, и до известий ваших о «Мертвых Душах». [Ответ на письмо от 3 июля 1842 г.] Первое впечатление их на публику совершенно то, какое подозревал я заране. Неопределенные толки; поспешность быстрая прочесть и ненасыщенная пустота после прочтения; досада на видимую беспрерывную мелочь событий жизни, которая становится невольно насмешкой и упреком. Всё это я знал заране. Бедный читатель с жадностью схватил в руки книгу, чтобы прочесть ее, как занимательный, увлекательный роман, и, утомленный, опустил руки и голову, встретивши никак не предвиденную скуку. Всё это я знал. Но при всем этом подробные известия обо всем этом мне всегда слишком интересно слышать. Многие замечания, вами приведенные, были сделаны не без основания теми, которые их сделали. Продолжайте сообщать и впредь, как бы они ни казались ничтожны. Мне всё это очень нужно.

«Письма», II, стр. 202.

Конст. С. Аксаков – Н. В. Гоголю

Москва, [август?] 1848 г.

…Вы уехали, дорогой Николай Васильевич, и оставили нам книгу, которая произвела необыкновенный шум. Давно не было у нас такого движения, какое теперь по случаю «Мертвых Душ». Ни один решительно человек не остался равнодушен; книга всех тронула, всех подняла, и всякий говорит свое мнение. Хвала и брань раздаются со всех сторон, и того и другого много; но зато полное отсутствие равнодушия. Отовсюду слышны мнения: их говорит всякий; всякий открыл свое суждение и потому, – при этом всеобщем объявлении своих мыслей, взглядов на вещи, при этом всеобщем признании, вынужденном книгою, – произошла такая разность мнений, такие поразительные несходства, что едва веришь ушам своим. Без этой книги и предполагать нельзя было бы такого различия мнений, которое вышло теперь на свет. Одни говорят, что только тут видят они Гоголя, который до сих пор далеко не так поражал их; что только тут почувствовали они его колоссальность; другие провозгласили было в самом начале, что

эта книга – падение Гоголя, смерть его таланта; но скоро должны были замолчать, оглушенные всеобщим шумом, поднявшимся над их главами; они ограничиваются тем теперь, что указывают на прежние ваши сочинения, на Малороссию. Для иных здесь колоссально предстает Россия, сквозящая сквозь первую часть и выступившая в конце книги; слезы навертываются у них на глазах при чтении последних строк. Другие с горестью читают, говорят, что надо терзаться и плакать. «Посмотрите, – говорил мне один, – какая тяжелая, страшная насмешка в окончании этой книги». – Какая? – спросил я, выпучив глаза. – «В словах, которыми оканчивается книга». – Как в этих словах? – «Да, разве вы не заметили? Русь, куда несешься, ты, сама не знаешь, не даешь ответа». – И это говорят серьезно, с искреннею, глубокою грустью. Мне удалось однако поколебать это печальное мнение. Одни говорят, что «М. Д.» поэма, что они понимают смысл этого названия; другие видят в этом насмешку совершенно в духе Гоголя: нате вот, грызитесь за это слово. Многие помещики не на шутку выходят из себя и считают вас своим смертельным, личным врагом. Само собою разумеется, что ко всему этому присоединяются нападения на вас, на неприличие; с другой стороны дается этим нападениям живой отпор. – Я говорю вам, дорогой Николай Васильевич, пока вообще, но потом постараюсь написать мнения в отдельности, некоторые выражены печатно. Журналы не могут перестать говорить о «Мертвых Душах»; не показывается номера, в котором бы не было о них толков. Шевырев написал две, пишет еще третью статью. [Шевырев написал две статьи о «Мертвых Душах» («Москвитянин», 1842, №№ 7 и 8). В 1843 г. он касался «М. Д.» в статье «Критический перечень произведений русской словесности за 1842 г.» («Москвитянин», № 1).] Отечественные Записки, беспрестанно говоря и браня все мнения о «Мертвых Душах», обещаются написать большую статью. Словом сказать, литераторы, журналисты, книгопродавцы, частные люди – все говорят, что давно не бывало такого страшного шума в литературном мире, одни браня, другие хваля. Из последних, одни со слезами на глазах от того живого света русской жизни, проникающего наружу теплым лучом, перед которым падает всякое сомнение, и растет надежда, вместе с силами и бодростью духа. Другие – со слезами на глазах от совершенного отчаяния; они говорят, что тот не русский, у кого сердце не обольется кровью, глядя на безотрадное состояние; говорят: «Гоголь не любит России; посмотрите, как хороша Малороссия и какова Россия»; прибавляют: «Заметьте, что самая природа России не пощажена и погода даже всё мокрая и грязная».

Но мне хочется также сказать вам собственно про себя, дорогой Николай Васильевич. Когда я слышал «М. Д.», еще никакого впечатления целого не было возбуждено во мне. Я прочел их; я чувствовал, что прекрасно; видел красоту создания, жизнь всякой отдельной черты; но что такое самое создание, какой общий смысл его, в котором соединяются в одно целое все эти чудные, живые черты, этого я не мог себе постигнуть. Мысль была в недоумении. Но потом открылась для меня внутренняя гармония всего создания: стали в одно целое все малейшие черты, понятна стала глубочайшая связь всего между собою, основанная не на внешней анекдотической завязке (отсутствие которой смущает с первого разу), но на внутреннем единстве жизни, и тогда мог я наслаждаться самим созданием, целым его образом, который, кажется, стал доступен мне. Очень понятно, что тогда весь был я наполнен моим чувством наслаждения, впечатлением «Мертвых Душ». Мне кажется, главная трудность лежит в настоящем уразумении слова Поэма так, по крайней мере, как я его понимаю. Когда стал я говорить о «М. Д.», то нашел согласным с собой Хомякова [Алексей Степ. Хомяков (1804–1860) – поэт, историк и публицист-славянофил.] и Самарина. [Юр. Фед. Самарин (1819–1876) – писатель-славянофил.] Это древний эпос с его великим созерцанием; разумеется, современный и свободный, в наше время – но это он. [Та же мысль была в основе брошюры К. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя Похождения Чичикова, или Мертвые Души» (написана в июне; ценз. разр. 7 июля 1842 г.).]

«История моего знакомства».

Н. Я. Прокопович – С. П. Шевыреву

Пб., 6 августа 1842 г.

…Что касается до исправности издания сочинений Гоголя, [Первое собрание сочинений Гоголя в четырех томах. Заботы об издании Гоголь, уезжая за границу, поручил Прокоповичу.] то я приложил всё свое старание, в случае же недоразумения обращаюсь за советом к П. А. Плетневу; корректор у меня хорош, а две последние корректуры читаю сам и листами, до сих пор отпечатанными, я и все, кому показывал, довольны; судя по этим листам, кажется, могу надеяться, что это издание будет красивее и исправнее всех прежних изданий Гоголя. Беда мне не с Миргородом, а с рукописными сочинениями: в них чего не разобрал и пропустил переписчик, так приятель наш и оставил, а я должен пополнять по догадкам. От него я тоже до сих пор не получил ни строчки, а между тем он должен еще прислать мне

две статьи для последнего тома. [«Игроки» и «Театральный разъезд».]

Не знаю, как вас, а меня очень радует лай, поднятый здешними журналистами; [Статьи Полевого в «Русск. Вестнике», Сенковского в «Библ. для чтения» и Греча в «Сев. Пчеле».] Гоголю его не услыхать, а такая ожесточенная брань, мне кажется, не только не вредит, но споспешествует расходу книги.

Рукописи ПБЛ.

А. С. Данилевский – Н. В. Гоголю

Сентябрь 1842 г.

…Ты спрашиваешь меня, что́ здесь [В Миргородском уезде.] говорят о твоей поэме. Я не вижу почти никого и никуда не выезжаю. Те немногие, с которыми имею сношение, не нахвалятся ею. Патриоты нашего уезда, питая к тебе непримиримую вражду, теперь благодарны уже за то, что ты пощадил Миргород. Я слышал между прочими мнение одного, который может служить оракулом этого класса господ, осыпавшего такими похвалами твои «Мертвые души», что я сначала усомнился было в его искренности; но жестокая хула и негодование на твой «Миргород» помирили меня с нею. «Как! – говорил он, – миргородский уезд произвел до тридцати генералов, адмиралов, министров, путешественников вокруг света (черт знает, где он их взял!), проповедников (не шутка!), водевилиста, который начал писать водевили, когда их не писали и в Париже». Это относилось к Нарежному, [Вас. Троф. Нарежный (1780–1825) – романист, предшественник Гоголя. Водевилей не писал, но написал комедию «Заморский принц, или Невеста под замком», на сюжет которой позже было написано несколько водевилей.] как после объяснил он, и проч., и проч., всех припомнить не могу! Да ты лучше поймешь, когда я скажу, что твой ласкатель и противник некто таковский, как Василий Яковлевич Ламиковский. Всего более тешило меня, что мошенник Малинка (эпитет, без которого никто не может произнести его имени, но которого черт не взял, как говорил мой зять Иван Осипович) хохотал до упаду, читая «Мертвые Души» (вероятно, от меня косвенными путями к нему дошедшие) в кругу всей сорочинской bourgeoisie и поповщины. «Ревизор» ему очень известен и нередко, говорят, перечитывается в том же кругу и надрывает бока смешливым молодым попам и попадьям…

«Вестник Европы», 1890 г., № 2, стр. 586–587 и Шенрок, «Материалы», IV, стр. 214–215.

Н. Я. Прокопович – Н. В. Гоголю

Пб., 21 октября 1842 г.

С Моллером [Фед. Ант. Моллер (1812–1875) – художник, живший вместе с Гоголем в Риме и написавший его портрет.] пошлются к тебе и статьи Белинского, в которых говорится о «Мертвых Душах». [В № 7 «Отеч. Записок» статья о «Мертвых Душах» и в № 8 – о брошюре Конст. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя».] Должен сказать тебе, что толки о них до сих пор еще продолжаются.

Кто-то из актеров приноровил некоторые отрывки к сцене. Вовсе не сценическое достоинство «Мертвых Душ» и талантливая игра здешних актеров сделали то, что вышла чепуха страшная: все бранили и, несмотря на то, все лезли в театр, так что кроме бенефиса Куликова пять представлений на Большом театре было битком набито. [«Комические сцены из новой поэмы „Мертвые Души“». Автором был сам бенефициант – Ник. Ив. Куликов.] Всё молодое поколение без ума от «Мертвых Душ», старики повторяют «Северную Пчелу» и Сенковского, что́ они говорят, догадаешься и сам. Греч нашел несколько грамматических ошибок, из которых две-три и точно ошибки; Сенковский партизанит за чистоплотность и благопристойность, а в «Отечественных Записках» доказано выписками из его собственных сочинений, что на это именно он-то и не имеет права. Все те, которые знают грязь и вонь не понаслышке, чрезвычайно негодуют на Петрушку, хотя и говорят, что «Мертвые Души» очень забавная штучка; высший круг, по словам Виельгорского, не заметил ни грязи, ни вони, и без ума от твоей поэмы.

Кстати, о слове «поэма». Сенковский очень резонно заметил, что это не поэма, ибо-де не писано стихами. Вообще Сенковского статья обилует выписками, впрочем более собственного его сочинения; он даже позволил себе маленькие невинные измышления и в собственных именах, так например, Петрушку он почитает приличнее называть Петрушею. Один офицер (инженерный) говорил мне, что «Мертвые Души» удивительнейшее сочинение, хотя гадость ужасная. Один почтенный наставник юношества говорил, что «Мертвые Души» не должно в руки брать из опасения замараться; что всё, заключающееся в них, можно видеть на толкучем рынке. Сами ученики почтенного наставника рассказывали мне об этом после класса с громким хохотом. Между восторгом и ожесточенной ненавистью к «Мертвым Душам» середины решительно нет, – обстоятельство, по моему мнению, очень приятное для тебя. Один

полковник советовал даже Комарову [Алдр. Алдр. Комаров – преподаватель словесности, общий знакомый Прокоповича и Гоголя.] переменить свое мнение из опасения лишиться места в Пажеском корпусе, если об этом дойдет до генерала, знающего наизусть всего Державина…

Шенрок, «Материалы», т. IV, стр. 54–55.

Н. В. Гоголь – А. В. Никитенке

Рим, 30 октября 1842 г.

Пишу к вам, милый и добрый Александр Васильевич, вследствие искреннего душевного побужденья. Вы видите, я вас называю просто «милый и добрый Александр Васильевич!» Да, мы должны быть просты. Вы сами должны почувствовать, что связи наши стали теснее. Скажу вам откровенно: странное замедление выхода «Мертвых Душ» при всех неприятностях принесло мне много прекрасного, между прочим оно доставило мне вас. Да, я дотоле считал вас только за умного человека, но я не знал, что вы заключаете в себе такую любящую, глубоко чувствующую душу. Это открытие было праздником души моей. Вот вам мое душевное излияние. Заплатите и вы мне тем же. Пишите ко мне и уведомляйте хотя изредка о себе. Не позабывайте передавать ваши впечатления, мнения и суждения по поводу моих сочинений, чистосердечней, как можно. И как доселе вы делали замечанья относительно достоинств их, так теперь скажите мне все относительно недостатков их. Клянусь, для меня это важно, очень важно, и вам будет грех, если вы что-нибудь умолчите передо мною. Помните всегда, что у меня есть одна добродетель, которая редко встречается на свете и которой никто не хочет узнать у меня. Это отсутствие авторского самолюбия и раздражительности. Никто не знает, что я с удовольствием читаю даже пошлые статьи Северной Пчелы, единственно потому только, что там на меня глядят с недоброжелательной стороны и стараются всячески увидеть мои недостатки и пороки. Кстати, о моих сочинениях. Скажите мне пожалуйста, как идет печатание их? Я никакого не получаю известия. Прокопович ко мне не пишет. Я четыре дня назад послал ему последнюю статью «Театральный разъезд», замыкающую собрание сочинений моих. Расспросите его, получил ли он исправно и в надлежащее время. Не прошу вас о снисхождении в цензорском отношении к моим сочинениям, надеясь твердо, что вы без просьб моих сделаете всё. Вы сами понимаете, что всякая фраза досталась мне обдумываниями, долгими соображеньями, что мне тяжелей расстаться с ней, чем другому писателю, которому ничего не

стоит в одну минуту одно заменить другим. Вы чувствуете также, что я не могу иметь столько неблагоразумия, чтобы не слышать текущих обстоятельств и не соображаться с ними относительно цензуры и что с вышины не бывает и не было на меня неудовольствий. Они идут снизу, благодаря невинному невежеству, пугающемуся только того, что выражено живо и ярко, хотя бы это были вещи, двадцать раз уже появлявшиеся в печати. Но вы сами всё это чувствуете и потому я спокоен. Прощайте! любите меня так же, как я вас люблю, и не забывайте писать. Передайте мой искренний поклон супруге вашей, хотя она, может быть, вовсе не помнит меня. Будьте здоровы.

Ваш искренно любящий вас Гоголь.

«Письма», II, стр. 223–224.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Рим, 2 ноября 1842 года.

Я к вам с корыстолюбивой просьбой, друг души моей, Петр Александрович! Узнайте, что́ делают экземпляры «Мертвых Душ», назначенные мною к представлению государю, государыне и наследнику и оставленные мною для этого у гр. Виельгорского. В древние времена, когда был в Петербурге Жуковский, [В 1841 г. Жуковский вышел в отставку и поселился в Германии.] мне обыкновенно что-нибудь следовало. Это мне теперь очень, очень было бы нужно. Я сижу на совершенном безденежьи. Все выручаемые деньги за продажу книги идут до сих пор на уплату долгов моих. Собственно для себя я еще долго не могу получить. А у меня же, как вы знаете, кроме меня, есть кое-какие довольно сильные обязанности. Я должен иногда помогать сестрам и матери, не вследствие какого-нибудь великодушия, а вследствие совершенной их невозможности обойтись без меня. Конечно, я не имею никакого права, основываясь на этих причинах, ждать вспоможения, но я имею право просить, чтобы меня не исключили из круга других писателей, которым изъявляется царская милость за подносимые экземпляры. Ради дружбы нашей присоедините ваше участье. Теперь другая просьба, также корыстолюбивая. Вы, верно, будете писать разбор «Мертвых Душ»; по крайней мере, мне б этого очень хотелось. [Плетнев поместил разбор «Мертвых Душ» в «Современнике», подписавшись инициалами С. Ш.] Я дорожу вашим мнением. У вас много внутреннего, глубоко эстетического чувства, хотя вы не брызжете внешним, блестящим фейерверком, который слепит очи большинства. Пришлите мне листки вашего разбора в письме. Мне теперь больше, чем когда-либо, нужна самая строгая и

основательная критика. Ради нашей дружбы будьте взыскательны, как только можно, и постарайтесь отыскать во мне побольше недостатков, хотя бы даже они вам самим показались неважными. Не думайте, чтоб это могло повредить мне в общем мнении. Я не хочу мгновенного мнения. Напротив, я бы желал теперь от души, чтоб мне указали сколько можно более моих слабых сторон. Тому, кто стремится быть лучше, чем есть, не стыдно признаться в своих проступках пред всем светом. Без сознанья не может быть исправленья. Но вы меня поймете, вы поймете, что есть годы, когда разумное бесстрастие воцаряется в душу и когда возгласы, шевелящие юность и честолюбие, не имеют власти над душою. Не позабудьте же этого, добрый, старый друг мой! Я вас сильно люблю. Любовь эта, подобно некоторым другим сильным чувствам, заключена на дне души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать никакими наружными знаками. Но вы сами должны чувствовать, что с воспоминанием о вас слито воспоминание о многих светлых и прекрасных минутах моей жизни.

Прощайте, не забывайте и пишите.

Ваш Гоголь.

«Письма», II, стр. 231–232.

П. А. Плетнев – Я. К. Гроту

Пб., 11 нояб. 1842 г.

…Пришел ко мне Никитенко и показал письмо из Рима от Гоголя, который рассыпается перед ним в комплиментах, потому что Никитенко цензирует его сочинения. Я краснел за унижение, до которого в нынешнее время доведены цензурою авторы: они принуждены подличать перед людьми… Что если некогда это письмо Никитенко напечатает в своих мемуарах? Не таковы были Дельвиг и Пушкин.

«Переписка Грота с Плетневым», т. I, стр. 640.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Рим, 28 ноября 1842 г.

Вдогонку за первым моим письмом пишу к вам другое. Если вы еще не употребляли вашего участья и забот относительно подарка за поднесенные экземпляры книги, то это дело можно оставить, – во-первых, уже потому, что с моей стороны как-то неприлично это всё же несколько корыстное исканье, а, во-вторых, зачем тормошить бедного Виельгорского, которому, может быть, вовсе неловко? Я же пока занял денег у Языкова, которому прислали. [Гоголь познакомился с Н. М. Языковым

летом 1839 г. в Ганау, затем, летом 1841 г. провел с ним там же около месяца. Летом 1842 г. они жили вместе в Гастейне и в начале октября вместе приезжают в Рим. С этого времени сходятся очень близко. Языков в эти годы примыкает к так наз. «официальному народничеству», т. е. к правому крылу славянофильства.] А в начале будущего года авось бог даст мне изворотиться, очиститься от долгов вовсе и получить кое-что для себя. И потому, вместо прежней моей просьбы, исполните вот какую просьбу. До меня дошли слухи, что из «Мертвых Душ» таскают целыми страницами на театр. [См. выше – письмо Прокоповича к Н. В. Гоголю от 21 октября 1842 г.] Я едва мог верить. Ни в одном просвещенном государстве не водится, чтобы кто осмелился, не испрося позволения у автора, перетаскивать его сочинения на сцену. (А я тысячи имею, как нарочно, причин не желать, чтобы из «Мертвых Душ» что-либо было переведено на сцену.) Сделайте милость, постарайтесь как-нибудь увидеться с Гедеоновым и объясните ему, что я не давал никакого позволения этому корсару, которого я даже не знаю и имени. Это очень нужно сделать, потому что в выходящем издании моих сочинений есть несколько драматических отрывков, которые как раз могут очутиться на сцене, тогда как на них законное право имеет один только Щепкин. Сделайте милость, объясните ему это. Скажите, что вы свидетель, что находящееся у Щепкина письмо, которым я передаю ему право на постановку этих пьес на сцену, писано именно мною и есть неподдельное. Чтó я, в самом деле, за беззащитное лицо, которого можно обижать всякому? Ради бога, вступитесь за это дело: оно слишком близко моему сердцу. Прощайте. Я слышал, что в «Современнике» есть очень дельная статья о «Мертвых Душах». [Самого Плетнева.] Нельзя ли каким-нибудь образом переслать мне ее? я бы страшно хотел прочесть…

«Письма», II, стр. 236–237.

Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву

Рим, ноябрь 1842 г.

Благодарю тебя много, много за твои обе статьи, которые я получил в исправности от княгини Волконской, хотя несколько поздно. В обеих статьях твоих, кроме большого их достоинства и значения для нашей публики, есть очень много полезного собственно для меня. Замечание твое о неполноте комического взгляда, берущего только в пол-обхвата предмет, [Шевырев писал: «Комический юмор автора мешает иногда ему обхватывать жизнь во всей ее полноте и широком объеме. Это особенно ясно в тех ярких заметках о русском человеке, которыми усеяна поэма. По

большей части мы видим в них одну отрицательную, смешную сторону, пол-обхвата, а не весь обхват русского мира» (ст. 2-я).] могло быть сделано только глубоким критиком-созерцателем. Замечания об излишестве моей расточительности тоже большая правда. [«Да, в фантазии нашего поэта есть русская щедрость, или живость, доходящая до расточительности… Читая „М. Д.“ вы могли заметить, сколько чудных полных картинок, ярких сравнений, замет, эпизодов, а иногда и характеров, легко, но метко очерченных, дарит вам Гоголь, так, просто даром, в придачу ко всей поэме, сверх того, что необходимо входит в ее содержание» (там же).] Мне бы очень хотелось, чтоб ты на одном экземпляре заметил на полях карандашом все те места, которые отданы даром читателю, или лучше сказать, навязаны на него без всякой просьбы с его стороны. Это мне очень нужно, хотя я уже и сам много кое-чего вижу, чего не видал прежде, но человек требует всякой помощи от других и только после указаний, которые нам сделают другие, мы видим яснее собственные грехи. Ты пишешь в твоем письме, чтобы я, не глядя ни на какие критики, шел смело вперед. Но я могу итти смело вперед только тогда, когда взгляну на те критики. Критика придает мне крылья. После критики, всеобщего шума и разноголосья, мне всегда ясней предстает мое творенье. А ты сам, я думаю, чувствуешь, что, не изведав себя со всех сторон, во всех своих недостатках, нельзя избавиться от своих недостатков. Мне даже критики Булгарина приносят пользу, потому что я, как немец, снимаю плеву со всякой дряни. Но какую же пользу может принести мне критика, подобная твоей, где дышит такая чистая любовь к искусству и где я вижу столько душевной любви ко мне, ты можешь судить сам. Я много освежился душой по прочтении твоих статей и ощутил в себе прибавившуюся силу. Я жалел только, что ты, вровень с достоинствами сочинения, не обнажил побольше его недостатков. У нас никто не поверит, если я скажу, что мне хочется, и душа моя даже требует, чтобы меня более осуждали, чем хвалили, но художник-критик должен понять художника-писателя…

«Письма», II, стр. 232–233.

Из дневника В. К. Кюхельбеккера

Акша. Нерчинск. окр., 21 июля 1843 г.

На днях прочел я «Мертвые Души» Гоголя. Перо бойкое, картины и портреты вроде Ноздрева, Манилова и Собакевича резки, хороши и довольно верны; в других краски несколько густы и очерки сбиваются просто на карикатуру. Где же Гоголь впадает в лиризм, он из рук вон плох и почти столь же приторен,

как Кукольник с своими патриотическими сентиментальными niaiseries. [Глупостями.]

«Дневник» Кюхельбеккера, изд. «Прибой», 1929 г., стр. 290.

Д. Н. Свербеев[15] – Н. М. Языкову

Москва, 2 янв. 1843 г.

…Вчера на нашей пятнице Аксаков-отец прочел комедию Гоголя «Игроки» – разумеется, между нами не было ни одного игрока. Должно ожидать огромного успеха на театре, но дело не обойдется без великой брани. Так было и теперь еще продолжается с толками о «Мертвых Душах». Если бы автор мог подслушать и собрать все различные суждения об этом гигантском творении, то, дав им личность и художественную форму, скроил бы из них превосходную новую комедию-драму. «Мертвые Души» не нравятся, во-первых, всем мертвым душам, в которых западное воспитание и западный образ жизни умертвили всякое русское чувство. Потом восстают на него все Чичиковы и Ноздревы высшего и низшего разряда. Далее с ребяческим простодушием выходит на Гоголя Манилов, особенно Коробочка. Последние очень наивно говорят: «Охота же была и сочинителю рассказывать такую дрянь, которая везде встречается ежедневно и что́ из этого прибыли?» Загоскины, Павловы и проч. не говорят совсем о «Мертвых Душах» и только презрительно улыбаются, когда услышат издалека одно название. Порядочными людьми принято впрочем не упоминать об этой поэме при наших повествователях, а то всякий раз выходит какая-нибудь личность. Но все ждут второго тома, – друзья Гоголя с некоторым опасением, а завистники и порицатели, говорят: «Посмотрим, как-то он тут вывернется».

Шенрок, «Материалы», т. IV, стр. 104.

Гоголь о себе

…Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее, и которого, точно, нет у других писателей. Оно впоследствии углубилось во мне еще сильнее от соединения с ним некоторого душевного обстоятельства. Но этого я не в

состоянии был открыть тогда даже и Пушкину.

Это свойство выступило с большей силою в «Мертвых Душах». «Мертвые Души» не потому так испугали Россию и произвели такой шум внутри ее, чтобы они раскрыли какие-нибудь ее раны или внутренние болезни, и не потому также, чтобы представили потрясающие картины торжествующего зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателей. Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого, что нет ни одного утешительного явления, что негде даже и приотдохнуть или дух перевести бедному читателю, и что, по прочтении всей книги, кажется, как бы точно вышел из какого-то душного погреба на божий свет. Мне бы скорее простили, если бы я выставил картинных извергов; но пошлости не простили мне. Русского человека испугала его ничтожность более, нежели все его пороки и недостатки.

Четыре письма по поводу «Мертвых Душ» (письмо 3-е). [Дата, поставленная Гоголем под этим письмом – 1843 год. Книга «Выбранные места из переписки с друзьями», в которую вошли «Четыре письма по поводу Мертвых Душ», подготовлялась к печати в 1846 г.]

Новые неудачи и новые успехи

П. А. Плетнев – Я. К. Гроту

Пб., 10 ноября 1842 г.

…Чтение Бульбы у императрицы. Она чувствует начало гриппа – и лежала на кушетке. Навещали государь, наследник и все дети… Бульба и сеча очень ей нравятся.

Пб., 1 декабря 1842 г.

…Императрица сошла слушать Бульбу. Красоты его поразили ее; но она думает, что это злоупотребление таланта так ярко рисовать ужасы. Вот следствие французского вкуса.

«Переписка Грота с Плетневым», т. I, стр. 637 и 654.

Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину

Рим, 28 ноября 1842 г.

Здравствуйте, Михал Семенович! После надлежащего лобзанья поведем вот какую речь: вы уже имеете «Женитьбу». Не довольно ли этого на один спектакль? Я говорю это в рассуждении того, что мне хочется, чтобы вам что-нибудь осталось на будущий раз; а впрочем вы распоряжайтесь, как вам лучше. Вы тут полный господин. Все драматические отрывки и сцены, заключающиеся в четвертом томе моих Сочинений (их числом пять), все исключительно принадлежат вам. Об этом я уже написал к издателю моих Сочинений Прокоповичу и просил Плетнева объявить Гедеонову. А вам прилагаю нарочно при сем письмецо, которое вы бы могли показать всякому, кто вздумает оспоривать ваше право. Только последняя пиеса «Театральный Разъезд» остается неприкосновенною, потому что ей неприлично предстать на сцене. Сосницкому вы напишите, что вследствие прежнего моего желанья, «Женитьба» идет вам обоим, но с тем только, чтобы в один день был бенефис обоих вас. А между тем займитесь сурьезно постановкою «Ревизора». Живокини за похвальное поведение можно будет уступить который-нибудь из драматических кусочков. Впрочем, об этом всём вы потолкуйте прежде с Сергеем Тимофеевичем [Аксаковым.] и поступите, как найдете приличным. Для успешного произведенья немой сцены в конце «Ревизора» один из актеров должен скомандовать невидимо для зрителя. Это должен сделать жандарм, произнеся по окончании речи тот самый звук, который издается женщинами, – натурально, не открывая рта, попросту икнуть. Это

будет сигнал для всех. «Женитьбу», я думаю, вы уже знаете, как повести, потому что, слава богу, человек вы не холостой. А Живокини, который будет женить вас, вы можете внушить всё, что́ следует, тем более, что вы слышали меня, читавшего эту роль. Да вот: исправьте одну ошибку в словах Кочкарева, где говорит он о плевании. Значится так, как будто бы ему плевали в лицо. Это ошибка, происшедшая от нерасторопности писца, перепутавшего строки и пропустившего. Монолог должен начаться вот как:

– «Да что́ ж за беда? ведь иным несколько раз плевали. Ей богу! Я знаю тоже одного: прекраснейший собою мужчина, румянец во всю щеку. Егозил он и надоедал до тех пор своему начальнику, покамест тот не вынес и плюнул ему в самое лицо» и т. д.

Напишите Сосницкому, что я очень просил его, чтобы он приискал хорошего жениха, [Для постановки «Женитьбы» в Петербурге.] потому что эта роль, хотя не так, по-видимому, значительна, как Кочкарева, но требует таланта; и скажите ему, что мне бы очень желалось, чтобы вы сыграли вместе в этой пиесе: он Кочкарева, а вы Подколесина. Тогда будет славный спектакль. Вы же, я полагаю, верно, будете зимой в Петербурге.

Прощайте, обнимаю вас. Сейчас вслед за этим письмом отправляю письмо к Сергею Тимофеевичу. Вероятно, вы их получите в одно время.

Мне кажется, что я вам советовал вместе с «Женитьбой» дать «Утро делового человека». А впрочем, распоряжайтесь по-своему.

«Письма», II, стр. 239–240.

Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину

Рим, 3 дек. 1842 г.

Только что получил ваше письмо, Михал Семенович, писанное вами от 24 октября. Отвечать мне на него теперь нечего, потому что [вы] уже знаете мои распоряжения; три дни тому назад я отправил к вам письмо, которое вы уже, без сомнения, получили. Не стыдно ли вам быть так неблагоразумну: вы хотите всё повесить на одном гвозде, прося на пристяжку к «Женитьбе» новую, как вы называете, комедию «Игроки». Во-первых, она не новая, потому что писана давно; во-вторых, не комедия, а просто комическая сцена, а в-третьих, для вас даже там нет роли. И кто вас толкает непременно наполнить бенефис моими пиесами? Как не подумать хотя сколько-нибудь о будущем, которое сидит у вас почти на самом носу, например, хоть бы о спектакле вашем по случаю исполнения вам двадцатилетней службы? Разве вы не чувствуете, что теперь вам стоит один только какой-нибудь

клочок мой дать в свой бенефис, да пристегнуть две-три самые изношенные пиесы, и театр уже будет набит битком? Понимаете ли вы это? понимаете ли вы, что имя мое в моде, что я сделался теперь модным человеком, до тех пор покамест меня не сгонит с модного поприща какой-нибудь Боско, Тальони, а может быть и новая немецкая опера с машинами и немецкими певцами. [Тальони (см. выше – письмо Н. В. Гоголя к Н. В. Прокоповичу от 25 января 1837 г.) гастролировала в это время в России. Немецкая опера была в 1842 г. переведена из Петербурга в Москву.] Помните себе хорошенько, что уж от меня больше ничего не дождетесь: я не могу и не буду писать ничего для театра. Итак, распорядитесь поумнее; это я вам очень советую. Возьмите на первый раз из моих только «Женитьбу» и «Утро делового человека». А на другой раз у вас останется вот что: «Тяжба», в которой вы должны играть роль тяжущегося, [Помните, что он несколько похож на охотника, атакующего на зайца, что при рассказе дела его мечется из угла в угол, потому что дело слишком близко к его рубашке, или телу. Примеч. Н. В. Гоголя.] «Игроки» и «Лакейская», где вам предстоит Дворецкий, – роль хотя и маленькая, но которой вы можете дать большее значение. Всё это вы можете перемежевать другими пиесами, которые вам бог пошлет. Старайтесь только, чтобы пиесы мои не следовали непосредственно одна за другою, но чтобы промежуток был занят чем-нибудь иным. Вот как я думаю и как бы, мне казалося, надлежало поступить, сообразно с благоразумием; а впрочем, ваша воля. [«Женитьба» и «Игроки» всё же были поставлены вместе в бенефис Щепкина (в феврале 1843 г. в Москве).] За письмо ваше всё-таки много вас благодарю, потому что оно письмо от вас. А на театральную дирекцию не сетуйте, она дело свое хорошо делает: Москву потчевали уже всяким добром; почему ж не попотчевать ее немецкими певцами? Что же до того, что вам-де нет работы, это стыдно вам говорить. Разве вы позабыли, что есть старые заигранные, заброшенные пиесы? Разве вы позабыли, что для актера нет старой роли, что он нов вечно? Теперь-то именно, в минуту, когда горько душе, теперь-то вы должны показать в лицо свету, что такое актер. Переберите-ка в памяти вашей старый репертуар да взгляните свежими и нынешними очами, собравши в душу всю силу оскорбленного достоинства. Заманить же публику на старые пиесы вам теперь легко, у вас есть приманка, именно, мои клочки. Смешно думать, чтобы вы могли быть у кого-нибудь во власти. Дирекция все-таки правится публикой, а публикою правит актер. Вы помните, что публика почти то же, что застенчивая и неопытная кошка, которая до тех пор, пока ее, взявши за уши, не натолчешь мордою в соус и

покамест этот соус не вымазал ей и носа, и губ, она до тех пор не станет есть соуса, каких ни читай ей наставлений. Смешно думать, чтобы нельзя было, наконец, заставить ее войти глубже в искусство комического актера, искусство, такое сильное и так ярко говорящее всем в очи. Вам предстоит долг заставить, чтобы не для автора пиесы и не для пиесы, а для актера-автора ездили в театр.

Вы спрашиваете в письме о костюмах, но ведь клочки мои не из средних же веков. Оденьте их прилично, сообразно и чтобы ничего не было карикатурного – вот и всё! Но об этом в сторону! Позаботьтесь больше всего о хорошей постановке «Ревизора»! Слышите ли? я говорю вам это очень сурьезно! У вас, с позволения вашего, ни в ком ни на копейку нет чутья! Да если бы Живокини был крошку поумней, он бы у меня вым[олил] в бенефис себе «Ревизора» и ничего бы другого вместе с ним не давал, а объявил бы только, что будет «Ревизор» в новом виде, совершенно переделанный, с переменами, прибавлениями, новыми сценами, а роль Хлестакова будет играть сам бенефициант. Да у него битком бы набилось народу в театр.

Вот же я вам говорю, и вы вспомните потом мое слово, что на возобновленного «Ревизора» гораздо будут ездить больше, чем на прежнего. И зарубите еще одно мое слово, что в этом году, именно в нынешнюю зиму, гораздо более разнюхают и почувствуют значение истинного комического актера. Еще вот вам слово: вы напрасно говорите в письме, что стареетесь. Ваш талант не такого рода, чтобы стареться. Напротив, зрелые лета ваши только что отняли часть того жару, которого у вас было слишком много, который ослеплял ваши очи и мешал взглянуть вам ясно на вашу роль. Теперь вы стали в несколько раз выше того Щепкина, которого я видел прежде. У вас теперь есть то высокое спокойствие, которого прежде не было. Вы теперь можете царствовать в вашей роли, тогда как прежде вы все еще как-то метались. Если вы этого не слышите и не замечаете сами, то поверьте же сколько-нибудь мне, согласясь, что я могу знать сколько-нибудь в этом толк. И еще вот вам слово: благодарите бога за всякие препятствия. Они необыкновенному человеку необходимы: «Вот тебе бревно под ноги, прыгай. А не то подумают, что у тебя куриный шаг и не могут вовсе растопыриваться ноги!» Увидите, что для вас настанет еще такое время, когда будут ездить в театр для того, чтобы не проронить ни одного слова, произнесенного вами, и когда будут взвешивать это слово. Итак, с богом, за дело! Прощайте и будьте здоровы.

«Письма», II, стр. 240–243.

В. Г. Белинский – В. П. Боткину

Петербург, 9 декабря 1842 г.

…Я сейчас из театра. «Женитьба» пала и ошикана. [По свидетельству А. И. Вольфа «большинству показалось дело не конченным, так как Подколесин не женится, а только выскакивает из окна, и при падении занавеса в первое представление раздалось даже легкое шиканье».] Играна была гнусно и подло, Сосницкий не знал даже роли. [Кочкарева.] Превосходно играли Сосницкая (невесту), и очень, очень был недурен Мартынов [Алдр Евст. Мартынов (1816–1860.)] (Подколесин); остальное всё [Григорьев I – Жевакин; Григорьев II – Яичница, Гусева – сваха.] – верх гнусности. Теперь враги Гоголя пируют…

«Игроки» Гоголя запрещены театральною цензурою, т. е. дураком-мальчишкою Гедеоновым, [Мих. Алдр. Гедеонов (1814–1854) – сын директора театров А. М. Гедеонова, драматический цензор III Отделения с 1840 г.] следовательно, запрещены произвольно, без всякого основания. [«Игроки» были поставлены в следующий сезон (1843 г.).] Что до прочих пьес Гоголя – они все принадлежат М. С. Щепкину…

«Письма В. Г. Белинского», т. II.

Из воспоминаний А. И. Шуберт

[Ал-дра. Ив. Шуберт (1827–1909), урожд. Куликова – актриса и сестра актера (Ник. Ив-ча). В 1851 г. встретилась с Гоголем в Одессе.]

Припоминаю еще по поводу постановки «Женитьбы» Гоголя супругов Сосницких. Он имел аристократические манеры и был прекрасен в ролях старых бар, но Кочкарева сыграл очень плохо. Его жена играла невесту, говорила жеманным тоном. Вся пьеса показалась очень скучной и провалилась в первое представление. Я не узнала ее, когда увидела в Москве: точно пьесу с иностранной сцены пересадили на родную.

А. И. Шуберт. «Моя жизнь». «Ежегодн. имп. театров», 1911–1912 и отд. 1929, стр. 84.

Н. Я. Прокопович – С. П. Шевыреву

Пб., 28 декабря 1842 г.

Милостивый государь

Степан Петрович.

Вы, я думаю, немало удивляетесь, не имея от меня никакого известия насчет соч. Гоголя и тем более, что, может быть,

прочитали уже в газетах объявление о выходе их? Но это объявление сделал поторопившийся книгопродавец, наживший этим хлопоты самому себе, а издание, совершенно уже готовое, остановлено невыдачею из цензурного комитета билета на выпуск. Первоначальною виною всему горю сам Гоголь: пришли он последнюю статью для 4-го т. неделею раньше, и сочинения его давным-давно бы вышли без всяких хлопот, а то случилось происшествие, о котором, может быть, вы уже слышали, происшествие, нагнавшее такой страх на весь цензурный комитет, что не решается не только кн. Волконский, [Председатель цензурного комитета.] но и министр просвещении, как полагают, не решится сам собою на выпуск двух последних томов. [«Происшествие» заключалось в аресте цензоров А. В. Никитенко и С. С. Куторги за разрешение повести П. Еф-ского «Гувернантка» («Сын Отеч.», 1842 г., № 8). Автор повести Пав. Вас. Ефебовский ум. в 1846 г. В повести было усмотрено оскорбление офицерства.] Обвинять тут некого, всякий на их месте поступил бы точно так же, но от этого не легче бедному нашему Гоголю, да уж за одно не легче и мне, думавшему, что вот-вот приходит конец моим бесконечным тасканьям то в комитет, то с мольбами к цензору, то с бранью в типографию. Теперь трудно и предвидеть, когда всё это кончится, а между тем золотое время уходит: поверите ли, что в то утро, когда был отпечатан последний лист и я надеялся получить билет на выпуск, в то самое утро мне принесли книгопродавцы 8 т. р. хотя публикаций еще никаких не было? Чтó из всего это (sic) будет, один только бог знает! И что за черный год такой на Гоголя? Хлопоты с Чичиковым, падение на здешней сцене Женитьбы и наконец последнее происшествие – всё это заставляет меня радоваться его отсутствию. Вы слышали о падении Женитьбы? Да, она пала от невежества александрынских актеров, от невежества александрынской публики, и наконец от кабалы. Фетюк и комп. [Булгарин?] приложили тут свои руки, это было слишком явно в первом представлении; во втором представлении, говорят, пьеса была принята лучше, а в третьем и очень порядочно. [Тем не менее «Женитьба» в репертуаре не удержалась; в 1842–1844 гг. ставилась редко, а в 1845–1848 и вовсе не ставилась.] Вот с какими горькими вестями отправляю к вам два первые т[ома], на них нет запрета, но я не хочу пускать их одних в продажу. Как скоро выйдет позволение на остальные т[омы], то немедленно пришлю к вам для препровождения по назначению Гоголя знакомым его и 200 экз. для продажи. После вашего письма я еще не писал к Гоголю: жду какого-нибудь окончания и надеюсь, приятного; деньгами же он, как пишет, пока изворотился, да и лучше ему потерпеть несколько времени нужду

в них, чем получить письмо такого неутешительного содержания, как это.

С истинным почтением имею честь быть вашим покорнейшим слугою.

Н. Прокопович.

Рукописи ПБЛ.

Н. Я. Прокопович – С. П. Шевыреву

Пб., 26 января 1843 г.

Мне рассказывали бывшие на последнем, пятом представлении Женитьбы, что она была принимаема в этот раз с единодушным восторгом, не знаю только, почему после этого больше не давали ее.

Рукописи ПБЛ.

С. Т. Аксаков – Н. В. Гоголю

Москва, 6 февраля 1843 г.

…Я и все мои здоровы; но не писал к вам, во-первых, потому, что сначала мы были встревожены слухами, будто государь был недоволен «Мертвыми Душами» и запретил второе их издание; будто также недоволен был Женитьбой, и что четвертый том ваших сочинений задержан, перемаран и вновь должен быть напечатан (всё это, как оказалось после, или совершенная неправда, или было, да не так). Во-вторых, не писал я к вам потому, что в бенефис Щепкина ставились на здешнем театре Женитьба и Игроки; разумеется, я не пропускал репетиций и сколько мог хлопотал, чтобы пиесы были поняты и сколько-нибудь сносно сыграны.

…Пиесы, цензурованные для представления на театре, Женитьба и Игроки, были получены гораздо прежде ваших сочинений; я имел случай читать несколько раз в обществе мужчин и дам последнюю и производил восторг и шум необыкновенный, какого не произвела она даже на сцене. На это есть множество причин: 1) на Большом театре, где обыкновенно даются бенефисы, много нельзя было расслушать; итак публика только вслушивалась в пиесы; 2) главные лица: Подколесин и Утешительный дурно были исполнены Щепкиным. Остальных мелочных причин не нужно исчислять. Но когда подняли занавес, продолжительный гром рукоплесканий приветствовал появление на сцене нового вашего сочинения. Я не понимаю, милый друг, вашего назначения ролей. Если б Кочкарева играл Щепкин, а Подколесина Живокини, пиеса пошла бы лучше. По свойству

своего таланта Щепкин не может играть вялого и нерешительного творения, а Живокини, играя живой характер, не может удерживаться от привычных своих фарсов и движений, которые беспрестанно выводят его из характера играемого им лица. Впрочем, надо было отдать ему справедливость: он работал из всех сил, с любовью истинного артиста и во многих местах был прекрасен. Они желают перемениться ролями. Позволите ли вы? В продолжение великого поста они переучат роли, если вы напишете ко мне, что согласны на то. [Щепкин и Живокини действительно переменились ролями. Живокини играл Подколесина успешно, Щепкин Кочкарева менее успешно. Впоследствии роль Кочкарева с успехом исполнял Шумский.] Верстовский [Алексей Ник. Верстовский (1799–1862) – композитор и драматург. С 1825 г. – инспектор репертуара и труппы московских театров; с 1842 г. – управляющий московской конторой имп. театров. Имел большое влияние на театральные дела.] (который вас обнимает; недавно я прочел ему Разъезд, и он был в упоении) и другие говорят, что в Петербурге Мартынов в роли Подколесина бесподобен; но все прочие лица несравненно ниже московских. Послезавтра бенефис должен повториться на Большом театре, а потом пиесы ваши навсегда сойдут на Малый театр. Актеры и любители театра нетерпеливо этого ожидают; там пиесы получат настоящую цену и оценку.

…Женитьба была разыграна лучше Игроков. В первой женихи, особенно Садовский (Анучкин или Ходилкин, как перекрестил его г. цензор Гедеонов, который по глупости своей много кое-чего повымарал в обеих пиесах о купцах, дворянах и гусарах; слово гусар заменил молодцом, вместо Чеботарев поставил Чемоданов и пр. [Цензор нашел гоголевские фамилии неприличными для дворян (Анучкин от слова «онучи» и т. п.). «Гусары» и полковник Чеботарев упоминаются в «Игроках».] были недурны. Женщины, кроме Агафьи Тихоновны (Орлова, которая местами была хороша), сваха (Кавалерова) [Сваха лучше всех (примечание С. Т. Аксакова).] и купчиха (Сабурова 1-я) вообще были хороши. Щепкин, ничуть меня не удовлетворяя в строгом смысле, особенно был дурен в сцене с невестой один на один. Его робость беспрестанно напоминала Городничего, и всего хуже в последней сцене. Переходы от восторга, что он женится, вспыхнувшего на минуту, появление сомнения и потом непреодолимого страха от женитьбы даже в то еще время, когда слова по-видимому выражают радость, – всё это совершенно пропало и было выражено пошлыми театральными приемами… Публика грозно молчала всю сцену, и я едва не свалился со стула. Мне тяжело смотреть на Щепкина… Он так мне жалок: он

переслуживает свою прежнюю славу. Хомяков, который был подле нас в ложе, весьма справедливо заметил, что те же самые актеры, появившиеся в средней пиесе (какой-то водевиль), между двумя вашими показались не людьми, а картонными фигурами, куклами выпускными. Оставляю писать до завтра: ибо очень устал.

7-го февраля.

После спектакля я отправился в Дворянский клуб, где я обыкновенно играю в карты и где есть огромная комната Кругелей, Швохневых [Действующие лица «Игроков».] и других. Они все дожидались нетерпеливо Игроков и часто меня спрашивали: что это за пиеса? Там все без исключения говорили следующее: «Женитьба не то, что мы ожидали; гораздо ниже Ревизора; даже скучно да и ненатурально; а Игроки – хороша; только это старинный анекдот; да и все рассказы Игроков известные происшествия». Один сказал, что нынче уже таких штук не употребляют и никто не занимается изучением рисунка обратной стороны. Нашлись такие, которые были в театре, но уехали поранее, и я нашел их уже за картами, уверяющими, что они не могли попасть в театр, но что после непременно посмотрят обе пиесы. Странное дело: Женитьбу слушали с большим участием, удерживаемый смех, одобрительный гул, как в улье пчел, ходил по театру; а теперь эту пиесу почти все осуждают. Игроков слушали гораздо холоднее, а пиесу все почти хвалят; всё это я говорю о публике рядовой. Вчера был у меня П[огодин], который, несмотря на больные глаза, приезжал в театр, который был поражен Игроками и, сидя подле меня, говорил, что это – трагедия, и ужасно бранил игру Ленского (занимавшего роль Ихарева). Я хотел дать ее Мочалову, но он пьет напропалую; да и Щепкин, по каким-то соображениям или отношениям не хотел этого; но вчера, т. е. на другой день представления, изволил говорить совсем другое, что Женитьба шалость большого таланта, а Игроков не следовало писать, играть и еще менее печатать; что тут нет игроков, просто воры, или действие слишком одностороннее и проч., то есть говорил совершенный вздор. Когда же я ему напомнил вчерашнее его мнение, то он сказал, что был ошеломлен вчера и сегодня поутру всё хорошенько обдумал… то есть признался откровенно во всем. (Хомяков говорит, что это торжество воли!..)

8-го февраля.

Загоскин в театре не был, но неистовствует против Женитьбы и особенно взбесился за эпиграф к Ревизору. С пеной у рта кричит: «Да где же у меня рожа крива?» Это не выдумка. [Восклицания Загоскина были использованы Гоголем в «Развязке Ревизора» (реплика Семена Семеныча).] Верстовский просил меня

написать вам, что он берется поставить Разъезд, а то дирекция возьмет его по разам. Исполняю его желание, хотя знаю наперед ваш ответ. [Гоголь не согласился на постановку «Театрального разъезда».] Обращаюсь к изданию ваших сочинений. Вообще оно произвело выгодное для вас впечатление на целую Москву, ибо главное ожесточение против вас произвели Мертвые Души. Шинель и Разъезд всем без исключения нравятся; полнейшее развитие Тараса Бульбы также. Судя по нетерпению, с которым их ожидали, и по словам здешних книгопродавцев, которые были осаждаемы спрашивающими, должно предполагать, что издание будет иметь сильный расход. – Что касается до меня и до всех моих, то трудно сказать что-нибудь новое о наших чувствах: мы наслаждаемся вполне. Конечно, новые ваши творения, например, Шинель и особенно Разъезд, сначала так нас поразили, что мы невольно восклицали: «Это выше всего»; но впоследствии, повторив в несчетный раз старое, увидели, что и там та же вечная жизнь, те же живые образы. Но я, лично я, остаюсь однако при мнении, что Разъезд, по обширному своему объему, по сжатости и множеству глубоких мыслей, по разумности цели пиесы, по языку, по благородству и высокости цели, по важности своего действия на общество – точно выше других пиес. Не говорю о других красотах его, которые он разделяет со всеми вашими сочинениями такого рода или содержания.

…Хотя я очень знаю, что действия ваши относительно появления ваших созданий заранее обдуманы: что поэт лучше нас, рядовых людей, прозревает в будущее: но (следую, впрочем, более убеждениям других, любящих также вас людей) теперь много обстоятельств требуют чтоб вы, если это возможно, ускорили выход второго тома Мертвых Душ. Подумайте об этом, милый друг, хорошенько… Много людей, истинно любящих, просили меня написать вам этот совет. [Гоголь отвечал на это: «Относительно 2-го тома „Мертвых Душ“ я уже дал ответ Шевыреву, который вам его перескажет». Ответ Шевыреву от 28 февраля 1843 г. см. ниже.] Впрочем, ведь мы не знаем, такое ли содержание второго тома, чтоб зажать рот врагам вашим? Может быть, полная казнь их заключается в третьем томе…

«История моего знакомства».

М. И. Гоголь – О. С. Аксаковой

[Ольге Семеновне, жене Серг. Тим. Орфография М. И. Гоголь здесь не соблюдается (небеспокоится, тіатр и т. п.), но из знаков препинания добавлено только несколько запятых.]

10 февраля 1843 г.

От сына моего я получила письмо из Рима еще в октябре, [Это письмо, по-видимому, не сохранилось. Просьба не беспокоиться была в более раннем письме от 19 августа ст. ст. (Письма, т. II, стр. 214); день именин Мар. Ив. – 1 октября.] в котором он поздравлял меня с именинами, и просил не беспокоиться, когда не часто буду получать его письма, что ему очень много и нужно писать, но уже пора ему написать, и я с нетерпением ожидаю его отзыва и комедий, удивляюсь, что он о сю пору не прислал мне их, как-то их примут, как они появятся в первой раз в свет, под руководством славного артиста Щепкина. Мысленно летела бы в театр, убедительнейше прошу вас, почтеннейшая Ольга Семеновна! написать мне истину, как примет публика…

С. Дурылин, стр. 75–76.

О. С. Аксакова [16] – м. И. Гоголь

19 марта 1843 г.

Поздравляю вас, почтеннейшая Марья Ивановна, со днем рождения Николая Васильевича, нам этот день чрезвычайно памятен; да продлит господь жизнь его и да укрепит здоровье его, а вам бы долго, долго утешаться его славою. Сочинения его расходятся, а более всего слушаются и начинают узнавать его разные сословия. Сергей Т. читал во многих домах Шинель, Разъезд, Игроков и проч., а Константин совсем в других домах читал нового Тараса Бульбу и проч. Теперь Щепкин читал публично «Старосветские помещики», а Садовский актер рассказ «Копейкин»; у них устроились публичные чтения по 5-ти руб., им дал Новосильцов [Петр. Петр. Новосильцев (1797–1869) – московский вице-губернатор.] залу у Мясницких ворот в своем доме; тут еще читает Вальтер по-французски и M-elle Шамбери, но вообразите, после чтения Щепкина, когда он кончил Старосветских помещиков, никто не стал слушать Гюго, стали ходить, шуметь – Вальтер рассердился, а M-elle Шамбери, говорят, уехала; человек до 130 было, только зала и поместить может и то чрезвычайно, говорят, жарко. Сочинения его, говорят, верный капитал и, кажется, все долги его теперь уплочены, и вы, почтеннейшая Марья Ивановна, можете быть спокойны, скоро вы будете совсем обеспечены…

«Памяти Гоголя». Отд. III, стр. 69.

Из «Былого и дум» А. И. Герцена

Какая страшная повесть Гоголева «Шинель», – сказал раз

Строганов Е. К[оршу], [Евг. Фед. Корш (1810–1897) – публицист и переводчик.] – ведь это привидение на мосту тащит просто с каждого из нас шинель с плеч. Поставьте себя в мое положение и взгляните на эту повесть.

– Мне о-очень т-трудно, – отвечал К[орш], – я не привык рассматривать предметы с точки зрения человека, имеющего тридцать тысяч душ.

Сочинения Герцена, т. XIII, стр. 177.

Из воспоминаний А. О. Смирновой (В изложении П. А. Кулиша)

[А. О. Смирнова пробыла в Риме одновременно с Гоголем с конца января до мая 1843 г. С ней был и брат ее, Аркадий Ос. Россет (1811–1881). В записках Смирновой приводимые здесь эпизоды изложены более сжато.]

…В особенности он заглядывался на древние статуи и на Рафаэля. Однажды, когда его спутница не столько восхищалась, сколько бы он желал, Рафаэлевой Психеею в Фарнезине, [«Фарнезина» – название дворца Киджи в Риме. Из фресок этого дворца Рафаэлю принадлежит «Триумф Галатеи». «История Психеи» исполнена по рисункам Рафаэля.] он очень серьезно на нее рассердился. Для него Рафаэль-архитектор был столь же велик, как и Рафаэль-живописец, и, чтоб доказать это, он возил своих гостей на виллу Ma dama, построенную по рисункам Рафаэля. А. О. Смирнова всходила с Гоголем на Петра, [Храм св. Петра в Риме.] и когда сказала ему, что ни за что не решилась бы идти по внутреннему карнизу церкви (который так широк, что по нем могла бы проехать карета в четыре лошади), он отвечал:

– Теперь и я не решился бы, потому что нервы у меня расстроены; но прежде я по целым часам лежал на этом карнизе и верхний слой Петра мне так известен, как едва ли кому другому. Когда вглядишься в Петра и в пропорции его частей, нельзя надивиться довольно гению Микеланджело.

Гоголь ездил с А. О. Смирновой и в Альбано. Там он сначала казался очень весел, потом вдруг почувствовал скуку и томление. Вечером все спутники Гоголя собрались вместе, и один из них начал читать «Lettres d'un voyageur» par George Sand. [«Письма путешественника» Жорж Занд (правильнее – Жорж Санд – псевдоним Авроры Дюдеван – 1804–1876) – знаменитая французская романистка, идейно связанная с утопическим социализмом.] Гоголь был необыкновенно тревожен, ломал руки, не говоря ни слова, когда другие восхищались некоторыми местами, и смотрел как-то пасмурно, наконец ушел к себе. Всё

небольшое общество его спутников ночевало в Альбано. На другой день, когда А. О. Смирнова спрашивала, зачем он ушел, он сказал:

– Любите ли вы скрипку?

– Да, отвечали ему.

– А любите ли вы, когда на скрипке фальшиво играют?

– Да что́ же это значит?

– Так ваша Жорж Занд видит и изображает природу. Я не мог видеть, как вы ею восхищаетесь. Я удивляюсь, как вам вообще нравится всё это растрепанное.

В тоне, которым он говорил эти слова, выражалось искреннее сожаление, что люди ему близкие могут восхищаться подобными произведениями.

«Записки», т. II, стр. 2–3.

Часть 3
«Склон и гибель»

Медленный труд

Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву

Рим, 28 февр. 1843 г.

…Ты говоришь, что пора печатать второе издание «М. Д.», но что оно должно выйти необходимо вместе со 2-м томом. Но если так, тогда нужно слишком долго ждать. Еще раз я должен повторить, что сочинение мое гораздо важнее и значительнее, чем можно предполагать по его началу. И если над первою частью, которая оглянула едва десятую долю того, что должна оглянуть вторая часть, просидел я почти пять лет, [От начала работы над первым томом «Мертвых Душ» до полного ее окончания прошло больше шести лет. Гоголь считает, вероятно, от осени 1836 г. до начала 1841 г., когда поэма была окончена вчерне.] чего, натурально, никто не заметил, один ты заметил долговременную и тщательную обработку многих частей… Итак, если над первой частью просидел я столько времени, не думай, чтоб я был когда-либо предан праздному бездействию; в продолжение этого времени я работал головой даже и тогда, когда думали, что я вовсе ничего не делаю и живу только для удовольствия своего. Итак, если над первой частью просидел я так долго, рассуди сам, сколько должен просидеть я над второй. Это правда, что я могу теперь работать увереннее, тверже, осмотрительнее, благодаря тем подвигам, которые я предпринимал к воспитанию моему и которых тоже никто не заметил. Например, никто не знал, для чего я производил переделки моих прежних пиес, тогда как я производил их, основываясь на разуменьи самого себя, на устройстве головы своей. Я видел, что на этом одном я мог только навыкнуть производить плотное создание, сущное, твердое, освобожденное от излишеств и неумеренности, вполне ясное и совершенное в высокой трезвости духа. После сих и других подвигов, предпринятых во глубине души, я, разумеется, могу теперь двигать работу далеко успешнее и быстрее, чем прежде; но нужно знать и то, что горизонт мой стал чрез то необходимо шире и пространней, что мне теперь нужно обхватить более того чтó, верно бы, не вошло прежде. Итак, если предположить самую беспрерывную и ничем не останавливаемую работу, то два года – это самый короткий срок. Но я не смею об этом и думать, зная мою необеспеченную нынешнюю жизнь и многие житейские дела, которые иногда в силе будут расстроить меня, хотя употребляю все силы держать себя от них подале и

меньше сколько можно о них думать и заботиться. Понуждение к скорейшему появлению второго тома, может быть, ты сделал вследствие когда-то помещенного в «Москвитянине» объявления, и потому вот тебе настоящая истина: никогда и никому я не говорил, сколько и что именно у меня готово и когда, к величайшему изумлению моему, напечатано было в «Москвитянине» извещение, что два тома уже написаны, третий пишется, и все сочинение выйдет в продолжение года, тогда не была даже кончена первая часть. [В «Москвитянине», 1841 г., № 2, в отделе «Литературные новости» Погодин напечатал без ведома Гоголя такое сообщение: «Гоголь написал уже два тома своего романа Мертвые Души. Вероятно, скоро весь роман будет кончен, и публика познакомится с ним в нынешнем году».] Вот как трудно созидаются те вещи, которые на вид иным кажутся вовсе не трудны. Если ты под словом необходимость появления второго тома разумеешь необходимость истребить неприятное впечатление, ропот и негодование против меня, то верь мне: мне бы слишком хотелось самому, чтоб меня поняли в настоящем значении, а не в превратном. Но нельзя упреждать время, нужно, чтоб всё излилось прежде само собою, и ненависть против меня (слишком тяжелая для того, кто бы захотел заплатить за нее, может быть, всею силою любви), ненависть против меня должна существовать и быть в продолжение некоторого времени, может быть, даже долгого. И хотя я чувствую, что появление второго тома было бы светло и слишком выгодно для меня, но в то же время, проникнувши глубже в ход всего текущего пред глазами, вижу, что всё, и самая ненависть, есть благо. И никогда нельзя придумать человеку умней того, что́ совершается свыше и чего иногда в слепоте своей мы не можем видеть и чего, лучше сказать, мы и не стремимся проникнуть. Верь мне, что я не так беспечен и неразумен в моих главных делах, как неразумен и беспечен в житейских. Иногда силой внутреннего глаза и уха я вижу и слышу время и место, когда должна выйти в свет моя книга, иногда по тем же самым причинам, почему бывает ясно мне движение души человека, становится мне ясно и движение массы. Разве ты не видишь, что еще и до сих пор все принимают мою книгу за сатиру и личность, тогда как в ней нет и тени сатиры и личности, что можно заметить вполне только после нескольких чтений; а книгу мою, большею частью, прочли только по одному разу все те, которые восстают против меня. Еще, смотри, как гордо и с каким презрением смотрят все на героев моих; книга писана долго; нужно, чтоб дали труд всмотреться в нее долго. Нужно, чтобы устоялось мнение. Против первого впечатления я не могу действовать. Против первого впечатления

должна действовать критика, и только тогда, когда с помощью ее впечатления получат образ, выйдут сколько-нибудь из первого хаоса и станут определительны и ясны, тогда только я могу действовать против них. Верь, что я употребляю все силы производить успешно свою работу, что вне ее я не живу и что давно умер для других наслаждений. Но вследствие устройства головы моей я могу работать вследствие только глубоких обдумываний и соображений, и никакая сила не может заставить меня произвести, а тем более выдать вещь, которой незрелость и слабость я уже вижу сам; я могу умереть с голода, но не выдам безрассудного, необдуманного творения. Не осуждай меня. Есть вещи, которые нельзя изъяснить. Есть голос, повелевающий нам, пред которым ничтожен наш жалкий рассудок, есть много того, что может только почувствоваться глубиною души в минуту слез и молитв, а не в минуты житейских расчетов!

«Письма», II, стр. 263–266.

Н. В. Гоголь – Н. М. Языкову

Мюнхен, 28 мая 1843 г.

…Да от скуки во время дождей перечти еще один раз «Мертвые Души». Во второй раз дело будет очевиднее и всякие ошибки яснее. Мне это слишком нужно. В течение двух лет, т. е. прежде совершенного исправления всего, мне нужно увидеть все дыры и прорухи. Особенно мне нужны теперь вот какие замечания: какая глава сильнее, какая глава слабее другой; где, в каком месте возрастает более сила всего, где устает, автор вял, или если на последнее слово, по деликатности, или недальнозоркости своей, ты не согласен, то где, по крайней мере, он уступает самому себе, оказавшемуся в других местах. Одним словом, всё то, что относится до всего каркаса машины. И об этом деле мы должны поговорить так, как о вовсе постороннем, не соединенном вовсе ни с какими личными отношениями, так как бы автор «М. Д.» был Ознобишин, [Дм. Петр. Ознобишин (1804–1877) – поэт.] заклавший козленка дикого. Это ты должен сделать тем более, что я имею намерение тоже напасть на тебя без всякой пощады и только уже не между двух глаз, а публично; ибо имею в виду сказать кое-что вообще о русских писателях. [Гоголем задумана статья, впоследствии вошедшая в «Выбранные места из переписки с друзьями». («В чем же наконец существо русской поэзии»).]

«Письма», II, стр. 308–309.

Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву

Дюссельдорф, 1 сент. 1843 г.

Я получил разные критики от петербургских журналов «Мертвых Душ», замечательнее всех в «Современнике»; [Плетнева.] отзыв Полевого в своем роде отчасти замечателен. [В «Русском Вестнике», 1842 г., т. VI – резко отрицательный отзыв.] Сенковского, к сожалению, не имею и до сих пор не мог [Разбор «Мертвых Душ» Сенковский первоначально написал в форме разговора быка, верблюда и осла (осел был защитником Гоголя). Эта редакция до сих пор не издана. В печатной редакции («Библиотека для чтения», № 9) – разговор автора с читателем.] достать, как ни старался. А вообще, я нахожу, что нет средины между благосклонностью и неблагосклонностью. Белинский смешон. [«Смешными» казались Гоголю и его московским друзьям, вероятно, те места, где Белинский говорит об «открытии» Гоголя «Отечественными Записками». Может быть, имеются в виду и статьи, где Белинский полемизирует с К. Аксаковым («От. Зап». №№ 8 и 11). Отрицательный отзыв о «Риме» был во второй из этих статей («Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя „Мертвые Души“»).] А всего лучше замечание о «Риме»; он хочет, чтобы римский князь имел тот же взгляд на Париж и французов, какой имеет Белинский. Я бы был виноват, если бы даже римскому князю внушил такой взгляд, какой имею я на Париж, потому что и я хотя могу столкнуться в художественном чутье, но вообще не могу быть одного мнения с моим героем. Я принадлежу к живущей и современной нации, а он – к отжившей. Идея романа вовсе не была дурна: она состояла в том, чтобы показать значение нации отжившей, и отжившей прекрасно, относительно живущих наций. Хотя поначалу, конечно, ничего нельзя заключить, но всё можно видеть, что дело в том, какого рода впечатление производит строящийся вихорь нового общества на того, для которого уже почти не существует современность. Жажду я очень читать твои статьи; я уже две посылки с книгами получил из Москвы, а твоих статей нет…

«Письма», II, стр. 333.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Дюссельдорф, 6 окт. 1843 г.

…В теперешних моих обстоятельствах мне бы помогло отчасти вспомоществование в виде подарков от двора за представленные экземпляры. Я, как вы знаете, не получил ни за «М. Д.», ни за сочинения. Прежде, признаюсь, я не хотел бы даже этого, но теперь, опираясь на стесненное положение моих обстоятельств, я думаю, можно прибегнуть к этому. Если вы

найдете это возможным, то надобно, чтобы эта помощь была или от государыни, или от наследника; от государя мне ни в каком случае не следует ничего. Это бы было даже бесстыдно с моей стороны просить. Он подал мне помощь в самую трудную минуту моей жизни; за это я не заплатил еще ничем. От Марьи Николаевны тоже не следует ничего просить. Но если возможно от первых… Впрочем, вы сделаете, что только будет в вашей возможности, потому что видите сами мое положение, и потому, что разделяете его душевно. Важность всего этого тем более значительна, что не скоро придется мне выдать что-нибудь в свет. Чем более торопишь себя, тем менее подвигаешь дело. Да и трудно это сделать, когда уже внутри тебя заключился твой неумолимый судья, строго требующий отчета во всем и поворачивающий всякий раз назад при необдуманном стремлении вперед. Теперь мне всякую минуту становится понятней, отчего может умереть с голода художник, тогда как кажется, что он может большие набрать деньги. Я уверен, что не один из близких даже мне людей, думая обо мне, говорит: «Ну, что́ бы мог сделать этот человек, если бы захотел! Ну, издавай он всякий год по такому тому, как „Мертвые Души“, – он бы мог доставить себе двадцать тысяч годового дохода». А того никто не рассмотрит, что этот том, со всеми его недостатками и грехами непростительными, сто́ит почти пятилетней работы, стало быть, может назваться вполне выработанным кровью и потом. Я знаю, что после буду творить полней и даже быстрее; но до этого еще не скоро мне достигнуть. Сочиненья мои так тесно связаны с духовным образованием меня самого и такое мне нужно до того времени вынести внутреннее, сильное воспитание душевное, глубокое воспитание, что нельзя и надеяться на скорое появление моих новых сочинений. Признайтесь: не показался ли я вам странным в наше последнее свидание, неоткровенным и необщительным, словом – странным? Не мог я вам показаться иначе, как таким: захлопотанный собою, занятый мыслию об одном себе, о моем внутреннем хозяйстве, об управлении моими непокорными слугами, находящимися во мне, над которыми всеми следовало вознестись – иначе как раз очутишься в их власти, занятый всем этим, я не мог быть откровенным и светлым: это принадлежности безмятежной души. А моей душе еще далеко до этого. Не потому я молчу теперь, чтобы не хотел говорить, но потому молчу, что не умею говорить и не нашел бы слов даже, как рассказать то, что́ хотелось бы рассказать. Но я заговорился, кажется… Впрочем, это слово из моей душевной исповеди. А душевная исповедь должна быть доступна всегда сердцу близкого нам друга…

«Письма», II, стр. 344–346.

Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому

Ницца, 2 дек. 1843 г.

…Я продолжаю работать, то есть набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание «Мертвых Душ». Труд и терпение, и даже приневоливание себя награждают меня много. Такие открываются тайны, которых не слышала дотоле душа, и многое в мире становится после этого труда ясно. Поупражняясь хотя немного в науке создания, становишься в несколько крат доступнее к прозренью великих тайн божьего создания и видишь, что, чем дальше уйдет и углубится во что-либо человек, кончит все тем же: одною полною и благодарною молитвою. Но я знаю, что вы сами пребываете в таком же состоянии за «Одиссеею», [Жуковский работал над переводом «Одиссеи» с 1842 по 1849 г.] и потому прошу только бога, да ничем не останавливается дело и да пребывает он с вами неотлучно…

«Письма», II, стр. 366–367.

Н. В. Гоголь – А. А. Иванову

Ницца, 18 марта 1844 г.

…Насчет картины вашей, [«Явление Христа народу» – картина, над которой Иванов работал так же мучительно, как Гоголь над 2-й частью «Мертвых Душ».] скажу вам только то, как поступал я в таком случае, когда затягивалось у меня дело и немела мысль перед множеством вещей, которые все нужно было не пропустить. Накопление материалов и увеличиванье требований от себя возрастало у меня наконец до того, что я почти с отчаяньем говорил: «Господи! да тут работы на несколько лет!» Наконец, потеряв всякое терпение и из боязни, что работа, может быть, совсем не кончится, решался я во что бы ни стало кончить как-нибудь, кончить дурно, но кончить, и, решась твердо на это, собирал вдруг всего себя, работал сильно, наконец оканчивал не только лучше, чем предполагал, но даже иногда и очень недурно. Дело в том, что пока не соберешь всего себя и не подтолкнешь себя самого, – не знаешь даже, что́ именно в тебе есть, потому что мы никогда не принимаем того в соображение, что хотя мы и не работали руками, но мысли у нас в то время все-таки созревали, наблюденье и ум совершенствовались, хотя и не на чем было их испробовать. Поверьте, что до тех пор, пока не одолеет вами досада, а может быть, и совершенное отчаяние, при мысли, что картина не будет кончена, до тех пор она не будет

кончена. Дни будут уходить за днями, и труд будет казаться безбрежным. Человек такая скотина, что он тогда только примется сурьезно за дело, когда узнает, что завтра приходится умирать. Притом вот вам одна очень важная истина, которой вы не поверите, или лучше – не допустит вас к тому ваша гордость. Пока не сделаешь дурно, до тех пор не сделаешь хорошо. А вы не хотите и слышать о том, что вы можете сделать дурно; вы хотите, чтоб у вас до последней мелочи было всё хорошо. Вы будете поправлять себя двадцать раз на всякой черточке, никак не захотите, чтобы оно было и осталось так, как есть, если не дастся лучше. Вы будете мучить себя и биться несколько дней около одного места, до того, что от частностей обессилеет у вас даже мысль о целом, которое тогда только, когда живо носится беспрестанно пред глазами и говорит о возможности скорого выполнения… тогда только двигает работу, ибо двигает душу порыв и вдохновенье, а вдохновеньем много постигается того, чего не достигнешь никакими ученьями и трудами…

Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба

…Я поехал за границу, где жил целый год с Гоголем, сперва в Баден-Бадене, потом в Ницце. [Летом и осенью 1843 г. Гоголь жил и лечился в разных местах Германии. В Бадене он провел июль и август. В Ницце жил с декабря 1843 до мая 1844 г. В Ницце жила и семья Виельгорских; на средней из трех сестер В. (Софье) Соллогуб был женат.] Талант Гоголя в то время осмыслился, окрепнул, но прежняя струя творчества уже не была в нем с привычною живостью. Прежде гений руководил им, тогда он уже хотел руководить гением. Прежде ему невольно писалось, потом он хотел писать и, как Гете, смешал свою личность с независимым от его личности вдохновением. Он постоянно мне говорил: «Пишите, поставьте себе за правило хоть два часа в день сидеть за письменным столом, и принуждайте себя писать». – «Да что ж делать, – возражал я, – если не пишется?» – «Ничего, возьмите перо и пишите: Сегодня мне что-то не пишется, сегодня мне что-то не пишется, сегодня мне что-то не пишется и так далее, наконец надоест и напишется». Сам же он так писал и был всегда недоволен, потому что ожидал от себя чего-то необыкновенного. Я видел, как этот бойкий, светлый ум постепенно туманился в порывах к недостижимой цели.

В. А. Соллогуб, стр. 1237.

Н. В. Гоголь – Н. М. Языкову

Франкфурт, 14 июля 1844 г.

…Ты спрашиваешь, пишутся ли «М. Д.»? И пишутся, и не пишутся. Пишутся слишком медленно и совсем не так, как бы хотел, и препятствия этому часто происходят и от болезни, а еще чаще от меня самого. На каждом шагу и на каждой строчке ощущается такая потребность поумнеть и притом так самый предмет и дело связано с моим собственным внутренним воспитанием, что никак не в силах я писать мимо меня самого, а должен ожидать себя. Я иду вперед – идет и сочинение; я остановился – нейдет и сочинение. Поэтому мне и необходимы бывают часто перемены всех обстоятельств, переезды, обращающие к другим занятиям, не похожим на вседневные, и чтенье таких книг, над которыми воспитывается человек. Но… распространяться боюсь, чтобы не нагородить какой-либо путаницы…

«Письма», II, стр. 464–465.

П. А. Плетнев – Н. В. Гоголю

Пб., 27 окт. 1844 г.

Наконец захотелось тебе послушать правды. [Ответ на письмо Гоголя от 24 октября 1844 г. нов. ст., в котором Гоголь обвиняет своих друзей, в том числе и самого Плетнева, в неискреннем к нему отношении.] Изволь, попотчую. После такого вступления, надеюсь, и ты в письмах ко мне кинешь проклятое вы, от которого у разговаривающих в глазах двоится. Начну с себя, что такое я? В отношении к общему ремеслу нашему – литературе – человек без таланта и необходимых сведений. Но человек, заменивший то и другое долговременною практикою, постоянными многолетними, непосредственными, даже, смею сказать, дружескими сношениями с Дельвигом, Гнедичем, Пушкиным, Жуковским и Крыловым. Следовательно, человек не без идей, не без такта, не без голоса. Но что такое ты? Как человек, существо скрытное, эгоистическое, надменное, недоверчивое и всем жертвующее для славы. Может быть, всё это и необходимо для достижения последнего. Итак, я не назову ни одного из этих качеств пороком: они должны сопутствовать человеку, рожденному для славы. И в евангелии сказано: оставиши отца и матерь и прилепися к жене. Но как друг, что ты такое? И могут ли быть у тебя друзья? Если бы они были, давно высказали бы они тебе то, что ты читаешь теперь от меня. Но я говорю не как друг, а как честный человек, уполномоченный тобою, и как освященный внушениями христианской веры, которая поставила меня выше всех земных соображений. Это я ношу в сердце, потому что у меня есть друг

Грот, который таков во всех своих помышлениях и действиях. Твои же друзья двоякие: одни искренно любят тебя за талант и ничего еще не читывали во глубине души твоей. Таков Жуковский, таковы Балабины, Смирнова и таков был Пушкин. Другие твои друзья – московская братия. [Погодин и Шевырев, может быть, имеются в виду и Аксаковы] Это раскольники, обрадовавшиеся, что удалось им гениального человека, напоив его допьяна в великой своей харчевне настоем лести, приобщить к своему скиту. Они не только раскольники, ненавидящие истину и просвещение, но и промышленники, погрязшие в постройке домов, в покупках деревень и в разведении садов. Им-то веруешь ты, судя обо всем по фразам, а не по жизни и не по действиям. На них-то сменил ты меня, когда вместо безмолвного участия и чистой любви раздались около тебя высокопарные восклицания и приторные публикации. Ко мне заезжал ты как на станцию, а к ним как в свой дом. – Но посмотрим, что ты, как литератор? Человек, одаренный гениальною способностью к творчеству, инстинктивно угадывающий тайны языка, тайны самого искусства, первый нашего века комик по взгляду на человека и природу, по таланту вызывать из них лучшие комические образы и положения, но писатель монотонный, презревший необходимые усилия, чтобы покорить себе сознательно все сокровища языка и все сокровища искусства, неправильный до безвкусия и напыщенный до смешного, когда своевольство перенесет тебя из комизма в серьезное. Подле таких поэтов-художников, каковы Крылов, Жуковский и Пушкин, ты только гений-самоучка, поражающий творчеством своим и заставляющий жалеть о своей безграмотности и невежестве в области искусства. Но довольно. Вот что ты и что я. Судьба свела нас вместе. Она лучше нас провидела, что, слившись, мы взаимно будем друг друга совершенствовать, дополнять друг в друге недостающее. Она знала, что добрые качества и недостатки одного совместны с целью общечеловеческою – распространением добра и света. Я, с своей стороны, употребил все, что возложила на меня судьба для общего назначения нашего. Но нашел ли я ответ в твоем сердце на это для нас тогда темное, однако моим инстинктом постигнутое предопределение? Ничего. Может быть, судя по необузданности твоих порывов, и надобно было, чтобы тяжелыми и долгими опытами дошел ты до необходимости возвратиться туда, откуда так оскорбительно для меня соскочил ты. А может быть, тебе и не нужно было всего того, что я изложил здесь с таким философски-религиозным исследованием. По крайней мере, испытай хоть раз в жизни это новое для тебя ощущение, что такое голос чистоты и призвания к дружбе. Я не предлагаю тебе

никакой перемены в жизни, занятиях и отношениях твоих. Я только желал бы, чтобы ты возвысился до настоящего нравственного чувства, проливающего в сердце свет на обязанности наши к богу, к людям, отечеству и даже к нашему здесь призванию и принятым уже убеждениям Ясное созерцание этих предметов само преобразовало бы жизнь твою, теперь только поэтическую, но неполную и несовременную нашему веку. Ты, не прерывая главных своих, обдуманных уже творений, должен строже определить себе, как надлежит тебе содействовать развитию в человечестве высшего религиозного и морального настроения, распространению в отечестве вечных начал науки и искусства, как довершить в себе недостатки литературные и как поражать всё, несогласное с принятыми тобою правилами. Мы живем не при Шекспире, а после Гете и Шиллера, которые, творя как художники, в то же время боролись с врагами истинных идей и неизменного вкуса. Зачем тебе, пользующемуся репутациею, не вести других по хорошей дороге, указывая на заблуждения судей-самозванцев и торгашей литературных? Это борение укажет тебе на изыскание способов, как и в себе дополнить недостающее и в других поразить ложное. Из гения-самоучки ты возвысишься, как Гете, до гения-художника и гения-просветителя. Не презирай даже того, что в России и мелко и жалко. Как русский, ты должен на это смотреть глазами врача. Но главное: ты приучись мыслить, излагать и отстаивать идеи, защищать убеждения сердца и укрощать буйное невежество…

«Русский Вестник», 1889. № 11, стр. 34–37.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Франкфурт. В конце 1844 г.

…Упреки твои в славолюбии могут быть справедливы, но не думаю, чтоб оно было в такой степени и чтобы я до того любил фимиам, как ты предполагаешь. В доказательство я могу привести только то – в то время, когда авторская слава меня шевелила гораздо более, чем теперь, я находился в чаду только первые дни по выходе моей книги, но потом чрез несколько времени я уже чувствовал почти отвращение к моему собственному созданию и недостатки его обнаруживались предо мною сами во всей их наготе. Я даже думаю, что ты составил обо мне такое [мнение] по незнанию души человеческой, а на кое-каких моих наружных поступках, неприятных ухватках и, наконец, неуместных и напыщенных местах моих сочинений, которые вследствие бессилия изобразить полноту своих мыслей, получили еще более какое-то самоуверенное выражение. Все твои замечания о моих

литературных достоинствах справедливы и отзываются знатоком, умеющим верно судить о литературных [предметах]. Но увы! и в них я не встретил ничего, что бы было неизвестно мне самому. И если бы я напечатал ту критику, которую я написал сам на «Мертвые Души» вскоре после их выхода, ты бы увидел, что я выразился еще строже и еще справедливее тебя.

…Ты был довольно проницателен, сказавши, что главная вина всех моих недостатков – мое невежество и невоспитание, ты это почувствовал; но ты был только несправедлив, указывая мне пути, как избавиться от этого, – дело, которое требует слишком большого изучения природы того человека, которому дается инструкция. Ты вызываешь невежу на брань с невежеством, требуешь, чтобы я теперь уже указывал другим путь и прямую дорогу и, выражаясь твоими словами, указывал на заблуждение судей самозванцев, но, друг мой, мне может всякий сказать: «Лекарю, вылечись прежде сам». Я слишком хорошо знаю, что я должен это выполнить. В то же время знаю и то, [что нужно] чистоты душевной и лучшего устроения себя и почти небесной красоты нравов. Без того не защитишь ни самого искусства, как и всё святое, которому оно служит подножием. Цель, о которой говоришь ты, стоит неизменно перед мною. Она должна быть и у всех в виду, но стремления к ней различны и дорога к одному и тому же у всякого своя. И если человек уже дошел до того, что может видеть сам свои недостатки и пороки и видеть свою природу, он один только может знать, какой дорогой ему возможней итти. Для тех же самых причин одному потребно непрерывное столкновение со светом, другому потребна цыганская жизнь. И как сказать ему: «Ты делаешь не так?» Животное, когда заболеет, ищет само себе траву и находит ее, и такое лекарство для него полезнее всех тех, какие предпишут ему самые умнейшие врачи.

«Письма», II, стр. 521–524.

Н. В. Гоголь – Н. М. Языкову

Франкфурт, 2 декабря 1844 г.

Благодарю тебя, друг, за письмо от 5 ноября, а еще больше благодарю за книжечку от кн. Вяземского. [«Стихотворения» Языкова. 2-е изд. М., 1844 г.] Благодарю еще более бога за то, что желание сердца моего сбывается. Говоря это, я намекаю на одно стихотворение твое. Ты, верно, сам догадаешься, что за «Землетрясение». Да послужит оно тебе проспектом вперед! Какое величие, простота и какая прелесть внушенной самим богом мысли! Оно, верно, произвело у нас впечатление на всех,

несмотря на разность вкусов и мнений. Скажу тебе также, что Жуковский, подобно мне, был поражен им и признал его решительно лучшим русским стихотворением. Это слишком много, потому что он вообще был строг к тебе, и, умея отдавать должное твоим стихам, нападал на главное, что после них (так он выражался), как после прекрасной музыки, всё вслед за очаровавшими звуками унеслось, и никакого определенного вида не имеет оставшееся впечатление. Он говорил часто (в чем отчасти и я был с ним согласен), что везде у тебя есть восторг, который никак нейдет вперед, но стоит на одном месте, именно потому, что не получил определенного стремления. Он никак и не думал, чтобы у тебя могло когда-либо это возникнуть (он не мастер прорицать!), и на мои замечания, что все произойти может от душевных внутренних событий, слегка покачивал головой; и потому ты можешь себе представить, как мне радостно было его восхищение. Он несколько раз уже прочел с возрастающим удовольствием это стихотво[рение], которое я читаю почти всякий день. Видишь ли, как в общем крике массы, в этой строгой современной требовательности от поэтов, есть что-то законное. Едва малейший ответ на это всеобщее алканье души – и уже вдруг все сопрягается, даже и то, что еще недавно бы не потряслось. Ради святого неба, перетряхни старину, возьми картины из библии или из коренной русской старины, но возьми таким образом, чтобы они пришлись именно к нашему веку, чтобы в нем или упрек, или ободренье ему было. Сам бог тебе поможет, и сила, возникшая из твоего творенья, обратно изольется на тебя самого. Недавно я нашел в «Отеч. Записках» выписки из книги «Выходы царей», [«Выходы царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича», изд. Строевым, 1844 г.] которые, кажется, были привед[ены] с тем, чтобы показать незначительность таких описаний. Но в них так свежи изображенья наряда и всех цар[ских] облачений и так каждое слово, кажется, создано на то, чтобы уложиться в стих, что мне так и представлялся царь, идущий к вечерне. В твоем стихотворении «Олег», которое тоже затмило прежние, уже проглядывают сильно черты нашей старины (хотя время, по причине страшной отдаленности, для нее неблагоприятно). Сочинение это, однако ж, у нас пройдет незамеченн[ым] именно потому, что в мысли его нет свежего, находящего ответ теперь. Заставь прошедшее выполнить свой долг, ты увидишь, как будет велико впечатление. Пусть-ка оно ярко высунется для того, чтобы вразумить настоящее, для которого оно и существует. Выведи картину прошедшего и попрекни кого бы ни было в прошедшем, но таким образом, чтобы почесался в затылке современник. Клянусь, никогда не приходило

времени так значительного для лирических поэтов, каково ныне, но ты сам это чувствуешь и знаешь лучше меня. Молю бога, чтобы он послал тебе бодрость и свежесть сил, и уменье позабыть всякие мелкие тревоги и даже болезненные припадки, если бы они вздумали к тебе наведаться. Прощай; больше не пишу теперь ни о чем, ибо нахожусь под влиянием тобой же внушенного ощущения. [См статью «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» (в «Выбранных местах из переписки с друзьями»).]

«Письма», II, стр. 515–517.

А. О. Смирнова – Н. В. Гоголю

3 ноября 1844 г.

…У Ростопчиной [Графиня Евд. Петр. Ростопчина (1811–1858) – поэтесса.] при Вяземском, Самарине и Толстом [Толстой Американец. См. выше.] разговорились о духе, в котором написаны ваши «Мертвые Души», и Толстой сделал замечание, что вы всех русских представили в отвратительном виде, тогда как всем малороссиянам дали вы что-то вселяющее участие, несмотря на смешные стороны их; что даже и смешные стороны имеют что-то наивно приятное; что у вас нет ни одного хохла такого подлого, как Ноздрев; что Коробочка не гадка потому именно, что она хохлачка. Он, Толстой, видит даже невольно вырвавшееся небратство в том, что когда разговаривают два мужика и вы говорите: «Два русских мужика»; Толстой и после него Тютчев, [Фед. Ив. Тютчев (1803–1873) был в эти годы известен светскому петербургскому обществу больше как дипломат и как остроумный собеседник, чем как поэт. С 1839 по 1845 г. Тютчев временно нигде не служил, зиму 1844–1845 г. он провел в Петербурге.] весьма умный человек, тоже заметили, что москвич уже никак бы не сказал: «два русских мужика». Оба говорили, что ваша вся душа хохлацкая в «Тарасе Бульбе», где с такой любовью вы выставили Тараса, Андрия и Остапа.

Вот все, что о вас говорилось часто при мне. О недостатках во вкусе и прочих мелких погрешностях я не упоминаю, это дело критики фельетонов.

…Я, впрочем, заметила им, что хохлы вас тоже вовсе не любят и вас в том же упрекают, как и русские. Плетнев это мне еще подтвердил.

«Русская Старина», 1888 г., № 10, стр. 124.

Н. В. Гоголь – А. О. Смирновой

Франкфурт, 24 декабря 1844 г.

Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой: явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве. На сочинениях же моих не основывайтесь и не выводите оттуда никаких заключений о мне самом. Они все писаны давно, во времена глупой молодости, пользуются пока незаслуженными похвалами и даже не совсем заслуженными порицаньями, и в них виден, покамест, писатель, еще не утвердившийся ни на чем твердом. В них, точно, есть кое-где хвостики душевного состояния моего тогдашнего, но, без моего собственного признания, их никто и не заметит и не увидит.

…Так как вы уже несколько раз напоминаете мне о деньгах, то я решаюсь наконец попросить у вас. [Смирнова имела в виду исходатайствовать для Гоголя пенсию, но планов своих Гоголю не открывала.] Если вам так приятно обязать меня и помочь мне, то я прибегну к займу их у вас. Мне нужно будет от трех до шести тысяч в будущем году. Если можете, то пришлите на три вексель во Франкфурт, или на имя банкира Бетмана, или к Жуковскому и ко мне. А другие три тысячи в конце 1845 года. А может быть, я обойдусь тогда и без них, если как-нибудь изворочусь иначе. Но знайте, что раньше двух лет вряд ли я вам отдам их назад. Об этом не сказывайте никому, особенно Плетневу. Он мне предлагал в письме своем денег сколько хочу, но мне никаким образом не следует у него взять…

«Письма», II, стр. 577–578.

В. А. Жуковский – А. О. Смирновой

Саксенгаузен, 4 (16) янв. 1845 г.

Гоголя нет с нами; за два дня до рождения Павла Васильевича, [Сын Жуковского.] отправился он в Париж, приглашенный туда Толстыми [Толстые – граф Ал-др Петрович и его жена Анна Егоровна, урожд. княжна Грузинская. А. П. Толстой (1801–1867) – дипломат, впоследствии обер-прокурор Синода,

временно не служил нигде и жил в Париже. С Гоголем сблизился около 1843 г.] и Виельгорскими. Я сам его посылал туда, ибо у него начинали колобродить нервы, и сам Копп [Знаменитый немецкий доктор, к которому Гоголь не раз обращался.] прописал ему Париж как спасительное лекарство. Весной он ко мне возвратится. [Гоголь пробыл во Франкфурте с сентября 1844 г. по январь 1845 г. и в марте опять вернулся во Франкфурт.] Вам бы надобно о нем позаботиться у царя и царицы. [Впоследствии Жуковский и сам писал по делу Гоголя шефу жандармов гр. А. Ф. Орлову (см. Лемке. «Николаевские жандармы и литература», с.170).] Ему необходимо надобно иметь что-нибудь верное в год. Сочинения ему мало дают, и он в беспрестанной зависимости от завтрашнего дня. Подумайте об этом: вы лучше других можете характеризовать Гоголя с его настоящей, лучшей стороны. По его комическим творениям могут в нем видеть совсем не то, что́ он есть. У нас смех принимают за грех, следовательно всякий насмешник должен быть великий грешник…

«Русский Архив».

А. О. Смирнова – в. Кн. Марии Николаевне

[22 февраля 1845 года].

Ваше императорское высочество милостиво изволили принять мою просьбу о Гоголе и приказали составить о нем записку, которую имею честь представить. Сочинения его известны вашему императорскому высочеству. Публика особенно заметила в них оригинальные, комические стороны; но от вашего взгляда, без сомнения, не ускользнули красоты высшие, чувство всего прекрасного, чисто русского народного, которые его поставили наряду с первыми нашими литераторами. Чем более он входит в изображение серьезной стороны русского быта (о чем упоминает сам в последних своих сочинениях), тем медленнее подвигается его работа и следовательно он лишается выгод, соединенных с продажею книг. Самая первая выручка его сочинений употреблена была им на поправление расстроенного состояния матери и сестер, которые и до сих пор не совершенно обеспечены. Между тем, его здоровье было всегда так слабо, что вследствие сильной болезни он вынужден был оставить самую выгодную службу, находившись в здешнем университете адъюнкт-профессором, и отправился за границу. [Как известно, здоровье Гоголя в вопросе об его отставке никакой роли не играло.] Лишенный всякого способа достигнуть своих предприятий литературных и касающихся до здоровья, он только благодениями царскими может быть обеспечен. Конечно, он еще

не успел сделать для пользы русской словесности столько, как Пушкин и Карамзин; но милости государя не исключают никого, кто из любви к пользе отечества приносит хоть слабую дань своего усердия. Участие вашего императорского высочества само определит, каким образом может быть поддержано существование человека, который по общему признанию подает много надежд. Вашего императорского высочества много преданная и всепокорная слуга

А. Смирнова.

«Литературный Музеум», стр. 69–70.

Из записок А. О. Смирновой

1845 г., 2 марта.

…Государь перебил разговор. Я ему напомнила о Гоголе; он был благосклонен. «У него есть много таланту драматического, но я не прощаю ему выражения и обороты слишком грубые и низкие». Читали вы «Мертвые Души»? – спросила я. – «Да разве они его? Я думал, что это Соллогуба». Я советовала их прочесть и заметить те страницы, где выражается глубокое чувство народности и патриотизма.

Смирнова, «Записки», стр. 288.

Доклад министра народного просвещения С. С. Уварова Николаю I

Министр императорского двора сообщил мне от 15 сего марта за № 828 по высочайшему вашего императорского величества повелению для рассмотрения и доклада представленную е. и. в. великой княгине Марии Николаевне супругою церемониймейстера Смирнова записку о литераторе Гоголе при сем всеподданнейше прилагаемую.

Писатель сей с самого начала литературной деятельности своей обратил на себя внимание неоспоримою оригинальностью дарования. Желая открыть ему способы к полезной деятельности, я определил Гоголя при С.-Петербургском университете в звание адъюнкт-профессора по кафедре истории; но направление его таланта не согласовалось с постоянными и серьезными занятиями; он оставил ученое звание, чтобы предаться литературе, и на этом поприще разные произведения приобрели уже ему известность. [Любопытно, что Уваров, сам литератор, не склонен относить занятия литературой к «серьезным занятиям».] Гоголь, сколько мне известно, находится теперь за границею. Благодеяние вашего императорского величества оживит его

деятельность на пользу отечественной словесности. От щедроты царской зависит определение мер пособия для поддержания его существования.

Сергий Уваров. [Резолюция Николая I на этом докладе была: «Пусть сам м[инистр] определит меру пособия, которого заслуживает». Уваров запросил Плетнева, и тот, посоветовавшись со Смирновой и Вяземским, указал сумму 5000 руб. сер. (на пять лет по 1000 р.). Уваров сократил ее до 3000 р. (по 1000 р. на 3 года), и новой резолюцией Николая I от 25 марта 1845 г. эта сумма пособия была утверждена.]

№ 22

17 марта 1845 г.

«Литературный Музеум», стр. 71–72.

Н. В. Гоголь – Н. М. Языкову

Франкфурт, 5 апреля 1845 г.

Письмо от 10 марта получил и с ним стихотворение к Шевыреву. Благодарю за него. Оно очень сильно и станет недалеко от «К не нашим», [Стихотворный памфлет Языкова против «западников» – П. Я. Чаадаева, Т. Н. Грановского и А. И. Герцена. «К молодому человеку» – К. Аксакову, с упреками в терпимости к западникам. «Старому плешаку» – Чаадаеву.] а может быть, и сравнится даже с ним. Но не скажу того же о двух посланиях: «К молодому человеку» и «Старому плешаку». О них напрасно сказал ты, что они в том же духе: в них скорей есть повторение тех же слов, а не того же духа. В том же духе могут быть два стихотворения, ничего не имеющие между собою похожего относительно содержания, и могут быть не в том духе напоминающие содержанием друг друга и, по-видимому, похожие. Эхо не есть голос, хоть и похоже на голос; ибо оно не двинуто теми же устами. В них есть что-то полемическое, скорлупа дела, а не ядро дела, и мне кажется это несколько мелочным для поэта. Поэтому более следует углублять самую истину, чем препираться об истине. Тогда будет всем видней, в чем дело, и невольно понизятся те, которые теперь ерошатся. Чтó ни говори, а как напитаешься сам сильно и весь существом истины, послышится власть во всяком слове, и против такого слова уже вряд ли найдется противник, все равно, как от человека, долго пробывшего в комнате, где хранились благоухания, всё благоухает и всякий нос это слышит, так что почти и не нужно много рассказывать о том, какого рода запах он обонял, пробывши в комнате. Друг мой, не увлекайся ничем гневным, особливо, если в нем хоть что-нибудь противуположное

той любви, которая вечно должна пребывать в них. Слово наше должно быть благостно, если оно обращено лично к кому-нибудь из наших братий. Нужно чтобы в стихотворениях слышался сильный гнев против врага людей, а не против самих людей. Да и точно ли так сильно виноваты плоховидящие в том, что они плохо видят? Если ж они точно в том виноваты, то правы ли мы в том, что подносим прямо к их глазам нестерпимое количество света и сердимся на них же за то, что слабое их зрение не может выносить такого сильного блеска? Не лучше ли быть снисходительней и дать им сколько-нибудь рассмотреть и ощупать то, что оглушает их, как громом? Много из них в существе своем люди добрые, но теперь они доведены до того, что им трудно самим и они упорствуют и задорствуют, потому что иначе – нужно им публично самих себя, в лице всего света, назвать дураками. Это не так легко – сам знаешь. А ведь против них большею частию в таком смысле было говорено: «Ваши мысли все ложны. Вы не любите России, вы предатели ее». А между тем ты сам знаешь, что нельзя назвать всего совершенно у них ложным и что, к несчастью, не совсем без основания их некоторые выводы. Преступление их в том, что они некоторые частности распространяют на общее, исключение выставляют в правила, временные болезни принимают за коренные, во всяком предмете видят тело его, а не дух, и, близоруко руководствуясь аналогией видимого, дерзают произносить свои суждения о том, что духом своим отлично от всего того, в чем они сравнивают его. Следовало бы по-настоящему вооружиться против сих заблуждений, разъять их спокойно и показать их несообразность, но с тем вместе поступить таким образом, чтобы в то же время и тут им самим дать возможность выдти не совсем бесчестно из моего трудного положения. Тогда, кроме того, что многие из них сами обратились бы на истинный путь, но самой публике было бы доступней всё это и хоть сколько-нибудь понятней, в чем дело. Теперь же она решительно не понимает, в чем дело и отчего так сильно горячатся у нас одни против других в журналах… [Попытку найти компромисс, желанную середину между славянофилами и «западниками», Гоголь сделал также в статье «Споры», которую датировал 1844 г., и в письмах 1847–1848 гг. к П. В. Анненкову. Но попытки эти были безуспешны, так как Гоголь не конкретизировал ни одного из своих сочувствий «западникам» и на деле примыкал к правому крылу славянофильства.]

«Письма», III, стр. 41–43.

Н. В. Гоголь – А. О. Смирновой

Карлсбад, 25 июля 1845 г. [Всё это лето Гоголь был болен сильным нервным расстройством. В это время, по-видимому, было сожжено то немногое, что было написано из второй части «Мертвых Душ». Регулярная работа над «М. Д.» была возобновлена только в конце 1848 г.]

…Вы коснулись «Мертвых Душ» и просите меня не сердиться на правду, говоря, что исполнились сожалением к тому, над чем прежде смеялись. Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно «Мерт[в]. Душ». Но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за них автора, принимая за карикатуру насмешку над губерниями, так же, как были прежде несправедливы хваливши. Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет «Мертвых Душ». Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах, если бы богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущий труд. Повторяю вам вновь, что это тайна, и ключ от нее, покамест, в душе у одного только автора. Многое, многое даже из того, что, по-видимому, было обращено ко мне самому, было принято вовсе в другом смысле. Была у меня, точно, гордость, но не моим настоящим, не теми свойствами, которыми владел я; гордость будущим шевелилась в груди, – тем, что представлялось мне впереди, – счастливым открытием, которым угодно было, вследствие божией милости, озарить мою душу, – открытием, что можно быть далеко лучше того, чем есть человек, что есть средства и что для любви… Но некстати я заговорил о том, чего еще нет…

«Письма», III, стр. 80–81.

Н. В. Гоголь – Н. М. Языкову

Рим, 2/14 января 1846 г.

Известие о переводе «М. Д.» на немецкий язык мне было неприятно [Перевод Лебенштейна.] Кроме того, что мне вообще не хотелось бы, чтобы обо мне что-нибудь знали до времени европейцы, этому сочинению неприлично являться в переводе ни в каком случае, до времени его окончания, и я бы не хотел, чтобы иностранцы впали в такую глупую ошибку, в какую впала большая часть моих соотечественников, принявшая «М. Д.» за портрет России. Если тебе попадется в руки этот перевод, напиши, каков он и что такое выходит по-немецки. Я думаю просто ни то, ни се. Если случится также читать какую-нибудь рецензию в немецких журналах или просто отзыв обо мне,

напиши мне также. Я уже читал кое-что на французском о повестях в «Revue de deux Mondes» [Статья Сент-Бёва (см. выше).] и в «Les Débats». Это еще ничего. Оно канет в Лету вместе с объявлениями газетными о пилюлях и о новоизобретенной помаде красить волоса, и больше не будет о том и речи. Но в Германии распространяемые литературные толки долговечней, и потому я бы хотел следовать за всем, что обо мне там ни говорится…

«Письма», III, стр. 133.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Рим, 20 марта 1846 г.

…Художнику Бернардскому объяви отказ. [Евстафий Ефим. Бернардский (род. 1819 г., ум. около 1880 г.) – гравер. Речь идет об иллюстрациях к «Мертвым Душам» Ал-дра Ал-еевича Агина (1817–1870), гравированных Бернардским. Бернардский предлагал Гоголю 1500 р. за право издать в свою пользу «Мертвые Души» с этими иллюстрациями. После отказа Гоголя рисунки были изданы (частично) без текста в 1846–1848 гг., полностью – только в 1892 г.; перепечатаны в собрании сочинений Гоголя изд. Брокгауз и Эфрон, том IV.] Есть много причин, вследствие которых не могу покамест входить в условия ни с кем. Между прочим, во-первых, потому что второе издание первой части будет только тогда, когда она выправится и явится в таком виде, в каком ей следует явиться; во-вторых, потому, что, по странной участи, постигавшей издание моих сочинений, выходила всегда какая-нибудь путаница или бестолковщина, если я не сам и не при моих глазах печатал. А, в-третьих, я враг всяких политипажей и модных выдумок. Товар должен продаваться лицом, и нечего его подслащивать этим кондитерством. Можно было бы допустить излишество этих родов только в таком случае, когда оно слишком художественно. Но художников-гениев для такого дела не найдешь; да притом нужно, чтобы для того и самое сочинение было классическим, приобревшим полную известность, вычищенным, конченным и не наполненным кучею таких грехов, как мое.

«Письма», III, стр. 157–158.

«Едва ли не самая странная книга»[17]

Н. В. Гоголь – Н. М. Языкову

Рим, 22 апреля 1846 г.

Христос воскресе!

Письмо получил, но книг, заключающих наши литературные новости, не получал, хотя ожидал целые две недели после получения письма. Жаль, что не упомянул, с кем они посланы. Мне бы теперь сильно хотелось прочесть повестей наших нынешних писателей. Они производят на меня всегда действие возбуждающее, несмотря на самую тягость болезненного состояния моего. В них же теперь проглядывает вещественная и духовная статистика Руси, а это мне очень нужно. Поэтому для меня имеют много цены даже и те повествования, которые кажутся другим слабыми и ничтожными относительно достоинства художественного. [Речь идет о «Бедных людях» – первой повести Фед. Мих. Достоевского (1821–1881), напечатанной в «Петерб. сборнике» Некрасова 1846 г. Языков с чужих слов отзывался о Достоевском иронически.] Я бы все эти сборники прочитал с большим аппетитом; но их нет, и не знаю даже, куда и с кем они тобою посланы и когда их получу.

От Жуковского я получил извещение, что он, точно, получил стихи Аксакова Ивана, [Драматические сцены «Жизнь чиновника». Ив. Сер. Аксаков (1823–1886) – известный впоследствии славянофил, младший сын Серг. Тим.] но удержал их у себя, считая лучше вручить их мне лично, по приезде моем к нему. Он находит в них много мистического и укоряет молодых наших поэтов в желании блеснуть оригинальностью. Последнего мнения я не разделяю, хотя и не читаю стихов. Это направление невольное и не есть желание блеснуть. У теперешнего молодого человека [лиризм?] течет невольно, потому что есть внутри у него сила, требующая дела, алчущая действовать и только незнающая, где, каким образом, на каком месте. В теперешнее время не так-то легко попасть человеку на свое место, то есть на место, именно ему принадлежащее; долго ему придется кружить, прежде чем на него попадет. Попробуй, однако ж, дать прочесть Аксакову Ивану мои письма, писанные к тебе о предметах, предстоящих у нас лирическому поэту, по поводу стихотворения «Землетрясение». Они все-таки хоть сколько-нибудь наводят на действительность. Почему знать? может быть, они подадут ему какую-нибудь мысль о том, как направить силы к предметам

предстоящим. Штука не в наших мараньях, но в том, что благодать божья озаряет наш ум и заставляет его увидеть истину даже и в мараньях.

Кстати, об этих письмах. Ты их береги. Я как рассмотрел всё то, что писал разным лицам в последнее время, особенно нуждающимся и требовавшим от меня душевной помощи, вижу, что из этого может составиться книга, полезная людям страждущим на разных поприщах. [Замысел «Выбранных мест из переписки с друзьями».] Страданья, которыми страдал я сам, пришлись мне в пользу, и с помощью их мне удалось помочь другим. Бог весть, может, это будет полезно и тем, которые находились и не в таких обстоятельствах, и даже мало заботятся о страданиях других. Я попробую издать, прибавив кое-что вообще о литературе. Но, покамест, это между нами. Мне нужно обсмотреть и всё разглядеть и взвесить. Двигает мною теперь единственно польза, а не доставленье какого-либо наслаждения.

«Письма», III, стр. 165–167.

Н. В. Гоголь – А. М. Виельгорской

[Анна Михайловна (р. 1825 г.) – младшая из трех сестер Виельгорских, наиболее близкая Гоголю. Как говорят, Гоголь делал предложение А. М-не, но получил отказ.]

Генуя, 14 мая 1846 г.

Пишу к вам с дороги, добрейшая и благодатная Анна Михайловна. Благодарю вас за ваши подарки. Во-первых, за письмо; оно было мне очень приятно. Известия о Петербурге и о духе нынешнего нашего общества хотя заняли в вашем письме только две строчки, но мне были нужны. Не пропускайте и впредь! говорите даже о том, о чем почти нечего сказать, и описывайте мне даже пустоту, вас окружающую: мне всё нужно. Мне нужно знать всё, что́ у вас ни делается, как хорошего, так и дурного, а без того я буду всё еще глуп по-прежнему и никому не сделаю пользы, а потому не позабывайте и поступайте со мною так, чтобы я много и много благодарил вас за всякое письмо. Во-вторых, благодарю вас за книги. «Воспитанница» весьма замечательна. [Повесть В. А. Соллогуба, посвященная Гоголю и напечатанная в сборнике «Вчера и сегодня», 1845 г.] Соллогуб идет вперед. Литературная личность его становится степеннее и значительнее. Нельзя, чтобы не сделалась от этого его собственная внутренняя личность степенней и значительней. В писателе всё соединено с совершенствованием его таланта и обратно: совершенствование его таланта соединено с совершенствованием душевным.

«Бедные Люди» я только начало прочел, страницы три, и заглянул в середину, чтобы видеть склад и замашку речи нового писателя (напрасно вы оторвали одних «Бедных Людей», а не прислали весь сборник: я бы его прочел, мне нужно читать все новые повести: в них хотя и вскользь, а все-таки проглядывает современная наша жизнь. [А. М. Виельгорская писала Гоголю 18 марта, что «Бедные люди» ей очень понравились, и спрашивала мнения Гоголя. Экземпляр «Петербургского сборника», посланный Языковым, до Гоголя к этому времени еще не дошел.] В авторе «Бедных Людей» виден талант; выбор предметов говорит в пользу его качеств душевных; но видно также, что он молод. Много еще говорливости и мало сосредоточенности в себе; всё бы сказалось гораздо живее и сильнее, если бы было более сжато. Впрочем, я это говорю не прочитавши, а перелистнувши. У меня так мало теперь читать все [?] современного русского, что я читаю понемногу в виде лакомства или когда очень придет трудно и дух в таком болезненно черством состоянии, как мое болезненно тяжелеющее на мне тело.

«Письма», III, стр. 183–184.

Из воспоминаний П. В. Анненкова

…Проезжая через Париж в 1846 г., [Во второй половине мая 1846 г.] я случайно узнал о прибытии туда же Николая Васильевича, остановившегося, вместе с семейством гр. Толстого (впоследствии обер-прокурора синода), в отеле улицы De la Paix. На другой же день я отправился к нему на свидание, но застал его уже одетым и совсем готовым к выходу по какому-то делу. Мы успели перекинуться только несколькими словами. Гоголь постарел, но приобрел особенного рода красоту, которую нельзя иначе определить, как назвать красотой мыслящего человека. Лицо его побледнело, осунулось; глубокая, томительная работа мысли положила на нем ясную печать истощения и усталости, но общее выражение его показалось мне как-то светлее и спокойнее прежнего. Это было лицо философа. Оно оттенялось, по-старому, длинными, густыми волосами до плеч, в раме которых глаза Гоголя не только что не потеряли своего блеска, но, казалось мне, еще более исполнились огня и выражения. Николай Васильевич быстро перебежал через все обычные выражения радости, неизбежные при свиданиях, и тотчас заговорил о своих петербургских делах. Известно, что после издания своих «Сочинений», Гоголь жаловался на путаницу в денежных расчетах, которой, однако же, совсем не было: Николай Васильевич забыл только сам некоторые из своих распоряжений. Тогда уже все было

объяснено, но Николай Васильевич не желал казаться виноватым и говорил еще с притворным неудовольствием о хлопотах, доставленных ему всеми этими расчетами. Затем он объявил, что через два-три дня едет в Остенде купаться, а покамест пригласил меня в Тюльерийский сад, куда ему лежала дорога. Мы отправились. На пути он подробно расспрашивал, нет ли новых сценических талантов, новых литературных дарований, какого рода и свойства они, и прибавлял, что новые таланты теперь одни и привлекают его любопытство: «старые всё уже выболтали, а всё еще болтают». Он был очень серьезен, говорил тихо, мерно, как будто весьма мало занятый своим разговором. При расставании он назначил мне вечер, когда будет дома, исполняя мое желание видеть его еще раз до отъезда в Остенде.

Вечер этот был, однако же, не совсем удачен. Я нашел Гоголя в большом обществе, в гостиной семейства, которому он сопутствовал. Николай Васильевич сидел на диване и не принимал никакого участия в разговоре, который вскоре завязался около него. Уже к концу беседы, когда зашла речь о разнице поучений, какие даются наблюдением двух разных народов, английского и французского, и когда голоса разделились в пользу того или другого из этих народов, Гоголь прекратил спор, встав с дивана и проговорив длинным, протяжным тоном: «Я вам сообщу приятную новость, полученную мною с почты». Вслед затем он вышел в другую комнату и возвратился через минуту назад с писанной тетрадкой в руках. Усевшись снова на диван и придвинув к себе лампу, он прочел торжественно, с сильным ударением на слова и заставляя чувствовать везде, где можно, букву О, новую «Речь» одного из известных духовных витий наших. «Речь» была действительно недурна, хотя нисколько не отвечала на возникшее прение и не разрешала его нимало. По окончании чтения молчание сделалось всеобщим; никто не мог связать, ни даже отыскать нить прерванного разговора. Сам Гоголь погрузился в прежнее бесстрастное наблюдение; я вскоре встал и простился с ним. На другой день он ехал в Остенде. [Июнь и июль Гоголь провел в Германии, в Остенде приехал только в августе.]

Анненков.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Карлсбад, 4 июля 1846 г.

…Покамест тебе маленькая просьба (предвестие большой, которая последует в следующем письме). Жуковскому нужно, чтобы публика была несколько приготовлена к принятию

«Одиссеи». В прошлом году я писал к Языкову о том, чем именно нужна и полезна в наше время «Одиссея» и что такое перевод Жуковского. Теперь я выправил это письмо и посылаю его для напечатания, вначале в твоем журнале, а потом во всех тех журналах, которые больше расходятся в публике, в виде статьи, заимствованной из «Современника», с оговоркой вроде следующей: «Зная, как всем в России любопытно узнать что-либо о важном труде Жуковского, выписываем письмо о ней Н. Гоголя, помещенное в таком-то номере „Современника“». Нужно особенно, чтобы в провинциях всякое простое читающее сословие знало хоть что-нибудь об этом и ждало бы с повсеместным нетерпением; а потому сообщи немедленно потом и в Пчелу, и в Инвалид, и в О. З. и даже в Б. для Ч., если примут. В Москву я сам пошлю экземпляр того же письма. [Статья «Об Одиссее, переводимой Жуковским», была напечатана в «Современнике» Плетнева и не была напечатана в других петербургских изданиях. В Москве, при посредничестве Языкова, была напечатана в «Моск. Ведомостях» 25 июля и в «Москвитянине», № 7. Впоследствии включена в «Выбранные места из переписки с друзьями».] Недели через две жди от меня просьбы другой, которую я знаю, что ты выполнишь охотно, [Поручение издания «Выбранных мест из переписки с друзьями».] а до того не негодуй на меня ни за что прежнее, что приводило тебя в недоумение. Приходит уже то время, в которое всё объяснится. Обнимаю тебя вперед, слыша сердцем, что ты меня обнимаешь так, как еще никогда не обнимал дотоле.

«Письма», III, стр. 190–191.

Н. В. Гоголь – С. П. Шевырёву

Швальбах, 26 июля 1846 г.

…Теперь приступаю к тебе с просьбою моей, весьма убедительной – напечатать второе издание «М. Д.», в том же самом виде, на такой же бумаге, в той же типографии, в том же числе экземпляров (2400, т. е. два завода) с присовокуплением только предисловия, [В этом предисловии Гоголь обращался к читателям всех «званий и сословий» с просьбой присылать ему замечания на «Мертвые Души».] которое я пришлю потом, когда печатанье будет к концу. Нужно будет его отпечатать в месяц, дабы оно могло явиться в свет никак не позже 15 сентября. Экземпляры разойдутся – это я знаю. После того голоса, который я подам от себя, перед моим отправлением на поклонение к святым местам, их станут раскупать. [Т. е. после выхода в свет «Выбранных мест».] Посылать же на цензурованье к цензору в

Петербург я не думаю, чтобы оказалась надобность, тем более что это фантастическое запрещение второго издания никогда не существовало; оно образовалось в Москве по старой охоте ее к плетенью всякого рода сплетней. Это можешь объяснить цензору, если бы он оказался малоумен, а не то предстань к Строганову и объясни ему. Если же по причине какой-либо новой бестолковщины оказалось бы так, что нужно посылать в Петербург, то пошли к Никитенке и в то же время письмо к Плетневу, чтобы он его поторопил, потому что Никитенко, при всей благосклонности и расположении ко мне, несколько ленив и может замедлить присылкой.

О получении этого письма уведомь, равно как и о распоряжениях, адресуя во Франкфурт, на имя Жуковского.

«Письма», III, стр. 197.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Швальбах, 30 июля 1846 г.

Наконец моя просьба! Ее ты должен выполнить, как наивернейший друг выполняет просьбу своего друга. Все свои дела в сторону и займись печатанием этой книги, под названием «Выбранные места из переписки с друзьями». Она нужна, слишком нужна всем; вот что́, покамест, могу сказать; всё прочее объяснит тебе сама книга. К концу ее печатания всё станет ясно, и недоразуменья, тебя доселе тревожившие, исчезнут сами собою. Здесь посылается начало. Продолжение будет посылаться немедленно. Жду возврата некоторых писем еще, но за этим остановки не будет, потому что достаточно даже и тех, которые мне возвращены. [Подлинная «переписка с друзьями» была лишь отчасти использована в книге, почти все «письма» написаны для этой книги впервые.] Печатание должно происходить в тишине: нужно, чтобы кроме цензора и тебя, никто не знал. Цензора избери Никитенку: он ко мне благосклоннее других; к нему я напишу слова два. Возьми с него также слово никому не сказывать о том, что выйдет моя книга. Ее нужно отпечатать в месяц, чтоб к половине сентября она могла уже выйти. Печатать на хорошей бумаге, в 8 долю листа средн. формата, буквами четкими и легкими для чтения, размещение строк такое, как нужно для того, чтобы книга наиудобнейшим образом читалась. Ни виньеток, ни бордюров никаких; сохранить во всем благородную простоту. Фальшивых титулов перед каждой статьей не нужно; достаточно, чтобы каждая начиналась на новой странице и был бы просторный пробел от заглавия до текста. Печатай два завода и готовь бумагу для второго издания, которое,

по моему соображенью, воспоследует немедленно: книга эта разойдется более, чем все мои прежние сочинения, потому что это до сих пор моя единственная дельная книга. [Расчеты Гоголя были ошибочны: второго издания книги не понадобилось.] Вслед за прилагаемою при сем тетрадью будешь получать безостановочно другие. Надеюсь на бога, что он подкрепит меня в сей работе.

«Письма», III, стр. 197–198.

Н. М. Языков – Н. В. Гоголю

Москва, 10 августа 1846 г.

Вот тебе списки с твоих писем, тобою желаемые. [Письма к Языкову были использованы (кроме статьи об «Одиссее») для статей «Карамзин» и «Предметы для лирического поэта в нынешнее время».] Пакет вышел таки толстый, несмотря на мелкописную рукопись.

Твоя статья об «Одиссее», переведенной Жуковским, уже напечатана в «Московских Ведомостях» и в «Современнике». В «Москвитянине» тоже будет, но когда – не знаю. «Как мне быть с Москвитянином? – говорит Студитский, [Алдр. Ефим. Студитский – сотрудник „Москвитянина“, критик и переводчик. В 1845 г. временно редактировал „Москвитянин“.] которому Погодин поручил издавать его, – Михаил Петрович не оставил мне денег на издание, а типография в долг не верит?» – Твоя статья нравится всем нашим и радует их, – статья сильно и прекрасно написанная! Восстают против нее только духи тьмы – наплевать на них! Черт с ними!

Получил ли ты «Брынский Лес»? [Роман Загоскина (1845).] и как тебе он нравится? Получаешь ли ты «Современник»? Прочти в нем статью Чижова Овербек… [Овербек (1789–1896) – немецкий художник религиозного направления.]

…Панов собирает второй том «Сборника Московского». [«Московский сборник» – непериодический орган славянофилов.] Что если бы прислал в него хоть малую толику? Как бы освежил и оживил его и всю нашу братию!

Ты продолжай ко мне писать отовсюду на Кузнецкий мост в дом Хомякова. [А. С. Хомяков был женат на сестре Языкова.] Прощай покуда.

Твой Н. Языков.

«Русская Старина», 1889, № 1, стр. 251–252.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Франкфурт, 16 октября 1846 г.

Тороплюсь отправить тебе пятую заключительную тетрадь. Так устал, что нет мочи: всилу сладил, особенно со статьей о поэзии, [«В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность».] которую в три эпохи мои писал и вновь сожигал, и наконец теперь написал, потому именно, что она необходима моей книге, в объяснение элементов русского человека. Без этого она бы никогда не написалась: так мне трудно писать что-нибудь о литературе. Сам я не вижу, какой стороной она может быть близка к тому делу, которое есть мое кровное дело. Скорбно мне слышать происшедшие неустройства от медленности Никитенки. Но чем же виноват я, добрый друг мой? я выбрал его потому, что знал его все-таки за лучшего из других и притом, видя это имя, выставляемое у тебя на «Современнике», я думал, что ты с ним в сношениях теснейших, чем с другими…

«Письма», III, стр. 220–221.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Франкфурт, 8/20 окт. 1846 г.

…По выходе книги, приготовь экземпляры и поднеси всему царскому дому до единого, не выключая и малолетних – всем великим князьям: детям наследника, детям Марьи Николаевны, всему семейству Михаила Павловича. [Михаил Павлович (1798–1849) – брат Николая I.] Ни от кого не бери подарков и постарайся от этого вывернуться, скажи, что поднесенье этой книги есть выражение того чувства, которого я сам не умею себе объяснить, которое стало в последнее [время] еще сильнее, чем было прежде, вследствие которого всё относящееся к их дому стало близко моей душе, даже со всем тем, что́ ни окружает их, и что поднесением этой книги им я уже доставляю удовольствие себе, совершенно полное и достаточное; что, вследствие и болезненного своего состояния, и внутреннего состояния душевного, меня не занимает всё то, что может еще шевелить и занимать человека, живущего в свете. Но если кто из них предложит от себя деньги на вспомоществование многим тем, которых я встречу идущих на поклонение к святым местам, то эти деньги бери смело…

«Письма», III, стр. 224.

С. П. Шевырёв – Н. В. Гоголю

Москва, 29 октября 1846 г.

…Ты хочешь от меня вестей о том, что́ здесь говорят о тебе.

Когда я слушаю эти вести, всегда вспоминаю город NN в «М[ертвых] Душах» и толки его о Чичикове. Глубоко ты вынул все это из нашей жизни, которая чужда публичности. Если желаешь, пожалуй – я тебе все это передам. Ты, кажется, так духовно вырос, что стоишь выше всего этого. Начну с самых невыгодных слухов. Говорят иные, что ты с ума сошел. Меня встречали даже добрые знакомые твои такими вопросами: «Скажите, пожалуйста, правда ли это, что Гоголь с ума сошел?» – «Скажите, сделайте милость, точно ли это правда, что Гоголь с ума сошел?» – Прошлым летом тебя уж было и уморили, и даже сиделец у банкира, через которого я к тебе отправлял иногда деньги, спрашивал у меня с печальным видом: правда ли то, что тебя нет уже на свете? – Письмо твое к Жуковскому было напечатано кстати и уверило всех, что ты здравствуешь. [«Об Одиссее, переводимой Жуковским».] Письмо твое вызвало многие толки. Розен восстал на него в Северной Пчеле такими словами: если Илиаду и Одиссею язычник мог сочинить, что гораздо труднее, то, спрашивается, зачем же нужно быть христианином, чтобы их перевести, что гораздо легче. Многие находили это замечание чрезвычайно верным, глубокомысленным и остроумным. Более снисходительные судьи о тебе сожалеют о том, что ты впал в мистицизм. Сенковский в Б[иблиотеке] д[ля] Ч[тения] даже напечатал, что наш Гомер, как он тебя называет, впал в мистицизм. Говорят, что ты в своей Переписке, которая должна выйти, отрекаешься от всех своих прежних сочинений, как от грехов. Этот слух огорчил даже всех друзей твоих в Москве. Источник его – петерб[ургские] сплетни. Содержание книги твоей, которую цензуровал Никитенко, оглашено было как-то странно и достигло сюда. Боятся, что ты хочешь изменить искусству, что ты забываешь его, что ты приносишь его в жертву какому-то мистическому направлению. Книга твоя должна возбудить всеобщее внимание; но к ней приготовлены уже с предубеждением против нее. Толков я ожидаю множество бесконечное, когда она выйдет. Сочинения твои все продолжают расходиться. Скопляется порядочная сумма. Я не тороплюсь исполнять твое поручение. Еще будет время. Аксакову письмо я доставил. Он страдает глазами. Погодин только что возвратился из славянских земель. Прощай. Обнимаю тебя.

Твой С. Шевырев.

Прибавлю еще к сказанному, что если бы вышла теперь вторая половина «М[ертвых] Душ», то вся Россия бросилась бы на нее с такою жадностью, какой еще никогда не было. Публика устала от жалкого состояния современной литературы. Журналы все запрудили пошлыми переводами пошлых романов и своим

неистовым болтаньем. Странст[вующий] Жид [Роман Эжена Сю (1804–1857), писавшего в эти годы в известной зависимости от идей утопического социализма. Роман появился в 1844–1845 гг. и тогда же был дан в приложении к «Библиотеке для чтения».] был самым любоп[ытным] явлением. Три книгопродавца соревновали о нем. Ходебщики Логинова таскали за ноги Вечного Жида по всем углам России. Ты думал о том, как бы Россия стала читать Одиссею. Нет, если хочешь взглянуть на существенность, подумай о том, как Россия читает Вечного Жида, Мартина Найденыша, Графа Монте-Кристо, Сына Тайны и пр., и пр., и пр. [«Мартин-Найденыш или записки камердинера» – роман Э. Сю (русский перев. 1847 г.). «Граф Монте-Кристо» – исторический роман Александра Дюма-отца (1803–1870; русский перев. 1845 г.); «Сын тайны» (правильнее «Сын дьявола») – роман Поля Феваля (1817–1887; русский перевод 1847 г.).] Не худо заглядывать иногда во все это. Не пора ли дать ей получше пищи? Может быть, она и приготовлена в Петербурге. Твоей новой книги еще не знаю. Но мы ждем от тебя художеств[енных] созданий. Я думаю, что в тебе совершился великий переворот и, может быть, надо было ему совершиться, чтобы поднять вторую часть «М[ертвых] Душ». О, да когда же ты нам твоим творческим духом раскроешь глубокую тайну того, что так велико и свято и всемирно на Руси нашей. Ты приготовил это исповедью наших недостатков, ты и доверши.

Отчет ПБЛ за 1893 г., П., 1896, стр. 33–39.

Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину

Страсбург, 24 окт. 1846 г.

Михал Семенович! Вот в чем дело: вы должны взять в свой бенефис «Ревизора» в его полном виде, то есть, следуя тому изданию, которое напечатано в полном собрании моих сочинений, с прибавлением хвоста, посылаемого мною теперь. [«Развязка Ревизора».] Для этого вы сами непременно должны съездить в Петербург, чтобы ускорить личным присутствием ускорение цензурного разрешения. Не знаю, кто театральный цензор. Если тот самый Гедеонов, который был в Риме с графом Васильевым и с которым я там познакомился, то попросите его от моего имени крепко. Во всяком случае, обратитесь по этому делу к Плетневу и гр. М. Ю. Виельгорскому, которым всё объясните и которых участие может оказаться нужным. Скажите как им, так и себе самому, чтобы это дело, до самого представления, не разглашалось и оставалось бы в тайне между вами. Хлестакова должен играть Живокини. Дайте непременно от себя мотив другим актерам, особенно Бобчинскому и Добчинскому.

Постарайтесь сами сыграть перед ними некоторые роли. Обратите особенное внимание на последнюю сцену. Нужно непременно, чтобы она вышла картинной, и даже потрясающей. Городничий должен быть совершенно потерявшимся и вовсе не смешным. Жена и дочь в полном испуге должны обратить глаза на его одного. У смотрителя училища должны трястись колени сильно; у Земляники также. Судья, как уже известно, с присядкой; почтмейстер, как уже известно, с вопросительным знаком к зрителям. Бобчинский и Добчинский должны спрашивать глазами друг у друга объяснения этому всему. На лицах дам-гостей ядовитая усмешка, кроме одной жены Лукунчика, которая должна быть вся испуг, бледна, как смерть, и рот открыт. Минуту или минуты две непременно должна продолжаться эта немая сцена, так чтобы Коробкин, соскучившись, успел попотчевать Растаковского табаком, а кто-нибудь из гостей даже довольно громко сморкнуть в платок. Что же касается до прилагаемой при сем «Развязки Ревизора», которая должна следовать тот же час после «Ревизора», то вы, прежде чем давать ее разучать актерам, вчитайтесь хорошенько в нее сами, войдите в значенье и крепость всякого слова, всякой роли так, как бы вам пришлось все эти роли сыграть самому, и когда войдут они вам в голову все, соберите актеров и прочитайте им, и прочитайте не один раз, прочитайте раза три-четыре или даже пять. Не пренебрегайте, что роли маленькие и по нескольку строчек. Строчки эти должны быть сказаны твердо, с полным убеждением в их истине, потому что это – спор, и спор живой, а не нравоученье. Горячиться не должен никто, кроме, разве, Семена Семеновича; но слова произносить должен всяк несколько погромче, как в обыкновенном разговоре, потому что это спор. Николай Николаич должен быть даже отчасти криклив, Петр Петрович – с некоторым заливом. Вообще было бы хорошо, если бы каждый из актеров держался сверх того еще какого-нибудь ему известного типа. Играющему Петра Петровича нужно выговаривать свои слова особенно крупно, отчетливо, зернисто. Он должен скопировать того, которого он знал говорящего лучше всех по-русски. Хорошо бы, если бы он мог несколько придерживаться американца Толстого. Николаю Николаичу должно, за неимением другого, придерживать[ся] Ник. Филипповича Пав[лова], потому что у него самый ровный и пристойный голос из всех наших литераторов; притом в него не трудно попасть. Самому Семену Семеновичу нужно дать более благородную замашку, чтобы не сказали, что он взят с Николая Михалов. Заг[оскина]. [Следует – Михаила Николаевича] Вам же вот замечание. Старайтесь произносить все ваши слова как можно тверже и покойней, как бы вы говорили о самом простом, но

весьма нужном деле. Храни вас бог слишком расчувствоваться. Вы расхныкаетесь, и выйдет у вас черт знает чтó. Лучше старайтесь так произнести слова, хотя самые близкие к вашему собственному состоянию душевному, чтобы зритель видел, что вы стараетесь удержать себя от того, чтобы не заплакать, а не в самом деле заплакать. Впечатление будет от этого несколько раз сильней. Старайтесь заблаговременно, во время чтения своей роли, выговаривать твердо всякое слово простым, но пронимающим языком, – почти так, как начальник артели говорит своим работникам, когда выговаривает им или попрекает в том, в чем действительно они провиноватились. Ваш большой порок в том, что вы не умеете выговаривать твердо всякого слова. От этого вы неполный владелец собою в своей роли. В городничем вы лучше всех ваших других ролей, именно потому, [что] почувствовали потребность говорить выразительней. Будьте же и здесь, и в «Развязке Ревизора», тем же городничим. Берегите себя от сентиментальности и караульте сами за собою. Чувство явится у вас само собою; за ним не бегайте; бегайте за тем, как бы стать властелином себя. Обо всем этом не сказывайте никому в Москве, кроме Шевырева, по тех пор, покуда не возвратитесь из Петербурга. У вас язык немножко длинноват; вы его на этот раз поукоротите. Если ж он начнет слишком почесываться, то вы придите в другой раз к Шевыреву и расскажите ему вновь, как бы вы рассказывали свежему и совсем другому человеку. «Развязку» нужно будет переписать, потому что кроме экземпляра, нужного для театральной цензуры, другой будет нужен для подписания цензору Никитенке, которому отдаст Плетнев, ибо «Ревизор» должен напечататься отдельно с «Развязкой» ко дню представления и продаваться в пользу бедных, о чем вы, при вашем вызове, по окончании всего, должны возвестить публике, что не благоугодно ли ей, ради такой богоугодной цели, сей же час по выходе из театра купить «Ревизора» в театральной же лавке; а кто разохотится дать больше означенной цены, тот бы покупал ее прямо из ваших рук для большей верности. А вы эти деньги потом препроводите к Шевыреву, но об этом речь еще впереди. Довольно с вас покамест этого. Итак, благословясь, поезжайте с богом в Петербург. Бенефис ваш будет блистателен. Не глядите на то, что пиеса заиграна и стара. Будет к этому времени такое обстоятельство, что все пожелают вновь увидать «Ревизора», даже и в том виде, в каком он давался прежде. [Расчет на впечатление от «Выбранных мест».] Сбор ваш будет с верхом полон. Поговорите с Сосницким, чтобы увидать, можно ли то же самое сделать и в Петербурге сколько возможно, таким образом, как в Москве. Прежде его испытайте: он немножко упрям

в своих убеждениях. Скажите ему, что это стыдно и не в христианском духе иметь такое гордое мнение о своей безошибочности и что он первый, если бы только захотел истинно постараться о том, чтобы последняя сцена вышла так, как ей следует быть, она бы сделалась чистая натура. Не приметил бы зритель никакой искусственности и принял бы ее за вылившуюся непринужденно. Скажите ему, что для русского человека нет невозможного дела, что нет даже на языке его и слова нет, если он только прежде выучился говорить всяким собственным страстишкам: нет. Письмо это дайте прочесть Шевыреву, также, как и самую «Развязку Ревизора», и о получении всего этого уведомьте меня тот же час, адресуя в Неаполь poste restante.

Весь ваш Г.

«Письма», III, стр. 229–232.

Н. В. Гоголь – И. И. Сосницкому

Ницца, 2 ноября 1846 г.

Если вы уже всё узнали от Щепкина и решились сделать дело вас достойное, добрейший мой Иван Иванович, то присоединяю еще две-три строчки моей убедительнейшей просьбы. Обратите ваше внимание на последнюю сцену «Ревизора». Обдумайте, обмыслите вновь. Из заключительной пиесы, «Развязка Ревизора», вы постигнете, почему я так хлопочу об этой последней сцене и почему мне так важно, чтоб она имела полный эффект. Я уверен, что вы взглянете сами другими глазами на «Ревизора» после этого заключения, которого мне, по многим причинам, нельзя было тогда выдать и только теперь возможно. Употребите все ваши силы, чтоб «Ревизор» был обставлен со всех сторон и вполне хорошо, чтоб все актеры сделали свое дело вполне хорошо. Вы сделаете этим дело не только доброе, но истинно христианское. (Продажа «Ревизора» в новом виде с «Развязкой» назначена в пользу бедных, а вы игрой своей и обстановкой можете возвысить его продажу.) Не поленитесь сыграть сами предуготовительно перед актерами роль Хлестакова, которую, кроме вас, решительно никто не может выполнить. Вы можете этим дать им раз навсегда мотив. Теоретически из них никто не может понять, что эту роль непременно нужно сыграть в виде светского человека comme il faut, [«Порядочного» (в светском смысле слова).] вовсе не с желанием сыграть лгуна и щелкопера, но, напротив, с чистосердечным желанием сыграть роль чином выше своего собственного, но так, чтобы вышло само собою, в итоге всего: – и лгунишка, и подляшка, и трусишка, и щелкопер во всех отношениях. Все это вы можете внушить им только одной игрой

своей, а словами и наставленьями не сделаете ничего, как бы ни убедительно им рассказывали. Сами знаете, что второклассные актеры передразнить характер еще могут, но создать характера не могут; насилуя себя произвести последнее, они станут даже ниже самих себя. Потому-то пример, вами данный, более наведет их на законную дорогу, чем их собственное рассуждение. Что же касается до игры в последней пиесе, то есть в пиесе «Развязка Ревизора», то насчет этого прочтите мои строки в письме к Щепкину…

«Письма», III, стр. 232–233.

А. М. Гедеонов – П. А. Плетневу

Пб., ноябрь 1846 г.

Милостивый государь, Петр Александрович!

Получив предполагаемую для бенефиса московского актера Щепкина новую сцену Гоголя под названием «Развязка Ревизора», совершенно другою дорогою против того порядка, какой в этих случаях вообще по дирекции существует, я полагал, что ваше превосходительство изволите принимать в этом деле особенное участие, и потому, чтобы узнать положительнее ваше намерение и по возможности сделать вам угодное, я только с этим предположением и обратился к вам, милостивый государь, с известным вопросом, принятым вами, к искреннему моему сожалению, в другом смысле. [Плетнев в письме от 31 октября 1846 г. просил Гедеонова о разрешении «Развязки». Гедеонов ответил 6 ноября письмом, содержание которого повторяет здесь. Ответное письмо Плетнева не дошло, и в каком «другом смысле» принял он вопрос Гедеонова – неизвестно.]

Что же касается собственно до пиесы, то должен сказать, что по принятым правилам при императорских театрах, исключающих всякого рода одобрения артистов – самими артистами, а тем более венчания на сцене, она в этом отношении не может быть допущена к представлению.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

А. Гедеонов.

«Переписка Грота с Плетневым», т. II, стр. 961–962.

С. П. Шевырев – П. А. Плетневу

Москва, 6 ноября 1846 г.

Милостивый государь, Петр Александрович!

Не могу не откликнуться вам сейчас же на ваше письмо, которое потрясло меня вчера. Благодарю, благодарю вас и за себя

и за Гоголя, и за всех любящих его. Вы один только в наше время можете делать то, что вы для него делаете. Никитенко потерял и последнее достоинство в моих глазах. Я считал его благородным цензором и благородным человеком, но он, как видно, ни то, ни другое. Какое же право он имел оглашать рукописи, которые вверяются ему для прочтения? [«Выбранные места из переписки с друзьями».] Неужели и общественное мнение против этого не действует? С одной стороны, Никитенко притесняет Гоголя, а с другой – он и его ватага распускают и в Петербурге, и в Москве самые странные о нем слухи. Эти люди не действуют без умысла. Но притеснения Никитенки будут оглашены и здесь. Слухам о Гоголе верить нельзя, пока не выйдет книга. Здесь уже хоронят его литературный талант; говорят, что он отказывается от всех своих сочинений, как от грехов (хотя и печатает вторым изданием «Мертвые Души» и «Ревизора»); посягают даже на благородство его мнений. Не говорю уже о дальнейших толках, что он подпал влиянию иезуитов, что он сошел с ума. Город NN в «Мертвых Душах» с своими толками о Чичикове здесь в лицах. Источник всего этого главный – собрания у Никитенки и его цензурная нескромность. Противодействовать этому может только самый выход книги и издание «Мертвых Душ». Тогда будут данные, по которым публика сама рассудит Гоголя. Я понимаю, что решительное изъявление мнений, которые в нем не новы, но только созрели, могло озлобить всю эту партию и вызвать ее на такие действия против прежнего ее любимца. Понимаю, как она может против Гоголя неистовствовать; но я никак не мог вообразить, чтобы она могла унизиться до таких подлых против него действий. Вы не поверите, с какою жадностью хотел бы я прочесть то, что уже напечатано. Если это не нескромная просьба, то сделайте милость, перешлите мне хоть корректурные листы того, что уже напечатано. Вы можете быть уверены в моей осторожности, но надобно же какое-нибудь противодействие, основанное на данных, а до сих пор все эти данные были в руках только одной стороны, кроме вас, – стороны враждебной обнаруженным мнениям Гоголя.

Здесь есть вестовщики, которые явно всем рассказывают, что они читали рукопись Гоголя у Никитенки, что там прочли они ужасы; цитуются места, фразы. Первое письмо ваше несколько успокоило толки в кругу мне знакомых.

Объявляют за важную весть, что Белинский, который будет заведывать критикой Современника, изменил уже свое мнение о Гоголе и напечатает ряд статей против него. [23 октября 1846 г. «Современник» был арендован И. И. Панаевым и Н. А. Некрасовым; из «От. Записок» в «Современник» перешел

Белинский. «Важная весть» была, конечно, вздорной; но к «Выбранным местам» Белинский отнесся, как и следовало ожидать, резко, отрицательно.] Это послужит только к чести Гоголя – и давно пора ему для славы своей скинуть с себя пятно похвал и восклицаний, которые приносил ему Белинский.

«Переписка Грота с Плетневым», т. II, стр. 962.

С. Т. Аксаков – П. А. Плетневу

Москва, около 25 ноября 1846 г.

Милостивый государь Петр Александрович! Хотя я виделся с вами только один раз в жизни, но у нас с вами так много общих друзей, мнений и оснований, что я пишу к вам, как к старинному приятелю. Вы, вероятно, так же, как и я, заметили с некоторого времени особенное религиозное направление Гоголя; впоследствии оно стало принимать характер странный, и наконец, достигло такого развития, которое я считаю если не умственным, то нервным расстройством. Вы верно получили предуведомление к 4 или 5 изданию Ревизора, а также новую его развязку. Всё это так ложно, странно и даже нелепо, что совершенно не похоже на прежнего Гоголя, великого художника. Я слышал, что вы печатаете какое-то его сочинение, в котором также много подобных несообразностей: книга еще не вышла, а неблагоприятные слухи уже бродят по всей России, и уже ваш литературный совестдрал, барон Брамбеус, торжественно объявил, что Гомер впал в мистицизм. Если вы, хотя не вполне, разделяете мое мнение, то размыслите, ради бога, неужели мы, друзья Гоголя, спокойно предадим его на поругание многочисленным врагам и недоброжелателям. Если милосердый бог возвратит Гоголю прежнее его духовное и телесное здравие и он спросит нас: «Друзья мои, я был болен, но где же был ваш рассудок?» – что мы станем отвечать ему?

Итак, мое мнение состоит в следующем: книгу, вероятно вами уже напечатанную, если слухи о ней справедливы, не выпускать в свет, а предуведомление к Ревизору и новой его развязки совсем не печатать; вам, мне и С. П. Шевыреву написать к Гоголю с полною откровенностью наше мнение. Если он его не послушает, то мы откажемся от его поручений, пусть он находит себе других исполнителей. По крайней мере, мы сделаем, что можем.

Почти уже два месяца я страдаю такою мучительною болезнью, что и теперешнее письмо мое есть торжество дружбы над физическою болью. Более диктовать не в силах.

Примите уверение в душевном почтении и преданности вашего покорнейшего слуги.

Сергей Аксаков. [Плетнев не согласился с Аксаковым и продолжал издание книги, которой вполне сочувствовал.]

«Русская Старина», 1887, янв., стр. 249–250.

Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину

Неаполь, 16 декабря 1846 г.

Вы уже, без сомнения, знаете, Михал Семенович, что «Ревизора с Развязкой» следует отложить до вашего бенефиса в будущем 1848 году. [Вероятно, описка – вместо «1847».] На это есть множество причин, часть которых, вероятно, вы и сами проникаете. [Шевырев в письме от 29 октября отговорил Гоголя от постановки «Развязки», указывая на неловкое положение, в какое попал бы бенефициант Щепкин в сцене возложения венка. Позже отрицательно отозвался о «Развязке» и сам Щепкин (см. ниже). Письма Плетнева (от 3 дек. н. с.) с известием о запрещении «Развязки» Гоголь к этому времени еще не получил.] Во всяком случае, я этому рад. Кроме того, что дело будет не понято публикою нашей в надлежащем смысле, оно выйдет просто дрянь от дурной постановки пиесы и плохой игры наших актеров. «Ревизора» нужно будет дать так, как следует (сколько-нибудь сообразно тому, чего требует, по крайней мере, автор его), а для этого нужно будет время. Нужно, чтобы вы переиграли хотя мысленно все роли, услышали целое всей пиесы и несколько раз прочитали бы самую пиесу актерам, чтобы они таким образом невольно заучили настоящий смысл всякой фразы, который, как вы сами знаете, вдруг может измениться от одного ударения, перемещенного на другое место или на другое слово. Для этого нужно, чтобы прежде всего я прочел вам самому «Ревизора», а вы бы прочли потом актерам. Бывши в Москве, я не мог читать вам «Ревизора». Я не был в надлежащем расположении духа, а потому не мог даже суметь дать почувствовать другим, как он должен быть сыгран. Теперь, слава богу, могу. Погодите, может быть, мне удастся так устроить, что вам можно будет приехать летом ко мне, [потому что] мне ни в каком случае нельзя заглянуть в Россию раньше окончания работы, которую нужно кончить. Может быть, вам также будет тогда сподручно взять с собою и какого-нибудь товарища, более других толкового в деле. А до того времени вы все-таки не пропускайте свободного времени и вводите, хотя понемногу, второстепенных актеров в надлежащее существо ролей, в благородный, верный такт разговора, понимаете ли, чтобы не слышался фальшивый звук. Пусть из них никто не оттеняет своей роли и не кладет на нее красок и колорита, но пусть услышит общечеловеческое ее выражение и

удержит общечеловеческое благородство речи. Словом, изгнать вовсе карикатуру и ввести их в понятие, что нужно не представлять, а передавать, передавать прежде мысли, позабывши странность и особенность человека. Краски положить нетрудно; дать цвет роли можно и потом; для этого довольно встретиться с первым чудаком и уметь передразнить его; но почувствовать существо дела, для которого призвано действующее лицо, трудно, и без вас никто сам по себе из них этого не почувствует. Итак, сделайте им близким ваше собственное ощущение, и вы сделаете этим истинно доблестный подвиг в честь искусства. А между тем напишите мне (если книга моя «Выбран. места из переписки» уже вышла и в ваших руках) ваше мнение о статье моей «О театре и одностороннем взгляде на театр», не скрывая ничего и не церемонясь ни в чем, равным образом как и обо всей книге вообще. Чтó ни есть в душе, всё несите и выгружайте внаружу. Адресуйте в Неаполь, в poste restante.

«Письма», III, стр. 294–296.

П. А. Плетнев – Н. В. Гоголю

Петербург, 1/13 янв. 1847 г.

Вчера совершено великое дело: книга твоих писем пущена в свет. Но это дело совершит влияние свое только над избранными; прочие не найдут себе пищи в книге твоей. А она, по моему убеждению, есть начало собственно русской литературы. Всё до сих пор бывшее мне представляется как ученический опыт на темы, выбранные из хрестоматии. Ты первый со дна почерпнул мысли и бесстрашно вынес их на свет. Обнимаю тебя, друг. Будь непреклонен и последователен. Чтó бы ни говорили другие – иди своею дорогой. Теперь только ты нажил себе настоящих врагов и противников. Но тем лучше. Без них дело всё тянется и свертывается. Однако же помни: как божие творение неисчислимо разнообразно, так и проповедь, начатая во славу бога, должна быть отражением его творения. Переменяй предметы воззрений, краски языка и формы статей; но от всего нисходи к одному – к очищению души от мирской скверны. В том маленьком обществе, в котором уже шесть лет живу я, ты стал теперь гением помыслов и деяний. Только, повторяю, не везде будет оказан этот прием твоей книге. Страшно подумать – а это выйдет, что у многих не достанет сил кончить ее. Но она должна возвестить истину о нас и за пределами России. Оттуда научат нас ценить собственное сокровище наше, как это совершается и над всем в мире искусств…

«Русский Вестник», 1890, № 11, стр. 42.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Неаполь, 6 февраля 1847 г.

Я получил твое письмо с известием о выходе моей книги. Зачем ты называешь великим делом появление моей книги? Это и неумеренно, и несправедливо. Появление моей книги было бы делом не великим, но точно полезным, если бы всё уладилось и устроилось как следует. Теперь же, сколько могу судить по числу страниц, тобою объявленных в письме, не пропущено больше половины и притом той существенной полови[ны], для которой была предпринята вся книга, да к тому (как ты замечаешь глухо) вымарано даже и в пропущенных множество мест. [Цензура совершенно запретила 5 статей («Нужно любить Россию», «Нужно проездиться по России», «Что такое губернаторша», «Страхи и ужасы России» и «Занимающему важное место» и произвела купюры в ряде статей; особенно пострадали «О лиризме наших поэтов» и «Исторический живописец Иванов».] В таком случае уже лучше было бы придержать книгу. На книгу мою ты глядишь как литератор, с литературной стороны; тебе важно дело собственно литературное. Мне важно то дело, которое больше всего щемит и болит в эту минуту. Ты не знаешь, чтó делается на Руси внутри, какой болезнью там изнывает человек, где и какие вопли раздаются и в каких местах. Тепло, живя в Петербурге, наслаждаться с друзьями разговорами об искусстве и о всяких высших наслаждениях. Но когда узнаешь, что есть такие страдания человека, от которых и бесчувственная душа разорвется; когда узнаешь, что одна капля, одна росинка помощи в силах пролить освежение и воздвигнуть дух падшего, тогда попробуй перенести равнодушно это уничтожение писем. Ты не знаешь того, какой именно стороной были полезны мои письма тем, к которым они писались; ты души человека не исследовал, не разоблачал как следует ни других, ни себя самого перед самим собою; а потому тебе и невозможно всего того почувствовать, чтó чувствую я. Странны тебе кажутся и самые слова эти. С меня сдирают не только рубашку, но и самую кожу, но это покуда слышу только один я, а тебе кажется, что с меня просто снимают одну шинель, без которой, конечно, холодно, но все же не так, чтобы нельзя было без нее обойтись. В бестолковщине этого дела по части цензуры, конечно, я виноват, а не кто другой. Мне бы следовало ввести с самого начала в подробное сведение всего этого графа Михаила Юрьевича Виельгорского: он бы давно довел до сведения государя о непропущенных статьях. Это добрая и великодушная душа, не говоря уже о том, что он мне родственно близок по душевным отношениям ко мне всего семейства своего.

Он, назад тому еще месяц, изъяснил государю такую мою просьбу, которой, верно, никто бы другой не отважился представить, просьба эта была гораздо самонадеяннее нынешней, и ее бы вправе был сделать уже один слишком заслуженный государственный человек, а не я. И добрый государь принял ее милостиво, расспрашивал с трогательным участием обо мне и дал повеление канцлеру написать во все места, начальства и посольства за границей, чтобы оказывали мне чрезвычайное и особенное покровительство повсюду, где буду ездить, или проходить в моем путешествии. [В Ерусалим.] И чтобы этот самый государь отказался бросить милостиво благосклонные взгляды на статьи мои, не хочу я и верить этому. Перепиши всё набело, что не пропущено цензурой, вставь все те места, которые замараны красными чернилами Никитенка и подай всё, не пропуская ничего, Михаилу Юрьевичу. Я не успокоюсь до тех пор, пока это дело не будет сделано как следует, иначе оно у меня не сделано. [Плетнев нашел неудобным хлопотать о восстановлении запрещенных мест. Полный текст был впервые опубликован в 1867 г. во 2-м издании наследников, редактированном Ф. В. Чижовым.]

«Письма», III, стр. 344–346.

Н. В. Гоголь – А. О. Смирновой

Неаполь, 22 февраля 1847 г.

Как мне приятно было получить ваши строчки, моя добрая Александра Осиповна. Ко мне мало теперь пишут: с появления моей книги еще никто не писал ко мне. Кроме коротких уведомлений, что книга вышла и производит разнообразные толки, я ничего еще не знаю, – какие именно толки, не знаю, не могу даже и определить их вперед, потому что не знаю, какие именно из моих статей пропущены, а какие не пропущены. От Плетнева я получил только вместе с уведомлением о выходе книги и об отправленьи ко мне уведомленье, что больше половины не пропущено, статьи же пропущенные обрезаны немилосердно цензурою. Вся цензурная проделка для меня покамест темна и не разгадана. Знаю только то, что цензор был, кажется, в руках людей так называемого европейского взгляда, одолеваемых духом всякого рода преобразований, которым было неприятно появленье моей книги. [Напротив, цензура и в реакционнейшей книге Гоголя усмотрела «дух всякого рода преобразований».] Я до сих пор не получал ее и даже боюсь получить. Как ни креплюсь, но, признаюсь вам, мне будет тяжело на нее взглянуть. Всё в ней было в связи и в последовательности

и вводило постепенно читателя в дело – и вся связь теперь разрушена! Будьте свидетелем моей слабости душевной и моего неуменья переносить. Всё, что́ для иных людей трудно переносить, я переношу уже легко с божьей помощью, и не умею только переносить боли от цензурного ножа, который бесчувственно отрезывает целиком страницы, написанные от чувствовавшей души и от доброго желания. Весь слабый состав мой потрясается в такие минуты. Точно как бы пред глазами [матери] зарезали ее любимейшее дитя – так мне тяжело бывает это цензурное убийство. И сделал тот самый цензор, который благоволил к моим произведениям, [А. В. Никитенко.] боясь, по его собственному выражению, произвести и царапинку на них. Плетнев приписывает это его глупости, но я этому не совсем верю: человек этот не глуп. Тут есть что-то, по крайней мере для меня, непонятное. Я просил Виельгорского и Вязем[ского] пересмотреть внимательно все непропущенные статьи, и, уничтоживши в них всё, что покажется им неприличным и неловким, представить их на суд дальше. Если и государь скажет, что лучше не печатать их, тогда я почту это волей божьей, чтобы не выходили в публику эти письма, по крайней мере, мне будет хоть какое-нибудь утешение в том, когда я узнаю, что письма были читаны теми, которым, точно, дорого благосостояние и добро России, что хотя крупица мыслей, в них находящихся, произвела благодетельное влияние, что семя, может быть, будущего плода заронилось вместе с ними в сердца. Письма эти были к помещикам, к должностным людям, письмо к вам о том, что может делать губернаторша, попало также туда, а потому вы не удивляйтесь, что оно пришлось вам не совсем кстати: я написал его вам, уже имея в виду многих других. [«Что такое губернаторша». Это письмо было запрещено цензурой и появилось впервые в «Современнике», 1860 г.] Я, писавши к вам, имел уже в виду многих других и желал посредством его добиться верных и настоящих сведений о внутреннем состояньи душевном люда, живущего у нас повсюду. Мне это нужно; вы не знаете, как это вразумляет меня. Я бы давно был гораздо умнее нынешнего, если бы мне доставлялась верная статистика. Если бы вы доставляли мне в продолжение года хотя такие известия, какие содержатся в нынешнем вашем милом письме, на которое я вам отвечаю (хотя в нем говорится только о невозможности делать добро), то я чрез это самое к концу года пришел бы в возможность сказать вам вещи, гораздо более удобные к приведению в исполнение. У меня голова находчива, и затруднительность обстоятельств усиливает умственную изобретательность; душа же человека с каждым днем становится ясней. Но когда я не введен в

те подробности, которые другой считает незначительными, душа моя тоскует, и мне точно как будто бы душно и не развязаны мои руки. Вся книга моя долженствовала быть пробою: мне хотелось ею попробовать, в каком состоянии находятся головы и души, мне хотелось только поселить, посредством ее, в голове идеал возможности делать добро; потому что есть много истинно доброжелательных людей, которые устали от борьбы и омрачились мыслью, что ничего нельзя сделать. Идею возможности, хотя и отдаленную, нужно носить в голове, потому что с ней, как с светильником, все-таки отыщешь что-нибудь делать, а без нее вовсе останешься впотьмах. Письма эти вызвали бы ответы; ответы эти дали бы мне сведения. Мне нужно много набрать знаний; мне нужно хорошо знать Россию. Друг мой, не позабывайте, что у меня есть постоянный труд: эти самые «Мертвые Души», которых начало явилось в таком неприглядном виде. Друг мой, искусство есть дело великое. Знайте, что все те идеалы, которых напичкали в головы французские романы, могут быть выгнаны другими идеалами, и образы их можно произвести так живо, что они станут неотразимо в мыслях и будут преследовать человека в такой степени, что львицы возжелают попасть в другие львицы. Способность созданья есть способность великая, если только она оживотворена благословеньем высшим бога. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, как следует, в дело; а употребить ее, как следует, в дело я в силах только тогда, когда разум мой озарится полным знанием дела. Вот почему я с такою жадностью прошу, ищу сведений, которых мне почти никто не хочет, или ленится доставлять. Не будут живы мои образы, если я не сострою их из нашего материала, из нашей земли, так что всяк почувствует, что это из его же тела взято. Тогда только он проснется и тогда только может сделаться другим человеком.

…Пишите ко мне чаще, и говорю вам нелицемерно, что это будет с вашей стороны истинно христианский подвиг, и если хотите доброе даянье ваше сделать еще существеннее, присоединяйте к концу вашего письма всякий раз какой-нибудь очерк и портрет какого-нибудь из тех лиц, среди которых обращается ваша деятельность, чтобы я по нем мог получить хоть какую-нибудь идею о том сословии, к которому он принадлежит в нынешнем и современном виде. Например, выставьте сегодня заглавие: Городская львица, и, взявши одну из них такую, которая может быть представительницей всех провинциальных львиц, опишите мне ее со всеми ухватками – и как садится, и как говорит, и в каких платьях ходит, и какого рода львам кружит голову, словом – личный портрет во всех подробностях. Потом

завтра выставьте заглавие: «Непонятая женщина» и опишите мне таким же образом непонятую женщину. Потом: «Городская добродетельная женщина»; потом: «Честный взяточник»; потом: «Губернский лев». Словом, всякого такого, который вам покажется типом, могущим подать собою верную идею о том сословии, к которому он принадлежит. Вспомните прежнюю вашу веселость и уменье замечать смешные стороны человека, и, вооружась ими, вы сделаете для меня живой портрет, а мысль, что это вы сделаете не для праздного пересмеханья, а для добра, одушевит вас охотою рисовать с такими подробностями портреты, с какими бы вы пренебрегали прежде.

«Письма», III, стр. 364–370.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Неаполь, ок. 1 дек. 1846 г. [Из письма-статьи о «Современнике», которое Гоголь писал, не зная, что «Современник» уже перешел от Плетнева к Некрасову и Панаеву.]

…Что же касается до меня самого, то я по-прежнему не могу быть работящим и ревностным вкладчиком в твой «Современник». Ты уже сам почувствовал, что меня нельзя назвать писателем в строгом классическом смысле. Из всех тех, которые начали писать со мною вместе еще в лета моего школьного юношества, у меня менее, чем у всех других, замечались те свойства, которые составляют необходимые условия писателя. Скажу тебе, что даже в самых ранних помышлениях моих о будущем поприще моем никогда не представлялось мне поприще писателя. Столкнулся я с ним почти нечаянно. Некоторые мои наблюдения над некоторыми сторонами жизни, мне нужными для дела душевного, издавна меня занимавшего, были виной того, что я взялся за перо и вздумал преждевременно поделиться с читателем тем, чем мне следовало поделиться уже потом, по совершении моего собственного воспитанья. Мне доставалось трудно всё то, что достается легко природному писателю. Я до сих пор, как ни бьюсь, не могу обработать слог и язык свой – первые необходимые орудия всякого писателя: они у меня до сих пор в таком неряшестве, как ни у кого даже из дурных писателей, так что надо мной имеет право посмеяться едва начинающий школьник. Всё мною написанное замечательно только в психологическом значении, но оно никак не может быть образцом словесности, и тот наставник поступит неосторожно, кто посоветует своим ученикам учиться у меня искусству писать, или, подобно мне, живописать природу: он заставит их производить карикатуры. Доказательство этому можешь видеть на некоторых молодых и

неопытных подражателях моих, которые именно через это самое подражание стали несравненно ниже самих себя, лишив себя своей собственной самостоятельности. У меня никогда не было стремленья быть отголоском всего и отражать в себе действительность, как она есть вокруг нас, стремленья, которое тревожит поэта во всё продолженье его жизни и умирает в нем только с его собственной смертью. Я даже не могу заговорить теперь ни о чем, кроме того, что близко моей собственной душе. Итак, если я почувствую, что чистосердечный голос мой будет истинно нужен кому-нибудь и слово мое может принести какое-нибудь внутреннее примирение человеку, тогда у тебя в «Современнике» будет моя статья; если же нет – ее не будет, и ты на меня за это никак не гневайся.

«Письма», III, стр. 275–276.

Поражение

В. П. Боткин – П. В. Анненкову

Москва, 28 февраля 1847 г.

…Можете представить себе, какое странное впечатление произвела здесь книга Гоголя; но замечательно также и то, что все журналы отозвались о ней, как о произведении больного и полупомешанного человека; один только Булгарин приветствовал Гоголя, но таким язвительным тоном, что эта похвала для Гоголя хуже пощечины. [В «Северной Пчеле», 1847 г., № 8 Булгарин писал о Гоголе: «Последним сочинением он доказал, что у него есть сердце и чувство, и что он дурными советами увлечен был на грязную дорогу, прозванную нами натуральною школою. Отныне начинается новая жизнь для Гоголя…» и т. п.] Этот факт для меня имеет важность: значит, что в русской литературе есть направление, с которого не совратить ее и таланту посильнее Гоголя; русская литература брала в Гоголе то, что ей нравилось, а теперь выбросила его, как скорлупку выеденного яйца. Воображаю, какой удар будет напыщенному невежеству Гоголя, и ничего бы так не желал теперь, как вашей с ним встречи. Он теперь в Неаполе; говорят, что ходит каждый день к обедне и с большим усердием молится богу. Замечательно еще то, что здесь славянская партия теперь отказывается от него, хотя и сама она натолкнула на эту дорогу. Хотелось бы мне сообщить вам обстоятельно о здешних славянофилах, но эти господа так разделены в своих доктринах, так что, что голова, то особое мнение; разумеется, и в них есть правая и левая стороны, и правой стороне книга Гоголя пришлась совершенно по сердцу. [«Правая» – Языков (умер в 1846 г.), Вигель; позже к защитникам «Выбранных мест» примкнул колебавшийся вначале Шевырев (Погодин по личным причинам отнесся иначе). Из петербургских литераторов защищали «Выбранные места» Плетнев и Вяземский.]

«П. В. Анненков и его друзья». П., 1892 г., стр. 528–530.

Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову

Неаполь, 6 марта 1847 г.

Благодарю вас, мой добрый и благородный друг, за ваши упреки; от них хоть и чихнулось, но чихнулось во здравие. [Гоголь получил сразу три отрицательных отзыва о «Переписке»: в

письме С. Т. Аксакова и в пересланных им письмах Д. Н. Свербеева и его жены, Катерины Ал-дрны.] Поблагодарите также доброго Д. Н. Свербеева и скажите ему, что я всегда дорожу замечаниями умного человека, высказанными откровенно. Он прав, что обратился к вам, а не ко мне. В письме его есть, точно, некоторая жесткость, которая была бы неприлична в объяснениях с человеком, не очень коротко знакомым. Но этим самым письмом к вам он открыл себе теперь дорогу высказывать с подобной откровенностью мне самому всё то, что высказал вам. Поблагодарите также и милую супругу его за ее письмецо. Скажите им, что многое из их слов взято в соображение и заставило меня лишний раз построже взглянуть на самого себя. Мы уже так странно устроены, что до тех пор не увидим ничего в себе, покуда другие не наведут нас на это. Замечу только, что одно обстоятельство не принято ими в соображение, которое, может быть, иное показало бы им в другом виде, а именно: что человек, который с такой жадностью ищет слышать всё о себе, так ловит все суждения и так умеет дорожить замечаниями умных людей даже тогда, когда они жестки и суровы, такой человек не может находиться в полном и совершенном самоослеплении. А вам, друг мой, сделаю я маленький упрек. Не сердитесь: уговор был принимать не сердясь взаимно друг от друга упреки. Не слишком ли вы уже положились на ваш ум и непогрешительность его выводов? Делать замечания – это другое дело; это имеет право делать всякий умный человек, и даже просто всякий человек; но выводить из своих замечаний заключение обо всем человеке – это есть уже некоторого рода самоуверенность. Это значит – признать свой ум вознесшимся на ту высоту, с которой он может обозревать со всех сторон предмет. Ну, что́ если я вам расскажу след[ующую] повесть?

Повар вызвался угостить хорошим и даже необыкновенным обедом тех людей, которые сами не бывали на кухне, хотя и ели довольно вкусные обеды. Повар сам вызвался; ему никто не заказывал обеда. Он сказал только вперед, что обед его иначе будет сготовлен, и потому потребуется больше времени. Что следовало делать тем, которым обещано угощение? Следовало молчать и ожидать терпеливо. Нет, давай кричать: «Подавай обед!». Повар говорит: «Это физически невозможно, потому что обед мой совсем не так готовится, как другие обеды: для этого нужно поднимать такую возню на кухне, о которой вы и подумать не можете». Ему в ответ: «Врешь, брат!». Повар видит, что нечего делать, решился, наконец, привести гостей своих на кухню, постаравшись, сколько можно было, расставить кастрюли и весь кухонный снаряд в таком виде, чтоб из него хоть какое-нибудь

могли вывести заключение об обеде. Гости увидели множество таких странных и необыкновенных кастрюль и, наконец, таких орудий, о которых и подумать бы нельзя было, чтобы они требовались для приготовления обеда, что у них закружилась голова.

Ну что́, если в этой повести есть маленькая частица правды? Друг мой, вы видите, что дело, покуда еще темно. Хорошо делает тот, кто снабжает меня своими замечаниями, всё доводит до ушей моих, упрекает и склоняет других упрекать, но сам в то же время не смущается обо мне, а вместо того тихо молится в душе своей, да спасет меня бог от всех обольщений и самоослеплений, погубляющих душу человека. Это лучше всего, что он может для меня сделать, и, верно, бог, за такие чистые и жаркие молитвы, которые суть лучшее благодеяние, какое может сделать на земле брат брату, спасет мою душу даже и тогда, если б невозвратно одолели ее всякие обольщения. Но покуда прощайте. Передавайте мне все толки и суждения, какие откуда ни услышите – и свои, и чужие, – первые, вторые, третьи и четвертые впечатления…

«Письма», III, стр. 394–397.

Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому

Неаполь, 6 марта 1847 г.

Письмо от 6 (18) февраля, пущенное из Франкфурта тобою с известием о книге моей, получено мною только третьего дни, то есть 4 марта. Появленье книги моей разразилось точно в виде какой-то оплеухи: оплеуха публике, оплеуха друзьям моим и наконец еще сильнейшая оплеуха мне самому. После нее я очнулся, точно как будто после какого-то сна, чувствуя, как провинившийся школьник, что напроказил больше того, чем имел намерение. Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее. Но тем не менее книга эта отныне будет лежать всегда на столе моем, как верное зеркало, в которое мне следует глядеться, для того чтобы видеть всё своё неряшество и меньше грешить вперед. При всем том книга моя полезна. В одну неделю исчезли все экземпляры ее (хотя печатано было два завода). Все дотоле бывшие вопросы в литературе вдруг заменились другими, и все предметы разговоров умных людей наших обществ заменились другими предметами. Я ожидал, что после моей книги явится несколько умных и дельных сочинений, потому что в моей книге есть именно что-то зазывающее на умственную деятельность человека. Несмотря на то, что сама по себе она не составляет капитального произведения нашей литературы, она может породить многие капитальные

произведения. Но, признаюсь, радостней всего мне было услышать весть о благодатном замысле твоем – писать письма по поводу моих писем. [«Выбранными местами» вызваны три письма статьи Жуковского: «О смерти», «О молитве» и «О поэте и современном его значении».] Я думаю, что появление их в свет может быть теперь самым приличным и нужным у нас явлением, потому что после моей книги всё как-то напряжено, все более или менее, как противники, так и защитники, находятся в положении неспокойном, а многие недоумевают просто, куды пристать, не умея согласить многих, по-видимому, противоположных вещей, от той резкости, с какою они выражены. Появление твоих писем может теперь произвести благотворное и примиряющее действие. Но как мне стыдно за себя, как мне стыдно перед тобою, добрая душа! Стыдно, что возмнил о себе, будто мое школьное воспитанье уже кончилось и могу я стать наравне с тобою. Право, есть во мне что-то хлестаковское. А ты кротко, без негодованья подаешь мне братскую руку свою, которой посылаю заочный поцелуй. Прощайте, мои добрые! Бог да хранит вас всех целых и невредимых!..

«Письма», III, стр. 397–399.

Н. В. Гоголь – А. С. и У. Г. Данилевским

Неаполь, 18 марта 1847 г.

…Покуда скажу тебе вот что, мой добрый Александр. Ты никак не смущайся обо мне по поводу моей книги и не думай, что я избрал другую дорогу писаний. Дело у меня то же, какое и было всегда и о котором замышлял еще в юности, хотя не говорил о том, чувствуя бессилие свое выражаться ясно и понятно (всегдашняя причина моей скрытности). Нынешняя книга моя есть только свидетельство того, какую возню нужно было мне поднимать для того, чтобы «Мертвые Души» мои вышли тем, чем им следует быть. Трудное было время, испытанья были такие страшные и тяжелые, битвы такие сокрушительные, что чуть не изнемогла до конца душа моя. Но, слава богу, всё пронеслось, всё обратилось в добро. Душа человека стала понятней, люди доступней, жизнь определительней, и чувствую, что это отразится в моих сочинениях. В них отразится та верность и простота, которой у меня не было, несмотря на живость характеров и лиц. Нынешняя моя книга выдана в свет затем, чтобы пощупать ею, во-первых, самого себя, а во-вторых, других, узнать посредством ее, на какой степени душевного состоянья своего стоит теперь каждый из нашего современного общества. Вот почему я с такою жадностью собираю все толки о ней. Мне важно, кто и что именно

сказал, важна и самая личность того человека, который сказал, его черты характера. Итак знай, что всякий раз, когда ты передашь мне мысли какого-нибудь человека о моей книге, прибавя к тому и портрет самого человека, то этим ты сделаешь мне большой подарок, мой добрый Александр. А вас прошу, моя добрая Юлия, или по-русски Улинька, что звучит еще приятней (вашего отечества вы не захотели мне объявить, желая остаться и в моих мыслях под тем же именем, каким называет вас супруг ваш), [Жену Данилевского, Ульяну (а не Юлию) Григорьевну, Гоголь в это время еще не знал лично.] вас прошу, если у вас будет свободное время в вашем доме, набрасывать для меня слегка маленькие портретики людей, которых вы знали, или видаете теперь, хотя в самых легких и беглых чертах. Не думайте, чтоб это было трудно. Для этого нужно только помнить человека и уметь его себе представить мысленно. Не рассердитесь на меня за то, что я, еще не успевши ничем заслужить вашего расположения, докучаю вам такою просьбою. Но мне теперь очень нужен русский человек везде, где бы он ни находился, в каком бы звании и сословии он ни был. Эти беглые наброски с натуры мне теперь так нужны, как живописцу, который пишет большую картину, нужны этюды. Он хоть, по-видимому, и не вносит этих этюдов в свою картину, но беспрестанно соображается с ними, чтобы не напутать, не наврать и не отдалиться от природы. Если же вас бог наградил замечательностью особенною и вы, бывая в обществе, умеете подмечать его смешные и скучные стороны, то вы можете составить для меня типы, то есть, взявши кого-нибудь из тех, которых можно назвать представителем его сословия, или сорта людей, изобразить в лице его то сословие, которого он представитель, – хоть, например, под такими заглавиями: Киевский лев; Губернская femme incomprise; [Непонятая женщина.] Чиновник-Европеец; Чиновник-старовер и тому подобное. А если душа у вас сердобольная и сострадает к положенью других, опишите мне раны и болезни вашего общества. Вы сделаете этим подвиг христианский, потому что из всего этого, если бог поможет, надеюсь сделать доброе дело. Моя поэма может быть очень нужная и очень полезная вещь, потому что никакая проповедь не в силах так подействовать, как ряд живых примеров, взятых из той же земли, из того же тела, из которого и мы…

«Письма», III, стр. 414–416.

А. О. Россет – Н. В. Гоголю

Пб., 12 марта 1847 г.

…Говоря о публике, должен по примеру известного московского полицеймейстера определить, кого называю публикой. Высшее наше общество не читает, а разве прочтет только ту русскую книгу, которая, по какому-нибудь случаю, обратит всеобщее внимание; оно живет, хотя менее чем прежде, чужими интересами, питает свою любознательность (или убивает время) иностранными книгами; влиянию русской книги не поддается и суждения о ней никогда не произносит… За сим идут помещики. Живя уединенно, вдали от шумов, внутри земли и своего народа, всё, что говорится о русских коренных началах, о русском быте, о нуждах и потребностях России, ее страданиях и радостях, находит более сильный отголосок, и ваша книга, которой главная тема душа и прочное дело жизни, христианство, царь и Россия, помещиками, как я надеюсь, будет оценена… Потом выступает публика – это среднее с. – петербургское и московское выслужившееся дворянство, огромный класс чиновников (53 000), мелких писак (их у нас уже много), артистов всякого рода и иных и прочих, всякого сброда, которые выслушали университетский или гимназический курсы; одни читают жадно, читают русские книги и пребывают, бедные, под сильным гнетом русской литературы. По мере увеличения университетов и гимназий и облегчения правительством способов к образованию класс этот или сословие, пожалуй хоть tiers état, [Третье сословие.] увеличивается непомерно и начинает выступать с теми же атрибутами, с какими везде существует. Повсюду он служил и служит камнем преткновения, не принадлежа ни к какому самостоятельному сословию, он сидит [между двух стульев…]

…Это-то именно публика, для которой существуют серьезные русские книги; она же и ваша публика; она вас читала, теперь прочла; она вас любила и превозносила; теперь же не знаю, любит ли, но ни в каком случае не превозносит, а или бранит, или сожалеет, или подшучивает, смотря по характеру и темпераменту каждого.

Шенрок, «Материалы», т. IV, стр. 541–542.

Н. В. Гоголь – А. О. Россету

Неаполь, 15-го апреля (1847 г.)

Не знаю, как благодарить вас, добрейший мой Аркадий Осипович, за ваше письмо и сообщение разных мнений. Если бы мне почаще случалось получать такие письма, даже без сопровождения этого доброго вашего участия и любви ко мне, я бы давно уже поумнел гораздо больше, чем я есмь теперь. Но чтó

делать, если ничем никак не могу я до сих пор никого уверить, что мне слишком нужны всякие толки обо мне, что это единственная школа моя, что есть наконец один такой человек, которому следует говорить правду, как бы она жестка ни была, и которому нужны даже те грубые жесткие слова, которые умеют произносить только ненависть и нелюбовь. Одна из причин печатания моих писем была и та, чтобы поучиться, а не поучить. А так как русского человека по тех пор не заставишь говорить, покуда не рассердишь его и не выведешь совершенно из терпения, то я поставил почти нарочно много тех мест, которые заносчивостью способны задрать за живое.

Скажу вам не шутя, что я болею незнанием многих вещей в России, которые мне необходимо нужно знать; я болею незнаньем, что такое нынешний русский человек на разных степенях своих мест, должностей и образований. Все сведения, которые я приобрел доселе с неимоверным трудом, мне недостаточны для того, чтобы «Мертвые Души» мои были тем, чем им следует быть. Вот почему я с такою жадностию хочу знать толки всех людей о моей нынешней книге, не выключая и лакеев, собственно не ради книги моей, но ради того, что в суждении о ней выказывается сам человек, произносящий суждение. Мне вдруг видится в этих суждениях, чтó такое он сам, на какой степени своего душенного образованья или состоянья стоит, как проста, добра или как невежественна или как развращена его природа. Книга моя в некотором отношении пробный оселок и поверьте, что ни на какой другой книге вы не пощупали бы в нынешнее время так удовлетворительно, что такое нынешний русский человек, как на этой. Не скрою, что я хотел произвести ею вдруг и скоро благодетельное действие на некоторых негодующих, что я ожидал даже большего количества толков в мою пользу, чем как они теперь, что мне тяжело даже было услышать многое и даже очень тяжело. Но как я благодарю теперь бога, что случилось так, а не иначе! Я заставлен почти невольно взглянуть гораздо строже на самого себя, я имею теперь средство взглянуть гораздо вернее и ближе на людей, и я наконец приведен в возможность уметь взглянуть на них лучше. Чтó же касается до того, что при этом деле пострадала моя личность (я должен вам признаться, что доныне горю от стыда, вспоминая, как заносчиво выразился во многих местах, почти à la Хлестаков), то нужно чем-нибудь пожертвовать. Мне также нужна публичная оплеуха и даже, может быть, более, чем кому-либо другому. Но дело в том, что обстоятельствами нужно пользоваться: бог высыпал вдруг целую груду сокровищ, их нужно подбирать обеими руками. Если вы хотите сделать мне истинно добро, какое

способен делать христианин, подбирайте для меня эти сокровища, где найдете. Чтó вам стоит понемногу, в виде журнала, записывать всякий день, хотя положим, в таких словах: «Сегодня я услышал вот какое мнение; говорил его вот какой человек; жизни он следующей; характера следующего» (словом, в беглых чертах портрет его); если ж он незнакомец: то «жизни его я не знаю, но думаю, что он вот чтó, с вида же он казист и приличен (или неприличен); держит руку вот как; сморкается вот как; нюхает табак вот как»; словом, не пропуская ничего того, что видит глаз, от вещей крупных до мелочей.

Поверьте, что это будет совсем не скучно. Тут не нужно ни плана, ни порядка, просто две-три строчки перед тем, как итти умываться. Я даже уверен, что это будет вам приятно, потому что вас будет услаждать постоянно мысль, что вы это делаете для человека, вас очень любящего, которому это будет так радостно, как радостно ребенку получать перед праздником наилюбимейшую игрушку. Чтó же делать, если эта, по-видимому, игрушка в глазах других для меня совсем не игрушка; это в такой степени не игрушка, что если я не наберусь в достаточном количестве этих игрушек, у меня в «Мертвых Душах» может высунуться наместо людей мой собственный нос, и покажется именно всё то, чтó вам неприятно было встретить в моей книге. Поверьте, что без выхода нынешней моей книги никак бы я не достигнул той безыскусственной простоты, которая должна необходимо присутствовать в других частях «М. Д.», дабы назвал их всяк верным зеркалом, а не карикатурой. Вы не знаете того, какой большой крюк нужно сделать для того, чтобы достигнуть этой простоты. Вы не знаете того, как высоко стоит простота. Об этом предмете лучше и не рассуждать, а просто помогите…

«Письма», III, стр. 427–430.

Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву

Неаполь, 27 апр. 1847 г.

…Слово о моем отречении от искусства. Я не могу понять, отчего поселилась эта нелепая мысль об отречении моем от своего таланта и от искусства, тогда как из моей же книги можно бы, кажется, увидеть было хотя некоторые [?], какие страдания я должен был выносить из любви к искусству, желая себя приневолить и принудить писать и создавать тогда, когда я не в силах был, – когда из самого предисловия моего ко второму изданию «Мертвых Душ» видно, как я занят одною и тою же мыслью и как хочу набрать тех сведений, которые мне нужны для моего труда. Чтó ж делать, если душа стала предметом моего

искусства? виноват ли я в том? Что́ ж делать, если заставлен я многими особенными событиями моей жизни взглянуть строже на искусство? Кто ж тут виноват? виноват тот, без воли которого не совершается ни одно событие…

«Письма», III, стр. 445–446.

М. С. Щепкин – Н. В. Гоголю

Москва, 22 мая 1847 г.

Милостивый государь Николай Васильевич!

На первые ваши три письма я не отвечал, и конечно, на это нет извинения; а потому я и не извиняюсь, ибо это будет ни к чему, а объясню некоторые причины, которые привели меня к такому результату. Первые два письма ваши мною получены во время моей болезни, и я не мог действовать по смыслу ваших писем по этому случаю. Третье письмо остановляло уже всё действие по части «Ревизора»; а главной причиной тому – болезненное ли состояние мое, головное ли отупение, только из всех трех писем, за исключением того, что касалось до сцены и до искусства драматического, что всё вообще взято мною к сведению, а остального, простите, и не понял совершенно, или понял превратно, и потому я решился лучше молчать и ожидать объяснения изустного, если бы только случай был ко мне так добр. По выздоровлении, прочтя ваше окончание «Ревизора», [«Развязку Ревизора».] я бесился на самого себя, на свой близорукий взгляд, потому что до сих пор я изучал всех героев «Ревизора» как живых людей; я так видел много знакомого, так родного, я так свыкся с Городничим, Добчинским и Бобчинским в течение десяти лет нашего сближения, что отнять их у меня и всех вообще – это было бы действие бессовестное. Чем вы их мне замените? Оставьте мне их, как они есть. Я их люблю, люблю со всеми слабостями, как и вообще всех людей. Не давайте мне никаких намеков, что это-де не чиновники, а наши страсти; нет, я не хочу этой переделки: это люди, настоящие, живые люди, между которыми я взрос и почти состарился. Видите ли, какое давнее знакомство? Вы из целого мира собрали несколько человек в одно сборное место, в одну группу; с этими в десять лет я совершенно сроднился, и вы хотите их отнять у меня. Нет, я их вам не дам! не дам, пока существую. После меня переделайте хоть в козлов; а до тех пор я не уступлю вам Держиморды, потому что и он мне дорог. Вот главная причина моего молчания, и теперь как всё это высказалось? – я право не знаю; может быть, всё это вздор, вранье, но уже всё это высказалось; ну, так ему и быть!

М. С. Щепкин, стр. 173–174.

Н. В. Гоголь – М. С. Щепкину

[Франкфурт? Июнь 1847 г.]

Письмо ваше, добрейший Михал Семенович, так убедительно и красноречиво, что, если бы я и точно хотел отнять у вас городничего, Бобчинского и прочих героев, с которыми, вы говорите, сжились, как с родными по крови, то и тогда бы возвратил вам вновь их всех, может быть, даже и с наддачей лишнего друга. Но дело в том, что вы, кажется, не так поняли последнее письмо мое. Прочитать «Ревизора» я именно хотел затем, чтобы Бобчинский сделался еще больше Бобчинским, Хлестаков Хлестаковым, и словом – всяк тем, чем ему следует быть. Переделку же я разумел только в отношении к пиесе, заключающей «Ревизора». Понимаете ли это? В этой пиесе я так неловко управился, что зритель непременно должен вывести заключение, что я из «Ревизора» хочу сделать аллегорию. У меня не то в виду: «Ревизор» Ревизором, а применение к самому себе есть непременная вещь, которую должен сделать всяк зритель изо всего, даже и не Ревизора, но которое приличней ему сделать [по] поводу «Ревизора». Вот что́ следовало было доказать по поводу слов: «Разве у меня рожа крива?» Теперь осталось всё при своем. И овцы целы, и волки сыты: аллегория аллегор[ией], а «Ревизор» Ревизором. Странно, однако ж, что свиданье наше не удалось. Раз в жизни пришла мне охота прочесть как следует «Ревизора»; чувствовал, что прочел бы действительно хорошо, и не удалось. Видно, бог не велит мне заниматься театром. Одно замечанье насчет городничего примите к сведению. Начало первого акта несколько у вас холодно. Не позабудьте также: у городничего есть некоторое ироническое выраженье в минуты самой досады, как например в словах: «Так уж, видно, нужно. До сих пор подбирались к другим городам; теперь пришла очередь и к нашему». Во втором акте, в разговоре с Хлестаковым, следует гораздо больше игры в лице. Тут есть совершенно различные выраженья сарказма. Впрочем, это ощутительней по последнему изданию, напечатанному в собрании Сочинений. [Последняя редакция «Ревизора», в которой, между прочим, изменен и диалог городничего с Хлестаковым во II акте.] Очень рад, что вы занялись ревностно писанием ваших записок. [Отрывок из записок Щепкина («Из записок артиста») был напечатан в «Современнике», 1847 г., № 1. Записки остались неоконченными. Изданы уже после смерти Щепкина (1-е изд. – 1864 г., 2-е – 1914, 3-е – 1928).] Начать в ваши годы писать записки, это значит жить вновь. Вы непременно помолодеете и силами и духом, а чрез то приведете себя в возможность прожить лишний десяток лет.

Обнимаю вас. Прощайте.

«Письма», III, стр. 475–476.

Н. Я. Прокопович – Н. В. Гоголю

Пб., 12 мая 1847 г.

…Ни одна из книг, выходивших на русском языке, не производила таких разнообразных и противоположных друг другу толков в той части публики, мнением которой ты интересуешься, как твоя «Переписка». Но всё это разнообразие можно разделить на три категории, имеющие, в свою очередь, различные подразделения. Одни считают тебя ни больше, ни меньше, как святым человеком, для которого так и распахнулись двери рая в будущей жизни, покупают твою книгу и, следуя твоему совету, дарят ее нуждающимся в благодати или в хлебе насущном. Другие приписывают издание твоих писем расчету. В этом классе встречается более всего подразделений, и догадки о целях, руководящих тобою, идут от простой денежной выгоды до таких соображений и планов, какие тебе, конечно, и в голову не могли прийти. [Ср. ниже в письме Белинского Гоголю от 3 (15) июля 1847 г. Еще раньше, 20 февр. 1847 г. Белинский писал Боткину: «Ты решительно не понял этой книги, если видишь в ней только заблуждение, а вместе с ним не видишь артистически рассчитанной подлости. Гоголь совсем не К. Аксаков. Это Талейран, кардинал Феш, который всю жизнь обманывал бога, а при смерти надул сатану».] Третьи относят всё к расстройству твоего здоровья и оплакивают в тебе потерю гениального писателя. Я слышал даже, что кто-то из этих переплел твою книгу с чаромутием нашего чудака Лукашевича, вышедшим будто нарочно одновременно с твоею «Перепискою». [«Чаромутие, или Священный язык магов, волхвов и жрецов, открытый Платоном Лукашевичем, с прибавлением обращенных им же в прямую истоть чаромутия и черной истоти языков русского и других славянских и части латинского». Петрьгород 1846.] Вот всё, что могу сообщить тебе о различных мнениях и толках, которые доводилось мне слышать.

Е. В. Петухов. Письма Гоголя к Н. Я. Прокоповичу. 2-е изд. К., 1895 и Шенрок, «Материалы», IV, стр. 557.

Н. В. Гоголь – Н. Я. Прокоповичу

Франкфурт, 8/20 июня 1847 г.

…Тебя удивляет, зачем я так жаден слышать толки о моей книге. Затем, что я очень жаден знать людей, а в толках о моей

книге все-таки более или менее обрисовывается передо мною человек со всем своим знанием и невежеством и, что́ всего важнее, открывает мне свое собственное душевное состояние, которое для меня еще важней его характеристики внешней, и которого, согласись сам, я бы никак не мог узнать без моей книги. Кстати о толках. Я прочел на днях критику во 2-м № «Современника» Белинского. Он, кажется, принял всю книгу написанною на его собственный счет и прочитал в ней формальное нападение на всех разделяющих его мысли. Это неправда; в книге моей, как видишь, есть нападенье на всех и на всё, что́ переходит в крайность. Вероятно, он принял на свой счет козла, который был обращен к журналисту вообще. [В статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» была такая фраза: «Даже эти судорожные, больные произведения века, с примесью всяких непереварившихся идей, нанесенных политическими и прочими брожениями, стали значительно упадать; только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных вождей, еще кое-что перечитывают, не замечая в простодушии, что козлы, их предводившие, давно остановились в раздумье, не зная сами, куда повести заблудшие стада свои».] Мне было очень прискорбно это раздраженье не по причине жесткости слов, которых будто бы я не умею перенесть, – ты знаешь, что я могу выслушивать самые жесткие слова, – но потому, что, как бы то ни было, человек этот говорил обо мне с участием в продолжение десяти лет, человек этот, несмотря на излишества и увлечения, указал справедливо, однако ж, на многие такие черты в моих сочинениях, которых не заметили другие, считавшие себя на высшей точке разумения перед ним. И я заплатил бы этому человеку неблагодарностью, когда я умею отдавать справедливость даже тем, которые выставляют на вид и отыскивают во мне одни недостатки! Напротив, я в этом случае только обманулся: я считал Белинского возвышенней, менее способным к такому близорукому взгляду и мелким заключениям. Я не знаю, почему так тяжело вынести упрек в неблагодарности, но для меня этот упрек был тяжелее всех упреков, потому что в самом деле душа моя благодарна, и я люблю благодарить, потому что чувствую от этого собственное наслаждение. Пожалуйста, переговори с Белинским и напиши мне, в каком он находится расположении духа ныне относительно меня. Если в нем кипит желчь, пусть он ее выльет против меня в «Современнике», в каких ему заблагорассудится выражениях, но пусть не хранит ее против меня в сердце своем. Если ж в нем угомонилось неудовольствие, то дай ему при сем прилагаемое письмецо, которое можешь прочесть и сам. [Гоголь не знал, что

Белинский за границей.]

«Письма», III, стр. 495–496.

Н. В. Гоголь – В. Г. Белинскому

Франкфурт, около 8/20 июня 1847 г.

Я прочел с прискорбием статью вашу обо мне в «Современнике», – не потому, чтобы мне прискорбно было унижение, в которое вы хотели меня поставить в виду всех, но потому, что в нем слышен голос человека, на меня рассердившегося. [По поводу этой статьи своей Белинский писал 28 февраля 1847 г. Боткину: «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисьи… Статья о гнусной книге Гоголя могла бы выйти замечательно хорошею, если бы я в ней мог, зажмурив глаза, отдаться моему негодованию и бешенству…»] А мне не хотелось бы рассердить человека, даже не любящего меня, тем более вас, который – думал я – любил меня. Я вовсе не имел в виду огорчить вас ни в каком месте моей книги. Как же вышло, что на меня рассердились все до единого в России? Этого покуда я еще не могу понять. Восточные, западные, нейтральные – все огорчились. Это правда, я имел в виду небольшой щелчок каждому из них, считая это нужным, испытавши надобность его на собственной коже (всем нам нужно побольше смирения); но я не думал, чтоб щелчок мой вышел так грубо неловок и так оскорбителен. Я думал, что мне великодушно простят всё это и что в книге моей зародыш примирения всеобщего, а не раздора. Вы взглянули на мою книгу глазами человека рассерженного, а потому почти всё приняли в другом виде. Оставьте все те места, которые, покамест, еще загадка для многих, если не для всех, и обратите внимание на те места, которые доступны всякому здравому и рассудительному человеку, и вы увидите, что вы ошиблись во многом.

Я не даром молил всех прочесть мою книгу несколько раз, предугадывая вперед все недоразумения. Поверьте, что не легко судить о книге, где замешалась собственная душевная история автора, скрытно и долго жившего в самом себе и страдавшего неуменьем выразиться. Не легко также было и решиться на подвиг выставить себя на всеобщий позор и посмеяние, выставивши часть той внутренней своей истории, настоящий смысл которой не скоро почувствуется. Уже один такой подвиг должен был бы заставить мыслящего человека задуматься и, не торопясь подачею своего голоса о ней, прочесть ее в различные часы душевного расположения, более спокойного и более

настроенного к собственной исповеди, потому что только в такие минуты душа способна понимать душу, а в книге моей дело души. Вы бы не сделали тогда тех оплошных выводов, которыми наполнена ваша статья. Как можно, например, из того, что я сказал, что в критиках, говоривших о недостатках моих, есть много справедливого, вывести заключение, что критики, говорившие о достоинствах моих, несправедливы? [«Критики» – здесь в смысле «критические статьи»; дальше в смысле «авторы»; в конце письма опять первый смысл.] Такая логика может присутствовать только в голове рассерженного человека, ищущего только того, что способно раздражать его, а не оглядывающего предмет спокойно со всех сторон. Я долго носил в голове, как заговорить о критиках, которые говорили о достоинствах моих и которые, по поводу моих сочинений, распространили много прекрасных мыслей об искусстве; я беспристрастно хотел определить достоинство каждого и оттенки эстетического чутья, которым более или менее одарен был каждый; я выжидал только времени, когда мне можно будет сказать об этом, или, справедливее, когда мне прилично будет сказать об этом, чтобы не говорили потом, что я руководствовался какой-нибудь своекорыстной целью, а не чувством беспристрастия и справедливости. Пишите критики самые жестокие, прибирайте все слова, какие знаете, на то, чтоб унизить человека, способствуйте [к осме]янию меня в глазах ваших читателей, не пожалев самых чувствительных струн, может быть, нежнейшего сердца, – всё это вынесет душа моя, хотя и не без боли, и не без скорбных потрясений; но мне тяжело, очень тяжело – говорю вам это искренно, когда против меня питает личное озлобление даже и злой человек, а вас я считал за доброго человека. Вот вам искреннее излияние моих чувств.

Н. Г.

«Письма», III, стр. 491–493.

Н. Я. Прокопович – Н. В. Гоголю

Пб., 27 июня 1847 г.

Я несколько виноват перед тобою, что не известил тебя в прошлом письме об отъезде Белинского за границу; тогда письмо твое к нему не прогулялось бы понапрасну сюда. Но всё равно, оно отправилось по первой же почте к нему в Силезию, в Зальцбрунн, откуда ты, вероятно, и получишь от него ответ.

Эта поездка была необходима для Белинского; только от нее одной зависит спасение жизни его, бывшей, в продолжение последней зимы, не один раз на волоске и сохранившейся в

противность всех правил и приговоров медицины.

Пользуясь твоим позволением, я прочитал письмо твое к нему. Мне кажется, ты очень ошибаешься, воображая, что статью свою Б. написал, приняв на свой счет некоторые выходки твои вообще против журналистов. Зная Белинского давно, я не могу не быть уверенным, что ни одна строчка его не назначалась мщению за личное оскорбление. Почему не судить проще и не приписать всего сказанного им встрече совершенно противоположных друг другу убеждений, искренних в нем и, конечно, не притворных в твоей книге? Белинский не говорил хладнокровно о прежних твоих сочинениях: мог ли он говорить хладнокровно и о последних? Впрочем, он сам, вероятно, в ответе своем выскажет тебе все свои побуждения…

Е. В. Петухов. Письма Н. В. Гоголя к Н. Я. Прокоповичу.

Из воспоминаний П. В. Анненкова

…Приближалось время окончания лечебного курса и нашего [Анненкова, Белинского и И. С. Тургенева.] отъезда из Зальцбрунна. Белинский чувствовал себя гораздо лучше, кашель уменьшился, ночи сделались спокойнее – он уже поговаривал о скуке житья в захолустье. Почти накануне нашего выезда из Зальцбрунна в Париж я получил неожиданное письмо от Н. В. Гоголя, извещавшего, что изданная им «Переписка с друзьями» наделала ему много неприятностей, что он не ожидает от меня благоприятного отзыва о его книге, но все-таки желал бы знать настоящее мое мнение о ней, как от человека, кажется, не страдающего заносчивостию и самообожанием. Это было первое письмо после того надменно-учительского, о котором говорено, и первое после короткой встречи нашей в Париже и Бамберге. Оно довольно ясно обнаруживало в Гоголе желание если не утешения и поддержки, то, по крайней мере, тихой беседы. В конце письма Гоголь неожиданно вспоминал о Белинском и кстати посылал ему дружеский поклон, вместе с письмом прямо на его имя, в котором упрекал его за сердитый разбор «Переписки» во 2 № «Современника». [Это письмо Гоголя Анненкову не сохранилось. Возможно, конечно, что Гоголь, узнав о пребывании Белинского и Анненкова в Зальцбрунне, послал Белинскому через Анненкова копию своего первого письма, или другое письмо. Но Белинский в письме к Гоголю упоминает только о письме, пересланном ему из Петербурга.] Это и вызвало то знаменитое письмо Белинского о его последнем направлении, какого Гоголь еще и не выслушивал доселе, несмотря на множество перьев, занимавшихся разоблачением недостатков «Переписки», попреками и бранью на

ее автора. Когда я стал читать вслух письмо Гоголя, Белинский слушал его совершенно безучастно и рассеянно, но, пробежав строки Гоголя к нему самому, Белинский вспыхнул и промолвил: «А, он не понимает, за что люди на него сердятся, надо растолковать ему это, я буду ему отвечать».

Он понял вызов Гоголя.

В тот же день небольшая комната, рядом с спальней Белинского, которая снабжена была диванчиком по одной стене и круглым столом перед ним, на котором мы свершали наши довольно скучные послеобеденные упражнения в пикет, превратилась в письменный кабинет. На круглом столе явилась чернильница, бумага, и Белинский принялся за письмо к Гоголю, как за работу, и с тем же пылом, с каким производил свои срочные журнальные статьи в Петербурге. То была именно статья, но писанная под другим небом…

Три дня сряду Белинский уже не поднимался, возвращаясь с вод домой, в мезонин моей комнаты, а проходил прямо в свой импровизированный кабинет. Всё это время он был молчалив и сосредоточен. Каждое утро после обязательной чашки кофе, ждавшей его в кабинете, он надевал летний сюртук, садился на диванчик и наклонялся к столу. Занятия длились до часового нашего обеда, после которого он не работал. Не покажется удивительным, что он употребил три утра на составление письма к Гоголю, если прибавить, что он часто отрывался от работы, сильно взволнованный ею, и отдыхал от нее, опрокинувшись на спинку дивана. Притом же и самый процесс составления был довольно сложен. Белинский набросал сперва письмо карандашом на разных клочках бумаги, затем переписал его четко и аккуратно набело, и потом снял еще с готового текста копию для себя. Видно, что он придавал большую важность делу, которым занимался, и как будто понимал, что составляет документ, выходящий из рамки частной, интимной корреспонденции. Когда работа была кончена, он посадил меня перед круглым столом своим и прочел свое произведение.

Я испугался и тона, и содержания этого ответа, и, конечно, не за Белинского, потому что особенных последствий заграничной переписки между знакомыми тогда еще нельзя было предвидеть; я испугался за Гоголя, который должен был получить ответ, и живо представил себе его положение в минуту, когда он станет читать это страшное бичевание. В письме заключалось не одно только опровержение его мнений и взглядов: письмо обнаруживало пустоту и безобразие всех идеалов Гоголя, всех его понятий о добре и чести, всех нравственных основ его существования – вместе с диким положением той среды,

защитником которой он выступил. Я хотел объяснить Белинскому весь объем его страстной речи, но он знал это лучше меня, как оказалось: «А что же делать? – сказал он. – Надо всеми мерами спасать людей от бешеного человека, хотя бы взбесившийся был сам Гомер. Что же касается до оскорбления Гоголя, я никогда не могу так оскорбить его, как он оскорбил меня в душе моей и в моей вере в него».

Письмо было послано, и затем уже ничего не оставалось делать в Зальцбрунне. Мы выехали в Дрезден, по направлению к Парижу. [3(15) июля 1847 г.]

Здесь, забегая вперед, скажу, что по прибытии в Париж Герцен, уже поджидавший нас, явился в отель Мишо, где мы остановились, и Белинский тотчас же рассказал ему о вызове, полученном им от Гоголя, и об ответе, который он ему послал. Затем он прочел ему черновое своего письма. Во всё время чтения уже знакомого мне письма я был в соседней комнате, куда, улучив минуту, Герцен шмыгнул, чтобы сказать мне на ухо: «Это – гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его». [Белинский умер 28 мая 1848 г.]

Анненков, «Замечательное десятилетие».

В. Г. Белинский – Н. В. Гоголю

Зальцбрунн, 3 (15) июля 1847 г.

Вы только отчасти правы, увидав в моей статье рассерженного человека: этот эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния, в которое привело меня чтение вашей книги. Но вы вовсе не правы, приписавши это вашим, действительно не совсем лестным, отзывам о почитателях вашего таланта. Нет, тут была причина более важная. Оскорбленное чувство самолюбия еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать об этом предмете, если бы всё дело заключалось в нем, но нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства, нельзя молчать, когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность как истину и добродетель.

Да, я любил вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный с своей страною, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса. И вы имели основательную причину хоть на минуту выйти из спокойного состояния духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считал любовь свою наградою великого таланта, а потому, что в этом отношении я представляю не одно, а множество лиц, из которых ни вы, ни я не

видали самого большого числа, и которые в свою очередь тоже никогда не видали вас. Я не в состоянии дать вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила ваша книга во всех благородных сердцах, ни о тех воплях дикой радости, которые издали при появлении ее все враги ваши, и нелитературные – Чичиковы, Ноздревы, городничие и т. д. – и литературные, которых имена хорошо вам известны. Вы сами видите, что от вашей книги отступились даже люди, по-видимому, одного духа с ее духом. Если бы она и была написана вследствие глубокого, искреннего убеждения, и тогда бы она должна была бы произвести на публику то же впечатление. И если ее приняли все (за исключением немногих людей, которых надо видеть и знать, чтобы не обрадоваться их одобрению) за хитрую, но чересчур нецеремонную проделку для достижения небесным путем чисто земной цели, – в этом виноваты только вы. И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что вы находите это удивительным. Я думаю, это оттого, что вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого вы так неудачно приняли на себя в вашей фантастической книге. И это не потому, чтобы вы не были мыслящим человеком, а потому, что вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из вашего прекрасного далека; а ведь известно, что ничего нет легче, как издалека видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть; потому, что в этом прекрасном далеке вы живете совершенно чуждым ему, в самом себе, внутри себя, или в однообразии кружка, одинаково с вами настроенного и бессильного противиться вашему на него влиянию. Поэтому вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их), не молитвы (довольно она твердила их), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей! Самые живые,

современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостного кнута трехвостною плетью.

Вот вопросы, которыми тревожно занята вся Россия в ее апатическом полусне! И в это-то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на самое себя, как будто в зеркале, является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, учит их ругать побольше… И это не должно было привести меня в негодование?.. Да если бы вы обнаружили покушение на мою жизнь, и тогда бы я не более возненавидел вас, как за эти позорные строки… И после этого вы хотите, чтобы верили искренности направления вашей книги! Нет, если бы вы действительно преисполнились истиною христовою, а не дьяволовым учением – совсем не то написали бы вы вашему адепту из помещиков. Вы написали бы ему, что, так как его крестьяне его братья во Христе, а как брат не может быть рабом своего брата, то он и должен или дать им свободу, или хотя, по крайней мере, пользоваться их трудами как можно льготнее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном в отношении к ним положении.

А выражение: «Ах ты, неумытое рыло!». [Из статьи «Русский помещик». «Негодяев и пьяниц», оказавших неуважение «примерному мужику», помещик, по рецепту Гоголя, должен распечь тут же при всех: «Ах ты, невымытое рыло!» и т. д.] Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать миру как великое открытие в пользу и назидание мужиков, которые и без того потому не умываются, что, поверив своим барам, сами себя не считают за людей? А ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли вы в глупой поговорке, что должно пороть и правого и виноватого? Да это и так у нас делается вчастую, хотя еще чаще всего порют только правого, если ему нечем откупиться от преступления, и другая поговорка говорит тогда: без вины виноват! И такая-то книга могла быть результатом трудного внутреннего процесса, высокого духовного просветления! Не может быть! Или вы больны

– и вам надо спешить лечиться, или… не смею досказать моей мысли!.. Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов – что вы делаете! Взгляните себе под ноги, – ведь вы стоите над бездною… Что вы подобное учение опираете на православную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем вы примешали тут? Что вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, – чем продолжает быть и до сих пор. Но смысл христова слова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки погасивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, более сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все ваши попы, архиереи, митрополиты, патриархи! Неужели вы этого не знаете! Ведь это теперь не новость для всякого гимназиста… А потому, неужели вы, автор «Ревизора» и «Мертвых Душ», неужели вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неизмеримо выше духовенства католического? Положим, вы не знаете, что второе когда-то было чем-то, между тем как первое никогда ничем не было, кроме как слугою и рабом светской власти; но неужели же в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колыханы [?], жеребцы? – Попов. Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно! По-вашему русский народ самый религиозный в мире – ложь! Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе [зад]. Он говорит об образе: годится – молиться, а не годится – горшки покрывать. Приглядитесь попристальнее и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации, но религиозность часто уживается и с ними; живой пример Франции, где и теперь много

искренних католиков между людьми просвещенными и образованными, и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то бога. Русский народ не таков; мистическая экзальтация не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не прививалась в нем даже к духовенству, ибо несколько отдельных исключительных личностей, отличавшихся тихою холодною аскетическою созерцательностью, ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическим педантством да диким невежеством. Его грех обвинить в религиозной нетерпимости и фанатизме, его скорее можно похвалить за образцовый индиферентизм в деле веры. Религиозность проявилась у нас только в раскольнических сектах, столь противоположных по духу своему массе народа и столь ничтожных перед нею числительно.

Не буду распространяться о вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками. Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе сочувствия и уронил вас в глазах даже людей в других отношениях очень близких к вам по их направлению. Что касается до меня лично, предоставляю вашей совести упиваться созерцанием божественной красоты самодержавия (оно – покойно, да, говорят, и выгодно для вас), только продолжайте благоразумно созерцать его из вашего прекрасного далека: вблизи-то оно не так прекрасно и не так безопасно… Замечу только одно: когда европейцем, особенно католиком, овладевает религиозный дух, он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим беззакония сильных земли. У нас же наоборот: постигает человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем religiosa mania, он тотчас же земному богу подкурит более, нежели небесному, да еще так хватит через край, что тот и хотел бы его наградить за рабское усердие, да видит, что этим скомпрометировал бы себя в глазах общества… Бестия наш брат, русский человек!..

Вспомнил я еще, что в вашей книге вы утверждаете, за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. [Из той же статьи.] Что сказать вам на это? Да простит вас ваш византийский бог за эту византийскую мысль, если только, передавши ее бумаге, вы ведали, что творили… Но, может быть, вы скажете: «Положим, что я заблуждался и все мои мысли ложь, но почему же отнимают у меня право заблуждаться и не хотят верить

искренности моих заблуждений?» Потому, отвечаю я вам, что подобное направление в России давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполне исчерпано Бурачком с братиею. [Степ. Онис. Бурачек (1800–1876) – издатель реакционного журнала «Маяк».] Конечно, в вашей книге более ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато в ней), чем в их сочинениях; но зато они развили общее им с вами учение с большей энергией и с большей последовательностью, смело дошли до его последних результатов, все отдали византийскому богу, ничего не оставили сатане; тогда как вы, желая поставить по свечке и тому и другому, впали в противоречие, отстаивали, например, Пушкина, литературу и театры, которые, с вашей точки зрения, если бы вы только имели добросовестность быть последовательным, нисколько не могут служить к спасению души, но много могут служить к ее погибели… Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя с Бурачком? Вы слишком высоко поставили себя во мнении русской публики, чтобы она могла верить в вас искренности подобных убеждений. Что кажется естественным в глупцах, то не может казаться таким в гениальном человеке. Некоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плод умственного расстройства, близкого к положительному сумасшествию. Но они скоро отступились от такого заключения – ясно, что книга писана не день, не неделю, не месяц, а, может быть, год, два или три; в ней есть связь; сквозь небрежное изложение проглядывает обдуманность, а гимн властям предержащим хорошо устраивает земное положение набожного автора. Вот почему в Петербурге распространился слух, будто вы написали эту книгу с целью попасть в наставники к сыну наследника. Еще прежде в Петербурге сделалось известным письмо ваше к Уварову, где вы говорите с огорчением, что вашим сочинениям о России дают превратный толк, затем обнаруживаете недовольствие своими прежними произведениями [Отвечая Уварову (2 мая 1845 г.) на извещение о назначении пенсии, Гоголь писал: «Скажу вам только, что после письма вашего мне стало грустно. Грустно, во-первых, потому что всё доселе мною писанное не стоит большого внимания: хоть в основании легла и добрая мысль, но выражено всё так незрело, дурно, ничтожно и притом в такой степени не так, как бы следовало, что недаром большинство приписывает моим сочинениям скорее дурной смысл, чем хороший» и т. д.] и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочинениями, когда ими будет доволен тот, который и т. д. [Этого в письме Гоголя не было; сказано только: «меня утешала доселе мысль…» и т. д. (об одобрении царя).] Теперь судите сами,

можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила вас в глазах публики и как писателя, и еще более, как человека?

Вы, сколько я вижу, не совсем хорошо понимаете русскую публику. Ее характер определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почетно, почему у нас так легок литературный успех даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта, и почему так скоро падает популярность великих талантов, отдающих себя искренно или неискренно в услужение православию, самодержавию и народности. Разительный пример Пушкин, которому стоило написать только два-три верноподданнических стихотворения и надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви! И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не от ее дурного направления, а от резкости истин, будто бы высказанных вами всем и каждому. Положим, вы могли это думать о пишущей братии, но публика-то как могла попасть в эту категорию? Неужели в «Ревизоре» и «Мертвых Душах» вы менее резко, с меньшею истиною и талантом и менее горькие правды высказали ей? И старая школа действительно сердилась на вас до бешенства, но «Ревизор» и «Мертвые Души» от того не пали, тогда как ваша последняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия, православия и народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не простит ему зловредной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще в зародыше, свежего, здорового чутья, и это же показывает, что у него есть будущность. Если вы любите Россию, порадуйтесь вместе со мною, порадуйтесь падению вашей книги!..

Не без некоторого чувства самодовольствия скажу вам, что мне кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного влияния на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся в Петербурге слух, что правительство хочет напечатать вашу книгу в числе многих тысяч экземпляров и продавать ее по самой низкой цене, мои

друзья приуныли; но я тогда же сказал им, что, несмотря ни на что, книга не будет иметь успеха, и о ней скоро забудут. И действительно, она памятнее теперь всеми статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русского человека глубок, хотя и не развит еще, инстинкт истины.

Ваше обращение, пожалуй, могло быть и искренно, но мысль – довести о нем до сведения публики – была самая несчастная. Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимает, что молиться везде всё равно, что в Иерусалиме ищут Христа только люди или никогда не носившие его в груди своей, или потерявшие его. Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжко зрелище угнетения чуждых ему людей, тот носит Христа в груди своей, и тому незачем ходить пешком в Иерусалим. Смирение, проповедуемое вами, во-первых, не ново, а во-вторых, отзывается, с одной стороны, страшною гордостью, а с другой – самым позорным унижением своего человеческого достоинства. Мысль сделаться каким-то абстрактным совершенством, стать выше всех смирением может быть плодом или гордости, или слабоумия и в обоих случаях ведет неизбежно к лицемерию, ханжеству, китаизму. И при этом в вашей книге вы позволили себе цинически-грязно выражаться не только о других (это было бы только невежливо), но и самом себе – это уже гадко; потому что, если человек, бьющий своего ближнего по щекам, возбуждает негодование, то человек, бьющий по щекам сам себя, возбуждает презрение. Нет, вы только омрачены, а не просветлены; вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени. Не истиной христианского учения, а болезненною боязнию смерти, черта и ада веет от вашей книги.

И что за язык, что за фразы? – «Дрянь и тряпка стал теперь всяк человек», – неужели вы думаете, что сказать всяк вместо всякий – значит выражаться библейски? Какая это великая истина, что, когда человек весь отдается лжи, его оставляет ум и талант. Не будь на вашей книге выставлено вашего имени и будь из нее выключены те места, где вы говорите о себе, как писатель, кто бы подумал, что эта надутая и неопрятная шумиха слов и фраз – произведение автора «Ревизора» и «Мертвых Душ»?

Что же касается до меня лично, повторяю вам: вы ошиблись, сочтя мою статью выражением досады за ваш отзыв обо мне, как об одном из ваших критиков. Если бы только это рассердило меня, я только об этом и отозвался бы с досадою, а обо всем остальном, выразился бы спокойно, беспристрастно. А это правда, что ваш отзыв о ваших почитателях вдвойне нехорош. Я понимаю необходимость щелкнуть иногда глупца, который своими похвалами, своим восторгом ко мне только делает меня

смешным, но и эта необходимость тяжела, потому что как-то по-человечески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имели в виду людей, если не с отличным умом, то все же не глупцов. Эти люди в своем удивлении к вашим творениям наделали, быть может, гораздо больше восклицаний, нежели сколько высказали о них дела; но все же их энтузиазм к вам выходит из такого чистого и благородного источника, что вам вовсе не следовало бы выдавать их головою общим их и вашим врагам, да еще вдобавок обвинять их в намерении дать какой-то превратный толк вашим сочинениям. Вы, конечно, сделали это по увлечению главной мыслию вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземский, этот князь в аристократии и холоп в литературе, развил вашу мысль и напечатал на ваших почитателей (стало быть, на меня всех более) чистый донос. [В статье «Языков и Гоголь» («СПБ. Вед.», 1847) Вяземский, между прочим, писал, что Гоголя «хотели поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить в нем какое-то черное литературное знамя».] Он это сделал, вероятно, в благодарность вам за то, что вы его, плохого рифмоплета, произвели в великие поэты, [Говоря о Вяземском, Гоголь подчеркивал: «он не художник», «он не поэт по призванию» и т. п., но, действительно, выделил его, вместе с Языковым, из числа «поэтов времени Пушкина».] кажется, сколько я помню, за его «вялый, влачащийся по земле стих». [У Гоголя: «этот тяжелый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый подчас едкою, щемящею русскою грустью»…] Всё это нехорошо. А что вы ожидали только времени, когда вам можно будет отдать справедливость и почитателям вашего таланта (отдавши ее с гордым смирением вашим врагам), этого я не знал; не мог, да, признаться, и не хотел бы знать. Передо мной была ваша книга, а не ваши намерения: я читал ее и перечитывал сто раз, и все-таки не нашел в ней ничего кроме того, что в ней есть, а то, что в ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если бы я дал полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось в толстую тетрадь. Я никогда не думал писать к вам об этом предмете, хотя и мучительно желал этого, и хотя вы всем и каждому печатно дали право писать к вам без церемонии, имея в виду одну правду. Живя в России, я не мог бы этого сделать, ибо тамошние «Шпекины» распечатывают чужие письма не из одного личного удовольствия, но и по долгу службы, ради доносов. Нынешним летом начинающаяся чахотка прогнала меня за границу, и Некрасов переслал мне ваше письмо в Зальцбрунн, откуда я сегодня же еду с Анненковым в Париж, через Франкфурт-на-Майне. Неожиданное получение вашего письма

дало мне возможность высказать вам всё, что лежало у меня на душе против вас по поводу вашей книги. Я не умею говорить вполовину, не умею хитрить; это не в моей натуре. Пусть вы или само время докажет мне, что я заблуждался в моих об вас заключениях. Я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь в том, что сказал вам. Тут дело идет не о моей или вашей личности, но о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и вас; тут дело идет об истине, о русском обществе, о России.

И вот мое последнее заключительное слово: если вы имели несчастье с гордым смирением отречься от ваших истинно великих произведений, то теперь вам должно с искренним смирением отречься от последней вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые бы напомнили ваши прежние.

«Письма В. Г. Белинского», т. III.

Н. В. Гоголь – В. Г. Белинскому

Остенде, 10 августа 1847 г.

Я не мог отвечать скоро на ваше письмо. [Первоначально Гоголь в ответ на письмо Белинского написал ему обширное, очень раздраженное письмо-возражение, но изорвал его в клочки и заменил другим. Сохранившиеся отрывки первого письма напечатаны (см. «Письма», т. IV, стр. 32–41).] Душа моя изнемогла, все во мне потрясено, могу сказать, что не осталось чувствительных струн, которым не было бы нанесено поражения еще прежде, нежели я получил ваше письмо. Письмо ваше я прочел почти бесчувственно, но тем не менее был не в силах отвечать на него. Да и чтó мне отвечать? Бог весть, может быть, и в ваших словах есть часть правды. Скажу вам только, что я получил около пятидесяти разных писем по поводу моей книги: ни одно из них не похоже на другое, нет двух человек, согласных во мненьях об одном и том же предмете, чтó опровергает один, то утверждает другой. И между тем, на всякой стороне есть равно благородные и умные люди. Покуда мне показалось только непреложной истиной, что я не знаю вовсе России, что много изменилось с тех пор, как я в ней не был, что мне нужно почти сызнова узнавать всё то, что ни есть в ней теперь. А вывод изо всего этого вывел я для себя тот, что мне не следует выдавать в свет ничего, не только никаких живых образов, но даже и двух строк какого бы то ни было писанья, до тех пор покуда, приехавши в Россию, не увижу многого собственными глазами и не пощупаю собственными руками. Вижу, что укорившие меня в незнании многих вещей и несоображении многих сторон

обнаружили передо мной собственное незнание многого и собственное несоображение многих сторон. Не все вопли услышаны, не все страданья взвешены. Мне кажется даже, что не всякий из нас понимает нынешнее время, в котором так явно проявляется дух нестроенья полнейшего, нежели когда-либо прежде: как бы то ни было, но всё выходит теперь наружу; всякая вещь просит и ее принять в соображенье; старое и новое выходит на борьбу, и чуть только на одной стороне перельют и попадут в излишество, как в отпор тому переливают и на другой. Наступающий век есть век разумного сознания; не горячась, он взвешивает всё, принимает все стороны к сведенью, без чего не узнать разумной середины вещей. Он велит нам оглядывать многосторонним взглядом старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедших времен; мы ребенки перед этим веком. Поверьте мне, что и вы и я виновны равномерно перед ним. И вы и я перешли в излишество. Я, по крайней мере, сознаюсь в этом, но сознаетесь ли вы? Точно таким же образом, как я упустил из виду современные дела и множество вещей, которые следовало сообразить, точно таким же образом упустили и вы; как я слишком усредоточился в себе, так вы слишком разбросались. Как мне нужно узнавать многое из того, что́ знаете вы и чего я не знаю, так и вам следует узнать хотя часть того, что́ знаю я и чем вы напрасно пренебрегаете. А покамест помыслите прежде всего о вашем здоровьи. Оставьте на время современные вопросы. Вы потом возвратитесь к ним с большею свежестью, стало быть, и с большею пользою как для себя, так и для них. Желаю вам от всего сердца спокойствия душевного, первейшего блага, без которого нельзя действовать и поступать разумно ни на каком поприще.

Н. Гоголь.

В одно время с письмом к вам отправил я письмо и к Анненкову. Спросите у него, получил ли он его. Я адресовал его в poste restante.

Письма, IV, стр. 44–46 и «Красн. Архив», 1923 г., кн. III.

Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову

Остенде, 28 авг. 1847 г.

Да, эта книга моя нанесла мне пораженье; но на это была воля божия. Да будет же благословенно имя того, кто поразил меня! Без этого поражения я бы не очнулся и не увидал бы так ясно, чего мне не достает. Я получил много писем очень значительных, гораздо значительнее всех печатных критик. Несмотря на всё различие взглядов в каждом из них, так же, как и

в вашем, есть своя справедливая сторона. Но вывести вполне верного заключения о всей книге вообще никто не мог, и не мудрено. Осудить меня за нее справедливо может один тот, кто ведает помышления и мысли наши в их полноте. Из нас же грешных людей, может справедливее других произнесть ей окончательный суд только тот, кто имеет полный ум, способный обнимать все стороны дела и не влюбился еще сам ни в какую свою собственную мысль, потому что, как бы то ни было, несмотря на все ребячество и незрелость этой книги, в ней видны следы взгляда более полного, чем у тех, которые делают на нее замечания и критики, несмотря на то, что в авторе ее и нет тех знаний, какие могут быть по частям у всякого критика.

К чему вы также повторяете нелепости, которые вывели из моей книги недальнозоркие, что я отказываюсь в ней от звания писателя, переменяю призванье свое, направление, и тому подобные пустяки? Книга моя есть законный и правильный ход моего образования внутреннего, нужного мне для того, чтобы стать писателем, не мелким и пустым, но почувствовавшим святость и своего звания, как и всех других званий, которые все должны быть святы. Выразилось всё это заносчиво, получило торжественный тон от мысли приближения к такой великой минуте, какова смерть. А дьявол, который надмевает всякого из нас самоуверенностью, раздул до чудовищности кое-какие места. Невоздержание заставило меня издать мою книгу. Видя, что еще не скоро я совладаю с моими «Мертвыми Душами», и скорбя истинно о бесхарактерности направления и совершенной анархии в литературе, проводящей время в пустых спорах, я поспешил заговорить о тех вопросах, которые меня занимали и которые готовился развить или создать в живых образах и лицах. Опрометчивая, а по-вашему несчастная книга вышла в свет. Она меня покрыла позором, по словам вашим. Она мне, точно, позор, но благодарю бога за этот позор, благодарю за то, что попустил он явиться ей в свет. Не увидел бы я без нее ни неряшества моего, ни самоослепления, ни многого того, чего не хочет видеть в себе человек; не изъяснилось бы без нее много того, что мне необходимо нужно знать для моих «М. Д.» и не узнал бы, ни в каком состоянии находится наше общество, ни какие образы, характеры, лица ему нужны, и что́ именно следует поэту-художнику избрать ныне в предмет творения своего.

«Письма», IV, стр. 65–66.

Н. В. Гоголь – П. В. Анненкову

Остенде, 7-го сентября (1847 г.) [Это третье из дошедших до

нас писем Гоголя к Анненкову 1847 г. Ответные письма Анненкова не дошли, поэтому и полемика, заключенная в этих письмах, полностью не может быть восстановлена.]

Понятие мое о божестве не так узко, как вы думаете; по крайней мере, оно гораздо пространнее того смысла, который вы придали словам моим. Но это предмет долгих речей и толков, а потому и отложим его. Покамест дело в том, что мы все идем к тому же, но у всех нас разные дороги, а потому, покуда еще не пришли, мы не можем быть совершенно понятными друг другу. Все мы ищем того же: всякий из мыслящих ныне людей, если только он благороден душой и возвышен чувствами, уже ищет законной желанной середины, уничтоженья лжи и преувеличенностей во всем и снятья грубой коры, грубых толкований, в которые способен человек облекать самые великие и с тем вместе простые истины. Но все мы стремимся к тому различными дорогами, смотря по разнообразию данных нам способностей и свойств в нас работающих: один стремится к тому путем религии и самопознанья внутреннего, другой – путем изысканий исторических и опыта (над другими), третий – путем наук естествознательных, четвертый – путем поэтического постигновенья и орлиного соображенья вещей, не обхватываемых взглядом простого человека, словом – разными путями, смотря по большему или меньшему в себе развитию преобладательно в нем заключенной способности. Анатомируя человека, видим, что в мозгу и голове особенно устроены для этого органы: возвышенья и шишки на голове. Органы даны – стало быть они нужны затем, чтобы каждый стремился своей дорогой и производил в своей области открытия, никак невозможные для того, кто имеет другие органы. Он может наговорить много излишеств, может увлечься своим предметом, но не может лгать, увлечься фантомом, потому что говорит он не от своего произволения: говорит в нем способность, в нем заключенная, и потому у всякого лежит какая-нибудь правда. Правду эту усмотреть может только всесторонний и полный гений, который получил на свою [долю] полную организацию во всех отношениях. Прочие люди будут путаться, сбиваться, мешаться, привязываться к словам и попадать в бесконечные недоразумения. Вот почему всякому необыкновенному человеку следует до времени не обнаруживать своего внутреннего процесса, которые совершаются теперь повсеместно, и прежде всего в людях, стоящих впереди: всякое слово его будет принято в другом смысле, и что в нем состоянье переходное, то будет принято другими за нормальное. Вот почему всякому человеку, одаренному талантом необыкновенным, следует прежде состроиться сколько-нибудь самому.

…Несмотря на то, что взгляд мой на современность только что проснулся, и я еще новичок в этом деле, но сколько могу судить по тем результатам, которые отбираю теперь от всех людей, прилежно наблюдающих над действующими ныне силами в Европе, я, однако ж, заметил некоторую неполноту в ваших наблюдениях и упущенья, которые вы сделали на вашем пути. Это я приписываю тому, что вы сделали представителем всего для себя Париж и оставили совершенно в стороне Англию, где важная сторона современного дела. По моему разумению, вам почти необходимо туда съездить, и не то чтобы взглянуть только на Лондон, но именно прожить в Англии, затем избрать в предмет наблюдений не один какой-нибудь класс пролетариев, изученье которого стало теперь модным, но взглянуть на все классы, не выключая никакого из них. Несмотря на чудовищное совмещение многих крайностей, до такой степени противоположных, что если бы кто из нас заговорил о них обоих вдруг, могли бы подумать, что оратор хочет служить и богу и черту вместе; несмотря на это, местами является такое разумное слитие того, что доставила человеку высшая гражданственность, с тем, что составляет первообразную патриархальность, что вы усумнитесь во многом, равно как и в том, действительно ли в вас отражается полно вся нынешняя современность.

…В письме вашем вы упоминаете, что в Париже находится Герцен. Я слышал о нем очень много хорошего. О нем люди всех партий отзываются как о благороднейшем человеке. Это лучшая репутация в нынешнее время. Когда буду в Москве, познакомлюсь с ним непременно, [Знакомство Гоголя с Герценом не состоялось. Герцен в Россию больше не возвращался.] а покуда известите меня, что́ он делает, что́ его более занимает, и что́ предметом его наблюдений. Уведомьте меня, женат ли Белинский, или нет; мне кто-то сказывал, что он женился. [Белинский был женат с 1843 года.] Изобразите мне также портрет молодого Тургенева, чтобы я получил о нем понятие как о человеке; как писателя, я отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что прочел, талант в нем замечательный и обещает большую деятельность в будущем… [«Молодой Тургенев» – Иван Сергеевич (1818–1883). Из его произведений Гоголь прочел, вероятно, «Три портрета» и поэму «Помещик» в «Петерб. сборнике» 1846 г.; мог читать и другие рассказы – в «Отеч. Записках» и в «Современнике» (в том числе часть из «Записок охотника»).]

«Письма», IV, стр. 80–83.

Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву

Неаполь, 2 дек. 1847 г.

…На замечанье твое, что «Мертвые Души» разойдутся вдруг, если явится второй том, и что все его ждут, скажу то, что это совершенная правда; но дело в том, что написать второй том совсем не безделица. Если ж иным кажется это дело довольно легким, то, пожалуй, пусть соберутся, да и напишут его сами, совокупясь вместе; а я посмотрю, что́ из этого выйдет. Мне нужно будет очень много посмотреть в России самолично вещей, прежде чем приступить ко второму тому. Теперь уже стыдно будет дать промах. Ты видишь (или, по крайней мере, должен видеть более прочих), что предмет не безделица и что беда, не будучи вполне готовым и состроившимся, приняться за это дело. Сделавши это дело хорошо, можно принести им большую пользу; сделавши же дурно, можно принести вред. Если и нынешняя моя книга, «Переписка» (по мнению даже неглупых людей и приятелей моих) способна распространить ложь и безнравственность [Слова из зальцбруннского письма Белинского.] и имеет свойство увлечь; то сам посуди, во сколько раз больше я могу увлечь и распространить ложь, если выступлю на сцену с моими живыми образами. Тут ведь я буду посильнее, чем в «Переписке». Там можно было разбить меня в пух и Павлову [Письма Н. Ф. Павлова к Гоголю по поводу «Переписки с друзьями» были напечатаны в «Моск. Вед.», 1847 г. и перепечатаны в «Современнике». Белинский восхищался ими, видя в них «точность мысли» и «ловкость диалектики».] и барону Розену, [Статья «Ссылка на мертвых» в «Сыне Отечества», 1847 г., № 6.] а здесь вряд ли и Павловым, и всяким прочим литературным рыцарям и наездникам будет под силу со мной потягаться. Словом, на все эти ребяческие ожидания и требования 2 тома глядеть нечего. Ведь мне же никто не хотел помочь в этом самом деле, которого ждет! Я не могу ни от кого добиться записок его жизни! Записки современника, или лучше, воспоминания прежней жизни, с окруженьем всех лиц, с которыми была в соприкосновении его жизнь, для меня вещь бесценная. Если б мне удалось прочесть биографию хотя двух человек, начиная с 1812 года и до сих пор, т. е. до текущего года, мне бы объяснились многие пункты, меня затрудняющие. Но довольно обо всем этом. Бог милостив, и у него всё возможно. Может быть, мне будет дано здоровье, силы и возможность не полагаться ни на кого, высмотреть всё самому…

«Письма», IV, стр. 102–103.

Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому

[Это письмо имеет характер литературной статьи. Гоголь

думал напечатать его во втором издании «Выбранных мест» вместо «Завещания». Многое в этом письме совпадает с так наз. «Авторской исповедью», написанной в 1847 г. Конец письма, имеющий личный характер, здесь опускается.]

Неаполь, 10 января н. стр. 1848 г.

Виноват перед тобой, душа моя! Всякий день собираюсь писать – и непостижимая неохота удерживает. Перед мной опять Неаполь, Везувий и море! Дни бегут в занятиях, время летит так, что не знаешь, откуда взять лишний час. Учусь, как школьник, всему тому, чему пренебрег выучиться в школе. Но что рассказывать об этом! Хотелось бы поговорить о том, о чем с одним тобой могу говорить: о нашем милом искусстве, для которого живу и для которого учусь теперь, как школьник. Так как теперь предстоит мне путешествие в Иерусалим, то хочу тебе исповедаться; кому же, как не тебе? Ведь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грехи – здесь. Вот уже скоро двадцать лет с тех пор, как я, едва вступавший в свет юноша, пришел в первый раз к тебе, уже совершившему полдороги на этом поприще. Это было в Шепелевском дворце. Комнаты этой уже нет. Но я ее вижу как теперь, всю, до малейшей мебели и вещицы. Ты подал мне руку и так исполнился желаньем помочь будущему сподвижнику! Как был благосклонно-любовен твой взор!.. Чтó нас свело неравных годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнейшее обыкновенного родства. Отчего? Оттого, что чувствовали оба святыню искусства.

Не мое дело решить, в какой степени я поэт; знаю только то, что прежде, чем понимать значение и цель искусства, я уже чувствовал чутьем всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени этого первого свиданья нашего оно уже стало главным и первым в моей жизни, а все прочее вторым. Мне казалось, что уже не должен я связываться никакими другими узами на земле, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба. Еще я не давал себе отчета (да и мог ли я тогда его дать?), что должно быть предметом моего пера, а уже творческая сила шевелилась и собственные обстоятельства жизни моей наталкивали на предметы. Все совершалось как бы независимо от моего собственного произволения. Никогда, например, я не думал, что мне придется быть сатирическим писателем и смешить моих читателей. Правда, что, еще бывши в школе, чувствовал я временами расположенье к веселости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки, вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению. Впоследствии присоединилась к этому болезнь и

хандра. И эти-то самые болезнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась в моих первых произведениях: чтобы развлекать самого себя, я выдумывал без дальнейшей цели и плана героев, становил их в смешные положения – вот происхождение моих повестей! Страсть наблюдать за человеком, питаемая мною еще сызмала, придала им некоторую естественность; их даже стали называть верными снимками с натуры. Еще одно обстоятельство: мой смех вначале был добродушен; я совсем не думал осмеивать что-либо с какой-нибудь целью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышал, что обижаются и даже сердятся на меня целиком сословия и классы общества, что я наконец задумался. «Если сила смеха так велика, что ее боятся, стало быть, ее не следует тратить по-пустому». Я решился собрать всё дурное, какое только я знал, и за одним разом над всем посмеяться – вот всё происхождение «Ревизора»! Это было первое мое произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество, чтó, впрочем, не удалось: в комедии стали видеть желанье осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступление некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка. Представление «Ревизора» произвело на меня тягостное впечатление. Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего. Душа требовала уединенья и обдуманья строжайшего своего дела. Уже давно занимала меня мысль большого сочиненья, в котором бы предстало все, что ни есть хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней свойство нашей русской природы. Я видел и обнимал порознь много частей, но план целого никак не мог передо мной выясниться и определиться в такой силе, чтобы я мог уже приняться и начать писать. На всяком шагу я чувствовал, что мне многого недостает, что я не умею еще ни завязывать, ни развязывать событий, и что мне нужно выучиться постройке больших творений у великих мастеров. Я принялся за них, начиная с нашего любезного Гомера. [В первоначальных редакциях «Мертвых Душ» названы другие имена литературных учителей: Шекспир, Ариосто, Филдинг, Сервантес, Пушкин.] Уже мне показалось было, что я начинаю кое-что понимать и приобретать даже их приемы и замашки, а способность творить все не возвращалась. От напряженья болела голова. С большими усилиями удалось мне кое-как выпустить в свет первую часть «Мертвых Душ» как бы затем, чтобы увидеть на ней, как я был еще далек от того, к чему стремился. После этого нашло на меня

вновь безблагодатное состояние. Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы – и ничего не выходило. Я думал, что уже способность писать просто отнялась от меня. И вдруг болезни и тяжкие душевные состоянья, оторвавши меня разом от всего и даже от самой мысли об искусстве, обратили к тому, к чему прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюденью внутреннему над человеком и над душой человеческой. О, как глубже перед тобой раскрывается это познание, когда начнешь дело с собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься ближе с тем, который один из всех доселе бывших на земле показал в себе полное познанье души человеческой; божественность которого если бы даже и отвергнул мир, то уж этого последнего свойства никак не в силах отвергнуть, разве только в таком случае, когда сделается уже не слеп, а просто глуп. Этим крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведен я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют ее высшие степени и явления. С тех пор способность творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить ясно из мглы; чувствую, что работа пойдет, что даже и язык будет правилен и звучен, а слог окрепнет. И, может быть, будущий уездный учитель словесности прочтет ученикам своим страницу будущей моей прозы непосредственно во след за твоей, промолвивши: «Оба писатели правильно писали, хотя и не похожи друг на друга». Выпуск книги «Переписка с друзьями», с которою (от радости, что расписалось перо) я так поспешил, не подумавши, что прежде, чем принести какую-нибудь пользу, могу сбить ею с толку многих, пришелся в пользу мне самому. На этой книге я увидел, где и в чем я перешел в то излишество, в которое, в эпоху нынешнего переходного состояния общества, попадает почти всякий идущий вперед человек. Несмотря на пристрастье суждений об этой книге и разномыслие их, в итоге мне послышался общий голос, указавший мне место мое и границы, которых я как писатель не должен преступать.

В самом деле, не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить живыми образами, а не рассужденьями. Я должен выставить жизнь лицом, а не трактовать о жизни. Истина очевидная. Но вопрос, мог ли бы я без этого большого крюку сделаться достойным производителем искусства? мог ли бы я выставить жизнь в ее глубине, так, чтобы она пошла в поученье? Как изображать людей, если не узнал прежде, что такое душа человеческая? Писатель, если только он одарен творческою силою создавать собственные образы, воспитайся прежде, как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо! Иначе всё будет невпопад. Чтó

пользы поразить позорного и порочного, выставя его на вид всем, если не ясен в тебе самом идеал ему противоположного прекрасного человека? Как выставлять недостатки и недостоинство человеческое, если не задал самому себе запроса: в чем же достоинство человека? и не дал на это себе сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Как осмеять исключенья, если еще не узнал хорошо те правила, из которых выставляешь на вид исключенья? Это будет значить разрушить старый дом прежде, чем имеешь возможность выстроить на место его новый. Но искусство не разрушенье. В искусстве таятся семена созданья, а не разрушенья. Это чувствовалось всегда, даже и в те времена, когда всё было невежественно. Под звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сих пор понятие общества об искусстве, все, однако же, говорят: «Искусство есть примиренье с жизнью». Это правда. Истинное созданье искусства имеет в себе что-то успокаивающее и примирительное. Во время чтенья душа исполняется стройного согласия, а по прочтении удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, не подымается в сердце движенье негодования против брата, но скорее в нем струится елей всепрощающей любви к брату; и вообще не устремляешься на порицанье действий другого, но на созерцанье самого себя. Если же созданье поэта не имеет в себе этого свойства, то оно есть один только благородный, горячий порыв, плод временного состоянья автора. Оно останется, как примечательное явленье, но не назовется созданьем искусства. Поделом! Искусство есть примиренье с жизнью!

Искусство есть водворенье в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства. Искусство должно изобразить нам таким образом людей земли нашей, чтобы каждый из нас почувствовал, что это живые люди, созданные и взятые из того же тела, из которого и мы. Искусство должно выставить нам на вид все доблестные народные наши качества и свойства, не выключая даже и тех, которые, не имея простора свободно развиться, не всеми замечены и оценены так верно, чтобы каждый почувствовал их и в себе самом и загорелся бы желаньем развить и возлелеять в себе самом то, что им заброшено и позабыто. Искусство должно выставить нам все дурные наши народные качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал прежде в себе самом; и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить всё, омрачающее благородство природы нашей. Тогда только и таким образом действуя, искусство исполнит свое назначенье и внесет порядок и стройность в общество!

«Письма», IV, стр. 134–140.

Последние творческие усилия

Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому

Полтава, 15 июня 1848 г. [В начале 1848 г. Гоголь осуществил давно задуманное путешествие в Ерусалим. После этого за границу не уезжал. Лето 1848 г. провел в Васильевке, наезжая в Киев (к Данилевскому) и в Полтаву.]

Твое милое письмецо, посланное из Франкфурта в Полтаву, получил. Большое же, напечатанное в «Москвитянине», [«О поэте и современном его значении (письмо к Гоголю)» – в «Москвитянине», 1848 г. Это был ответ на статью Гоголя «О том, что такое слово» и на предыдущее письмо.] прочел еще в Одессе, на другой день после того, как ступил на русский берег. Оно очень, очень дельно, понравилось многим, а меня освежило. Никогда еще так верно и так прекрасно не было сказано о долге писателя; никогда еще, может быть, не было так нужно сказать это, как в нынешнее время. Я, покуда, слава богу, еще здравствую и живу, хотя время не весьма здоровое и вокруг везде болезни. Еще не принимаюсь сурьёзно ни за что и отдыхаю с дороги, но между тем внутренне молюсь и собираю силы на работу. Как ни возмутительны совершающиеся вокруг нас события, как ни способны они отнять мир и тишину, [Революционные события в Париже, Милане, Вене и Берлине.] необходимые для дела, но тем не менее нужно быть верну главному поприщу; о прочем позаботится бог. Что мы можем выдумать теперь для нашего земного благосостояния, или обеспечения себя, или обеспечения близких нам, когда все неверно и непрочно, и за завтрашний день нельзя ручаться? Будем же исполнять то, для [чего] нам даны богом силы и способности и в истине чего залогом служат те сладкие минуты, которые мы в жизни ощущали, после которых и лучше молилось, и лучше благодарилось, и лучше чувствовалось добро. Что нам до того, производят ли влиянье слова наши, слушают ли нас! Дело в том, остались ли мы сами верны прекрасному до конца дней наших, умели ли возлюбить его так, чтобы не смутиться ничем, вокруг нас происходящим, и чтобы петь ему безустанно песнь и в ту минуту, когда бы валился мир и все земное разрушалось. Умереть с пеньем на устах – едва ли не таков неотразимый долг для поэта, как для воина умереть с оружьем в руках…

«Письма», IV, стр. 201–202.

Из воспоминаний С. Т. Аксакова

Когда Гоголь приехал из Малороссии в Москву (в сентябре 1848 г.), я был в деревне и только в октябре переселился в город. В тот же вечер пришел к нам Гоголь и мы увиделись с ним после шестилетней разлуки. В непродолжительном времени восстановились между нами прежние, как бы прерванные, нарушенные продолжительною разлукою отношения, но о его книге и втором томе Мертвых Душ не было и помину. Гоголь в эту зиму прочел нам всю Одиссею, переведенную Жуковским. Он слишком восхищался этим переводом. Я и мой сын Константин были не совсем согласны с ним. Разумеется, это было ему неприятно, но он не показывал никакого неудовольствия. Один раз, когда мы высказали ему немалое число самых неопровержимых замечаний на перевод Одиссеи, Гоголь сказал: «Напишите все это и пошлите Жуковскому, он будет вам очень благодарен».

Часто также читал вслух Гоголь Русские песни, собранные г. Терещенко, [А. С. Терещенко. «Быт русского народа», 4 тома. П., 1848 г.] и нередко приходил в совершенный восторг, особенно от свадебных песен. Гоголь всегда любил читать, но должно сказать, что он читал с неподражаемым совершенством только всё комическое в прозе, или, пожалуй, чувствительное, но одетое формою юмора; всё же чисто патетическое, как говорится, и лирическое Гоголь читал нараспев. Он хотел, чтобы ни один звук стиха не терял своей музыкальности и, привыкнув к его чтению, можно было чувствовать силу и гармонию стиха. Из писем его к друзьям видно, что он работал это время неуспешно и жаловался на свое нравственное состояние. Я же думал, напротив, что труд его подвигается вперед хорошо, потому что сам он был довольно весел и читал всегда с большим удовольствием. Я в этом, как вижу теперь, ошибался; но вот что верно: я никогда не видал Гоголя таким здоровым, крепким и бодрым физически, как в эту зиму, т. е. в ноябре и декабре 1848 и в январе и феврале 1849 г.

«История моего знакомства».

Из воспоминаний И. И. Панаева

[Этот эпизод относится к сентябрю или октябрю 1848 г., когда Гоголь около месяца прожил в Петербурге. В воспоминаниях Головачевой-Панаевой он передан совершенно неправдоподобно.]

…Гоголь изъявил желание А. А. Комарову приехать к нему и просил его пригласить к себе несколько известных новых

литераторов, с которыми он не был знаком. А. А. пригласил между прочими Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина. Я также был в числе приглашенных, хотя был давно уже знаком с Гоголем. Я познакомился с ним летом 1839 года в Москве, в доме Сергея Тимофеевича Аксакова. В день моего знакомства с ним он обедал у Аксаковых и в первый раз читал первую главу своих «Мертвых душ». Мы собрались к А. А. Комарову часу в девятом вечера. Радушный хозяин приготовил роскошный ужин для знаменитого гостя и ожидал его с величайшим нетерпением. Он благоговел перед его талантом. Мы все также разделяли его нетерпение. В ожидании Гоголя не пили чай до десяти часов, но Гоголь не показывался и мы сели к чайному столу без него.

Гоголь приехал в половине одиннадцатого, отказался от чая, говоря, что он его никогда не пьет, взглянул бегло на всех, подал руку знакомым, отправился в другую комнату и разлегся на диване. Он говорил мало, вяло, нехотя, распространяя вокруг себя какую-то неловкость, что-то принужденное. Хозяин представил ему Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина. Гоголь несколько оживился, говорил с каждым из них об их произведениях, хотя было очень заметно, что не читал их. [Ив. Ал-др. Гончаров (1812–1891) к этому времени был автором «Обыкновенной истории» (1847) и «Ивана Саввича Поджабрина» (1848); Дм. Вас. Григорович (1822–1899) – автором «Деревни» (1846), «Антона-Горемыки» (1818) и других рассказов; Ник. Алеев. Некрасов (1821–1877) напечатал к тому времени, кроме всего другого, такие стихотворения, как «В дороге», «Тройка», «Псовая охота», «Еду ли ночью»… Ал-др Вас. Дружинин (1824–1864) был автором нашумевшей «Полиньки Сакс» (1847).] Потом он заговорил о себе и всем нам дал почувствовать, что его знаменитые «Письма» писаны им были в болезненном состоянии, что их не следовало издавать, что он очень сожалеет, что они изданы. Он как будто оправдывался перед нами.

Панаев, «Литературные воспоминания».

Н. В. Гоголь – А. М. Виельгорской

Москва, 29 октября 1848 г.

…Я еще не тружусь так, как бы хотел, чувствуется некоторая слабость, еще нет этого благодатного расположения духа, какое нужно для того, чтобы творить. Но душа кое-что чует и сердце исполнено трепетного ожидания этого желанного времени. Напишите мне несколько строчек о ваших занятиях и состоянии духа вашего. Я любопытен знать, как начались у вас русские лекции. [Занятия русской литературой с В. А. Соллогубом.]

Покуда я еще не присылаю вам списка книг, долженствующих составить русское чтение в историческом отношении. Нужно мне обнять и рассмотреть предварительно, чтобы уметь подать вам одно за другим в порядке, чтобы не очутился суп после соуса и пирожное прежде жаркого. Напишите, как распоряжается мой адъюнкт-профессор, и в каком порядке подает вам блюда. Я очень уверен, что он вам скажет очень много хорошего и нужного, и в то же в самое время уверен, что и мне останется место вставить в свою речь и прибавить что-нибудь такого, что́ он позабудет сказать. Это зависит не от того, чтобы я больше его был начитан и учен, но от того, что всякий сколько-нибудь талантливый человек имеет свое оригинальное, собственно ему принадлежащее, чутье, вследствие которого он видит целую сторону, другим не примеченную. Вот почему мне хотелось бы сильно, чтобы наши лекции с вами начались вторым томом «Мертвых Душ». После них легче и свободнее было бы душе моей говорить о многом. Много сторон русской жизни еще доселе не обнаружено ни одним писателем. Хотел бы я, чтобы по прочтении моей книги люди всех партий и мнений сказали: «Он знает точно русского человека; не скрывши ни одного нашего недостатка, он глубже всех почувствовал наше достоинство». Хотелось бы также заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочинениях. Их не всякий заметил.

Но в сторону это. Не забудьте рядом с русскою историею читать историю русской церкви: без этого многое в нашей истории темно. Сочинение Филарета Рижского теперь вышло целиком: пять книжек; их можно переплести в один том. [Филарет (Дм. Григ. Гумилевский; 1805–1859) – епископ рижский, затем еп. черниговский и архиеп. харьковский, автор «Истории русской церкви» (1-е издание – 1847–1848 гг.).] Книга эта есть, кажется, у Михаила Юрьевича, которого при этом случае обнимите за меня крепко.

…Помните, что вы должны сделаться русскою по душе, а не по имени. Кстати: не позабудьте же, что вы мне обещали всякий раз, когда встретите Даля, [Влад. Ив. Даль (1801–1872) – известный в эти годы и очень ценимый Гоголем беллетрист-бытовик (псевдоним «Казак Луганский»); впоследствии автор «Толкового словаря живого великорусского языка» (1-е изд. 1861–1867).] заставлять его рассказывать о быте крестьян в разных губерниях России. Между крестьянами особенно слышится оригинальность нашего русского ума. Когда случится вам видеть Плетнева, не забывайте его расспрашивать о всех русских литераторах, с которыми он был в сношениях. Эти люди более

русские, нежели люди других сословий, и потому вы необходимо узнаете многое такое, что́ объяснит вам еще удовлетворительнее русского человека. Если будете видеться с Александрой Осиповной, говорите с ней только о России. В последнее время она много увидела и узнала из того, что́ делается внутри России. Она также может вам назвать многих замечательных людей, с которыми разговор не бесполезен. Словом, имейте теперь дело с теми людьми, которые уже не имеют дела со светом и знают то, чего не знает свет…

«Письма», IV, стр. 225–227.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Москва, 20 ноября 1848 г.

Здоров ли ты, друг? От Шевырева я получил экземпляр «Одиссеи». [Первый том «Одиссеи» в переводе Жуковского вышел осенью 1848 г. с пометою «1849 год».] Ее появленье в нынешнее время необыкновенно значительно. Влияние ее на публику еще вдали; весьма может быть, что в пору нынешнего лихорадочного своего состоянья большая часть читающей публики не только ее не разнюхает, но даже и не приметит. Но зато это сущая благодать и подарок всем тем, в душах которых не погасал священный огонь и у которых сердце приуныло от смут и тяжелых явлений современных. Ничего нельзя было придумать для них утешительнее. Как на знак божьей милости к нам должны мы глядеть на это явление, несущее ободренье и освеженье в наши души.

О себе, покуда, могу сказать немного. Соображаю, думаю и обдумываю второй том «М[ертвых] Д[уш]». Читаю преимущественно то, где слышится сильней присутствие русского духа. Прежде чем примусь сурьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и речью. Боюсь нагрешить противу языка. Как ты? Дай о себе словечко. Поклонись всем, кто любит меня и помнит.

Весь твой Н. Гоголь.

«Письма», IV, стр. 231–232.

Н. В. Гоголь – К. И. Маркову

[Личность К. И. Маркова не выяснена. Это был один из читателей, откликнувшихся на предисловие Гоголя ко 2-му изданию «Мертвых Душ». В «Письмах» под ред. Шенрока это письмо неправильно помещено под 1847 годом.]

[Москва, ноябрь 1848 г.]

Очень вам благодарен за ваше письмо. На прежнее не отвечал по незнанью вашего адреса. Что же касается до II тома «М. Душ», то я не имел в виду собственно героя добродетелей. [Марков предостерегал Гоголя: «если вы выставите героя добродетели, то роман ваш станет наряду с произведениями старой школы». «Не пересолите добродетели» и т. п.] Напротив, почти все действующие лица могут назваться героями недостатков. Дело только в том, что характеры значительнее прежних и что намеренье автора было войти здесь глубже в высшее значение жизни, нами опошленной, обнаружив видней русского человека не с одной какой-либо стороны. О прочих пунктах письма вашего переговорим когда-нибудь лично, – мы же, кажется, соседи.

Искренно благодарен за ваши письма.

Н. Гоголь.

«Письма», IV, стр. 98.

Из воспоминаний А. М. Бухарева

[Ал-др Матв. Бухарев (1822–1871) – в монашестве Федор, проф. Казанской дух. академии, автор брошюры «Три письма к Гоголю». П., 1861.]

Помнится, когда кое-что прочитал я Гоголю из моего разбора «Мертвых Душ», желая только познакомить его с моим способом рассмотрения этой поэмы, то я его прямо спросил, чем именно должна кончиться эта поэма. Он, задумавшись, выразил свое затруднение высказать это с обстоятельностью. Я возразил, что мне только нужно знать, оживет ли, как следует, Павел Иванович. Гоголь, как будто с радостью, подтвердил, что это непременно будет, и оживлению его послужит прямым участием сам царь, и первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма. В изъяснении этой развязки он несколько распространился, но, опасаясь за неточность припоминания подробностей, ничего не говорю об этих его речах. «А прочие спутники Чичикова в „Мертвых Душах“? – спросил я Гоголя, – и они тоже воскреснут?» – «Если захотят», – ответил он с улыбкою; и потом стал говорить, как необходимо далее привести ему своих героев в столкновение с истинно хорошими людьми, и проч., и проч.

«Три письма к Гоголю» (1848 г.) архим. Федора.

Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому

Москва, май (?) 1849 г.

Миллион поцелуев и ничего больше! Известие об оконченной

и напечатанной «Одиссее» отняло язык. [2-я часть «Одиссеи» была отпечатана в половине мая 1849 г.] Скотина Чичиков едва добрался до половины своего странствования. Может быть, оттого, что русскому герою с русским народом нужно быть несравненно увертливей, нежели греческому с греками. Может быть, и оттого, что автору «Мертвых Душ» нужно быть гораздо лучше душой, нежели скотина Чичиков. Письмо напишу, и будет длинное.

Твой Н. Гоголь.

«Письма», IV, стр. 285.

Из воспоминаний Я. К. Грота

До 1849 года я с Гоголем встречался редко, хотя давно познакомился с ним. Мы оба не жили в Петербурге и, только съезжаясь на короткое время с разных сторон, виделись иногда у П. А. Плетнева. Но в означенном году летом я был в Москве, и тут мы посещали друг друга. Гоголь жил тогда у гр. [А. П.] Толстого в д. Талызина на Никитском бульваре, поблизости Арбатских ворот. Из его разговоров мне особенно памятно следующее. Он жаловался, что слишком мало знает Россию; говорил, что сам сознает недостаток, которым от этого страдают его сочинения. «Я нахожусь в затруднительном положении, – рассуждал он, – чтобы лучше узнать Россию и русский народ, мне необходимо было бы путешествовать, а между тем уже некогда: мне около 40 лет, а время нужно, чтобы писать». Отказываясь поэтому от мысли о путешествиях по России, Гоголь придумал другое средство пополнить свои сведения об отечестве. Он решился просить всех своих приятелей, знакомых с разными краями России или еще собирающихся в путь, сообщать ему свои наблюдения по этому предмету. О том просил он и меня. Но любознательность Гоголя не ограничивалась желанием узнать Россию со стороны быта и нравов. Он желал изучить ее во всех отношениях. Мысль эта давно занимала Гоголя, и для достижения этой цели он не пренебрегал даже и самыми скудными средствами. Живя за границей, он не переставал читать книги, которые казались ему пособиями для этого. И что же читал он для своего назидания с особенным вниманием? Россию Булгарина! [«Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» – 6 ч. П. 1837. Настоящим автором книги был Николай Алексеевич Иванов (1811–1869), профессор истории в Казанском, затем в Дерптском университете. Будучи слушателем профессорского института в Дерпте, он продал Булгарину право выпустить книгу под его (Булгарина) именем. Именно это имя

Булгарина и компрометировало книгу в глазах многих.] Это рассказывал мне тогда А. О. Россет, возвратясь из чужих краев, где он часто заставал Гоголя за этим чтением. Гоголь подчеркивал карандашом любопытнейшие места в книге Булгарина. Взяв с меня обещание доставлять ему заметки о тех местах России, которые я увижу, Гоголь стал расспрашивать меня и о Финляндии, где я жил в то время. Между прочим, его интересовала флора этой страны; он пожелал узнать, есть ли по этому предмету какое-нибудь хорошее сочинение и попросил выслать ему, когда я возвращусь в Гельсингфорс, незадолго перед тем появившуюся книгу Нюландера [Финская флора], что я и исполнил впоследствии.

«Русский Архив», 1864 г., стр. 1065.

Из воспоминаний Л. И. Арнольди

[Лев Ив. Арнольди (1822–1860) – единоутробный брат А. О. Смирновой. Воспоминания относятся к лету 1849 г.]

I

…На другой день, я с сестрой заехал к Гоголю утром. В комнате его был большой беспорядок; он был занят чтением какой-то старинной ботаники. Покуда он разговаривал с сестрой, я нескромно заглянул в толстую тетрадь, лежавшую на его письменном столе, и прочел только: Генерал-губернатор, как Гоголь бросился ко мне, взял тетрадь и немного рассердился. Я сделал это неумышленно и бессознательно, и тотчас же попросил у него извинения. Гоголь улыбнулся, и спрятал тетрадь в ящик. «А что ваши „Мертвые Души“, Николай Васильевич», – спросила у него сестра. «Да так себе, подвигаются по-немногу. Вот приеду к вам в Калугу, и мы почитаем». Вообще Гоголь был очень весел и бодр в этот день. Вечером он опять явился к нам в гостиницу. Мы пили чай, а он красное вино с теплою водой и сахаром. В одиннадцать часов я провожал его снова до Никитских ворот. [Т. е. до дома А. П. Толстого, где Гоголь жил.] Ночь была чудная, светлая, теплая. Гоголь шел очень скоро и всё повторял какие-то звучные стихи. На Тверском бульваре мы встретили стройную женщину, закутанную с ног до головы в черный плащ. На лицо был опущен черный вуаль. Гоголь вдруг остановился и сказал: «Знаете ли вы это двустишие Н.? [Вероятно, Серг. Ал-еев. Неелова (1778–1852). См. о нем „Русские Пропилеи“ М. О. Гершензона, вып. 2.] А стих? как вам нравится рифма: флёра, полотера?»

До моей квартиры он несколько раз повторил это двустишие и смеялся.

В продолжение двух недель я виделся с Гоголем почти каждый день; он был здоров, весел, но ничего не говорил ни о «Мертвых Душах», ни о «Переписке с друзьями», и вообще, сколько я помню ничего не сказал всё это время особенно замечательного. Раз только, ночью, когда я по обыкновению провожал его до Никитских ворот, и нам опять попалось навстречу несколько таинственных лиц женского пола, выползающих обыкновенно на бульвар при наступлении ночи, Гоголь сказал мне: «Знаете ли, что на днях случилось со мной? Я поздно шел по глухому переулку, в отдаленной части города: из нижнего этажа одного грязного дома раздавалось духовное пение. Окна были открыты, но завешены легкими кисейными занавесками, какими обыкновенно завешиваются окна в таких домах. Я остановился, заглянул в одно окно, и увидал страшное зрелище! Шесть или семь молодых женщин, которых постыдное ремесло сейчас можно было узнать по белилам и румянам, покрывающим их лица, опухлые, изношенные, да еще одна толстая старуха отвратительной наружности, усердно молились богу перед иконой, поставленной в углу на шатком столике. Маленькая комната, своим убранством напоминающая все комнаты в таких приютах, была сильно освещена несколькими свечами. Священник в облачении служил всенощную, дьякон с причтом пел стихиры. Развратницы усердно клали поклоны. Более четверти часа простоял я у окна… На улице никого не было, и я помолился вместе с ними, дождавшись конца всенощной. Страшно, очень страшно, продолжал Гоголь; эта комната в беспорядке, имеющая свой особенный вид, свой особенный воздух, эти раскрашенные развратные куклы, эта толстая старуха, и тут же – образа, священник, евангелие и духовное пение! Не правда ли, что всё это очень страшно?» Этот рассказ Гоголя напомнил мне сцену из «Кларисы Гарло». Там тоже Ричардсон описывает сцену в этом роде.

II

…Наконец, в 5 часов вечера, мы уселись с Гоголем в тарантас, [Гоголь и Арнольди едут в Калугу к Смирновой.] француз [Камердинер Арнольди.] взобрался на козлы, ямщик стегнул лошадей, и всё пошло плясать и подпрыгивать по мостовой до самой Серпуховской заставы… Так мы ехали до Малоярославца. Гоголь много беседовал со мной; мы говорили о русской

литературе, о Пушкине, в котором он любил удивительно доброго и снисходительного человека, и умного, великого поэта. Говорили о Языкове, о Боратынском. [Евг. Абрам. Боратынский (р. 1800) умер в Неаполе 29 июня 1844 г., в то время как Гоголь жил в Германии. Лично они, по-видимому, не встречались. Оценку поэзии Боратынского Гоголь дал в статье «В чем же наконец существо русской поэзии» («строгий и сумрачный поэт, который показал так рано самобытное стремление мыслей к миру внутреннему» и т. д.).] Гоголь превосходно прочел мне два стихотворения Языкова: «Землетрясение» и еще другое. По его мнению «Землетрясение» было лучшее русское стихотворение. Потом говорил Гоголь о Малороссии, о характере малороссиянина и так развеселился, что стал рассказывать анекдоты, один другого забавнее и остроумнее. К сожалению, все они такого рода, что не годятся для печати. Особенно забавен показался мне анекдот о кавказском герое, генерале Вельяминове, верблюде и военном докторе малороссиянине. Мы много смеялись. Гоголь был в духе, беспрестанно снимал свою круглую серую шляпу, скидывал свой зеленый камлотовый плащ, и, казалось, вполне наслаждался чудным теплым июньским вечером, вдыхая в себя свежий воздух полей. Наконец, когда совершенно стемнело, мы оба задремали и проснулись только в 12 часов утра от солнечных лучей, которые стали сильно жарить лица наши. Малоярославец был уже в виду. Вдруг ямщик остановился, передал вожжи французу и соскочил с козел. «Что случилось?» – спросил я. «Тарантас сломался», – отвечал хладнокровно ямщик, заглядывая под тарантас. [Арнольди встретил своего знакомого – городничего, барона Э***; при его содействии тарантас был отдан в починку. Услыхав имя Гоголя, городничий захотел непременно с ним познакомиться.]

…К моему удивлению, Гоголь весьма любезно поклонился майору и протянул ему руку, прибавив: «Очень рад с вами познакомиться». – «А я совершенно счастлив, что вижу нашего знаменитого писателя, – отвечал городничий, – давно желал где-нибудь вас увидеть; читал все ваши сочинения и „Мертвые Души“, но в особенности люблю „Ревизора“, где вы так верно описали нашего брата городничего. Да, встречаются до сих пор еще… встречаются такие городничие». Гоголь улыбнулся и тотчас переменил разговор:

– Вы давно здесь?

– Нет, только полтора года.

– А городок, кажется, порядочный?

– Помилуйте, прескверный городишка, скука смертельная, общества никакого!

– Ну, а кроме чиновников живут ли здесь помещики?

– Есть, но немного, всего три семейства, но от них никакого прока, все между собой в ссоре.

– Отчего это, за что поссорились?

Тут я оставил Гоголя с городничим и пошел на станцию. Через четверть часа я застал их еще на том же месте. Гоголь говорил с ним уже о купцах и внимательно расспрашивал, кто именно и чем торгует, где сбывает свои товары, каким промыслом занимаются крестьяне в уезде; бывают ли в городе ярмарки и тому подобное. Я перебил их живой разговор предложением Гоголю позавтракать. Услыхав это, городничий стал извиняться, что уже отобедал, и потому жалеет, что не может просить нас к себе; но, кликнув будочника, послал его вперед в трактир, приготовить нам особенную комнату и обед, а сам пошел провожать нас. Гоголь впился в моего городничего, как пиявка, и не уставал расспрашивать его обо всем, чтó его занимало. У трактира городничий с нами раскланялся. На сцену явился половой и бойко повел нас по лестнице в особый нумер. Гоголь стал заказывать обед, выдумал какое-то новое блюдо из ягод, муки, сливок и еще чего-то, помню только, что оно вовсе не было вкусно. Покуда мы обедали, он все время разговаривал с половым, расспрашивал его, откуда он, сколько получает жалованья, где его родители, кто чаще других заходит к ним в трактир, какое кушанье больше любят чиновники в Малоярославце и какую водку употребляют, хорош ли у них городничий и тому подобное. Расспросил о всех живущих в городе и близ города и остался очень доволен остроумными ответами бойкого парня в белой рубашке, который лукаво улыбался, сплетничал на славу, и, как я полагаю, намеренно отвечал всякий раз так, чтобы вызвать Гоголя на новые расспросы и шутки. Наконец, ровно через час, тарантас подкатил к крыльцу, и мы, простившись с шоссе, поехали уже по большой калужской дороге. Гоголь продолжал быть в духе, восхищался свежею зеленью деревьев, безоблачным небом, запахом полевых цветов и всеми прелестями деревни. Мы ехали довольно тихо, а он беспрестанно останавливал кучера, выскакивал из тарантаса, бежал через дорогу в поле и срывал какой-нибудь цветок; потом садился, рассказывал мне довольно подробно, какого он класса, рода, какое его лечебное свойство, как называется он по-латыни и как называют его наши крестьяне. Окончив трактат о цветке, он втыкал его перед собой за козлами тарантаса, и через пять минут опять бежал за другим цветком, опять объяснял мне его качества, происхождение и ставил на то же место. Таким образом, через час с небольшим, образовался у нас в тарантасе целый цветник

желтых, лиловых, розовых цветов. Гоголь признался, что всегда любил ботанику и в особенности любил знать свойства, качества растений и доискиваться, под какими именами эти растения известны в народе и на что им употребляются. «Терпеть не могу, – прибавил он, – эти новые ботаники, в которых темно и ученым слогом толкуют о вещах самых простых. Я всегда читаю те старинные ботаники и русские и иностранные, которые теперь уже не в моде, а которые между тем сто раз лучше объясняют вам дело».

Л. И. Арнольди, стр. 62–68.

Из воспоминаний А. О. Смирновой (В изложении П. А. Кулиша)

…Еще до переезда с дачи в город Гоголь предложил А. О. Смирновой прочесть ей несколько глав из второго тома «Мертвых Душ», с тем условием, чтоб никого при этом чтении не было и чтоб об этом не было никому ни писано, ни говорено. Он приходил к ней по утрам в 12 часов и читал почти до 2-х. Один раз был допущен к слушанию брат ее, Л. И. Арнольди.

Уцелевший от сожжения обрывок второго тома «Мертвых Душ» давно уж отпечатан и известен каждому. То, что читал Гоголь А. О. Смирновой, начиналось не так, как в печати. Читатель помнит торжественный тон окончания первого тома. В таком тоне начинался, по ее словам, и второй. Слушатель с первых строк был поставлен в виду обширной картины, соответствовавшей словам: «Русь! куда несешься ты? дай ответ!» и пр.; потом эта картина суживалась, суживалась и наконец входила в рамки деревни Тентетникова. Нечего и говорить о том, что всё читанное Гоголем было несравненно выше, нежели в оставшемся брульоне. В нем очень многого недостает даже в тех сценах, которые остались без перерывов. Так, например, анекдот о черненьких и беленьких рассказывается генералу во время шахматной игры, в которой Чичиков овладевает совершенно благосклонностью Бетрищева; в домашнем быту генерала пропущены лица – пленный французский капитан Эскадрон и гувернантка англичанка. В дальнейшем развитии поэмы недостает описания деревни Вороного-Дрянного, из которой Чичиков переезжает к Костанжогло. Потом нет ни слова об имении Чегранова, управляемом молодым человеком, недавно выпущенным из университета. Тут Платонов, спутник Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портрет, а потом они встречают у брата генерала Бетрищева живой подлинник этого портрета, и начинается роман, из которого Чичиков, как из всех

других обстоятельств, каковы б они ни были, извлекает свои выгоды. Первый том, по словам А. О. Смирновой, совершенно побледнел в ее воображении перед вторым: здесь юмор возведен был в высшую степень художественности и соединялся с пафосом, от которого захватывало дух. Когда слушательница спрашивала: неужели будут в поэме еще поразительнейшие явления? Гоголь отвечал:

– Я очень рад, что это вам так нравится, но погодите: будут у меня еще лучшие вещи: будет у меня священник, будет откупщик, будет генерал-губернатор.

«Записки», т. II, стр. 226–227.

Из воспоминаний Л. И. Арнольди

I

…Через неделю с небольшим, после нашего приезда в Калугу в одно утро я захотел войти к сестре моей в кабинет; но мне сказали, что там Гоголь читает свои сочинения и что сестра просила, по желанию Гоголя, никого не впускать к ней. Постояв у дверей, я действительно услыхал чтение Гоголя. Оно продолжалось до обеда. Вечером сестра рассказывала мне, что Гоголь прочел ей несколько глав из второго тома «Мертвых Душ» и что всё им прочитанное было превосходно. Я, разумеется, просил ее уговорить Гоголя допустить и меня к слушанию: он сейчас же согласился, и на другой день мы собрались для этого в одиннадцать часов утра на балконе, уставленном цветами. Сестра села за пяльцы, я покойно поместился в кресле против Гоголя, и он начал читать нам сначала ту первую главу второго тома, которая вышла в свет после его смерти уже. Сколько мне помнится, она начиналась иначе и, вообще, была лучше обработана, хотя содержание было то же. Хохотом генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею следовала другая, в которой описан весь день в генеральском доме. Чичиков остался обедать. К столу явились кроме Уленьки еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанец или португалец, проживавший у Бетрищева в деревне с незапамятных времен и неизвестно для какой надобности. Первая была девица средних лет, существо бесцветное, некрасивой наружности, с большим тонким носом и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по целым дням и только беспрерывно вертела глазами в разные стороны с глупо-вопросительным взглядом. Португалец,

сколько я помню, назывался Экспантон, Эситендон или что-то в этом роде, [По записи Бартенева (со слов Арнольди) – Эспартерон.] но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто – Эскадрон. Он тоже постоянно молчал, но после обеда должен был играть с генералом в шахматы. За обедом не произошло ничего необыкновенного. Генерал был весел и шутил с Чичиковым, который ел с большим аппетитом; Уленька была задумчива и лицо ее оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетникове. После обеда генерал сел играть с испанцем в шахматы и, подвигая шашки вперед, беспрерывно повторял: «полюби нас беленькими…» «Черненькими, ваше превосходительство», – перебивал его Чичиков. «Да, – повторял генерал, – полюби нас черненькими, а беленькими нас сам господь бог полюбит». Через пять минут он опять ошибался, и начинал опять: «Полюби нас беленькими», и опять Чичиков поправлял его, и опять генерал, смеясь, повторял: «Полюби нас черненькими, а беленькими нас сам господь бог полюбит». После нескольких партий с испанцем генерал предложил Чичикову сыграть одну или две партии, и тут Чичиков выказал необыкновенную ловкость. Он играл очень хорошо, затруднял генерала своими ходами и кончил тем, что проиграл; генерал был очень доволен тем, что победил такого сильного игрока, и еще более полюбил за это Чичикова. Прощаясь с ним, он просил его возвратиться скорее и привести с собою Тентетникова. Приехав к Тентетникову в деревню, Чичиков рассказывает ему, как грустна Уленька, как жалеет генерал, что его не видит, что генерал совершенно раскаивается и, чтобы кончить недоразумение, намерен сам первый к нему приехать с визитом и просить у него прощения. Все это Чичиков выдумал. Но Тентетников, влюбленный в Уленьку, разумеется, радуется предлогу и говорит, что если все это так, то он не допустит генерала до этого, а сам завтра же готов ехать, чтобы предупредить его визит. Чичиков это одобряет, и они условливаются ехать вместе на другой день к генералу Бетрищеву. Вечером того же дня Чичиков признается Тентетникову, что соврал, рассказав Бетрищеву, что будто бы Тентетников пишет историю о генералах. Тот не понимает, зачем это Чичиков выдумал, и не знает, что́ ему делать, если генерал заговорит с ним об этой истории. Чичиков объясняет, что и сам не знает, как это у него сорвалось с языка; но что дело уже сделано, а потому убедительно просит его, ежели он уже не намерен лгать, то чтобы ничего не говорил, а только бы не отказывался решительно от этой истории, чтоб его не скомпрометировать перед генералом. За этим следует поездка их в деревню генерала; встреча Тентетникова с Бетрищевым, с

Уленькой и наконец обед. Описание этого обеда, по моему мнению, было лучшее место второго тома. Генерал сидел посредине, по правую его руку Тентетников, по левую Чичиков, подле Чичикова Уленька, подле Тентетникова испанец, а между испанцем и Уленькой англичанка; все казались довольны и веселы. Генерал был доволен, что помирился с Тентетниковым и что мог поболтать с человеком, который пишет историю отечественных генералов; Тентетников тем, что почти против него сидела Уленька, с которою он по временам встречался взглядами; Уленька была счастлива тем, что тот, кого она любила, опять с ними и что отец опять с ним в хороших отношениях, и наконец Чичиков был доволен своим положением примирителя в этой знатной и богатой семье. Англичанка свободно вращала глазами, испанец глядел в тарелку и поднимал свои глаза только тогда, как вносили новое блюдо. Приметив лучший кусок, он не спускал с него глаз во всё время, покуда блюдо обходило кругом стола или покуда лакомый кусок не попадал к кому-нибудь на тарелку. После второго блюда генерал заговорил с Тентетниковым о его сочинении и коснулся 12-го года. Чичиков струхнул и со вниманием ждал ответа. Тентетников ловко вывернулся. Он отвечал, что не его дело писать историю кампании, отдельных сражений и отдельных личностей, игравших роль в этой войне, что не этими геройскими подвигами замечателен 12-й год, что много было историков этого времени и без него; но что надобно взглянуть на эту эпоху с другой стороны: важно, по его мнению, то, что весь народ встал, как один человек, в защиту отечества; что все расчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, как все сословия соединились в одном чувстве любви к отечеству, как каждый спешил отдать последнее свое достояние и жертвовал всем для спасения общего дела; вот что важно в этой войне, и вот что желал он описать в одной яркой картине, со всеми подробностями этих невидимых подвигов и высоких, но тайных жертв! Тентетников говорил довольно долго и с увлечением, весь проникнулся в эту минуту чувством любви к России. Бетрищев слушал его с восторгом, и в первый раз такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, как бриллиант чистейшей воды, повисла на седых усах. Генерал был прекрасен; а Уленька? Она вся впилась глазами в Тентетникова, она, казалось, ловила с жадностью каждое его слово, она, как музыкой, упивалась его речами, она любила его, она гордилась им! Испанец еще более потупился в тарелку, англичанка с глупым видом оглядывала всех, ничего не понимая. Когда Тентетников кончил, водворилась тишина, все были взволнованы… Чичиков, желая поместить и

свое слово, первый прервал молчание: «Да, – сказал он, – страшные холода были в 12-м году!» – «Не о холодах тут речь», – заметил генерал, взглянув на него строго. Чичиков сконфузился. Генерал протянул руку Тентетникову и дружески благодарил его, но Тентетников был совершенно счастлив тем уже, что в глазах Уленьки прочел себе одобрение. История о генералах была забыта. День прошел тихо и приятно для всех. После этого, я не помню порядка, в котором следовали главы; помню, что после этого дня Уленька решилась говорить с отцом своим серьезно о Тентетникове. Перед этим решительным разговором, вечером, она ходила на могилу матери, и в молитве искала подкрепления своей решимости. После молитвы вошла она к отцу в кабинет, стала перед ним на колени и просила его согласия и благословения на брак с Тентетниковым. Генерал долго колебался и наконец согласился. Был призван Тентетников, и ему объявили о согласии генерала. Это было через несколько дней после мировой. Получив согласие, Тентетников, вне себя от счастия, оставил на минуту Уленьку и выбежал в сад. Ему нужно было остаться одному, с самим собою: счастье его душило!.. Тут у Гоголя были две чудные лирические страницы. В жаркий летний день, в самый полдень, Тентетников – в густом, тенистом саду, и кругом него мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описан был этот сад, каждая ветка на деревьях, палящий зной в воздухе, кузнечики в траве и все насекомые, и наконец всё то, что чувствовал Тентетников, счастливый, любящий и взаимно любимый! Я живо помню, что это описание было так хорошо, в нем было столько силы, колорита, поэзии, что у меня захватывало дыхание. Гоголь читал превосходно! В избытке чувств, от полноты счастья, Тентетников плакал, и тут же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невесте. В эту минуту в конце аллеи показывается Чичиков. Тентетников бросается к нему на шею и благодарит его: «Вы мой благодетель, вам обязан я моим счастьем; чем могу отблагодарить вас?.. всей моей жизни мало для этого…» У Чичикова в голове тотчас блеснула своя мысль: «Я ничего для вас не сделал; это случай, – отвечал он, – я очень счастлив, но вы легко можете отблагодарить меня!» «Чем, чем? – повторил Тентетников, – скажите скорее, и я все сделаю». Тут Чичиков рассказывает о своем мнимом дяде, и о том, что ему необходимо хотя на бумаге иметь 300 душ. «Да зачем же непременно мертвых? – говорит Тентетников, не хорошо понявший, чего, собственно, добивается Чичиков. – Я вам на бумаге отдам все мои 300 душ, и вы можете показать наше условие вашему дядюшке, а после, когда получите от него имение, мы уничтожим купчую». Чичиков остолбенел от

удивления! «Как? вы не боитесь сделать это?.. вы не боитесь, что я могу вас обмануть… употребить во зло ваше доверие?» Но Тентетников не дал ему кончить. «Как? – воскликнул он, – сомневаться в вас, которому я обязан более чем жизнию!» Тут они обнялись, и дело было решено между ними. Чичиков заснул сладко в этот вечер. На другой день в генеральском доме было совещание, как объявить родным генерала о помолвке его дочери, письменно или чрез кого-нибудь, или самим ехать. Видно, что Бетрищев очень беспокоился о том, как примут княгиня Зюзюкина и другие знатные его родные эту новость. Чичиков и тут оказался очень полезен: он предложил объехать всех родных генерала и известить о помолвке Уленьки и Тентетникова. Разумеется, он имел в виду при этом все те же мертвые души. Его предложение принято с благодарностью. Чего лучше, думал генерал, он человек умный, приличный, он сумеет объявить об этой свадьбе таким образом, что все будут довольны. Генерал для этой поездки предложил Чичикову дорожную двухместную коляску заграничной работы, а Тентетников четвертую лошадь. Чичиков должен был отправиться через несколько дней. С этой минуты на него все стали смотреть в доме генерала Бетрищева как на домашнего, как на друга дома. Вернувшись к Тентетникову, Чичиков тотчас же позвал к себе Селифана и Петрушку и объявил им, чтоб они готовились к отъезду. Селифан в деревне Тентетникова совсем изленился, спился и не походил вовсе на кучера, а лошади совсем оставались без присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими девками. Когда же привезли от генерала легкую, почти новую коляску и Селифан увидел, что он будет сидеть на широких козлах и править четырьмя лошадьми в ряд, то все кучерские побуждения в нем проснулись и он стал с большим вниманием и с видом знатока осматривать экипаж и требовать от генеральских людей разных запасных винтов и таких ключей, каких даже никогда и не бывает. Чичиков тоже думал с удовольствием о своей поездке: как он разляжется на эластических с пружинами подушках и как четверня в ряд понесет его легкую, как перышко, коляску.

Вот всё, что читал при мне Гоголь из второго тома «Мертвых Душ». Сестре же моей он прочел, кажется, девять глав. Она рассказывала мне после, что удивительно хорошо отделано было одно лицо в одной из глав; это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. [Чегранова. См. выше у Кулиша (со слов А. О. Смирновой).] Судьба привела ее в провинцию; ей уже за тридцать пять лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость. В это время она

встречается с везде и всегда скучающим Платоновым, который также израсходовал всего себя, таскаясь по светским гостиным. Им обоим показалась их встреча в глуши, среди ничтожных людей, их окружающих, каким-то великим счастьем; они начинают привязываться друг к другу, и это новое чувство, им незнакомое, оживляет их; они думают, что любят друг друга, и с восторгом предаются этому чувству. Но это оживление, это счастие было только на минуту, и чрез месяц после первого признания, они замечают, что это была только вспышка, каприз, что истинной любви тут не было, что они и не способны к ней, и затем наступает с обеих сторон охлаждение и потом опять скука и скука, и они, разумеется, начинают скучать, в этот раз еще более, чем прежде. Сестра уверяла меня, а С. П. Шевырев подтвердил, что характер этой женщины и вообще вся ее связь с Платоновым изображены были у Гоголя с таким мастерством, что ежели это правда, то особенно жаль, что именно эта глава не дошла до нас, потому что мы все остаемся теперь в том убеждении, что Гоголь не умел изображать женские характеры; и действительно везде, где они являлись в его произведениях, они выходили слабы и бледны. Это было замечено даже всеми критиками.

Когда Гоголь окончил чтение, то обратился ко мне с вопросом: «Ну, что вы скажете? Нравится ли вам?» – «Удивительно, бесподобно! – воскликнул я. – В этих главах вы гораздо ближе к действительности, чем в первом томе; тут везде слышится жизнь как она есть, без всяких преувеличений; а описание сада – верх совершенства». – «Ну, а не сделаете ли вы мне какого-либо замечания? Нет ли тут вещи, которая бы вам не совсем понравилась?» – возразил снова Гоголь. Я немного подумал, и откровенно отвечал ему, что Уленька кажется мне лицом немного идеальным, бледным, неоконченным. «К тому же, – прибавил я, – вы изобразили ее каким-то совершенством, а не говорите между тем, отчего она вышла такою, кто в этом виноват, каково было ее воспитание, кому она этим обязана… Не отцу же своему и глупой молчаливой англичанке?» Гоголь немного задумался, и прибавил: «Может быть и так. Впрочем, в последующих главах она выйдет у меня рельефнее. Я вообще не совсем доволен; еще много надо будет дополнить, чтобы характеры вышли покрупнее». Он не был доволен, а мне казалось, что я не выбросил бы ни единого слова, не прибавил ни одной черты: так все было обработано и окончено, кроме одной Уленьки…

II

…Вскоре после чтения второго тома «Мертвых Душ» я уехал в Москву, а Гоголь остался в Калуге еще на две недели. Прошел месяц с небольшим. Я был зван на именинный обед в Сокольники, к почтенному И. В. К[апнисту]. [Ив. Вас. Капнист – московский гражданский губернатор.] Гостей было человек семьдесят. Обедали в палатке, украшенной цветами; в саду гремела полковая музыка. Гоголь опоздал и вошел в палатку, когда уже все сидели за столом. Его усадили между двумя дамами, его великими почитательницами. После обеда мужчины, как водится, уселись за карты; девицы и молодежь рассыпались по саду. Около Гоголя образовался кружок, но он молчал и, развалившись небрежно в покойном кресле, забавлялся зубочисткой. Я сидел возле зеленого стола, за которым играли в ералаш три сенатора и военный генерал. Один из сенаторов, в военном же мундире, с негодованием посматривал на Гоголя. «Не могу видеть этого человека, – сказал он, наконец, обращаясь к другому сенатору, во фраке. – Посмотрите на этого гуся, как важничает, как за ним ухаживают! Что за аттитюда, [Поза.] что за аплон [Апломб.]» – и все четверо взглянули на Гоголя с презрением и пожали плечами. «Ведь это революционер, – продолжал военный сенатор, – я удивляюсь, право, как это пускают его в порядочные дома? Когда я был губернатором и когда давали его пиесы в театре, поверите ли, что при всякой глупой шутке или какой-нибудь пошлости, насмешке над властью, весь партер обращался к губернаторской ложе. Я не знал, куда деться, наконец не вытерпел и запретил давать его пиесы. У меня в губернии никто не смел и думать о „Ревизоре“ и других его сочинениях. Я всегда удивлялся, как это правительство наше не обращало внимания на него: ведь его стоило бы за эти „Мертвые Души“, и в особенности за „Ревизора“, сослать в такое место, куда ворон костей не заносит!» Остальные партнеры почтенного сенатора совершенно были согласны с его замечаниями и прибавили только: «Что и говорить, он опасный человек, мы давно это знаем». Через несколько дней я встретил Гоголя на Тверском бульваре, и мы гуляли вместе часа два. Разговор зашел о современной литературе. Я прежде никогда не видал у Гоголя ни одной книги, кроме сочинений отцов церкви и старинной ботаники, потому весьма удивился, когда он заговорил о русских журналах, о русских новостях, о русских поэтах. Он всё читал и за всем следил. О сочинениях Тургенева, Григоровича, Гончарова отзывался с большою похвалой. «Это всё явления утешительные для будущего, – говорил он. – Наша литература в последнее время сделала крутой поворот и попала на настоящую дорогу. Только стихотворцы наши хромают, и времена Пушкина, Боратынского и Языкова возвратиться не могут!»

– Вы вчера, кажется, читали несколько глав из второго тома И. В. [Капнисту]? – оказал я.

– Читал, а что?

– Я не понимаю, Николай Васильевич, какую вы имеете охоту читать ему ваши сочинения! Он вас очень любит и уважает, но как человека, а вовсе не как писателя! Знаете ли, что он мне сказал вчера? Что, по его мнению, у вас нет ни на грош таланта! Несмотря на свой обширный ум, И. В. ничего не смыслит в изящной литературе и поэзии; я не могу слышать его суждений о наших писателях. Он остановился на «Водопаде» Державина, и дальше не пошел. Даже Пушкина не любит; говорит, что стихи его звучны, гладки, но что мыслей у него нет, и что он ничего не произвел замечательного.

Гоголь улыбнулся… – Вот что он так отзывается о Пушкине, я этого не знал; а что мои сочинения он не любит, это мне давно известно, но я уважаю И. В. и давно его знаю. Я читал ему мои сочинения именно потому, что он их не любит и предупрежден против них. Что мне за польза читать вам или другому, кто восхищается всем, что́ я ни написал! Вы, господа, заранее предупреждены в мою пользу и настроили себя на то, чтобы находить всё прекрасным в моих сочинениях. Вы редко, очень редко сделаете мне отдельное строгое замечание, а И. В., слушая мое чтение, отыскивает только одни слабые места и критикует строго и беспощадно, а иногда и очень умно. Как светский человек, как человек практический и ничего не смыслящий в литературе, он иногда, разумеется, говорит вздор, но зато в другой раз сделает такое замечание, которым я могу воспользоваться. Мне именно полезно читать таким умным не литературным судьям. Я сужу о достоинстве моих сочинений по тому впечатлению, какое они производят на людей, мало читающих повести и романы. Если они рассмеются, то значит, уже действительно смешно, если будут тронуты, то значит, уже действительно трогательно, потому что они с тем уселись слушать меня, чтобы ни за что не смеяться, чтобы ничем не трогаться, ничем не восхищаться. Слушая Гоголя, я невольно вспомнил о кухарке Мольера. [Следовало «о няне Мольера». По преданию, Мольер, перед постановкой своих комедий читал их своей няне, чтобы сообразить, какое впечатление они могут произвести на публику.]

Л. И. Арнольди, стр. 74–87.

Из воспоминаний кн. Д. А. Оболенского

[Д. А. Оболенский (1822–1881) – впоследствии видный

бюрократ. В эти годы – тов. председателя 1-го департамента палаты гражданского суда.]

[В июле месяце] 1849 года проездом через Калугу в имение отца моего я застал Гоголя, гостившего у А. О. Смирновой, и обещал ему на обратном пути заехать за ним, чтобы вместе отправиться в Москву. Пробыв в деревне недолго, я в условленный день прибыл в Калугу и провел с Гоголем весь вечер у А. О. Смирновой, а после полуночи мы решили выехать.

С Гоголем я познакомился еще в 1848 году летом в Москве, и мы видались часто. Родственные мои отношения к графу А. П. Толстому, у которого Николай Васильевич в то время жил в Москве, [Ошибка. Летом 1848 г. Гоголь не был в Москве, а осенью этого года жил у Погодина.] и дружба моя с кругом людей, которых Гоголь по справедливости считал самыми близкими своими друзьями, расположила его в мою пользу, и он не раз выказывал мне знаки своего дружеского внимания. От того ли, что неожиданно представилась ему приятная оказия выехать в Москву, куда торопился, или от другой причины, только помню, что весь вечер Гоголь был в отличном расположении духа и сохранил его во всю дорогу. Живо справил он свой чемоданчик, заключавший всё его достояние, но главная забота его заключалась в том: как бы уложить свой портфель так, чтобы он постоянно оставался на видном месте. Решено было поставить портфель в карете к нам в ноги, и Гоголь тогда только успокоился за целость его, когда мы уселись в дормез и он увидел, что портфель занимает приличное и безопасное место, не причиняя, вместе с тем, нам никакого беспокойства.

Портфель этот заключал в себе только еще вчерне оконченный второй том «Мертвых Душ».

Читатели моего поколения легко могут себе представить, с каким чувством возбужденного любопытства смотрел я во всю дорогу на этот портфель.

Чем был для молодых людей нашего поколения Гоголь – о том с трудом могут судить люди новейшего времени.

Я принадлежал к числу тех поклонников таланта Гоголя, которые и после издания его «Переписки с друзьями» не усомнились в могучей силе его дарования.

Из рассказов графа А. П. Толстого, которому Гоголь читал еще вчерне отрывки из 2-й части «Мертвых Душ», я уже несколько знал, какой серьезный оборот должна принять поэма в окончательном своем развитии. Письма самого Гоголя о «Мертвых Душах» подготовляли также публику к чему-то неожиданному. Всё это усиливало мое любопытство, и я, пользуясь хорошим расположением духа Гоголя и скверной

дорогой, мешавшей нам скоро уснуть, заводил на разные лады разговор о лежащей в ногах наших рукописи. Но узнал немногое. Гоголь отклонял разговор, объясняя, что много еще ему предстоит труда, но что черная работа готова и что к концу года надеется кончить, ежели силы ему не изменят. Я выразил ему опасение, что цензура будет к нему строга, но он не разделял моего опасения, а только жаловался на скуку издательской обязанности и возни с книгопродавцами, так как он имел намерение прежде выпуска 2-й части «Мертвых Душ» сделать новое издание своих сочинений.

К утру мы остановились на станции чай пить. Выходя из кареты, Гоголь вытащил портфель и понес его с собою, это делал он всякий раз, как мы останавливались. Веселое расположение духа не оставляло Гоголя. На станции я нашел штрафную книгу и прочел в ней довольно смешную жалобу какого-то господина. Выслушав ее, Гоголь спросил меня:

– А как вы думаете, кто этот господин? Каких свойств и характера человек?

– Право не знаю, – отвечал я.

– А вот я вам расскажу. – И тут же начал самым смешным и оригинальным образом описывать мне сперва наружность этого господина, потом рассказал мне всю его служебную карьеру, представляя даже в лицах некоторые эпизоды его жизни. Помню, что я хохотал, как сумасшедший, а он всё это выделывал совершенно серьезно. За сим он рассказал мне, что как-то одно время они жили вместе с Н. М. Языковом (поэтом) и вечером, ложась спать, забавлялись описанием разных характеров и за сим придумывали для каждого характера соответственную фамилию. «Это выходило очень смешно, – заметил Гоголь и при этом описал мне один характер, которому совершенно неожиданно дал такую фамилию, которую печатно назвать неприлично. – И был он родом из грек!» – так кончил Гоголь свой рассказ.

Утром во время пути, при всякой остановке, выходил Гоголь на дорогу и рвал цветы, и ежели при том находились мужик или баба, то всегда спрашивал название цветов; он уверял меня, что один и тот же цветок в разных местностях имеет разные названия и что, собирая эти разные названия, он выучил много новых слов, которые у него пойдут в дело.

За несколько станций до Москвы я решился сказать Гоголю:

– Однако, знаете, Николай Васильевич, ведь это бесчеловечно, что вы со мной делаете. Я всю ночь не спал, глядя на этот портфель. Неужели он так и останется для меня закрытым?

Гоголь с улыбкой посмотрел на меня и сказал:

– Еще теперь нечего читать, когда придет время, я вам скажу.

Мы расстались с Гоголем в Москве. Я отправился в Петербург и от друзей Гоголя часто получал известия, что Гоголь усердно работал.

Д. А. Оболенский, стр. 941–943.

А. О. Смирнова – Н. В. Гоголю

Калуга, 1 августа 1849 г.

Как жаль, что вы так мало пишете о Тентетникове: меня они все очень интересуют, и часто я думаю о Костанжогло и Муразове. Уленьку немного сведите с идеала и дайте работу жене Костанжогло: она уже слишком жалка. [Из сравнения дошедших редакций второй части «Мертвых Душ» видно, что Гоголь воспользовался и тем и другим советом Смирновой.] А впрочем всё хорошо.

Барсуков, X, стр. 322.

И. В. Киреевский – матери

[Авдотье Петровне Елагиной, урожд. Юшковой.]

Москва, 8 августа 1849 г.

…Гоголя мы видели вчера. Второй том «Мертвых Душ» написан, но еще не приведен в порядок, для чего ему нужно будет употребить еще год. [Передаваемые здесь и в других местах со слов Гоголя и его друзей известия о ходе работ над второй частью «Мертвых Душ» – противоречивы, так как понятие «окончания» работы в представлении Гоголя было колеблющимся.]

«Русский Архив», т. II, № 5.

Из воспоминаний С. Т. Аксакова

…Он много гулял у нас по рощам (с приезда в Абрамцево 14 августа 1849) и забавлялся тем, что, находя грибы, собирал их и подкладывал мне на дорожку, по которой я должен был возвращаться домой. Я почти видел, как это он делал. По вечерам читал с большим одушевлением переводы древних Мерзлякова, [Ал-ей Фед. Мерзляков (1778–1830) – профессор Московского университета, поэт, критик, переводчик. Его «Подражения и переводы из греч. и латин. стихотворцев» 2 тт. вышли в 1825–1826 гг.] из которых особенно ему нравились гимны Гомера. [«Гомеровские» или «гомерические» гимны (раньше приписывавшиеся Гомеру) – песни греческих рапсодов VII и след. вв. до н. э.; по содержанию славословия богам.] Так шли вечера

до 18-го числа, 18-го вечером, Гоголь, сидя на своем обыкновенном месте, вдруг сказал:

– Да не прочесть ли нам главу «Мертвых Душ»?

Мы были озадачены его словами и подумали, что он говорит о первом томе «Мертвых Душ». Сын мой Константин даже встал, чтоб принести их сверху, из своей библиотеки, но Гоголь удержал его за рукав и сказал:

– Нет, уж я вам прочту из второго.

И с этими словами вытащил из своего огромного кармана большую тетрадь.

Не могу выразить, что сделалось со всеми нами. Я был совершенно уничтожен. Не радость, а страх, что я услышу что-нибудь недостойное прежнего Гоголя, так смутил меня, что я совсем растерялся. Гоголь сам был сконфужен. Ту же минуту все мы придвинулись к столу, и Гоголь прочел первую главу второго тома «Мертвых Душ». С первых страниц я увидел, что талант Гоголя не погиб, и пришел в совершенный восторг. Чтение продолжалось час с четвертью. Гоголь несколько устал и, осыпаемый нашими искренними и радостными приветствиями, скоро ушел наверх, в свою комнату, потому что уже прошел час, в который он обыкновенно ложился спать, т. е. 11 часов.

Тут только мы догадались, что Гоголь с первого дня имел намерение прочесть нам первую главу из второго тома «Мертвых Душ», которая одна, по его словам, была отделана, и ждал от нас только какого-нибудь вызывающего слова. Тут только припомнили мы, что Гоголь много раз опускал руку в карман, как бы хотел что-то вытащить, но вынимал пустую руку.

На другой день Гоголь требовал от меня замечаний на прочитанную главу; но нам помешали говорить о «Мертвых Душах». Он уехал в Москву, и я написал к нему письмо, в котором сделал несколько замечаний и указал на особенные, по моему мнению, красоты. Получив мое письмо, Гоголь был так доволен, что захотел видеть меня немедленно. Он нанял карету, лошадей и в тот же день прикатил к нам в Абрамцево. Он приехал необыкновенно весел или, лучше сказать, светел и сейчас сказал:

– Вы заметили мне именно то, что я сам замечал, но не был уверен в справедливости моих замечаний. Теперь же я в них не сомневаюсь, потому что то же заметил другой человек, пристрастный ко мне.

Гоголь прожил у нас целую неделю; до обеда раза два выходил гулять, а остальное время работал; после же обеда всегда что-нибудь читали. Мы просили его прочесть следующие главы, но он убедительно просил, чтоб я погодил. Тут он сказал мне, что он прочел уже несколько глав А. О. Смирновой и С. П.

Шевыреву, что сам он увидел, как много надо переделать, и что прочтет мне их непременно, когда они будут готовы.

6-го сентября Гоголь уехал в Москву вместе с Ольгою Семеновною. Прощаясь, он повторил ей обещание прочесть нам следующие главы «Мертвых Душ» и велел непременно сказать это мне.

В январе 1850 года Гоголь прочел нам в другой раз первую главу «Мертвых Душ». Мы были поражены удивлением: глава показалась нам еще лучше и как будто написана вновь. Гоголь был очень доволен таким впечатлением и сказал:

– Вот что значит, когда живописец даст последний туш своей картине. Поправки, по-видимому, самые ничтожные: там одно словцо убавлено, здесь прибавлено, а тут переставлено – и всё выходит другое. Тогда надо напечатать, когда все главы будут так отделаны…

Оказалось, что он воспользовался всеми сделанными ему замечаниями.

Января 19-го Гоголь прочел нам вторую главу второго тома «Мертвых Душ», которая была довольно отделана и не уступала первой в достоинстве; а до отъезда своего в Малороссию [Т. е. до 13 июня 1850 г.] он прочел третью и четвертую главы.

«История моего знакомства».

Из воспоминаний Н. В. Берга

I

…Однажды, кажется в том же 1848 году, зимой, был у Погодина вечер, на котором Щепкин читал что-то из Гоголя. [Вероятно, 11 ноября 1848 г. О вечере, устроенном в этот день в честь Гоголя, Погодин записал в дневнике: «Гоголь испортил и досадно».] Гоголь был тут же. Просидев совершенным истуканом в углу, рядом с читавшим, час или полтора, со взглядом, устремленным в неопределенное пространство, он встал и скрылся…

Впрочем, положение его в те минуты было точно затруднительное: читал не он сам, а другой; между тем вся зала смотрела не на читавшего, а на автора, как бы говоря: «А! Вот ты какой, господин Гоголь, написавший нам эти забавные вещи!»

Другой раз было назначено у Погодина же чтение комедии Островского «Свои люди – сочтемся», [3 декабря 1849 г. Комедия первоначально называвшаяся «Несостоятельный должник», затем «Банкрот», была незадолго до этого (23 ноября) запрещена

театральной цензурой. Сцены из комедии «Несостоятельный должник» были напечатаны в «Моск. Гор. Листке», 1847 г., № 7 под буквами А. О. и Д. Г. Ал-др Ник. Островский, кроме того, напечатал к этому времени «Картину семейного счастья» и «Записки замоскворецкого жителя» (в той же газете, в том же году – анонимно). «Свои люди – сочтемся» напечатана полностью в «Москвитянине», 1850 г. (март) и отдельно – тогда же.] тогда еще новой, наделавшей значительного шуму во всех литературных кружках Москвы и Петербурга, а потому слушающих собралось довольно: актеры, молодые и старые литераторы, между прочим графиня Ростопчина, только что появившаяся в Москве после долгого отсутствия и обращавшая на себя немалое внимание. Гоголь был зван также, но приехал середи чтения, тихо подошел к двери и стал у притолоки. Так и простоял до конца, слушая, по-видимому, внимательно.

После чтения он не проронил ни слова. Графиня подошла к нему и спросила: «Что вы скажете, Николай Васильевич?» – «Хорошо, но видна некоторая неопытность в приемах. Вот этот акт нужно бы подлиннее, а этот покороче. Эти законы узнаются после, и в непреложность их не сейчас начинаешь верить».

Больше ничего он не говорил, кажется, ни с кем во весь тот вечер. К Островскому, сколько могу припомнить, не подходил ни разу. [Из воспоминаний С. В. Максимова известно, что Гоголь набросал на записке отзыв о «Банкроте» (одобрительный) и передал Островскому через Погодина.] После, однако, я имел случай не раз заметить, что Гоголь ценит его талант и считает его между московскими литераторами самым талантливым. Раз, в день его именин, которые справлял он в бытность свою в Москве постоянно у Погодина в саду, ехали мы с Островским откуда-то вместе на дрожках и встретили Гоголя, направлявшегося к Девичьему полю. [9 мая 1850 г. На Девичьем поле жил Погодин.] Он соскочил со своих дрожек и пригласил нас к себе на именины; мы тут же и повернули за ним. Обед, можно сказать, в исторической аллее, где я видел потом много памятных для меня других обедов с литературным значением, прошел самым обыкновенным образом. Гоголь был ни весел, ни скучен. Говорил и хохотал более всех Хомяков, читавший нам, между прочим, знаменитое объявление в «Московских Ведомостях» о волках с белыми лапами, явившееся в тот день. Были: молодые Аксаковы, Кошелев, [Ал-др Ив. Кошелев (1806–1883) – писатель-славянофил.] Шевырев, Максимович…

II

…В другой раз, в припадке… литературной откровенности, кажется у Шевырева, Гоголь рассказал при мне, как он обыкновенно пишет, какой способ писать считает лучшим.

«Сначала нужно набросать всё, как придется, хотя бы плохо, водянисто, но решительно всё, и забыть об этой тетради. Потом через месяц, через два, иногда и более (это скажется само собою) достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не так, много лишнего, а кое-чего и недостает. Сделайте поправки и заметки на полях – и снова забросьте тетрадь. При новом пересмотре ее – новые заметки на полях, и где не хватит места – взять отдельный клочок и приклеить сбоку. Когда всё будет таким образом исписано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тут сами собой явятся новые озарения, урезы, добавки, очищения слога. Между прежних вскочат слова, которые необходимо там должны быть, но которые почему-то никак не являются сразу. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не делайте ничего или хоть пишите другое. Придет час, вспомнится брошенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тем же способом и, когда снова она будет измарана, перепишите ее собственноручно. Вы заметите при этом, что вместе с крепчанием слога, с отделкой, очисткой фраз как бы крепчает и ваша рука: буквы ставятся тверже и решительнее. Так надо делать, по-моему, восемь раз. Для иного, может быть, нужно меньше, а для иного и еще больше. Я делаю восемь раз. Только после восьмой переписки, непременно собственною рукою, труд является вполне художнически законченным, достигает перла создания. Дальнейшие поправки и пересматривания, пожалуй, испортят дело; что называется у живописцев: зарисуешься. Конечно, следовать постоянно таким правилам нельзя, трудно. Я говорю об идеале. Иное пустишь и скорее. Человек все-таки человек, а не машина»…

Н. В. Берг, стр. 121–125.

Н. В. Гоголь – В. А. Жуковскому

Москва, 14 декабря 1849 г.

Прежде всего благодарность за милые строки, хоть в них и упрек. Сам я не знаю, виноват ли я или не виноват. Все на меня жалуются, что мои письма стали неудовлетворительны и что в них видно одно – нехотение писать. Это правда: мне нужно большое усилие, чтобы написать не только письмо, но даже короткую записку. Чтó это? старость или временное оцепенение сил? Сплю ли я или так сонно бодрствую, что бодрствованье хуже сна? Полтора года моего пребыванья в России пронеслось, как

быстрый миг, и ни одного такого события, которое бы освежило меня, после которого, как бы после ушата холодной воды, почувствовал бы, что действую трезво и точно действую. Только и кажется мне трезвым действием поездка в Иерусалим. Творчество мое лениво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу от стола, не отодвигаю бумаги, не выпускаю пера; но строки лепятся вяло, а время летит невозвратно. Или в самом деле, 42 года есть для меня старость, или так следует, чтобы мои «Мертвые Души» не выходили в это мутное время, когда, не успевши отрезвиться, общество еще находится в чаду и люди еще не пришли в состояние читать книгу как следует, то есть, прилично, не держа ее вверх ногами? Здесь всё, и молодежь, и старость, до того запуталось в понятиях, что не может само себе дать отчета. Одни, в полном невежестве, дожевывают европейские уже выплюнутые жеваки; другие изблевывают свое собственное несваренье. Редкие, очень редкие слышат и ценят то, что в самом деле составляет нашу силу. Можно сказать, что только одна церковь и есть среди нас еще здоровое тело.

Появленье «Одиссеи» было не для настоящего времени. Ее приветствовали уже отходящие люди, радуясь и за себя самих, что еще могут чувствовать вечные красоты Гомера, и за внуков своих, что им есть чтение светлое, не отемняющее головы. Я знаю людей, которые несколько раз сряду прочли «Одиссею» с полной признательностью и глубокой благодарностью к переводчику. Но таких (увы!) немного. Никакое время не было еще так бедно читателями хороших книг, как наступившее. Шевырев пишет рецензию, вероятно, он скажет в ней много хорошего; но никакие рецензии не в силах засадить нынешнее поколение за чтение светлое и успокоивающее душу. Временами мне кажется, что II том «Мертвых Душ» мог бы послужить для русских читателей некоторою ступенью к чтенью «Гомера». Временами приходит такое желанье прочесть из них что-нибудь тебе и кажется, что это прочтенье освежило бы и подтолкнуло меня!.. Но… когда это будет? когда мы увидимся? Вот тебе всё, что в силах сказать! Прости великодушно, если и это письмо неудовлетворительно. По крайней мере, я хотел, чтобы оно было удовлетворительно…

«Письма», IV, стр. 286–288.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Москва, 21 января 1850 г.

Не могу понять, что со мною делается. От преклонного ли возраста, действующего в нас вяло и лениво, от изнурительного ли болезненного состояния, от климата ли, производящего его, но

я просто не успеваю ничего делать. Время летит так, как еще никогда не помню. Встаю рано, с утра принимаюсь за перо, никого к себе не впускаю, откладываю на сторону все прочие дела, даже письма к людям близким, – и при всем том так немного из меня выходит строк! Кажется, просидел за работой не дольше, как час, смотрю на часы – уже время обедать. Некогда даже пройтись и прогуляться. Вот тебе вся моя история! Конец делу еще не скоро, т. е. разумею конец «М[ертвых] Душ». Все почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, как набросаны; собственно написанных две-три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведение. Это может только один бог, у которого всё под рукой: и разум, и слово с ним. А человеку нужно за словом ходить в карман, а разума доискиваться.

«Письма», IV, стр. 293–294.

Из дневника О. М. Бодянского

[Об О. М. Бодянском см. выше – письмо Н. В. Гоголя к М. А. Максимовичу от 12 декабря 1832 г.]

12 мая 1850 г.

…Наконец я собрался к Н. В. Гоголю. Вечером часов в 9 отправился к нему, в квартиру графа Толстого, на Никитском бульваре, в доме Талызиной. У крыльца стояли чьи-то дрожки. На вопрос мой: «Дома ли Гоголь», – лакей отвечал, запинаясь: «Дома, но наверху у графа». – «Потрудись сказать ему обо мне». Через минуту он воротился, прося зайти в жилье Гоголя, внизу, в первом этаже, направо, две комнаты. Первая вся устлана зеленым ковром, с двумя диванами по двум стенам (1-й от двери налево, а 2-й за ним, по другой стене); прямо печка с топкой, заставленной богатой гардинкой зеленой тафты (или материи) в рамке; рядом дверь у самого угла к наружной стене, ведущая в другую комнату, кажется, спальню, судя по ширмам в ней, на левой руке; в комнате, служащей приемной, сейчас описанной, от наружной стены поставлен стол, покрытый зеленым сукном, поперек входа к следующей комнате (спальне), а перед первым диваном тоже такой же стол. На обоих столах несколько книг кучками одна на другой: тома два «Христианского Чтения», «Начертание церковной библейской истории», «Быт русского народа», [А. С. Терещенко.] экземпляра два греко-латинского словаря (один Гедеринов), словарь церковно-русского языка, Библия в большую 4-ку московской новой печати, подле нее молитвослов киевской печати первой четверти прошлого века; на втором столе (от внешней стены) между прочим сочинения Батюшкова в издании

Смирдина «русских авторов», только что вышедшие, и пр. Минут через пять пришел Гоголь, извинясь, что замешкал…

…Разговаривая далее, речь коснулась литературы русской, а тут и того обстоятельства, которое препятствует на Москве иметь свой журнал; «Москвитянина» давно уже никто не считает журналом, а нечто особенным. «Хорошо бы вам взяться за журнал; вы и опытны в этом деле, да и имеете богатый запас от „Чтений“ [„Чтения в Обществе истории и древностей российских“. Издавались в 1845–1848 гг. под редакцией Бодянского (секретаря Об-ва). В 1848 г. были запрещены за помещение сочинения Флетчера о России при Иване Грозном. При этом пострадал и Бодянский (отстранен от должности секретаря Об-ва, а временно и от должности профессора Московского университета).] – книжек на 11–12 вперед; только для того нужно, прежде всего, к тому что у меня, кое-что, без чего никакой журнал не может быть».

…Для большего успеха отечественного нужно, чтобы в журнале было как можно больше своего, особенно материалов для истории, древностей и т. п., как это в ваших «Чтениях». Еще больше. Это были бы те же «Чтения» только с прибавкой одного отдела, именно «Изящная Словесность», который можно было бы поставить спереди или сзади и в котором бы помещалось одно лишь замечательное, особенно по части иностранной литературы (за неимением современного и старое шло бы). И притом так, чтобы избегать, как можно, немецкого педантства в подразделениях. Чем объемистее какой отдел, тем свободнее издатель, избавленный от кропотливых забот отыскивать статьи для наполнения клеток своего журнала, из коих многие никогда бы без того не были напечатаны.

– Разумеется…

…Прощаясь, он спросил меня, буду ли я на варениках? «Если что-либо не помешает». Под варениками разумеется обед у С. Тим. Аксакова, по воскресеньям, где непременным блюдом были всегда вареники для трех хохлов: Гоголя, М. А. Максимовича и меня, а после обеда, спустя час, другой, песни малороссийские под фортепьяно, распеваемые второй дочерью хозяина, Надеждою Сергеевною, голос которой очень мелодический. Обыкновенно при этом Максимович подпевал. Песни пелись по «голосам малороссийских песен», изданных Максимовичем, и кой-каким другим сборником (Вацлава из Олеска, где голоса на фортепьяно положены известным музыкантом Липинским [Сборник «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego» («Польские и русские песни галицийского народа»), изданный во Львове 1833 г. Вацлавом Залеским – иначе Waclaw z Oleska (1800–1849) в сотрудничестве с

композитором Карлом Липинским (1790–1861).]), принесенным мною.

Почти выходя, Гоголь сказал, что ныне как-то разучиваются читать; что редко можно найти человека, который бы не боялся толстых томов какого-нибудь дельного сочинения; больше всего теперь у нас развелось щелкоперов – слово кажется любимое им и часто употребляемое в подобных случаях.

Дневник Бодянского, стр. 406–409.

Из воспоминаний М. А. Максимовича (В изложении П. А. Кулиша)

[13 июня 1850 г. Гоголь и Максимович вместе выехали из Москвы. Побывав в Калуге у Смирновой и в Оптиной пустыни, они через Севск проехали в Глухов, где и расстались. Гоголь один поехал в Васильевку.]

…В дороге один только случай явственно задел поэтические струны в душе Гоголя. Это было в Севске, на Ивана-Купалу. Проснувшись на заре, наши путешественники услышали неподалеку от постоялого двора какой-то странный напев, звонко раздававшийся в свежем утреннем воздухе.

– Поди послушай, что это такое, – просил Гоголь своего друга, – не купаловые ли песни? Я бы и сам пошел, но ты знаешь, что я немножко из-под Глухова. [Т. е. немножко глуховат.]

Г. Максимович подошел к соседнему дому и узнал, что там умерла старушка, которую оплакивают поочередно три дочери. Девушки причитывали ей импровизированные жалобы с редким искусством и вдохновлялись собственным своим плачем. Всё служило им темою для горестного речитатива: добродетельная жизнь покойницы, их неопытность в обхождении с людьми, их беззащитное сиротское состояние и даже разные случайные обстоятельства. Например, в то время как плакальщица голосила, на лицо покойницы села муха, и та, схватив этот случай с быстротою вдохновения, тотчас вставила в свою речь два стиха:

Вот и мушенька тебе на личенько села,

Не можешь ты мушеньку отогнати!

Проплакав всю ночь, девушки до такой степени наэлектризовались поэтически-горестными выражениями своих чувств, что начали думать вслух тоническими стихами. Раза два появлялись они, то та, то другая, на галерейке второго этажа и, опершись на перилы, продолжали свои вопли и жалобы, и иногда обращались к утреннему солнцу, говоря: «Солнышко ты мое красное!» и тем «живо напоминали мне (говорил г. Максимович) Ярославну, плакавшую рано, Путивлю городу на забороле…». [В

Путивле на городской стене (Слово о полку Игореве).]

Когда он рассказал обо всем виденном и слышанном поэту из-под Глухова, тот был поражен поэтичностью этого явления и выразил намерение воспользоваться им при случае в «Мертвых Душах».

«Записки», т. II, стр. 237–238.

Из воспоминаний А. В. Марковича

[Шенрок не делает разницы между А. В. Марковичем и А. М. Марковичем, родственником Данилевского, но, если верны инициалы – это разные лица. С А. В. Марковичем Гоголь встретился по дороге в Одессу, в октябре 1850 г.]

…Когда ему читали переведенные на малороссийский язык псалмы Давида, он останавливался на лучших стихах по языку и верности переложения. Он слушал с видимым наслаждением малороссийские песни, которые для него пели, и ему особенно понравилась:

Да вже третій вечір, як дівчину бачив;
Хожу коло хати – її не видати…

«Записки», т. II, стр. 242.

Из «Одесского вестника» 1850 г

На днях в наш город приехал Н. В. Гоголь, который, как говорят, намерен провести здесь зиму.

«Одесский Вестник» от 28 октября 1850 г., № 86. Отдел «Заметки и вести».

Из воспоминаний А. П. Толченова

[Ад-др Павл. Толченов (ум. 1888 г.) – драм. актер (и водевилист), игравший в Петербурге, затем в Одессе.]

…При входе в заветную комнату [В ресторане Оттона, где Гоголь обедал, Толченова представил Гоголю член дирекции одесского театра А. И. Соколов.] я увидел сидящего за столом, прямо против дверей, худощавого человека. Острый нос, небольшие пронзительные глаза, длинные прямые, темно-каштановые, причесанные à la moujik волосы, небольшие усы… человек этот был – Гоголь.

…Я сел, робость моя пропала. Гоголь, с которого я глаз не

спускал, занялся исключительно мной. Расспрашивая меня о том, давно ли я на сцене, сколько мне лет, когда я из Петербурга, он, между прочим, задал мне также вопрос:

– А любите ли вы искусство?

– Если б я не любил искусства, то пошел бы по другой дороге. Да, во всяком случае, Николай Васильевич, если б я даже и не любил искусства, то наверное вам-то в этом не признался бы.

– Чистосердечно сказано! – сказал, смеясь, Гоголь, – но хорошо вы делаете, что любите искусство, служа ему. Оно только тому и дается, кто любит его. Искусство требует всего человека. Живописец, музыкант, писатель, актер должны вполне, безраздельно отдаться искусству, чтобы значить в нем что-нибудь. Поверьте, гораздо благороднее быть дельным ремесленником, чем лезть в артисты, не любя искусства. [Большею частью я передаю, конечно, только смысл говоренного Гоголем. С буквальной точностью я, к сожалению, слов его не записывал. (Примечание А. Толченова.)]

Слова эти, несмотря на то, что в них не было ничего нового, произвели на меня сильное впечатление – так просто, задушевно и тепло они были сказаны. Не было в тоне Гоголя ни докторальности, ни напускной важности, с которой иные почитают делом совести изрекать юношам самые истертые аксиомы поношенной морали.

…До окончания бенефиса я не имел возможности за хлопотами видеть Гоголя, но он сдержал свое обещание и был в театре в день моего бенефиса, в ложе директора Соколова и, по словам лиц, бывших вместе с ним, высидел весь спектакль с удовольствием и был очень весел.

Вслед за моим бенефисом шел бенефис известной актрисы А. И. Шуберт; она выбрала для постановки «Школу Женщин» Мольера. А. И. Соколов, зная, как трудно молодым актерам, воспитавшимся совершенно на иных началах, передавать так называемые классические произведения, просил Николая Васильевича прочесть пьесу актерам, чтоб дать им верный тон.

…Гоголь изъявил свое согласие, и для чтения пьесы положили собраться в квартире режиссера труппы А. Ф. Богданова, знакомого Гоголю еще по Москве, так как Богданов был женат на родной сестре М. С. Щепкина, а известно, как близок был Гоголь к дому Щепкина.

В назначенный вечер актеры и актрисы, участвовавшие в «Школе Женщин», собрались у Богданова… Часов в 8 пришел Гоголь с Соколовым. Войдя в комнату и увидя столько незнакомых лиц, он заметно сконфузился. Когда же ему стали представлять всех присутствующих, то он совершенно растерялся;

вертел в руках шляпу, комкал перчатки, неловко раскланивался и нечаянно увидев меня, человека уже знакомого ему, быстро подошел ко мне и как-то нервически стал жать мне руку, отчего я в свою очередь сконфузился. Впрочем, замешательство Гоголя продолжалось недолго… Заметив, что на него не смотрят как на чудо-юдо, что, по-видимому, никто не собирается записывать его слов, движений, Гоголь совершенно успокоился, оживился и пошла самая одушевленная беседа между ним, Л. С. Богдановой, [Жена А. Ф. Богданова, сестра Щепкина.] П. И. Орловой, [Сестра актрисы А. И. Шуберт.] Соколовым, Ильиным [Н. П. Ильин – любитель театра, бывавший вместе с Гоголем в доме Репниных.] и всяким, кто только находил, что́ сказать. Русские и малороссийские анекдоты, поговорки, прибаутки так и сыпались! После чаю все уселись вокруг стола, за которым сидел Гоголь; водворилась тишина, и Гоголь начал чтение «Школы Женщин».

По совести могу сказать – такого чтения я до тех пор не слыхивал. По истине, Гоголь читал мастерски, но мастерство это было особого рода, не то, к которому привыкли мы, актеры. Чтение Гоголя резко отличалось от признаваемого при театре за образцовое – отсутствие малейшей эффектности, малейшего намека на декламацию. Оно поражало своей простотой, безыскусственностью и вместе с тем необычайною образностью и хотя порою, особенно в больших монологах, оно казалось монотонным и иногда оскорблялось резким ударением на цензуру стиха, но зато мысль, заключенная в речи, рельефно обозначалась в уме слушателя и, по мере развития действия, лица комедии принимали плоть и кровь, делались лицами живыми, со всеми оттенками характеров. [Иначе оценила чтение Гоголя А. И. Шуберт: «Читал прескверно, со стихом не ладил».] Впоследствии, на одном из вечеров у Оттона (о которых речь впереди) Гоголь читал свою «Лакейскую», и лицо дворецкого еще до сих пор передо мною как живое. Перенять манеру чтения Гоголя, подражать ему было бы невозможно, потому что всё достоинство его чтения заключалось в удивительной верности тону и характеру того лица, речи которого он передавал, в поразительном умении подхватывать и выражать жизненные, характерные черты роли, в искусстве отменять одно лицо от другого, т. е. в том, что в сценическом искусстве называется созданием характера, типа.

…Через несколько дней, когда уже роли у актеров из «Школы Женщин» были тверды, Николая Васильевича пригласили в театр на репетицию и, несмотря на свое обыкновение ранее 4-го часа из дома не выходить, он пришел на репетицию в 10 часов. …Гоголь внимательно выслушал всю пьесу и по окончании репетиции

каждому из актеров по очереди, отводя их для этого в сторону, высказал несколько замечаний, требуя исключительно естественности, жизненной правды, но вообще одобрил всех играющих, г-жею же Шуберт (Агнеса) остался особенно доволен; но был серьезен, сосредоточен, ежился, кутался в шинель и жаловался на холод, который, как известно, действовал на него неблагоприятно. …В день представления «Школы Женщин», а также и в бенефис Богданова, в который шла «Лакейская», Гоголь, несмотря на свое обещание прийти в театр, однако не был.

«Музыкальный Свет», 1876 г., №№ 30–31.

Из дневника неизвестной

[Неизвестная по фамилии поклонница Гоголя, писавшая этот дневник (имя и отчество ее – Катерина Ал-дровна), жила в доме княгини Елиз. Петр. Репниной. Репнина была родная сестра М. П. Балабиной (по мужу Вагнер), ученицы и приятельницы Гоголя. Гоголь был в хороших отношениях также с Варв. Ник. Репниной, сестрой мужа Елиз. Петровны.]

28 октября 1850 г. Обедал и читал о Б[рамбилле] и Б[асседжио] [Итальянские певицы, гастролировавшие в Одессе.] в «Одесском Вестнике» сладкозвучным голосом и с протягиваньем чисто русским, не искаженным иностранным выговором (vierge de tout, melange [Свободным от всякой примеси.]): просты, строги, принужденно, принужденность, Отелло, ролями.

30 ноября 1850 г. Третьего дня я заплакала, подумавши о том, что надобно же расставаться с Гоголем… Княгиня говорила о «Фритиофе» Тегнера. [Эсаиас Тегнéр (1782–1846) – шведский поэт. «Сага о Фритиофе» (1819–1825) – поэма его, основанная на древнескандинавском сюжете XIV века. На русский язык переведена Я. К. Гротом в 1841 г.] Гоголь и не слыхал никогда о нем. У меня что-то мелькало в голове. Грот перевел с шведского. Княгиня восхищается этой поэмою. – Гоголь: «Да в чем дело?» Княгиня: «Молодой человек любит одну девушку».

Гоголь: «Так дело обыкновенное». (Я бы желала, чтоб у меня навек в ушах остались звук его голоса и полный выговор всех слогов). Княгиня: «Да, но советы, которые дают ему родители, очень хороши». Гоголь: «Но лица в ней каковы? Есть ли барельефность?» Княгиня: «Как же, много замечательного!» Гоголь: «Да что же, мысли ли автора или сами лица?» Гоголь: «Француз играет, немец мечтает, англичанин живет, а русский обезьянствует. Много собачьей старости». При Ильине он много толковал о том, как пишут: иной пишет то, что с тем или с другим случалось, чтó его поразило. Можно было заключить из

его слов, что есть люди, которые творят. Я ушла. Пришел с толстою тетрадью «Отеч. Записок» А. и что-то читал, но в восьмом часу Гоголь ушел. О «Современнике»: «При Плетневе он был тоньше». На вопрос княгини, лучше ли теперь «Современник?» Г.: «Хорошо этими книгами запасаться вместо оружия. Убить можно!» Княгиня: «Кого, скуку?» На это эха не было, а молчание.

6 января 1851 г. Скоро после обеда я ушла к себе и долго осталась; ушла с умыслом, чтоб оставить всех разобраться по местам. Прихожу и нахожу Гоголя у кушетки; княгиня лежала, и подле за столом Аркадий с журналом. Он до того постарался отыскать об Аристофане. [Статья Бор. Ив. Ордынского (1823–1861), впоследствии (с 1853 г.) – адъюнкт-профессора, затем профессор Казанского университета. В 1849–1850 гг. он поместил в «Отеч. Зап.» три статьи об Аристофане (1849 г., № 1 и 1850 г., №№ 6 и 12).] Гоголь попробовал было читать, но нашел слог тяжелым. Этот мальчишка в ответ: «И мне тоже казалось вначале, но потом понравился». Гоголь, переставая читать: «Да он (т. е. автор, Ордынский) не об искусстве Аристофана говорит, а желает из его сочинений узнать быт его времени» и прибавил: «Нет, я лучше вам почитаю комедию Мольера „Агнесу“, [„Школа Женщин“ – вероятно, в переводе Н. И. Хмельницкого (1821 г.).] которую начал; мне нужно ее кончить; меня просили в театральной дирекции, а дома никак не соберусь; вы меня одолжите». Но запальчивый мальчишка схватил Аристофана и своим гнусливым грубым голосом начал наваривать. Наконец унялся, и Гоголь начал. Кн. увез заносчивого м[альчишку] в театр, и мы остались втроем. Гоголь так вошел в роль отвергнутого старика, так превосходно выразил горько-безнадежные страсти, что всё смешное в старике исчезло: отзывалась одна несчастная страсть, так что последний ответ Агнесы кажется неуместным. [«Меня не трогает подобное признанье» (перев. Минаева; буквально: «Ах, все ваши речи ничуть не трогают моей души»).] Немного великодушия, с чем и Гоголь согласился. Гоголь был вне себя. Лицо его сделалось, как у испуганной орлицы. [Строка из «Пророка» Пушкина.] Он долго был под влиянием страстных дум, может быть, разбуженных воспоминаний.

24 января 1851 г. Мадам Гойер выехала с вопросом: «Скоро ли выйдет окончание „Мертвых Душ?“» – Гоголь: «Я думаю – через год». Она: «Так они не сожжены?» (При этих словах я убежала). Он: «Да-а-а… Ведь это только нача-а-ало было…» Он был сонный в этот день от русского обеда.

27 января. Ильин Николай Петрович читал вслух «Завтрак у предводителя» Тургенева. С великим терпением выслушал всю

пьесу Гоголь; только при чтении действующих лиц он говорил: «Зачем о летах? Он несколько раз говорит: 35, 40, 42 и т. д.». [См. первую редакцию комедии (с примеч. Ю. Г. Оксмана) в сб. «Лит. Музеум», 1922 г.] Ему показалось растянуто. «Вообще, – прибавил он, – у Тургенева мало движения, а жаль: пока молод еще, надобно себя настроить». Я зевала, слушая. Ко мне подошел (я как будто не вижу его, сижу и шью мою подушку) Гоголь, спросил: «Ну, вы наслаждались?» Я: «Чем»? – Г.: «Ну да женщиной: она очень хороша!» [Анна Ильинична Каурова в «Завтраке у предводителя».] Я: «Да, она хороша, да утомительно и всё дагерротипно слишком, т. е. дагерротипно так, когда человек тронется в то время, когда его снимают». «Женщина хороша!» Он рад, что хоть что-нибудь можно похвалить!

5 марта 1851 г. Я как-то осмелилась сказать, почему бы ему не писать записок своих. Гоголь: «Я как-то писал, но, бывши болен, сжег. Будь я более обыкновенный человек, я б оставил, а то бы это непременно выдали; а интересного ничего нет, ничего полезного, и кто бы издал, глупо бы сделал. Я от этого и сжег».

Дневник неизвестной, стр. 543–557.

Н. В. Гоголь – А. А. Иванову

1850 г. 16 декабря. Одесса.

Поздравляю вас с новым годом, Александр Андреевич. От всей души желаю, чтоб он был плодотворен для вашей работы и чтобы картина ваша в продолжение его наконец окончилась и окончание ее, венчающее дело, было бы достославно. Пора, наконец! Не всё же продолжаться этим безотрадным явлениям суматох и беспорядков; пора, наконец, показаться на свет плодам мира, обдуманных в глубине души мыслей и высоких созерцаний, совершившихся в тишине. Хорошо бы было, если бы и ваша картина, и моя поэма появились вместе. [Картина Иванова (Явление Христа народу) появилась в 1858 г.]

«Письма», IV, стр. 363.

Н. В. Гоголь – П. А. Плетневу

Москва, 15 июля 1851 г.

Пишу к тебе из Москвы, усталый, изнемогший от жару и пыли. [Май 1851 г. Гоголь провел в Васильевске, а июнь – в Абрамцеве у Аксакова и в Спасском у Смирновой.] Поспешил сюда с тем, чтобы заняться делами по части приготовленья к печати «Мертвых Душ» второго тома, и до того изнемог, что едва в силах водить пером, чтобы написать несколько строчек записки,

а не то что поправить или даже переписать то, что́ нужно переписать. Гораздо лучше просидеть было лето дома и не торопиться; но желанье повидаться с тобой и с Жуковским было причиной тоже моего нетерпенья. А между тем здесь цензура из рук вон. Ее действия до того загадочны, что поневоле начнешь предполагать ее в каком-то злоумышлении и заговоре против тех самых положений и того же самого направления, которые она будто бы (по словам ее) признает. Ради бога, пожертвуй своим экземпляром сочинений моих и устрой так, чтобы он был подписан в Петербурге. Здешние бабы-цензора отказываются даже и от напечатанных книг, особливо если они цензурованы петербургским цензором. А второе издание моих сочинений нужно уже и потому, что книгопродавцы делают разные мерзости с покупщиками, требуют по сту рублей за экземпляр и распускают под рукой вести, что теперь всё запрещено. [О втором издании собрания сочинений Гоголь начал переписываться с Шевыревым еще из Одессы (см. письмо от 7 ноября 1850 г. Письма, IV, стр. 357).] В случае, если и в Петербурге какие-нибудь придирки насчет, может, каких-нибудь фраз, то Смирнова мне сказала, что велик. княгиня Марья Никол[аевна] просила ее сказать мне, что в случае чего обратиться прямо к ней. Это она говорила о втором томе «М. Д.». Нельзя ли этим воспользоваться и при втором издании сочинений? Прежде хотел было вместить некоторые прибавления и перемены, но теперь не хочу: пусть всё остается в том виде, как было в первом издании. Еще пойдет новая возня с цензорами. Бог с ними!..

«Письма», IV, стр. 390–392.

Из воспоминаний Л. И. Арнольди

…Гоголь жил подле меня во флигеле, [В Спасском (подмосковном имении Смирновой) в июне 1851 г.] вставал рано, гулял один в парке и в поле, потом завтракал и запирался часа на три у себя в комнате. Перед обедом мы ходили с ним купаться. Он уморительно плясал в воде и делал в ней разные гимнастические упражнения, находя это очень здоровым. Потом мы опять гуляли с ним по саду, в три часа обедали, а вечером ездили иногда на дрогах, гулять, к соседям или в лес. К сожалению, сестра моя скоро захворала, и прогулки наши прекратились. Чтобы рассеять ее, Гоголь сам предложил прочесть окончание второго тома «Мертвых Душ»; но сестра откровенно сказала Гоголю, что ей теперь не до чтения и не до его сочинений. Мне показалось, что он немного обиделся этим отказом; я же был в большом горе, что не удалось мне дослушать

второго тома до конца, хотя и ожидал тогда его скорого появления в печати; но одно уже чтение Гоголя было для меня истинным наслаждением. Я все надеялся, что здоровье сестры поправится и что Гоголь будет читать; но ожидания мои не сбылись. Сестре сделалось хуже, и она должна была переехать в Москву, чтобы начать серьезное лечение. Гоголь, разумеется, тоже оставил деревню… В Москве он каждый вечер бывал у сестры и забавлял нас своими рассказами. Однажды он пришел к нам от С. Т. Аксакова, где автор «Семейной Хроники» читал ему свои «Записки Ружейного охотника». Это было года за два до их появления в свет. [Вышли в 1852 г.] Гоголь говорил тогда, что никто из русских писателей не умеет описывать природу такими сильными, свежими красками, как Аксаков. В другой раз я встретил Гоголя у сестры и объявил ему, что иду в театр, где дают «Ревизора», и что Шумский в первый раз играет в его комедии роль Хлестакова. Гоголь поехал с нами, и мы поместились, едва достав ложу, в бенуаре. Театр был полон. Гоголь говорил, что Шумский лучше всех других актеров петербургских и московских передавал эту трудную роль, но не был доволен, сколько я помню, тою сценою, где Хлестаков начинает завираться перед чиновниками. Он находил, что Шумский передавал этот монолог слишком тихо, вяло, с остановками, а он желал представить в Хлестакове человека, который рассказывает небылицы с жаром, с увлечением, который сам не знает, каким образом слова вылетают у него изо рта, который в ту минуту как лжет, не думает вовсе, что он лжет, а просто рассказывает то, что грезится ему постоянно, чего он желал бы достигнуть, и рассказывает как будто эти грезы его воображения сделались уже действительностию, но иногда в порыве болтовни заговаривается, действительность мешается у него с мечтами и он от посланников, от управления департаментом, от приемной залы переходит, сам того не замечая, на пятый этаж, к кухарке Марфуше. «Хлестаков, это – живчик, – говорил Гоголь, – он всё должен делать скоро, живо, не рассуждая, почти бессознательно, не думая ни одной минуты, что́ из этого выйдет, как это кончится, и как его слова и действия будут приняты другими». Вообще, комедия в этот раз была разыграна превосходно. Многие в партере заметили Гоголя, и лорнеты стали обращаться на нашу ложу. Гоголь, видимо, испугался какой-нибудь демонстрации со стороны публики, и, может быть, вызовов, и после вышеописанной сцены вышел из ложи так тихо, что мы и не заметили его отсутствия. Возвратившись домой, мы застали его у сестры распивающим, по обыкновению, теплую воду с сахаром и красным вином. Тут он и передал мне свое мнение об игре

Шуйского, которого талант он ставил очень высоко.

Зимой этого года я видался с Гоголем довольно часто, бывал у него по утрам и заставал его почти всегда за работой. Раз только нашел я у него одного итальянца, с которым он говорил по-итальянски довольно свободно, но с ужасным выговором. Впрочем, по-французски он говорил еще хуже и выговаривал так, что иной раз с трудом было можно его понять. Этот итальянец был очень беден и несчастлив, и Гоголь помогал ему и принимал в нем живое участие. В последний раз я был у Гоголя в новый год; он был немного грустен, расспрашивал меня очень долго о здоровье сестры, говорил, что имеет намерение ехать в Петербург, когда окончится новое издание его сочинений и когда выйдет в свет второй том «Мертвых Душ», который, по его словам, был совершенно окончен.

Л. И. Арнольди, стр. 91–93.

Из воспоминаний кн. Д. А. Оболенского

I

…Осенью 1851 года, будучи проездом в Москве, я, посетив Гоголя, застал его в хорошем расположении духа, и на вопрос мой о том, как идут «Мертвые Души», он отвечал мне: «Приходите завтра вечером, в 8 часов, я вам почитаю».

На другой день, разумеется, ровно в 8 часов вечера я был уже у Гоголя; у него застал я А. О. Россета, которого он тоже позвал. Явился на сцену знакомый мне портфель; из него вытащил Гоголь одну довольно толстую тетрадь, уселся около стола и начал тихим и плавным голосом чтение первой главы.

Гоголь мастерски читал: не только всякое слово у него выходило внятно, но, переменяя часто интонацию речи, он разнообразил ее и заставлял слушателя усваивать самые мелочные оттенки мысли. Помню, как он начал глухим и каким-то гробовым голосом: «Зачем же изображать бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства? Что же делать, если уже таковы свойства сочинителя и, заболев собственным несовершенством, уже и не может он изображать ничего другого, как только бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши и отдаленных закоулков государства. И вот опять попали мы в глушь, опять наткнулись на закоулок». После этих слов внезапно Гоголь приподнял голову, встряхнул волосы и продолжал уже громким и торжественным

голосом: «Зато какая глушь и какой закоулок!»

За сим началось великолепное описание деревни Тентетникова, которое, в чтении Гоголя, выходило как будто писано в известном размере. Все описания природы, которыми изобилует первая глава, отделаны были особенно тщательно. Меня в высшей степени поразила необыкновенная гармония речи. Тут я увидел, как прекрасно воспользовался Гоголь теми местными названиями разных трав и цветов, которые он так тщательно собирал. Он иногда, видимо, вставлял какое-нибудь звучное слово единственно для гармонического эффекта. [Имеются в виду, вероятно, названия чилига (кустарник) и бодяга (водяное растение), упоминаемые на первых же страницах 1-й главы II части.]

Хотя в напечатанной первой главе все описательные места прелестны, но я склонен думать, что в окончательной редакции они были еще тщательнее отделаны.

Разговоры выведенных лиц Гоголь читал с неподражаемым совершенством. Когда, изображая равнодушное, облепившееся состояние байбака-Тентетникова, сидящего у окна с холодной чашкой чая, он стал читать сцену происходящей на дворе перебранки небритого буфетчика Григорья с ключницей Перфильевной, то казалось, как бы действительно сцена эта происходила за окном и оттуда доходили до нас неясные звуки этой перебранки.

Граф А. П. Толстой сказывал мне, что ему не раз приходилось слышать, как Гоголь писал свои «Мертвые Души»: проходя мимо дверей, ведущих в его комнату, он не раз слышал, как Гоголь один, в запертой горнице будто бы с кем-то разговаривал, иногда самым неестественным голосом. В черновых рукописях видны следы этой работы. Каждый разговор переделывался Гоголем по нескольку раз. Зато как живо, верно и естественно говорят все его действующие лица.

Рассказ о воспитании Тентетникова, сколько мне помнится, читан был Гоголем в том виде, как он напечатан в первом издании 1855 года. Причина же выхода в отставку Тентетникова была гораздо более развита, чем в тех вариантах, которые до нас дошли… Тентетников выставлен был лицом в высшей степени симпатичным. Утратив веру в свой идеал, чувствуя себя безоружным в борьбе с неразрешимыми противоречиями, он, может быть, по примеру других, окончательно и примирился бы с ними, чиновное честолюбие взяло бы верх над голосом совести, ежели бы не представилось воображению его другое поприще деятельности, еще не испытанное им, но заманчивое по обилию средств к практическому приложению всего запаса добрых и

благородных намерений, которыми полна была душа его. Он поехал в деревню.

Чудное описание этой деревни в чтении Гоголя выходило так прелестно, что, когда он кончил его словами: «Господи, как здесь просторно!», то мы, оба слушателя, невольно вскрикнули от восхищения.

Затем приезд Чичикова, разговор его с Тентетниковым и весь конец первой главы, сколько мне помнится, Гоголь читал совершенно согласно с текстом издания 1855 года. [Т. е. первым изданием второй части «Мертвых Душ».] Окончив чтение, Гоголь обратился к нам с вопросом:

– «Ну, что вы скажете?»

Будучи под впечатлением тех прелестных картин и разнообразных описаний природы, которыми изобилует первая глава, я отвечал, что более всего я поражен художественной отделкой этой части, что ни один пейзажист не производил на меня подобного впечатления.

«Я этому рад», – отвечал Гоголь и, передав нам рукопись, просил, чтобы мы прочли ему вслух некоторые места.

Не помню, г. Россет или я исполнил его желание, и он прислушивался к нашему чтению, видимо, желая слышать, как будут передаваться другими те места, которые особенно рельефно выходили при его мастерском чтении. По окончании чтения г. Россет спросил у Гоголя: «Что, вы знали такого Александра Петровича (первого наставника Тентетникова) или это ваш идеал наставника?»

При этом вопросе Гоголь несколько задумался и, помолчав, отвечал: «Да, я знал такого».

Я воспользовался этим случаем, чтобы заметить Гоголю, что действительно его Александр Петрович представляется каким-то лицом идеальным, от того, быть может, что о нем говорится уже, как о покойнике, в третьем лице; но как бы то ни было, а он, сравнительно с другими действующими лицами как-то безжизнен.

– «Это справедливо», – отвечал мне Гоголь и, подумав немного, прибавил: «Но он у меня оживет потом». Что разумел под этим Гоголь – я не знаю.

Рукопись, по которой читал Гоголь, была совершенно набело им самим переписана; я не заметил в ней поправок.

Прощаясь с нами, Гоголь просил нас никому не говорить, что он нам читал, и не рассказывать содержания первой главы.

II

…Я могу указать… еще несколько мотивов из последних глав 2-й части, о которых г. Арнольди не упоминает, но которые я слышал от Шевырева. Например: в то время, когда Тентетников, пробужденный от своей апатии влиянием Уленьки, блаженствует, будучи ее женихом, его арестовывают и отправляют в Сибирь; этот арест имеет связь с тем сочинением, которое он готовил о России, и с дружбой с недоучившимся студентом с вредным либеральным направлением. Оставляя деревню и прощаясь с крестьянами, Тентетников говорит им прощальное слово (которое, по словам Шевырева, было замечательное художественое произведение). Уленька следует за Тентетниковым в Сибирь, там они венчаются и проч.

Вероятно, в бумагах Шевырева сохранились какие-либо воспоминания о слышанных им главах 2-го тома «Мертвых Душ»; по крайней мере, мне известно, что он намерен был припомнить содержание тех глав, от которых не осталось никаких следов, и изложить их вкратце на бумаге. [Такие воспоминания до нас не дошли.]

Д. А. Оболенский, стр. 943–947 и 952–953.

Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву

Москва. [В конце 1851 г.]

Возвращаю тебе с благодарностью взятые у тебя книги: 1-й том Гмелина [«Путешествие по России для исследования трех царств естества» Самуила Георга Гмелина в 1768–1771 гг., пер. с немецкого. 4 части. П. 1773–1785; 2-е издание I части – 1806 г.] и четыре книжки «Отечественных Записок». Если у тебя книги недалеко укладены, то пришли мне Палласа все пять, с атласом; [«Путешествие по разным провинциям российского государства» акад. Петра Симона Палласа (р. 1741, ум. 1811). Книга вышла на нем. яз. в 1771–1776 гг. и в русск. переводе Зуева 1773–1788 гг. (5 частей).] сим меня много обяжешь. Мне нужно побольше прочесть о Сибири и северо-восточной России. [Вероятно, для изображения жизни Тентетникова в ссылке.]

Твой весь Н. Г.

«Письма», IV, стр. 419.

Н. В. Гоголь – С. П. Шевыреву

Москва. [В конце 1851 г.].

Посылаю оставшиеся у меня книги: Палласа, Записки и описание растений, 6 книг, и прошу тех, о которых оставил у тебя записочку, то есть:

Рычкова [«Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям российского государства». П., 1770–1772 гг. Автор – Петр Ив. Рычков (1712–1777).] – Записки о России.

Севергина [«Записки путешествия по западным провинциям российского государства» акад. Вас. Мих. Севергина (1765–1826). Вышли в 1803 г. (продолжение 1804–1805 гг.)] – Записки о России.

Зуева [«Путешественные записки от С.-Петербурга до Херсона в 1781–1782 г.» (П., 1787). Автор – акад. Вас. Фед. Зуев (1754–1794).] – Записки о России.

Твой весь, признательный много за твою обязательность

Н. Г.

«Письма», IV, стр. 418.

Из воспоминаний Г. П. Данилевского

[Григ. Петр. Данилевский (1829–1890) – беллетрист, уроженец Харьковщины. В 1850 г. окончил Петербургский университет и поступил на службу в Министерство нар. просв. Воспоминания относятся к осени 1851 г.]

…На верхней части конторки были положены книги и тетради; на ее покатой доске, обитой зеленым сукном, лежали раскрытые, мелко исписанные и перемаранные листы.

– Не второй ли том «Мертвых Душ»? – спросил, подмигивая, Бодянский.

– Да… иногда берусь, – нехотя проговорил Гоголь, – но работа не подвигается; иное слово вытягиваешь клещами.

– Что же мешает? У вас тут так удобно, тихо.

– Погода, убийственный климат! Невольно вспоминаешь Италию, Рим, где писалось лучше и так легко. Хотел было на зиму уехать в Крым, к Княжевичу, [Может быть, Андр. Макс. Княжевич (1792–1872) – впоследствии министр финансов.] там писать; думал завернуть и на родину, к своим, туда звали на свадьбу сестры, Елизаветы Васильевны…

Ел. В. Гоголь тогда вышла замуж за саперного офицера [Вл. Ив.] Быкова.

– За чем же дело стало? – спросил Бодянский.

– Едва добрался до Калуги и возвратился. Дороги невозможные, простудился, да и времени пришлось бы столько потратить на одни переезды. А тут еще затеял новое, полное издание своих сочинений.

– Скоро ли оно выйдет?

– В трех типографиях начал печатать, – ответил Гоголь, –

будет четыре больших тома. Сюда войдут все повести, драматические вещи и обе части «Мертвых Душ». Пятый том я напечатаю позже под заглавием «Юношеские опыты». Сюда войдут некоторые журнальные статьи, статьи из «Арабесок» и прочее.

– А «Переписка»? – спросил Бодянский.

– Она войдет в шестой том; там будут помещены письма к близким и родным, изданные и неизданные… Но это уже, разумеется, явится… после моей смерти.

Слово «смерть» Гоголь произнес совершенно спокойно, и оно тогда не прозвучало ничем особенным, в виду полных его сил и здоровья.

Бодянский заговорил о типографиях и стал хвалить какую-то из них. Речь коснулась и Петербурга.

– Что нового и хорошего у вас, в петербургской литературе? – спросил Гоголь, обращаясь ко мне.

Я ему сообщил о двух новых поэмах тогда еще молодого, но уже известного поэта Ап. Ник. Майкова: «Савонаролла» и «Три смерти». [Поэма Аполлона Ник. Майкова (1821–1897) «Савонаролла» и лирическая драма его «Три смерти» впервые напечатаны в «Библ. для чтения», 1857 г. При жизни Гоголя отдельно вышло только первое издание «Стихотворений» Ап. Майкова (1842 г.).] Гоголь попросил рассказать их содержание. Исполняя его желание, я наизусть прочел выдержки из этих произведений, ходивших тогда в списках.

– Да это прелесть, совсем хорошо! – произнес, выслушав мою неумелую декламацию, Гоголь, – еще, еще…

Он совершенно оживился, встал и опять начал ходить по комнате. Вид осторожно-задумчивого аиста исчез. Передо мною был счастливый, вдохновенный художник. Я еще прочел отрывки из Майкова.

– Это так же законченно и сильно, как терцеты Пушкина – во вкусе Данта, [Написанные терцинами стихотворения: 1) «И дале мы пошли, и страх объял меня…» и 2) «Тогда я демонов увидел черный рой…»] – сказал Гоголь, – Осип Максимович, а? – обратился он к Бодянскому, – ведь это праздник! Поэзия не умерла. Не оскудел князь от Иуды и вождь от чресл его… А выбор сюжета, а краски, колорит? Плетнев присылал кое-что и я сам помню некоторые стихи Майкова.

Он прочел, с оригинальною интонацией, две начальные строки известного стихотворения из «Римских очерков» Майкова:

Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!

Под этаким небом невольно художником станешь…

– Не правда ли, как хорошо? – спросил Гоголь.

Бодянский с ним согласился.

– Но то, что́ вы прочли, – обратился ко мне Гоголь, – это уже иной шаг. Беру с вас слово – прислать мне из Петербурга список этих поэм.

Я обещал исполнить желание Гоголя.

– Да, – продолжал он, прохаживаясь, – я застал богатые всходы…

– А Шевченко? – спросил Бодянский.

Гоголь на этот вопрос с секунду промолчал и нахохлился. На нас из-за конторки снова посмотрел осторожный аист.

– Как вы его находите? – повторил Бодянский.

– Хорошо, что́ и говорить, – ответил Гоголь, – только не обидьтесь, друг мой… вы – его поклонник, а его личная судьба достойна всякого участия и сожаления… [5 июня 1847 г. Тар. Григ. Шевченко (1814–1861) был арестован (за участие в «Кирилло-Мефодиевском братстве» и за противоправительственные стихи), отдан в солдаты и сослан в Орск, а с осени 1850 г. в Новопетровск.]

– Но зачем вы примешиваете сюда личную судьбу, – с неудовольствием возразил Бодянский, – это постороннее… Скажите о таланте, о его поэзии…

– Дегтю много, – негромко, но прямо проговорил Гоголь, – и даже прибавлю, дегтю больше, чем самой поэзии. Нам-то с вами, как малороссам, это, пожалуй, и приятно, но не у всех носы, как наши. Да и язык…

Бодянский не выдержал, стал возражать и разгорячился. Гоголь отвечал ему спокойно.

– Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски, – сказал он, – надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен… Я знаю и люблю Шевченка, как земляка и даровитого художника; мне удалось и самому кое-чем помочь в первом устройстве его судьбы. Но его погубили наши умники, натолкнув его на произведения, чуждые истинному таланту. Они всё еще дожевывают европейские, давно выкинутые жваки. Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющие одна другую и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной в ущерб другой невозможно. Нет, Осип Максимович, не то нам нужно, не то. Всякий пишущий теперь должен думать не о розни; он должен прежде всего поставить себя перед лицо того, кто дал нам вечное человеческое слово…

Долго еще Гоголь говорил в этом духе. Бодянский молчал, но, очевидно, далеко не соглашался с ним.

– Ну, мы вам мешаем, пора нам и по домам, – сказал, наконец, Бодянский, вставая.

Мы раскланялись и вышли.

– Странный человек, – произнес Бодянский, когда мы снова очутились на бульваре, – на него как найдет. Отрицать значение Шевченка! Вот уж, видно, не с той ноги сегодня встал.

Вышеприведенный разговор Гоголя я тогда же сообщил на родину близкому мне лицу в письме, по которому впоследствии и внес его в мои начатые воспоминания. Мнение Гоголя о Шевченке я не раз, при случае, передавал нашим землякам. Они пожимали плечами и с досадой объясняли его посторонними, политическими соображениями, как и вообще всё тогдашнее настроение Гоголя. [Отношение Гоголя к величайшему украинскому поэту – одно из наименее ясных мест его литературной биографии. Показание Данилевского, как единственное, проверить трудно. Неизвестно даже, знал ли Гоголь посвященное ему в 1844 г. стихотворение Шевченко (с обращением «великий мій друже»).]

Соч. Данилевского. П., 1901, т. XIV, стр. 97-100.

Из воспоминаний П. К

[Неизвестное лицо.]

…Я встретил его в кабинете одного ученого; он сидел, держа в руках том «Истории Восточной Империи» Лебо, в издании Сен-Мартена. С ним был еще г. Т. [Вероятно, гр. А. П. Толстой.] Речь шла о способе изложения византийской истории. Спутник Гоголя обвинял западных писателей в том, что они умышленно выставляют только черные стороны этой империи, которая своею долговечностию показывала уже в себе избыток жизненных сил; с хозяином дома мы стали указывать на самых историков византийских, которые ничего не рассказывают, кроме придворных интриг, борьбы аристократических фамилий, имевших в виду только личные интересы и не думавших нисколько о благе государства…

«Но надобно поискать других источников», – сказал г. Т. Мы указали на произведения духовной литературы, на жития святых, в которых действительно можно находить добрые черты греческого народа, его живую веру и часто искреннее благочестие; но тут мало исторических данных, построить по ним целую историю с новым взглядом невозможно.

В это время вмешался в разговор Гоголь. Нет возможности буквально упомнить его слова. Он говорил темно, фразы его были изысканны; но мысль слов была та, что из этих немногих черт можно создать характер народа, нужно только усвоить себе это убеждение в добрых качествах народа и с этим убеждением вновь

пересмотреть все исторические сказания о византийской империи, и тогда они явятся в другом свете. Я заметил на это, что не все обладают таким творческим воображением, как он; потом, желая сказать ему приятное, чтобы завлечь его в разговор, указал на две его исторические лекции, помещенные в «Арабесках», прибавив, что они мне очень нравятся. Гоголь на это заметил, что он чувствует себя в состоянии написать теперь много лучше.

– Но отчего же вы скупы теперь, – сказал я, – и не хотите делиться с публикою своими трудами?

– Одно направление, – сказал он, – было, созрело и прошло, другое еще не дозрело.

– Так, стало быть, – возразил я, – вы по самолюбию не хотите писать, чтобы не показаться при новом направлении ниже, нежели каковы были вы при прежнем?

– Как хотите, думайте, – отвечал он. – Но неужели живописец не прав, если он не выставляет напоказ своей картины, как бы хороша она ни была, если он сам недоволен ею?

– Но вы должны иметь в виду пользу публики; если вы осуждаете сами свое прежнее направление, то поспешили бы высказать новое.

– Я не осуждаю, – отвечал он, – всему свое время.

Тем разговор и кончился.

Это была первая и последняя моя встреча с Гоголем. Через 3 месяца приезжал он опять к нам и привозил с собою изданную за границей брошюру, где осуждается его отступничество от прежнего направления и приводится объяснение, почему Гоголь не пишет ничего вновь. [Статья Герцена (см. ниже).] Гоголь объявил тогда, что он считает священным долгом продолжать «Мертвые Души», чтобы опровергнуть клевету; хотел приехать еще через 3 недели, но не приезжал. В этот последний приезд я не видал его…

«Русский Вестник», 11 янв. 1859 г., № 10. П. К. «Встреча с Гоголем».

Из статьи А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России»

Ницца, 1851 г.

…Автор статьи «Москвитянина» [Ю. Ф. Самарин в статье «О мнениях Современника исторических и литературных» (подписана буквами М. З. К.) в «Москвитянине», 1847 г., кн. 2.] говорит, что Гоголь «спустился, как горнорабочий, в этот глухой мир, где не слышится ни громовых ударов, ни сотрясений, неподвижный и ровный, в бездонное болото, медленно, но

безвозвратно затягивающее всё, что есть свежего (это говорит славянофил); он спустился, как горнорабочий, нашедший под землею жилу, еще не початую». Да, Гоголь почуял эту силу, эту не тронутую руду под необработанной землей. Может, он ее и почал бы, но, к несчастью, раньше времени подумал, что достиг дна, и вместо того, чтобы продолжать расчистку, стал искать золото. Что же из этого вышло? Он начал защищать то, что прежде разрушал, оправдывать крепостное право и кончил тем, что бросился к ногам представителя «благоволения и любви».

Пусть славянофилы подумают о падении Гоголя. Они найдут в нем, может, больше логики, чем слабости. От православного смиренномудрия, от самоотречения, относящего свою индивидуальность в индивидуальность государя, до обожания самодержца – один только шаг.

И что можно сделать для России, находясь на стороне императора? Времена Петра, великого царя, прошли; Петра же, великого человека, нет более в Зимнем дворце, он в нас.

Пора это понять и, бросая наконец борьбу, отныне пустую, соединиться во имя России, но также и во имя независимости.

Сочинения А. И. Герцена, т. IV, стр. 394–395.

Из воспоминаний М. С. Щепкина

[В передаче Н. М. Щепкина, сына М. С-ча.]

…Однажды Иван Сергеевич Тургенев приехал в Москву и, конечно, посетил Михаила Семеновича, заявив ему при свидании, между прочим, что хотел бы познакомиться с Николаем Васильевичем Гоголем. Это было незадолго до смерти Гоголя. Михаил Семенович ответил ему: «Если желаете, поедемте к нему вместе». Тургенев возразил на это, что неловко, пожалуй, Николай Васильевич подумает, что он навязывается. «Ох, батюшки мои, когда это вы, государи мои, доживете до того времени, что не будете так щепетильничать!» – заметил М. С. Тургеневу, но тот стоял на своем, и Щепкин вызвался передать желание Ив. С. Тургенева Гоголю. Свой визит к Гоголю, по словам моего отца, Михаил Семенович передал так: «Прихожу к нему, Николай Васильевич сидит за церковными книгами. Что это вы делаете? К чему эти книги читаете? Пора бы вам знать, что в них значится?» – «Знаю, – ответил мне Николай Васильевич, – очень хорошо знаю, но возвращаюсь к ним снова, потому что наша душа нуждается в толчках».

«Это так, – заметил я ему на это, – но толчком для мыслящей души может служить всё, что рассеяно в природе: и пылинка, и цветок, и небо, и земля».

Потом вижу, что Гоголь хмурится; я переменил разговор и сказал ему: «С вами, Николай Васильевич, желает познакомиться один русский писатель, но не знаю, желательно ли это будет вам?» – «Кто же это такой?» – «Да человек довольно известный: вы, вероятно, слыхали о нем: это Иван Сергеевич Тургенев». Услыхав эту фамилию, Николай Васильевич оживился, начал говорить, что он душевно рад и что просит меня побывать у него вместе с Иваном Сергеевичем на другой день, часа в три или четыре.

Меня это страшно удивило, потому что Гоголь за последнее время держал себя особняком и был очень неподатлив на новые знакомства. На другой день ровно в три часа мы с Иваном Сергеевичем пожаловали к Гоголю. Он встретил нас весьма приветливо; когда же Иван Сергеевич сказал Гоголю, что некоторые произведения его, переведенные им, Тургеневым, на французский язык и читанные в Париже, произвели большое впечатление, Николай Васильевич заметно был доволен и с своей стороны сказал несколько любезностей Тургеневу. Но вдруг побледнел, все лицо его искривилось какою-то злою улыбкой, и, обратившись к Тургеневу, он в страшном беспокойстве спросил: «Почему Герцен позволяет себе оскорблять меня своими выходками в иностранных журналах?» – «Тут только я понял, – рассказывал Михаил Семенович, – почему Николаю Васильевичу так хотелось видеться с Иваном Сергеевичем.»

Выслушав ответ Тургенева, Гоголь сказал: «Правда и я во многом виноват, виноват тем, что послушался друзей, окружавших меня, и если бы можно было воротить назад сказанное, я бы уничтожил мою „Переписку с друзьями“. Я бы сжег ее». Тем и закончилось свидание между Гоголем и Тургеневым.

М. С. Щепкин, стр. 373–374.

Из воспоминаний И. С. Тургенева

Меня свел к Гоголю покойный Михаил Семенович Щепкин. Помню день нашего посещения: 20-е октября 1851 года. Гоголь жил тогда в Москве на Никитской, в доме Талызина, у графа Толстого. Мы приехали в час пополудни; он немедленно нас принял. Комната его находилась возле сеней, направо. Мы вошли в нее – и я увидел Гоголя, стоявшего перед конторкой с пером в руке. Он был одет в темное пальто, [Сюртук.] зеленый бархатный жилет и коричневые панталоны. За неделю до того дня я его видел в театре, на представлении «Ревизора»; он сидел в ложе бельэтажа, около самой двери, и, вытянув голову, с нервическим

беспокойством поглядывал на сцену через плечи двух дюжих дам, служивших ему защитой от любопытства публики. Мне указал на него сидевший рядом со мною Ф. [Вероятно, Е. М. Феоктистов (1829–1898), приятель Тургенева, впоследствии видный бюрократ и правый публицист.] Я быстро обернулся, чтобы посмотреть на него; он, вероятно, заметил это движение и немного отодвинулся назад, в угол. Меня поразила перемена, происшедшая в нем с 1841 года. Я раза два встретил его тогда у Авдотьи Петровны Е[лаги]ной. В то время он смотрелся приземистым и плотным малороссом; теперь он казался худым и испитым человеком, которого уже успела на порядках измыкать жизнь. Какая-то затаенная боль и тревога, какое-то грустное беспокойство примешивались к постоянно проницательному выражению его лица.

* * *

Увидев нас со Щепкиным, он с веселым видом пошел к нам навстречу и, пожав мне руку, промолвил: «Нам давно следовало быть знакомыми». Мы сели. Я – рядом с ним, на широком диване; Михаил Семенович – на креслах, возле него. Я попристальнее вгляделся в его черты. Его белокурые волосы, которые от висков падали прямо, как обыкновенно у казаков, сохранили еще цвет молодости, но уже заметно поредели; от его покатого, гладкого, белого лба по-прежнему так и веяло умом. В небольших карих глазах искрилась по временам веселость – именно веселость, а не насмешливость; но вообще, взгляд их казался усталым. Длинный, заостренный нос придавал физиономии Гоголя нечто хитрое, лисье; невыгодное впечатление производили также его одутловатые, мягкие губы под остриженными усами; в их неопределенных очертаниях выражались – так, по крайней мере, мне показалось – темные стороны его характера: когда он говорил, они неприятно раскрывались и выказывали ряд нехороших зубов; маленький подбородок уходил в широкий бархатный черный галстук. В осанке Гоголя, в его телодвижениях было что-то не профессорское, а учительское, что-то напоминавшее преподавателей в провинциальных институтах и гимназиях. «Какое ты умное, и странное, и больное существо!» – невольно думалось, глядя на него. Помнится, мы с Михаилом Семеновичем и ехали к нему, как к необыкновенному, гениальному человеку, у которого что-то тронулось в голове… вся Москва была о нем такого мнения. Михаил Семенович предупредил меня, что с ним не следует говорить о продолжении

«Мертвых Душ», об этой второй части, над которою он так долго и так упорно трудился и которую он, как известно, сжег перед смертию; что он этого разговора не любит. О «Переписке с друзьями» я сам не упомянул бы, так как ничего не мог сказать о ней хорошего. Впрочем, я и не готовился ни к какой беседе, а просто жаждал видеться с человеком, творения которого я чуть не знал наизусть. Нынешним молодым людям даже трудно растолковать обаяние, окружавшее тогда его имя; теперь же и нет никого, на ком могло бы сосредоточиться общее внимание.

* * *

Щепкин заранее объявил мне, что Гоголь не словоохотлив; на деле вышло иначе. Гоголь говорил много, с оживлением, размеренно отталкивая и отчеканивая каждое слово, что не только не казалось неестественным, но, напротив, придавало его речи какую-то приятную вескость и впечатлительность. Он говорил на «о́»; других, для русского слуха менее любезных, особенностей малороссийского говора я не заметил. Всё выходило ладно, складно, вкусно и метко. Впечатление усталости, болезненного, нервического беспокойства, которое он сперва произвел на меня, исчезло. Он говорил о значении литературы, о призвании писателя, о том, как следует относиться к собственным произведениям; высказал несколько тонких и верных замечаний о самом процессе работы, самой, если можно так выразиться, физиологии сочинительства; и всё это – языком образным, оригинальным – и, сколько я мог заметить, нимало не подготовленным заранее, как это сплошь да рядом бывает у «знаменитостей». Только когда он завел речь о цензуре, чуть не возвеличивая, чуть не одобряя ее, как средство развивать в писателе сноровку, умение защищать свое детище, терпение и множество других христианских и светских добродетелей, – только тогда мне показалось, что он черпает из готового арсенала. Притом доказывать таким образом необходимость цензуры – не значило ли рекомендовать и почти похваливать хитрость и лукавство рабства? Я могу еще допустить стих итальянского поэта: «Si, servi siam, ma servi ognor frementi»; [Да, мы рабы, но рабы, вечно негодующие.] но самодовольное смирение и плутовство рабства… нет! лучше не говорить об этом. В подобных измышлениях и рассудительствах Гоголя слишком явно выказывалось влияние тех особ высшего полета, которым посвящена большая часть «Переписки»: оттуда шел этот затхлый и пресный дух. Вообще, я скоро почувствовал, что между

миросозерцанием Гоголя и моим лежала целая бездна. Не одно и то же мы ненавидели, не одно любили; но в ту минуту в моих глазах всё это не имело важности. Великий поэт, великий художник был передо мною, и я глядел на него, слушал его с благоговением, даже когда не соглашался с ним.

* * *

Гоголь, вероятно, знал мои отношения к Белинскому, к Искандеру; [Псевдоним Герцена.] о первом из них, о его письме к нему он не заикнулся: это имя обожгло бы его губы. Но в то время только что появилась – в одном заграничном издании – статья Искандера, в которой он по поводу пресловутой «Переписки» упрекал Гоголя в отступничестве от прежних убеждений. Гоголь сам заговорил об этой статье. Из его писем, напечатанных после его смерти (о! какую услугу оказал бы ему издатель, если б выкинул из них целые две трети, или, по крайней мере, все те, которые написаны к светским дамам… более противной смеси гордыни и подыскивания, ханжества и тщеславия, пророческого и прихлебательского тона – в литературе не существует!) – из писем Гоголя мы знаем, какою неизлечимой раной залегло в его сердце полное фиаско его «Переписки» – это фиаско, в котором нельзя не приветствовать одно из немногих утешительных проявлений тогдашнего общественного мнения. И мы с покойным М. С. Щепкиным были свидетелями – в день нашего посещения – до какой степени эта рана наболела. Гоголь начал уверять нас внезапно изменившимся, торопливым голосом, что не может понять, почему в прежних его сочинениях некоторые люди находят какую-то оппозицию, что-то такое, чему он изменил впоследствии; что он всегда придерживался одних и тех же религиозных и охранительных начал и в доказательство того готов нам указать на некоторые места в одной своей, уже давно напечатанной, книге… Промолвив эти слова, Гоголь с почти юношеской живостью вскочил с дивана и побежал в соседнюю комнату. Михаил Семенович только брови возвел горé – и указательный палец поднял… «Никогда таким его не видал», шепнул он мне…

* * *

Гоголь вернулся с томом «Арабесок» в руках и начал читать на выдержку некоторые места одной из тех детски напыщенных и

утомительно пустых статей, которыми наполнен этот сборник. Помнится, речь шла о необходимости строгого порядка, безусловного повиновения властям и т. п. [Вероятно, из статьи «О преподавании всеобщей истории».] «Вот, видите, – твердил Гоголь, – я и прежде всегда то же думал, точно такие же высказывал убеждения, как и теперь!.. С какой же стати упрекать меня в измене, в отступничестве… Меня?» – И это говорил автор «Ревизора», одной из самых отрицательных комедий, какие когда-либо являлись на сцене! Мы с Щепкиным молчали. Гоголь бросил, наконец, книгу на стол и снова заговорил об искусстве, о театре; объявил, что остался недоволен игрою актеров в «Ревизоре», что они «тон потеряли» и что он готов им прочесть всю пиесу с начала до конца. Щепкин ухватился за это слово и тут же уладил, где и когда читать. Какая-то старая барыня приехала к Гоголю; она привезла ему просфору с вынутой частицей. Мы удалились.

Дня через два, [На самом деле «недели через две» (5 ноября).] происходило чтение «Ревизора» в одной из зал того дома, где проживал Гоголь. Я выпросил позволение присутствовать на этом чтении. Покойный профессор Шевырев также был в числе слушателей и – если не ошибаюсь – Погодин. К великому моему удивлению, далеко не все актеры, участвовавшие в «Ревизоре», явились на приглашение Гоголя: им показалось обидным, что их словно хотят учить! Ни одной актрисы также не приехало. Сколько я мог заметить, Гоголя огорчил этот неохотный и слабый отзыв на его предложение… Известно, до какой степени он скупился на подобные милости. Лицо его приняло выражение угрюмое и холодное; глаза подозрительно насторожились. В тот день он смотрел точно больным человеком. Он принялся читать – и понемногу оживился. Щеки покрылись легкой краской; глаза расширились и посветлели. Читал Гоголь превосходно… Я слушал его тогда в первый – и в последний раз. Диккенс, также превосходный чтец, можно сказать разыгрывает свои романы, чтение его – драматическое, почти театральное: в одном его лице является несколько первоклассных актеров, которые заставляют вас то смеяться, то плакать; Гоголь, напротив, поразил меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и в то же время наивной искренностью, которой словно и дела нет есть ли тут слушатели и что они думают. Казалось, Гоголь только и заботился о том, как бы вникнуть в предмет, для него самого новый, и как бы вернее передать собственное впечатление. Эффект выходил необычайный – особенно в комических, юмористических местах; не было возможности не смеяться – хорошим, здоровым смехом; а виновник всей этой потехи продолжал, не смущаясь общей

веселостью и как бы внутренне дивясь ей, все более и более погружаться в самое дело – и лишь изредка, на губах и около глаз, чуть заметно трепетала лукавая усмешка мастера. С каким недоумением, с каким изумлением Гоголь произнес знаменитую фразу городничего о двух крысах (в самом начале пиесы). «Пришли, понюхали и пошли прочь!» – Он даже медленно оглянул нас, как бы спрашивая объяснения такого удивительного происшествия. Я только тут понял, как вообще неверно, поверхностно, с каким желанием только поскорей насмешить обыкновенно разыгрывается на сцене «Ревизор». Я сидел, погруженный в радостное умиление: это был для меня самый настоящий пир и праздник. К сожалению, он продолжался недолго. Гоголь еще не успел прочесть половину первого акта, как вдруг дверь шумно растворилась и, торопливо улыбаясь и кивая головою, промчался через всю комнату один еще очень молодой, но уже необыкновенно назойливый литератор [Г. П. Данилевский.] и, не сказав никому ни слова, поспешил занять место в углу. Гоголь остановился, с размаху ударил рукой по звонку и с сердцем заметил вошедшему камердинеру: «Ведь я велел тебе никого не впускать?» Молодой литератор слегка пошевелился на стуле – а впрочем, не смутился нисколько. Гоголь отпил немного воды и снова принялся читать: но уж это было совсем не то. Он стал спешить, бормотать себе под нос, не доканчивать слов; иногда он пропускал целые фразы и только махал рукою. Неожиданное появление литератора его расстроило: нервы его, очевидно, не выдерживали малейшего толчка. Только в известной сцене, где Хлестаков завирается, Гоголь снова ободрился и возвысил голос: ему хотелось показать исполнявшему роль Ивана Александровича, как должно передавать это действительно затруднительное место. В чтении Гоголя оно показалось мне естественным и правдоподобным. Хлестаков увлечен и странностью своего положения, и окружающей его средой, и собственной легкомысленной юркостью; он и знает, что врет, и верит своему вранью: это нечто вроде упоения, наития, сочинительского восторга – это не простая ложь, не простое хвастовство. Его самого «подхватило». «Просители в передней жужжат, 35 тысяч эстафетов скачет – а дурачье, мол, слушает, развесив уши, и какой я, мол, бойкий, игривый, светский молодой человек!» Вот какое впечатление производил в устах Гоголя хлестаковский монолог. Но, вообще говоря, чтение «Ревизора» в тот день было – как Гоголь сам выразился – не более как намек, эскиз; и всё по милости непрошеного литератора, который простер свою нецеремонность до того, что остался после всех у побледневшего, усталого Гоголя

и втерся за ним в его кабинет. [Данилевский в своих воспоминаниях говорит, что Гоголь задержал его сам, чтобы дать поручения в Петербург к Плетневу.]

В сенях я расстался с ним и уже никогда не увидал его больше; но его личности было еще суждено возыметь значительное влияние на мою жизнь.

Соч. Тургенева. П., 1898 г., т. XII.

Из воспоминаний П. В. Анненкова

…В 1851 году, за год до своей кончины, провожая меня из своей квартиры, в Москве, на Никитском бульваре (дом графа Толстого), он на пороге ее сказал мне взволнованным голосом: «Не думайте обо мне дурного и защищайте перед своими друзьями, прошу вас: я дорожу их мнением.»

Анненков, «Замечательное десятилетие», стр. 381.

Конец

Н. В. Гоголь – С. Т. Аксакову

Москва. В конце 1851 года.

Поздравляю вас от всей души. [С окончанием «Записок ружейного охотника», Аксаков и Гоголь условились выпустить свои книги («Зап. руж. охотника» и «Мертвые Души») одновременно.] Что же до меня, то хотя и не могу похвалиться тем же, но если бог будет милостив и пошлет несколько деньков, подобных тем, какие иногда удаются, то, может быть, и я как-нибудь управлюсь.

Ваш весь Н. Г.

«Письма», IV, стр. 417.

В. А. Жуковский – П. А. Плетневу

Баден, 7/19 декабря 1851 г.

…Не знаете ли чего о Гоголе? Он для меня пропал; я бы давно к нему писал, но не знаю, куда к нему писать; говорят, что он кончил вторую часть Мертвых Душ и что это чудесно хорошо; если будет напечатано, пришлите немедленно…

Соч. и переписка Плетнева, т. III, стр. 723.

П. А. Плетнев – В. А. Жуковскому

Пб., 25 декабря 1851 г.

Гоголь живет в Москве. Он получил разрешение печатать прежние свои сочинения без цензуры, в том виде, как они были изданы прежде. [Цензурное разрешение второго издания «Сочинений» – 10 октября 1851 г. Это было повторение первого четырехтомного издания (без «Мертвых Душ» и без «Выбранных мест». Печатались одновременно все 4 тома. Гоголь не успел закончить всей корректуры. После его смерти издание было вновь задержано, и вышло только в 1855 г. (под редакцией племянника Гоголя, Н. П. Трушковского).] Говорят, будто он приготовил к печати и второй том Мертвых Душ. Вы можете писать к нему, адресуя к Шевыреву или Погодину…

Соч. и переписка Плетнева, т. III, стр. 724.

Из воспоминаний А. Т. Тарасенкова

[Алексей Терент. Тарасенков (1816–1873) – доктор, главный врач Шереметевской больницы в Москве. Познакомился с Гоголем в январе 1852 г.]

…Однажды слуга хозяина, у которого мы обедали, пришел проситься в театр. В этот вечер было два спектакля. Гоголь, знавший, что́ дают в этот день, спросил его: «Ты в который театр идешь?» – «В Большой, – отвечал тот, – смотреть „Аскольдову могилу“» [Опера Верстовского на сюжет романа Загоскина.] – «Ну и прекрасно!» – прибавил Гоголь со смехом. Желая вызвать его на разговор литературный, я продолжал начатую речь о театре и пьесах, и, обратясь к нему, сказал, что я также пойду в театр, но в Малый: там дают «Женитьбу». «Не ходите сегодня (перебил Гоголь); а вот я соберусь скоро, посмотрю прежде, как она идет, и, уладив, извещу вас». Разговор о театре завязался. Гоголь признался, что до сих пор не видел «Женитьбы». Он называл эту пьесу пустяками; но моряк Жевакин, по его мнению, должен быть смешнее всех…

…Не помню почему-то я употребил в рассказе слово научный; он вдруг перестает есть, смотрит во все глаза на своего соседа и повторяет несколько раз сказанное мною слово «научный, научный, а мы всё говорили „наукообразный“: это неловко, то гораздо лучше». Тогда я изумился, как может так сильно занимать его какое-нибудь слово; но впоследствии услышал, что он любил узнавать неизвестные ему слова и записывал их в особенные тетрадки, нарочно для того приготовленные. Таких тетрадок им исписано было много. Замечали, что он нередко, выйдя прогуляться перед обедом и не отойдя пяти шагов от дома, внезапно и быстро возвращался в свою комнату; там черкнет несколько слов в одной из этих тетрадок и опять пойдет из дома.

После обеда Гоголь сидел в уголку дивана, смотрел на английскую иллюстрацию, все молчал, даже на этот раз не слушал, что говорили кругом него, хотя, разговор должен был его занимать: разрешались религиозные вопросы, говорили о церковных писателях, которых он любил; однако ж, по нечаянному случаю, произошел описанный разговор о театре, и он стал оживляться. Зашла речь о «Провинциалке» г. Тургенева, пьесе, которой придавали тогда большое значение. [«Провинциалка», поставленная в 1851 г. и в том же году напечатанная («Отеч. Зап.», № 1), имела у зрителей из «высшего общества» больший успех, чем ранее поставленные «Холостяк» и «Завтрак у предводителя».] «Что это за характер: просто кокетка – и больше ничего» – сказал он. Обрадовавшись, что Гоголь сделался разговорчивее, я старался, чтоб беседа не отклонилась от предметов литературных, и, между прочим, завел речь о

«Записках сумасшедшего». Рассказав, что я постоянно наблюдаю психопатов и даже имею их подлинные записки, [В числе научных трудов д-ра Тарасенкова есть несколько работ по психиатрии.] я пожелал от него узнать: не читал ли он подобных записок прежде, нежели написать это сочинение. Он отвечал: «Читал, но после». – «Да как же вы так верно приблизились к естественности?» – спросил я его. «Это легко: стоит представить себе…» Я жаждал дальнейшего развития мысли но, к прискорбью моему, подошел к нему слуга его и доложил ему о чем-то тихо. Гоголь вскочил и убежал вниз, к себе в комнаты, не окончив разговора. После я узнал, что к нему приезжал Живокини (сын), который в этот же вечер должен был в первый раз исполнять роль Анучкина. Живокини (вероятно, по совету Гоголя) выполнил эту роль проще, естественнее, нежели она была выполнена прежде, и, главное, без кривляний и фарсов, то есть так, как Гоголь желал, чтоб исполнялись и все, даже самые второстепенные роли.

По всему видно было, что Гоголь в это время еще занят был и своими творениями и всем житейским; а это случилось не более, как за месяц до его смерти. В это время он перепечатывал прежние сочинения под собственным своим наблюдением, исправлял их, кое-что вставлял и сам держал корректуру, заказав единовременное печатание каждой части в особой типографии. Перед этим же временем он окончательно отделал и тщательно переписал свое заветное сочинение, которое было обрабатываемо им в продолжение почти 20 лет; наконец, после многих переделок, переписок, он остался им доволен, собирался печатать, придумал для него формат книги: маленький, в осьмушку, который очень любил, хотел сделать это сочинение народным, пустить в продажу по дешевой цене и без своего имени, единственно ради научения и пользы всех сословий. Это сочинение названо Литургиею.

…В эту же зиму приведен был к окончанию второй том «Мертвых Душ» и еще какие-то статьи, которые должны были войти в состав прежних четырех томов полного собрания. Напечатав предположенное, он собирался посвятить себя какому-то груду по части русской истории. Не любя раскрывать своих задушевных мыслей, особенно говорить о себе, как о сочинителе, тем более слушать себе похвалы, он в это последнее время в задушевной беседе объявил, однако, что доволен своими последними, приготовленными к печати трудами, в которых «слог трезвый, крупный, яркий, не такой, как был в прежних, уже изданных сочинениях, когда он вовсе не умел писать».

…В последние месяцы своей жизни Гоголь работал с любовью и рвением почти каждое утро до обеда (4-х часов), выходя со

двора для прогулки только за четверть часа, и вскоре после обеда по большей части уходил опять заниматься в свою комнату.

«Литургия» и «Мертвые Души» были переписаны набело его собственною рукою, очень хорошим почерком. Он не отдавал твоих сочинений для переписки в руки других; да и невозможно было бы писцу разобрать его рукописи по причине огромного числа перемарок. Впрочем, Гоголь любил сам переписывать, и переписывание так занимало его, что он иногда переписывал и то, что́ можно было иметь печатное. У него были целые тетради (в восьмушку почтовой бумаги), где его рукою каллиграфически были написаны большие выдержки из разных сочинений. Второй том «Мертвых Душ» был прочтен им в Москве по главам в разных домах, но число слушателей было весьма ограничено, да и те обязывались не рассказывать о содержании слышанного до поры, до времени. «Литургия» была еще меньшему числу его знакомых известна, а о других своих сочинениях он упоминал только изредка. Читал он отлично: слушавшие его говорят, что не знают других подобных примеров. Простота, внятность, сила его произношения производили живое впечатление, а певучесть имела в себе нечто музыкальное, гармоническое. При чтении даже чужих произведений умел он с непостижимым искусством придавать вес и надлежащее значение каждому слову, так что ни одно из них не пропадало для слушающих. В. А. Жуковский по этому поводу сказал, что ему никогда так не нравились его собственные стихи, как после прочтения их Гоголем.

И переписанные набело сочинения он все откладывал отдавать в цензуру, отзываясь тем, что желает еще исправить некоторые места, которые кажутся не совсем вразумительными. Впрочем, по его деятельности и распоряжениям можно было заключить, что у него многое уже окончательно готово.

А. Т. Тарасенков. «Последние дни жизни Гоголя». 2-е изд. М., 1902.

Из воспоминаний О. М. Бодянского (В изложении П. А. Кулиша)

…За девять дней до масляной [25 января 1852 г. – меньше, чем за месяц до смерти Гоголя.] О. М. Бодянский видел его еще полным энергической деятельности. Он застал Гоголя за столом, который стоял почти посреди комнаты и за которым поэт обыкновенно работал сидя. Стол был покрыт зеленым сукном. На столе разложены были бумаги и корректурные листы. Г. Бодянский, обладая прекрасной памятью, помнит от слова до слова весь разговор свой с Гоголем.

– Чем это вы занимаетесь, Николай Васильевич? – спросил он, заметив, что перед Гоголем лежала чистая бумага и два очиненные пера, из которых одно было в чернильнице.

– Да вот мараю всё свое, – отвечал Гоголь, – да просматриваю корректуру набело своих сочинений, которые издаю теперь вновь.

– Всё ли будет издано?

– Ну, нет; кое-что из своих юных произведений выпущу.

– Что же именно?

– Да «Вечера».

– Как! – вскричал, вскочив со стула, гость. – Вы хотите посягнуть на одно из самых свежих произведений своих?

– Много в нем незрелого, – отвечал спокойно Гоголь. – Мне бы хотелось дать публике такое собрание своих сочинений, которым я был бы в теперешнюю минуту больше всего доволен. А после, пожалуй, кто хочет, может из них (т. е. «Вечеров на Хуторе») составить еще новый томик. [Колебания, нужны ли «Вечера» в собрании сочинений, у Гоголя действительно были (об этом говорилось еще в предисловии к 1-му изданию), но ко времени, о котором рассказывает Бодянский, «Вечера» уже прошли через цензуру, а частично и через авторскую корректуру.]

Г. Бодянский вооружился против поэта всем своим красноречием, говоря, что еще не настало время разбирать Гоголя как лицо мертвое для русской литературы и что публике хотелось бы иметь всё то, что он написал, и притом в порядке хронологическом, из рук самого сочинителя.

Но Гоголь на все убеждения отвечал:

– По смерти моей, как хотите, так и распоряжайтесь.

Слово смерть послужило переходом к разговору о Жуковском. Гоголь призадумался на несколько минут и вдруг сказал:

– Право, скучно, как посмотришь кругом на этом свете. Знаете ли вы? Жуковский пишет ко мне, что он ослеп.

– Как! – воскликнул г. Бодянский, – слепой пишет к вам, что он ослеп?

– Да. Немцы ухитрились устроить ему какую-то штучку… Семене! – закричал Гоголь своему слуге по-малороссийски, – ходы сюды.

Он велел спросить у графа Толстого, в квартире которого он жил, письмо Жуковского. Но графа не было дома.

– Ну, да я вам после письмо привезу и покажу, потому что – знаете ли? – я распорядился без вашего ведома. Я в следующее воскресенье собираюсь угостить вас двумя-тремя напевами нашей Малороссии, которые очень мило Н. С. [Надежда Сергеевна Аксакова (1829–1869).] положила на ноты с моего козлиного пенья; да при этом упьемся и прежними нашими песнями. Будете

ли вы свободны вечером?..

– Ну, не совсем, – отвечал гость.

– Как хотите, а я уж распорядился, и мы соберемся у О. Ф. [Кошелевой] часов в семь; а впрочем, для большей верности, вы не уходите; я сам к вам заеду, и мы вместе отправимся на Поварскую.

Г. Бодянский ждал его до семи часов вечера в воскресенье, наконец, подумав, что Гоголь забыл о своем обещании заехать к нему, отправился на Поварскую один; но никого не застал в доме, где они условились быть, потому что в это время умер один общий друг всех московских приятелей Гоголя – именно жена поэта Хомякова – и это печальное событие расстроило последний музыкальный вечер, о котором хлопотал он. [Смерть Кат. Мих. Хомяковой (сестры Н. М. Языкова, умершего еще раньше – в 1846 г.) сильно подействовала на Гоголя. Хомякова умерла 35 лет от роду 26 января (в субботу) – от тифа, осложненного беременностью.]

«Записки», т. II, стр. 258–259.

П. А. Плетнев – В. А. Жуковскому

Пб., 24 февраля 1852 г. [Написано уже после смерти Гоголя.]

…Гоголем овладело малодушие или, правильнее сказать, – суеверие. И так, он начал говеть. [С 4 февраля (понедельник на масляной).] Через два дня слуга графа А. Н. Толстого явился к нему и говорит, что он боится за ум и даже за жизнь Николая Васильевича, потому что он двое суток провел на коленях перед образами без питья и пищи. Как Толстой ни увещевал Гоголя подкрепиться – ничто не действовало. Граф поехал к митрополиту Филарету, [Филарет (Вас. Мих. Дроздов) род. 1782, ум. 1867; митрополит московский.] чтобы словом архипастыря подействовать на расстроенное воображение кающегося грешника. Филарет приказал сказать, что сама церковь повелевает в недугах предаться воле земного врача. Но и это не произвело перемены в мыслях больного. Пропуская лишь несколько капель воды с красным вином, он продолжал стоять коленопреклоненный перед множеством поставленных пред ним образов и молиться. На все увещания он отвечал тихо и кротко: оставьте меня, мне хорошо. Он забыл обо всем: не умывался, не чесался, не одевался… Вот, милый друг, – какова натура человека: с одной стороны, гений вдохновения, а с другой – слепота младенца.

Барсуков, т. XI, стр. 545–546.

Из воспоминаний М. П. Погодина

…В воскресенье, перед постом, [10 февраля.] он призвал к себе одного из друзей своих [А. П. Толстого.] и, как бы готовясь к смерти, поручал ему отдать некоторые свои сочинения в распоряжение духовной особы, [Филарета.] им уважаемой, а другие напечатать. Тот старался ободрить его упавший дух и отклонить от него всякую мысль о смерти. Ночью, на вторник, он долго молился один в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика и спросил его: тепло ли в другой половине его покоев. Свежо, отвечал тот. Дай мне плащ, пойдем: мне нужно там распорядиться. И он пошел, с свечой в руках, крестясь во всякой комнате, через которую проходил. Пришед, велел открыть трубу, как можно тише, чтоб никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил ее в печь и зажег свечой из своих рук. Мальчик, догадавшись, упал перед ним на колени и сказал: барин, что вы это, перестаньте! Не твое дело, отвечал он, молись. Мальчик начал плакать и просить его. Между тем огонь погасал, после того как обгорели углы у тетрадей. Гоголь заметил это, вынул связку из печки, развязал тесемку, и уложив листы так, чтоб легче было приняться огню, зажег опять, и сел на стуле перед огнем, ожидая, пока всё сгорит и истлеет. Тогда он, перекрестясь, воротился в прежнюю свою комнату, поцеловал мальчика, лег на диван и заплакал. «Иное надо было сжечь, – сказал он, подумав, – а за другое помолились бы за меня богу; но, бог даст, выздоровею, и всё поправлю».

Поутру он сказал графу Александру Петровичу Толстому: вообразите, как силен злой дух! Я хотел сжечь бумаги, давно уже на то определенные, а сжег главы Мертвых Душ, которые хотел оставить друзьям на память после своей смерти.

Вот что до сих пор известно о погибели неоцененного нашего сокровища.

Барсуков, т. XI, стр. 533–534.

Из воспоминаний А. Т. Тарасенкова

…Прежде этого Гоголь делал завещание графу взять все его сочинения и после смерти передать митрополиту Филарету. «Пусть он наложит на них свою руку; что́ ему покажется ненужным, пусть зачеркивает немилосердно». Теперь, в эту ужасную минуту сожжения, Гоголь выразил другую мысль: «А я думал разослать друзьям на память по тетрадке; пусть бы делали, что хотели. Теперь всё пропало». Граф, желая отстранить от него

мрачную мысль о смерти, с равнодушным видом сказал: «Это хороший признак – и прежде вы сжигали всё, а потом выходило еще лучше; значит, и теперь это не перед смертью». Гоголь при этих словах стал как бы оживляться; граф продолжал: «Ведь вы можете всё припомнить?» – «Да, – отвечал Гоголь, положив руку на лоб, – могу, могу: у меня всё это в голове». После этого он, по-видимому, сделался покойнее, перестал плакать.

Был ли этот поступок им обдуман прежде и произведен как следствие предшествовавших размышлений или это решение последовало тут же, внезапно, – разгадку этой тайны он унес с собою. Во всяком случае, после уничтожения своих творений, мысль о смерти, как близкой, необходимой, неотразимой, видно, запала ему глубоко в душу и не оставляла его ни на минуту. За усиленным напряжением последовало еще большее истощение. С этой несчастной ночи он сделался еще слабее, еще мрачнее прежнего: не выходил более из своей комнаты, не изъявлял желания видеть никого, сидел в креслах по целым дням, в халате, протянув ноги на другой стул, перед столом. Сам он почти ни с кем не начинал разговора, отвечал на вопросы других коротко и отрывисто. Напрасно близкие к нему люди старались воспользоваться всем, чем было только возможно, чтоб вывести его из этого положения. По ответам его видно было, что он в полной памяти, но разговаривать не желает. [16 февраля Тарасенков застал Гоголя в состоянии крайнего изнеможения. Отказывался от пищи: только 19 февр. удалось накормить его бульоном. 20 февр. собрался врачебный консилиум; о действиях врачей, об их обращении с Гоголем Т. говорит с возмущением. В этот день, по словам Погодина, «обнаружились явные признаки жестокой нервической горячки». 21 февраля в 8 час. утра Гоголь умер.]

А. Тарасенков. «Последние дни жизни Гоголя». М., 1902.

Из воспоминаний Ф. И. Образцова о священнике Матвее Константиновском

[Матв. Ал-др. Константиновский (1791–1857) – сначала сельский дьякон и священник, затем ржевский протоиерей. Гоголю указал на него заочно А. П. Толстой, и Гоголь послал ему из-за границы экземпляр «Выбранных мест». Получив от него отзыв о книге (отрицательный), Гоголь продолжал с ним переписку, а вернувшись в Россию, познакомился лично. Несомненно, М. Константиновский поддерживал в Гоголе аскетические настроения, но представления об исключительном влиянии его на Гоголя сильно преувеличены.]

– Вас обвиняют в том, что, как духовный отец Гоголя, вы запретили ему писать светские творения. [Образцов (священник) перелает по памяти слышанный им около 1856 г. разговор между Тертием Ив. Филипповым (приятелем Островского и Ап. Григорьева) и М. Константиновским. Первая реплика – Т. Филиппова.]

– Неправда. Художественный талант есть дар божий. Запрещения на дар божий положить нельзя; несмотря на все запрещения он проявится, и в Гоголе временно он проявлялся, но не в такой силе, как прежде. Правда, я советовал ему написать что-нибудь о людях добрых, т. е. изобразить людей положительных типов, а не отрицательных, которых он так талантливо изображал. Он взялся за это дело, но неудачно.

– Говорят, что вы посоветовали Гоголю сжечь 2-й том «Мертвых Душ?»

– Неправда и неправда… Гоголь имел обыкновение сожигать свои неудавшиеся произведения и потом снова восстановлять их в лучшем виде. Да едва ли у него был готов второй том: по крайней мере, я не видал его. Дело было так: Гоголь показал мне несколько разрозненных тетрадей с надписями: глава, как обыкновенно писал он главами. Помню на некоторых было надписано: глава I, II, III, потом должно быть VII, а другие были без означения; просил меня прочитать и высказать свое суждение. Я отказывался, говоря, что я не ценитель светских произведений, но он настоятельно просил, и я взял и прочитал. Но в этих произведениях был не прежний Гоголь. Возвращая тетради, я воспротивился опубликованию некоторых из них. В одной или двух тетрадях был описан священник. Это был живой человек, которого всякий узнал бы, и прибавлены такие черты, которых… во мне нет, да к тому же еще с католическими оттенками, и выходил не вполне православный священник. Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил уничтожить. В другой из тетрадей были наброски… только наброски какого-то губернатора, каких не бывает. Я советовал не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмеют за нее даже больше, чем за Переписку с друзьями…

– Говорят даже, что Гоголь сжег свои творения потому, что считал их греховными?

– Едва ли, – в недоумении сказал о. Матвей, – едва ли.

Он как будто в первый раз слышал такое предположение. Гоголь сожег, но не все тетради сожег, какие были под руками, и сожег потому, что считал их слабыми.

«Тверские Епарх. Ведомости», 1902, № 5.

Записка [С. П. Шевырева] о печатании сочинений покойного Н. В. Гоголя и о сумме денег, им на то оставленной

При жизни покойного Н. В. Гоголя, им самим, с дозволения московской цензуры, начато печатание 4-х томов его сочинений в трех типографиях: первых двух томов в Университетской, 3-го в типографии Готье, 4-го в типографии Семена. В Университетской напечатано 19 листов, остается еще примерно 16 ½ листа. У Готье отпечатано 16, остается 2 листа, у Семена отпечатано 6, остается 17 лист.

[Следует подробный отчет].

Сумма на издержку

После Н. В. Гоголя осталось в моих руках от его благотворительной суммы, которую он употреблял на вспоможение бедным молодым людям, занимающимся наукою и искусством, – 2533 руб. 87 коп. Его карманных денег – 170 р. 10 к. Итого 2703 р. 97 к. Деньги от его благотворительной суммы назначал он употребить теперь на напечатание его сочинений с тем, чтобы по выручке издержек она следовала опять своему назначению. Из них истрачено:

[Следует подробный отчет].

В каком состоянии находится теперь дело?

По смерти Николая Васильевича я получил приказание остановить издание его Сочинений впредь до разрешения начальства. Лица, принимающие живое участие в судьбе семейства покойного, заботятся о том, чтобы получить на то высочайшее разрешение. Необходимо также для продолжения дела, чтобы родные Николая Васильевича, имеющие права на наследство его имением и, след., по закону пользующиеся 25-летним правом печатания его Сочинений в свою пользу, прислали мне полномочную доверенность на то, чтобы распоряжаться изданием его Сочинений по моему благоусмотрению и доброй воле и отсылать им только отчеты и доходы. Как трудился я в этом отношении для покойника при жизни его, так не откажусь потрудиться и для его семейства. В течение 25 лет печатание его Сочинений уже изданных и еще неизданных может составить весьма значительный капитал. Теперь ни Сочинений его, ни «Мертвых Душ» уже нет в продаже; уцелевшие же в книжных лавках экземпляры продаются по цене неимоверной. Родные покойника могут быть уверены, что их интересы так же будут для меня дороги, как были интересы покойного, которого дружба и память останутся навсегда священны для моего сердца.

С. Шевырев.

Мая, 7. 1852. Москва.
«Памяти Гоголя». Отд. III, стр. 60–61.

Н. Ф. Павлов – А. В. Веневитинову

[Алексей Влад. Веневитинов (1806–1872) – брат поэта, муж Аполлин. Мих. Виельгорской (старшей сестры).]

Москва, 1 марта 1852 г. [Похороны Гоголя (на кладбище Данилова монастыря в Москве) были 25 февраля.]

Тело покойника было перенесено в университетскую церковь. Студенты дежурили день и ночь. Закревский [Ал. Ал. Закревский (1783–1865) – московский генерал-губернатор.] приехал на отпевание в ленте. При прощании лавровый венок был растерзан на кусочки, всякому хотелось иметь хоть листок на память. Хомяков и одномыслящие с ним недовольны и противились этому отпеванию в университетской церкви, утверждая, что она слишком похожа на салон, что в нее не придет тот класс людей, которым более дорожил Гоголь, что это отпевание акт, а не молитва. Все другие и я, мы были совершенно противного мнения. Похороны Гоголя должны были иметь общественный характер, какой и имели. Нищие, лакеи и мещане, которых желали, не пришли бы и в приходскую церковь, ибо чтоб ценить писателя, надо знать грамоте, притом же этот класс людей всегда предпочитает жеманную литературу литературе гениальной. Граф Закревский не читал Гоголя, но на похороны приехал, а московские купцы, которые также не читали и, следовательно, имели одинаковые права, – не приехали. Ни один не был, кроме Зевакина, да и тот явился, как бриллиант, от того только, что торгует бриллиантами. Всего любопытнее и поразительнее толки в народе во время похорон; анекдотов тьма; все добивались, какого чина. Жандармы предполагали, что какой-нибудь важный граф или князь; никто не мог представить себе, что хоронят писателя; один только извозчик уверял, что это умер главный писарь при университете, т. е. не тот, который переписывает, а который знал, к кому как писать, и к государю, и к генералу какому, ко всем.

Барсуков, т. XI, стр. 538.

Из воспоминаний А. А. Харитонова

[Алексей Ал-др. Харитонов (1816–1896) – в эти годы председатель Закавказской казенной палаты, впоследствии – сенатор.]

[Гоголя] отпевали в церкви университета, которого он был

почетным членом. Из церкви понесли его в отдаленный Данилов монастырь, где он желал быть похороненным возле поэта Языкова. Вся Москва была на этом печальном празднике. «Кого это хоронят? – спросил прохожий, встретивший погребальное шествие, – неужели это всё родные покойника?» – «Хоронят Гоголя, – отвечал один из молодых студентов, шедших за гробом, – и все мы его кровные родные, да еще с нами вся Россия».

«Русская Старина», 1894 г., № 4.

«Письмо из Петербурга» И. С. Тургенева

[Это письмо было причиной ареста и ссылки Тургенева в деревню. Оно напечатано (после запрещения его петербургской цензурой) в «Моск. Ведомостях», 1852 г., № 32 от 13 марта за подписью Т-в и с пометою «24 февраля 1852 г. С.-Петербург». Перепечатано в «Русской Старине», 1873 г., № 12 и в собраниях сочинений Тургенева.]

Гоголь умер!.. Какую русскую душу не потрясут эти два слова? Он умер… Потеря наша так жестока, так внезапна, что нам все еще не хочется ей верить. В то самое время, когда мы все могли надеяться, что он нарушит, наконец, свое долгое молчание, что он обрадует, превзойдет наши нетерпеливые ожидания, – пришла эта роковая весть! Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право – горькое право, данное нам смертью, – назвать великим; человек, который своим именем означит эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордились, как одною из слав наших! Он умер, пораженный в самом цвете лет, в разгаре сил своих, не окончив начатого дела, подобно благороднейшим из его предшественников… Его утрата возобновляет скорбь о тех незабвенных утратах, как новая рана возбуждает боль старинных язв. Не время теперь и не место говорить о его заслугах – это дело будущей критики; должно надеяться, что она поймет свою задачу и оценит его тем беспристрастным, но исполненным уважения и любви судом, которым подобные ему люди судятся перед лицом потомства; нам теперь не до того, нам только хочется быть одним из отголосков той великой скорби, которую мы чувствуем разлитою повсюду вокруг нас; не оценить его нам хочется, но плакать; мы не в силах говорить теперь спокойно о Гоголе – самый любимый, самый знакомый образ не ясен для глаз, орошенных слезами… В день, когда его хоронит Москва, нам хочется ей протянуть отсюда руку, соединиться с ней в одном чувстве общей печали; мы не могли взглянуть в последний раз на его безжизненное лицо, но мы шлем

ему издалека наш прощальный поклон и с благоговейным чувством слагаем дань нашей скорби и нашей любви на его свежую могилу, в которую нам не удалось, подобно москвичам, бросить горсть родимой земли! Мысль, что его прах будет покоиться в Москве, наполняет нас каким-то горестным удовлетворением. Да, пусть он покоится там – в этом сердце России, которую он так глубоко знал и так любил, так горячо любил, что одни легкомысленные или близорукие не чувствуют присутствия этого любовного пламени в каждом им сказанном слове. Но невыразимо тяжело было бы нам подумать, что последние – самые зрелые плоды его гения – погибли для нас невозвратно, и мы с ужасом внимаем жестоким слухам об их истреблении…

Едва ли нужно говорить о тех немногих людях, которым слова наши покажутся преувеличенными или даже вовсе неуместными… Смерть имеет очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недоразумения, – всё смолкает перед самою обыкновенною могилой: они не заговорят над могилою Гоголя. Какое бы ни было окончательное место, которое оставит за ним история, мы уверены, что никто не откажется повторить теперь же вслед за нами:

«Мир его праху, вечная память его жизни, вечная слава его имени».

Синхроническая канва жизни и творчества Н. В. Гоголя на фоне эпохи

[*Звездочкой отмечены западноевропейские литературные события*.]

Ок. 1780. Род. Вас. Аф. Гоголь, отец Н. В.

1780. Род. беллетрист А. П. Бенитцкий, худ. А. Г. Венецианов.

1794. Род. Мар. Ив. Гоголь, мать Н. В.

1794. Род. П. Я. Чаадаев, сентиментальная писательница М. Е. Извекова.

1809. 19 или 20 марта ст. ст. род. Н. В. Гоголь.

1809. Род. Н. В. Кукольник, А. В. Кольцов, Ю. Словацкий, Э. По, Шопен, Прудон, Ч. Дарвин.

1818. 9-летний Гоголь поступает (в августе) в высшее отделение 1-го класса полтавского повитого училища, где учится до июня 1819 г. с братом Иваном (умер летом 1819 г.).

1819–1820. Н. В. Гоголь учится в Полтаве один (где именно – не установлено).

1819. Начало интереса к Байрону в России. Дебюты Тютчева, Боратынского, Марлинского.

1820. Пушкин сослан на юг. «Руслан и Людмила». Первый русский перевод из В. Скотта (в «Вестнике Европы»).

1821. 1 мая Н. В. Гоголь принят в нежинскую Гимназию высших наук. С августа учится.

1821. Началось греческое восстание и турецко-персидская война.

Судят петербургских профессоров. Закрыт «Союз благоденствия». Начался заговор будущих декабристов.

Первые «думы» Рылеева в печати.

* Первая книга Гейне.

1822. Н. В. Гоголь переходит в 4-й класс.

1822. Запрещены масонские ложи и тайные об-ва.

20 сент. Щепкин дебютирует в Москве.

«Шильонский узник» Байрона в переводе Жуковского. «Кавказский пленник» Пушкина. «Чванство Транжирина» и «Казак-стихотворец» Шаховского. «Аристион» Нарежного.

Умерли Гофман и Шелли.

1823. Н. В. Гоголь переходит в 5-й класс.

1823. Тайные общества возобновляются. «Об-во любомудрия» (Вл. Одоевский, Веневитинов и др.).

«Полярная Звезда» Рылеева и Бестужева-Марлинского. «О романтической поэзии» О. Сомова. «Урок женатым» и «Сокол князя Ярослава» Шаховского. Ряд повестей и рассказов Марлинского.

* «Оды» и «Ган-исландец» Гюго.

* «Певериль Пикский» В. Скотта.

1824. 15-летний Гоголь с начала года участвует в школьных спектаклях, переходит в 6-й класс.

1824. Запрещено «Горе от ума». Пушкин сослан в село Михайловское (июль). «Бахчисарайский фонтан» Пушкина с предисловием Вяземского о романтизме. Полемика о нем. «Мнемозина» Вл. Одоевского и Кюхельбеккера. «Явная война романтиков и классиков, равно образовавшихся в школе Карамзина» (слова Кюхельбеккера). «Бурсак» Нарежного. В конце декабря – отрывки из «Евгения Онегина» («Северные Цветы»).

* «Le Globe» – орган французских романтиков. * «Рассказы путешественника» Вашингтона Ирвинга.

Умер Байрон.

1825. Во второй половине марта умер В. А. Гоголь. Первые (?) литературные опыты Н. В. Гоголя. Участвует в школьных журналах. Перешел в 7-й класс.

1825. Крестьянские бунты в 9 губерниях. Декабрьское восстание и его разгром. Николай I начал царствовать.

«Любомудры» закрывают свое общество и сжигают протоколы.

Первая глава «Евгения Онегина», «Братья разбойники» и отрывок из «Цыган» («Полярная Звезда»). Отрывок из «Горя от ума» («Русская Талия»). «Войнаровский» Рылеева. «Аристофан» Шаховского. «Чернец» Козлова. «Нищий» Погодина. «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» Нарежного. «Лафертовская маковница» Погорельского. «Опыт науки изящного» Галича. «Московский Телеграф» – журнал Н. Полевого, «Северная Пчела» Булгарина.

Умер Нарежный.

Умер Сен-Симон.

1826. 17-летний Гоголь переходит в 8-й класс. В октябре инспектор Гимн. высш. наук Белоусов доносит, что ученики «читают книги, неприличные для их возраста, держат у себя сочинения Александра Пушкина и других подобных».

Гоголь заводит «Книгу всякой всячины», куда входит между прочим «Лексикон малороссийский».

1826. 13 июля казнены декабристы. Кюхельбеккер и Бестужев-Марлинский – в крепости.

Бенкендорф назначен шефом вновь основанной жандармской полиции и вскоре – сенатором. Получил 25 000 десятин земли в

потомственное владение. Учреждено 3-е Отделение. Началась война с Персией. Жуковский назначен воспитателем наследника. Пушкин возвращен из ссылки. Полежаев отдан в солдаты.

1-е издание «Стихотворений» Пушкина (январь) и 2-я глава «Онегина» (октябрь). «Эда» Боратынского. «Святочные рассказы» Полевого. «Богатонов в деревне» – комедия Загоскина. * «Начезы» Шатобриана. * «Вудсток» В. Скотта. * «Бюг Жаргаль» Гюго. * «Путевые картины» Гейне (1826–1831).

Умер Карамзин.

1827. Гоголь перешел в 9-й (последний) класс. Увлекается театром и литературой.

1827. Закрыта псковская гимназия, в которой не оказалось дворян. Марлинский переведен в Якутск. Пушкин передает через Муравьеву послание «В Сибирь» (декабристам). 3-я глава «Онегина». «Цыганы». Сцена в Чудовом монастыре из «Бориса Годунова». «Стихотворения» Боратынского. «Сочинения» Булгарина в 10 ч. «Малороссийская деревня» Кулжинского. «Московский Вестник». Умер Веневитинов.

* «Канонгэтские хроники» Вальтер Скотта. * «Кромвель» Гюго. * «Книга песен» Гейне. * «Обрученные» Манцони.

Умер Бетховен.

1828. В июне Гоголь кончает гимназию, до декабря живет дома, в Васильевке, а в декабре едет в Петербург.

1828. Война с Турцией. Туркманчайский мир с Персией. Первый закон «О правах сочинителей». «Граф Нулин» Пушкина и «Бал» Боратынского, 4-я, 5-я и 6-я главы «Онегина». «Гайдамак» О. Сомова (отрывки). «Кочубей» Аладьина. «Двойник или мои вечера в Малороссии» Погорельского. «Пан Твардовский» – опера Верстовского, либретто Загоскина.

Первое представление мелодрамы Дюканжа «30 лет или жизнь игрока» на русской сцене. * «Конрад Валленрод» Мицкевича.

Умер Нелединский-Мелецкий. Умерли Шуберт и Гойя.

1829. 20-летний Гоголь в Петербурге. В марте напечатано приписываемое Гоголю стихотворение «Италия» («Сын Отечества», № 12).

В апреле – запрашивает мать об украинских материалах и о комедиях отца.

В июне – вышел «Ганц Кюхсльгартен» (ценз. разр. 7 мая 1829 г.); в июле Гоголь отбирает экземпляры и сжигает их, а сам уезжает за границу, объясняя поездку неудачной любовью и честолюбивыми мечтами. 22 сентября уже вернулся.

В конце года получил через Булгарина место в 3-м Отделении, куда, впрочем, являлся только за жалованьем.

1829. Мир с Турцией. Первая мануфактурная выставка в России.

Марлинский назначен рядовым в 41-й егерский полк. Белинский поступает в Московский университет. «Полтава»; 2-я часть «Стихотворений» Пушкина и 2-е издание первой; 4-я глава «Арапа Петра Великого». «Стихотворения» Дельвига и Веневитинова. «Илиада» в переводе Гнедича. «Иван Выжигин» Булгарина. «Юрий Милославский» Загоскина. «Казацкие шапки» и «Терешко» Кулжинского. Ряд фантастических рассказов на фольклорные темы (Сомова, Олина и др.). «Дворянские выборы» Квитки. «Галатея» – журн. Раича. «Сын Отечества» – Греча (и Булгарина).

* «Веверлейские повести с новыми предисловиями и примечаниями» В. Скотта. * «Последний день приговоренного к смерти» Гюго; * «Последний Шуан» Бальзака. * «Мертвый осел» – Жюля Жанена. * «Социальная система» Оуэна.

Убит в Персии Грибоедов.

1830. В начале года Гоголь оставил службу в 3-м Отделении.

В апреле поступил в Департамент уделов. 10 июля назначен помощником столоначальника.

Знакомится с Сомовым, Дельвигом, Плетневым и, может быть, Жуковским (не позже февраля 1831 г.).

В феврале и марте – «Басаврюк, или вечер накануне Ивана Купала» – в «Отечественных Записках» Свиньина (анонимно).

В декабре «Глава из исторического романа» в «Северных Цветах на 1831 г.» (ценз. разр. 18 дек. 1830. Подпись ОООО).

В конце 1830 г. или в начале следующего Гоголь пишет патетическую статью «Борис Годунов» (разговор Элладия с Поллиором).

1830. Июльская революция во Франции.

Несколько случаев арестов цензоров и журналистов в России.

Лермонтов, Станкевич и Герцен поступили в Московский университет. Напряженное творчество Пушкина в Болдине («Повести Белкина», «Горюхино», драмы, «Домик в Коломне»). Диссертация Надеждина о романтизме. «Литературная Газета» Дельвига (затем Сомова). Последний год «Московского Вестника».

«Борис Годунов» и 7-я глава «Онегина» – в печати. Отрывок из «Арапа Петра Великого». Отрывки из «Горя от ума» на сцене. Водевиль Каратыгина «Знакомые незнакомцы». Новые повести Марлинского и Сомова. «Монастырка» Погорельского. «Киргиз Кайсак» Ушакова. «Дмитрий Самозванец» Булгарина. «Ягуб Скупалов» Свиньина. «Повести и литературные отрывки» Полевого в 6 ч. Дебюты Даля.

* «Эрнани» Гюго. * «Сцены из частной жизни» Бальзака. *

«Красное и черное» Стендаля.

Умерли Мерзляков, Вас. Пушкин, Вл. Измайлов.

Умер Б. Констан.

1831. В январе – глава из повести «Страшный кабан» (подпись П. Глечик).

«Несколько мыслей о преподавании детям географии» (подпись Г. Янов) в «Лит. Газете», № 1 (от 1 января); «Женщина» (впервые подпись Н. Гоголь) в «Лит. Газете», № 4 (от 16 января).

22 марта – второй отрывок из повести «Страшный кабан» (анонимно) в «Лит. Газете», № 17.

9 февраля Гоголь поступает младшим учителем истории в Патриотический институт.

9 марта уходит из Департамента уделов. 1 апреля назначен старшим учителем.

В конце мая знакомится с Пушкиным. 26 мая – ценз. разр. «Вечеров на хуторе близ Диканьки», ч. 1. В сентябре «Вечера» выходят в свет.

1831. Польское восстание. – Холера в России. Холерные бунты в Петербурге и в новгородских военных поселениях. 26 января первое представление «Горя от ума» полностью. Загоскин назначен директором московских театров. 31 августа открыт Александринский театр. Весной приезжает в Петербург 17-летний Шевченко (служит как крепостной лакей, затем как декоратор). Булгарин получает бриллиантовый перстень за «Ивана Выжигина». «Повести Белкина», «Пир во время чумы» и «Моцарт и Сальери» Пушкина. «Наложница» Боратынского. «Странник» Вельтмана. «Рославлев» Загоскина; новые повести Марлинского, Сомова, Ушакова и др. Новые оригинальные водевили Каратыгина («Горе без ума»), Григорьева 2-го («Филатка и Мирошка – соперники») и др. Первые стихотворения Кольцова в печати за его подписью. Дебют Гребенки в «Украинском альманахе». Русские переводы из Гюго и Ж. Жанена.

* Вторая часть «Фауста». * «Шагреневая кожа» Бальзака. * «Индиана» Ж. Санд. «Собор Парижской богоматери» Гюго.

Умерли Дельвиг и Ал-др Измайлов.

Умер Гегель.

1832. 31 января – ценз. разр. 2-й части «Вечеров». В марте выходит в свет. В июне Гоголь в Москве. Знакомится с Погодиным, С. Аксаковым, Щепкиным, также с Загоскиным и Дмитриевым.

С 20 июля до октября – в Васильевке. 30 октября вернулся в Петербург (привез с собой сестер, чтобы отдать их в институт).

Замысел «Владимира 3-й степени» и, может быть, начало работы над ним.

1832. Парламентская реформа в Англии. Мин-во народного просвещения провозглашает лозунг самодержавия, православия и народности.

Даль арестован за «Русские сказки». Белинский исключен из Московского университета. Пушкин работает над «Дубровским», «Марией Шонинг» и «Русалкой». 8-я глава «Онегина», 3-я часть «Стихотворений» и «Сказка о царе Салтане» Пушкина. Переделка «Цыган» на петербургской сцепе. «Вадим, или 12 спящих дев» – опера Верстовского (либретто Шевырева по Жуковскому). «Двумужница» Шаховского. Собрания повестей Марлинского (5 частей) и Погодина (3 части). Бытовые романы Бегичева («Семейство Холмских»), Симоновского («Русский Жилблаз») и др. Исторические романы Лажечникова («Последний Новик»), Голоты («Иван Мазепа») и др. «Стихотворения» Полежаева.

* «Женщина 30 лет» Бальзака.

Умерли Гете и В. Скотт.

1833. Неосуществленные замыслы Гоголя – всеобщая история, всеобщая география («Земля и люди»), история Украины.

Начало неоконченной повести «Страшная рука».

Работа над «Владимиром 3 степени» (вскоре прерванная), «Вием» и «Женихами».

В конце года – мысль о профессуре в Киеве.

Накануне нового года Гоголь пишет лирическое обращение к 1834 году.

1833. Запрещен «Медный Всадник» Пушкина и постановка «Орлеанской девы». Белинский начинает сотрудничать в «Телескопе» и «Молве» Надеждина. Пушкин работает над «Дубровским», «Историей Пугачева», «Капитанской дочкой», «Пиковой дамой», «Медным Всадником» и «Анджело». Первые издания «Евгения Онегина» и «Горя от ума». «Домик в Коломне». «Стихотворения» Языкова. «Торквато Тассо» Кукольника. «Пестрые сказки» Вл. Одоевского. «Мечты и жизнь» Полевого, «Монастырка» Погорельского, ч. II. «Фрегат Надежда» Марлинского. «Наливайко» Голоты, «Аскольдова могила» Загоскина.

* «Лелия» Ж. Санд. * «Эжени Гранде» Бальзака.

Умерли Гнедич и О. Сомов.

1834. 30 января Гоголь печатает в «Северной Пчеле» объявление об издании «Истории малороссийских казаков». «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» – в «Новоселье» (ценз. разр. 18 апреля). Ряд статей Гоголя в «Журнале Министерства народного просвещения»: 1) «План преподавания всеобщей истории» (февраль), 2) «Взгляд на составление Малороссии», 3) «О

малороссийских песнях» (апрель), 4) «О средних веках» (сентябрь) и 5) «Аль Мамун» (октябрь.)

В феврале – марте хлопочет о профессуре в Киеве. Тогда же избран членом О-ва люб. росс. словесности. 24 июля утвержден адъюнктом по кафедре всеобщей истории Петерб. университета. В октябре читает лекцию в присутствии Пушкина и Жуковского.

Работает над «Женихами»; готовит к печати «Арабески» (ценз. разр. 10 ноября) и «Миргород» (ценз. разр. 29 декабря).

1834. Основан Киевский университет. Арестованы Герцен, Огарев и другие члены их кружка. Запрещен «Московский Телеграф». Основана «Библиотека для чтения» (Сенковского). Умер Аракчеев. Пушкин печатает «Истории Пугачевского бунта» и собирает материалы для истории Петра. «Сказка о мертвой царевне», отрывки из «Медного Всадника», «Пиковая дама», «Анджело» и «Кирджали» Пушкина. «Повести» – его же в отд. изд. «Конек-Горбунок» Ершова. «Малороссийские повести» Квитки, ч. 1. «Мазепа» Булгарина; «Княжна Мими» Вл. Одоевского. «Абадонна» Полевого. «Рука всевышнего отечество спасла» Кукольника.

«Литературные мечтания» Белинского. «Последний день Помпеи» Брюллова (с августа в Петербурге).

* «Жак» Ж. Санд.

Умер Шлейермахер.

1835. Вышли в свет «Арабески» (в январе) и «Миргород» (в феврале). Новый неосуществленный замысел Гоголя – история средних веков.

В марте Гоголь посылает в «Московский Наблюдатель» «Нос».

23 апреля уволен в отпуск; с конца мая – в Васильевке (до августа). В августе в Москве, читает у Погодина комедию «Женихи». 1 сентября вернулся в Петербург. 7 октября пишет Пушкину, что начал писать «Мертвые Души» и просит сюжета для комедии.

31 декабря уволен из университета.

1835. Первый в русском законодательстве фабричный закон. Герцен сослан в Пермь – Вятку. Белинский провозгласил Гоголя главой современной русской литературы («О русской повести и повестях Гоголя» в «Телескопе», №№ 7 и 8 вышли в сентябре). «Моск. Наблюдатель» Андросова. «Словесность и торговля» – статья Шевырева. Пушкин работает над средневековыми сюжетами, переводами из античных поэтов и «Египетскими ночами». «Песни западных славян», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина, 4-я часть «Стихотворений», «Поэмы и повести» (в стихах) – его же. «Хаджи Абрек» Лермонтова. «Стихотворения» Кольцова и Бенедиктова.

«Аскольдова могила» – опера Верстовского. «Ледяной дом» Лажечникова. «Три повести» Павлова. «Памятные записки тит. советника Чухина» Булгарина. «Провинциальные актеры» Вельтмана.

* «Отец Горио» Бальзака (в подлиннике и по-русски). * «Серафита» – его же. Первые сказки Андерсена (в России долго неизвестные).

* «Жизнь Иисуса» Штрауса.

Умер гр. Д. Хвостов.

1836. Работа над «Ревизором», 2-е издание «Вечеров» (ц. разр. 10 ноября 1834).

11 апреля вышел в свет I том «Современника» (ц. разр. 31 марта). Здесь – «Коляска», «Утро делового человека», «О движении журнальной литературы» и рецензии. Здесь же рецензия Пушкина на «Вечера».

19 апреля первое представление «Ревизора» в Петербурге. В апреле же вышло в свет отд. издание (ценз. разр. 13 марта).

25 мая – первое представление «Ревизора» в Москве.

6 июня Гоголь уезжает за границу (до августа в Германии, до ноября в Швейцарии, затем в Париже).

В сентябре разрешен цензурой и в октябре вышел 3-й том «Современника» («Нос»). Там же полемическое письмо А. С. (Пушкина) по поводу статьи Гоголя о журнальной литературе.

1836. «Философическое письмо» Чаадаева в «Телескопе». «Телескоп» запрещен (сентябрь). Надеждин сослан в Усть-Сысольск. Чаадаев объявлен сумасшедшим. «Современник» Пушкина – 4 книги. Шевырев защищает докторскую диссертацию («Теория поэзии в историч. развитии»). Дебютирует рецензией И. С. Тургенев. Кольцов в Москве и Петербурге заводит литературные знакомства. Бестужев-Марлинский произведен в офицеры. «Скупой рыцарь», «Капитанская дочка» и «Путешествие в Арзрум» Пушкина. «Мулла Нур» Марлинского. «Джулио Мости» – драм. фантазия Кукольника. Дебюты Кудрявцева и Панаева (повести). «Жизнь за царя» Глинки (27 ноября). Ал-др Иванов начал работать над картиной «Явление Христа народу».

* «Записки Пиквикского клуба» Диккенса. * «Исповедь сына века» Мюссэ. Умерли Погорельский и худ. Кипренский.

Умер Годвин.

1837. Гоголь весь год за границей. В № 2 «Современника» (т. VI) напечатаны «Петербургские записки 1836 года».

Ок. 24 марта н. ст. [Даты фактов, имевших место за границей, приведены но новому стилю, остальные – по старому.] Гоголь приезжает в Рим, где живет до июня. Летом – в Бадене (встречи с А. О. Смирновой), в сентябре – в Женеве, с конца октября – в

Риме.

Работа над «Мертвыми Душами».

1837. Убит Пушкин (28 января). В феврале Лермонтов переведен за «Смерть поэта» в Нижегородский драгунский полк прапорщиком; уезжает на Кавказ; в октябре возвращен.

7 июня в схватке с горцами убит Бестужев-Марлинский.

Мельников за «вольные разговоры» сослан в Пермь. Разгромлен Киевский университет, заподозренный в польской пропаганде. Тютчев получает назначение в Турин. Уезжает за границу Станкевич. «Галуб», «Медный Всадник», «Русалка», «Сцены из рыцарских времен», «Арап Петра Великого», «Горюхино» («Горохино»), «Египетские ночи» и прозаические отрывки Пушкина в «Современнике». «Ундина» Жуковского. «Малороссийские повести» Квитки, ч. II. Дебюты Вл. Соллогуба и Е. Ган.

* «Погибшие мечтания» Бальзака.

* «Оливер Твист» Диккенса.

Умер Дмитриев.

Умерли Фурье, Леопарди, Берне.

1838. Гоголь весь год за границей: до июля – в Риме, июль и август – в Неаполе, сентябрь – в Париже (с Данилевским), в нач. октября – в Генуе, с пол. октября до конца года – в Риме.

Увлечение Италией и итальянской литературой. Работа над «Мертвыми Душами» и «Ревизором».

В конце года встречается в Риме с Шевыревым и Жуковским; знакомится с молодым Иосифом Виельгорским и с художником А. А. Ивановым.

1838. Начало чартизма в Англии. Герцен переведен из Вятки во Владимир. Шевченко 22 апреля выкуплен на волю. Лермонтов возвращен в гусарский полк. Тургенев в мае уезжает за границу. Некрасов приезжает в Петербург и впервые выступает в печати. Белинский редактирует «Московский Наблюдатель».

8 томов посмертного собрания сочинений Пушкина. «Песня про царя Ивана Васильевича» и «Казначейша» Лермонтова. «Басурман» Лажечникова. «Вечера на Карповке» Жуковой.

* «Николай Никльби» Диккенса.

* «Мюнхгаузен» Иммермана.

* «Рюи-Блаз» Гюго.

Умер Полежаев.

Умер Шамиссо.

1839. Чтение «Рима» и занятия живописью с Жуковским (янв. – февр.). В марте – приезжает Погодин. Гоголь сближается с Шевыревым и с семьей Виельгорских.

В конце мая умирает Иосиф Виельгорский.

В июне Гоголь едет к матери умершего в Марсель. На пароходе встречается в Сент-Бёвом.

Под впечатлением смерти Виельгорского написаны «Ночи на вилле».

В июле и августе Гоголь лечится в Мариенбаде, с 24 авг. по 22 сент. – в Вене. 22 сент. выезжает в Россию, чтобы взять сестер из института. 26 сент. ст. ст. Гоголь в Москве, 30 октября – в Петербурге, 22 декабря – опять в Москве.

Читает вслух 4 главы «Мертвых Душ». Работает над второй редакцией «Тараса Бульбы» и задумывает драму из украинской истории.

1839. Дубельт назначен помощником шефа жандармов. Огарев пишет покаянное письмо Бенкендорфу; в октябре назначен в канцелярию московского сената. Белинский приезжает в Петербург, начинает сотрудничать в «Отечественных Записках» Краевского. Реакционные статьи его. Сборник «100 русских литераторов» (здесь между прочим «Каменный гость» Пушкина). «Бэла», «Фаталист» и ряд стихотворений Лермонтова. «Княжна Зизи» Вл. Одоевского. «Пан Халявский» Квитки. «Украинские баллады» Иеремии Галки (Костомарова). Дебюты Мея и Огарева. «Очерки русской литературы» Полевого. «Репертуар русского театра» изд. Песоцкого.

* «Лавка древностей» Диккенса.

* «Пармский монастырь» Стендаля.

* «Слова верующего» Ламеннэ.

Умерли А. Воейков, Д. Давыдов, Д. Дашков, Ал-др Одоевский, Вл. Соколовский, П. Свиньин, М. Сперанский.

Изобретен дагерротип.

1840. Гоголь в Москве до 18 мая. Читает «Тяжбу», «Рим» и новые главы «Мертвых Душ» (5-ю и 6-ю). 9 мая Гоголь дает обед в саду у Погодина. Здесь – Вяземский, Загоскин, Ю. Самарин, Лермонтов (читает из «Мцыри»).

С половины июня до половины августа Гоголь в Вене: напряженно работает и заболевает. В сентябре – в Венеции, с 25 сентября в Риме.

Кроме «Мертвых Душ» работает над «Тарасом Бульбой» (2-я ред.), «Шинелью», отрывками «Владимира 3-й степени» и «Дядькой в затруднительном положении».

1840. Закон 18 июня о посессионных фабриках. Белинский отрекается от «гнусного примирения с гнусной действительностью». Статья его о «Горе от ума», где разбор «Ревизора».

Бакунин примыкает к левым гегельянцам, уезжает за границу. Лермонтов, за дуэль с Барантом, вновь переведен на Кавказ. С.

Аксаков начал работать над «Семейной хроникой». Плетнев – ректор Петербургского университета. Реакционный журнал С. Бурачка «Маяк». «Сказка о Кузьме Остолопе» (!) Пушкина. «Герой нашего времени» и «Стихотворения» Лермонтова. «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой» Мятлева, «Мечты и звуки» Некрасова, «Лирический пантеон» Фета. «Записки одного молодого человека» Герцена. «Большой свет» и главы «Тарантаса» В. Соллогуба, «Мещанин» Башуцкого, «Прекрасный человек» и др. повести Панаева. «О том, кто такое был Эльпидифор Петрович» Мельникова. «Малороссийские повести» Кулиша, «Приезжий из столицы» Квитки. «Кобзарь» Шевченко.

* «Сущность христианства» Фейербаха. * «Что такое собственность» Прудона.

Умерли Козлов, Станкевич.

1841. В «Москвитянине» №№ 4–6 напечатаны «Дополнительные сцены к Ревизору».

В «Репертуаре», т. VI – «Отрывок из письма к одному литератору».

2-е издание «Ревизора» (ценз. разр. 26 июля), в приложении «Отрывок» и дополнительные сцены.

Окончание работы над первой частью «Мертвых Душ».

Гоголь в Риме до августа, в сентябре – в Германии, в начале октября – в Петербурге, с 18 октября – в Москве.

7 декабря Гоголь частным образом отдает рукопись «Мертвых Душ» на просмотр цензору Снегиреву, но тот передает ее в ценз. комитет.

12 декабря рукопись рассмотрена в московском ценз. комитете. Постановлено – передать ее на заключение Снегиреву.

1841. Убит Лермонтов (16 июля). Герцен в Петербурге; в июле сослан в Новгород. Тургенев готовится к экзамену на степень магистра философии. Некрасов пишет водевили и рассказы. Салтыков дебютирует стихами. Алексей Толстой – рассказом «Упырь». Начинает выходить Шекспир в прозаическом переводе Кетчера. Белинский начинает ежегодные обзоры. «Москвитянин» Погодина. Здесь между прочим «Вгляд русского на современное образование Европы» Шевырева; «Возможна ли у нас германская философия» Давыдова и т. п. Опубликована рукопись Котошихина. 9-11 т.т. посмертного собрания сочинений Пушкина. В т. 10 «Дубровский». «Жизнь и похождения П. П. Столбикова» Квитки. «Онагр» Панаева. «Аптекарша» Соллогуба. «Звезда» и «Цветок» Кудрявцева. «Саламандра» Вл. Одоевского. «Наши, списанные с натуры», изд. Башуцкого. «Гайдамаки» Шевченко.

* «Бернеби Рэдж» Диккенса.

* «Юдифь» Геббеля.

* «Коммунистическое credo» Кабэ.

* «Герои и героическое в истории» Карлейля.

Умер А. С. Шишков.

Умер философ Гербарт.

1842. В «Москвитянине» № 1 – начало рецензии на альманах «Утренняя заря», в № 3 – «Рим».

В январе Гоголь посылает рукопись «Мертвых Душ» в Петербург с Белинским.

9 марта – ценз. разр. «Мертвых Душ».

В апреле – работа над переделкой «Повести о капитане Копейкине».

9 мая опять именинный обед у Погодина (см. 1840 г.). В числе гостей Грановский, Хомяков, Киреевский, Ю. Самарин, Загоскин.

21 мая «Мертвые Души» вышли в свет.

23 мая Гоголь уезжает в Петербург, а 5 июня за границу.

В июле – «Портрет» (новая редакция) в «Современнике», кн. 3 (т. XXVII) ценз. разр. 30 июня.

Летом Гоголь в Германии, с октября – в Риме (с Н. М. Языковым).

Подготовка к печати собрания сочинений. «Женитьба», «Игроки», 4 драм. сцены. «Театральный разъезд» и «Шинель» печатаются впервые.

С 6 октября по 1 декабря «Сочинения» в цензуре.

9 декабря первое представление «Женитьбы» в Петербурге.

1842. Закон 2 апр. об обязанных крестьянах. Герцен с июля в Москве. Иван Аксаков, перед поступлением на гражданскую службу, пишет мистерию «Жизнь чиновника». Жуковский начинает переводить «Одиссею». «Стихотворения» Лермонтова ч. 1–4 («Демон» полностью запрещен). «Сумерки» Боратынского. «Стихотворения» Ап. Майкова. «Москва и москвичи» Загоскина. «Актеон» и «Очерки провинциальных нравов» Панаева. «Руслан и Людмила» – опера Глинки.

* «Парижские тайны» Э. Сю.

* «Консуэлло» Ж. Санд. * «Путешествие в Икарию» Кабэ. * «Гарантия гармонии и свободы» Вейтлинга.

Умер Каченовский. Умер Кольцов.

Умер Стендаль.

1843. В январе выходят в свет «Сочинения» Гоголя в 4-х томах.

В феврале «Женитьба» и «Игроки» на московской сцене.

26 апреля – «Игроки» на петербургской сцене.

До мая Гоголь в Риме, до ноября – в различных местах

Германии, конец года – в Ницце.

Решительный поворот к религии; чтение ортодоксально-христианской литературы, пиэтизм и наставления в письмах.

Начало медленной работы над второй частью «Мертвых Душ».

1843. К. Маркс в Париже встречается с Энгельсом, Прудоном, Кабэ, Бакуниным, Гейне. Боратынский в Париже встречается с русскими эмигрантами. В. С. Печерин делается католичским священником. Публичные лекции Грановского в Москве. Григорович дебютирует переводами. «Параша» и «Неосторожность» Тургенева. «Вакх Сидорыч Чайкин» Даля. «Чайковский» Гребенки. «Михаиле Чернышенко, или Малороссия 80 лет назад» Кулиша. «Молодик» – украинско-русский сборник. «Дилетантизм в науке» и «По поводу одной драмы» Герцена. Русские переводы Данте и Кальдерона.

* Шварцвальдские деревенские рассказы Ауэрбаха.

Умерли Квитка и Ган.

Умерли Саути, Гельдерлин и Фукэ.

1844. До 19 марта Гоголь в Ницце, весной и летом – в разных местах Германии, в августе – в Остенде, с половины сентября – во Франкфурте.

Переписка на религиозные темы с Жуковским, Языковым, Смирновой и др.

27 октября Плетнев пишет Гоголю обличительное письмо, убеждая его стать «гением-просветителем».

27 и 29 сентября «Тяжба» на петербургской сцене (гастроли Щепкина).

1844. Кончаются публичные лекции Грановского. На банкете в его честь – братанье западников со славянофилами. В конце года ходит по рукам памфлет Языкова на западников («К не нашим»), и отношения обостряются вновь. Умер Бенкендорф. Грановскому отказано в издании журнала. Достоевский работает над «Бедными людьми». 4-я часть «Стихотворений» Лермонтова. Собрание сочинений Вл. Одоевского. «Наль и Дамаянти» Жуковского. «Гаммы» – первая книга Полонского. «Стихотворения» Хомякова. «Андрей Колосов» Тургенева.

* «Три мушкетера» Дюма. * «Мартин Чезльвит» Диккенса. * «Германия» и «Новые стихотворения» Гейне.

Умерли Крылов, Боратынский, Мятлев.

1845. Гоголь во Франкфурте, Париже (с конца января до марта), опять во Франкфурте, летом – на водах и с октября – в Риме.

Болезнь Гоголя (улучшение только к осени).

Сближение с пиэтически настроенным гр. А. П. Толстым (у

него – в Париже). Вероятно, с этого времени собирает материалы для сочинения о литургии.

Смирнова выхлопотала Гоголю пенсию по 1000 руб. на 3 года (27 марта). В апреле Гоголь упоминает о замысле «Выбранных мест из переписки с друзьями».

В июле (?) сжигает написанные главы второй части «Мертвых Душ».

В конце года вышли повести Гоголя во французском переводе Л. Виардо и «Мертвые Души» в немецком переводе Лебенштейна.

Гоголь избран почетным членом Московского университета.

1845. Закон об уголовных наказаниях за стачку. «Карманный словарь иностранных слов», вып. 1 Н. Кириллова с участием Петрашевского. Магистерская диссертация Грановского, овации ему и шиканья оппонентам (Шевыреву и Бодянскому).

«Физиология Петербурга» с предисловием Белинского, с участием Некрасова, Григоровича, Панаева, Гребенки и др. «Письма об изучении природы» Герцена и «Кто виноват?» (начало) – его же. «Тарантас» Соллогуба. «Петербургские вершины», ч. 1 Буткова. Успех «Бедных людей» Достоевского (в рукописи). «Единственный и его собственность» Штирнера.

* «Тангейзер» Вагнера.

Умер Ал-др Ив. Тургенев.

Умер Август Шлегель.

1846. Гоголь до мая в Риме (до апреля – болен, работает мало, в марте удалось кое-что написать из «Мертвых Душ»; в апреле чувствует себя лучше; начинает следить за современной русской литературой); во второй половине мая – в Париже у А. П. Толстого; июнь и июль – в Германии, август и сентябрь – в Остенде; 4 июля из Карлсбада посылает Плетневу статью «Об Одиссее, переводимой Жуковским» (напечатана в «Современнике», т. 43, в «Московских Ведомостях» и «Москвитянине»).

30 июля из Швальбаха высылает ему же первую тетрадь «Выбранных мест из переписки с друзьями». 18 августа ст. ст. «Выбранные места» разрешены цензурой с пропусками.

В октябре Гоголь во Франкфурте. 3 октября посылает предисловие ко 2-му изданию «Мертвых Душ»; в октябре же досылает материал для «Выбранных мест». 24 октября из Страсбурга поручает Шевыреву издание «Ревизора с развязкой» (с благотворит. целью), а Щепкину – постановку; 2 ноября из Ниццы посылает Шевыреву «Предуведомление» к «Ревизору с развязкой»; 6 ноября ст. ст. ценз. разр. «Развязки Ревизора» (напечатана только в 1856 г.). Постановка «Развязки» запрещена. В конце ноября Гоголь через Флоренцию и Рим приезжает в Неаполь; 4

декабря посылает Плетневу статью (в форме письма) о «Современнике» и современной русской литературе вообще.

1846. «Московский Сборник» славянофилов. Статья Хомякова «Мнение иностранцев о России». Белинский порывает с «Отечественными Записками». Его сменяет Вал. Майков. 23 октября Некрасов и Панаев арендуют «Современник». «Петербургский сборник» Некрасова («Бедные люди» Достоевского, «Помещик» Тургенева, «Капризы и раздумье» Герцена.) «Двойник» и «Господин Прохарчин» Достоевского в «Отечественных Записках». Стихотворения Некрасова в журналах. «Деревня» Григоровича. «Повести и рассказы» Даля – 4 ч. «Петербургские вершины», ч. II. Буткова. «Три портрета», «Безденежье», «Андрей» и «Помещик» (см. выше) Тургенева. Отрывки «Семейной хроники» С. Аксакова. «Приключения, почерпнутые из моря житейского» Вельтмана. Первые книги стихов Жадовской, Плещеева, Ап. Григорьева.

* «Чертово болото» Ж. Санд. «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» Прудона. Изобретена усовершенствованная скоропечатная машина.

Умерли Шаховской, Полевой, Хмельницкий, Кюхельбеккер и близкий Гоголю Языков.

1847. Вышли в свет «Выбранные места из переписки с друзьями».

Гоголь до 11 мая в Неаполе; 11 мая едет через Геную и Марсель во Франкфурт, где живет до августа.

В марте получает ряд резких писем и несколько печатных статей о «Выбранных местах».

В мае в ответ на полученные отклики пишет так наз. «авторскую исповедь»; около того же времени – «Дополнение к развязке Ревизора». В июне, прочитав статью Белинского о «Выбранных местах», пытается письменно с ним объясниться.

15 июля Белинский пишет Гоголю из Зальцбрунна возмущенное письмо о «Выбранных местах».

В августе и сентябре Гоголь в Остенде, с начала октября в – Неаполе.

1847. Конгресс «Союза коммунистов» в Англии. 19 января Герцен уезжает за границу (Париж – Рим). Бакунин выслан из Парижа. «Современник» новой редакции. Полемика Белинского с Ю. Самариным. В «Отечественных Записках» – статьи на экономические темы Милютина, Заблоцкого, Десятовского и др.; в скрытой форме ставится проблема крестьянской реформы. Арест членов «Кирилло-мефодиевского братства» (Шевченко, Кулиш, Костомаров и др.). Ссылка Шевченко в Орск, Достоевский в кружке петрашевцев. «Кто виноват?» Герцена (окончание).

«Доктор Крупов» – его же. «Обыкновенная история» Гончарова. «Антон-Горемыка» Григоровича. «Хозяйка» и «Роман в 9 письмах» Достоевского. «Бреттер», «Жид» и 8 рассказов из «Записок охотника» Тургенева. «Бобыль» Григоровича. Сцены из комедии «Несостоятельный должник», «Картины семейного счастья» и «Записки замоскворецкого жителя» Островского. «П. А. Игривый» Даля. «Записки об ужении рыбы» С. Аксакова. «Полинька Сакс» Дружинина. «Сбоев» Кудрявцева. «Противоречия» Салтыкова.

* «Нищета философии» К. Маркса. * «Грех г. Антуана» Ж. Санд. * «Атта Тролль» Гейне.

Умерли Вал. Майков и худ. Венецианов.

1848. В конце января Гоголь выехал из Неаполя в Палестину и 5 февраля приехал в Ерусалим.

В конце апреля – вернулся в Россию и больше за границу не уезжал. Конец апреля и нач. мая – в Одессе, до сентября – в Васильевке (ездил и в Киев).

Конец сентября и начало октября – в Петербурге. Знакомится (поверхностно) с Некрасовым, Гончаровым, Григоровичем и Дружининым.

С 14 октября в Москве. Живет сначала у Погодина, с конца года у А. П. Толстого.

По возвращении – готовится к работе над второй частью «Мертвых Душ». Здоровье улучшилось.

1848. В январе – восстания в Сицилии и Милане; в феврале – в Париже; в марте – опять в Милане, в Вене и Берлине. «Коммунистический манифест». В июне – разгром революции в Париже (Герцен в Париже с 5 мая); в октябре – в Вене. В ноябре – восстание в Риме, бегство папы. Разгон Народного собрания Фридрихом-Вильгельмом IV. В декабре – Луи-Наполеон избран французским президентом. Бакунин выслан из Франции. Тургенев, узнав в Брюсселе о революции, едет в Париж. Цензурный террор в России (Бутурлинский комитет). 19 мая Салтыков сослан в Вятку. Осенью – раскол в кружке Петрашевского (Достоевский, Плещеев и другие образуют свой кружок). «Белые ночи», «Слабое сердце», «Честный вор» и другие рассказы Достоевского. 5 рассказов из «Записок охотника», «Петушков», «Где тонко, там и рвется» Тургенева. «Запутанное дело» Салтыкова, «Сорока-воровка» Герцена. «Иван Саввич Поджабрин» Гончарова. «Нина» Писемского. «Одиссея» в перев. Жуковского.

* «Домби и сын» Диккенса; * «Ярмарка тщеславия» Теккерея; * Собрание сочинений в 17 т.т. Бальзака. * «Решение социальной проблемы» Прудона.

Умер Белинский (28 мая). Умерли Гребенка, Галич.

Умер Шатобриан.

1849. Гоголь в Москве.

В начале года – упадок сил, к маю – улучшение.

В июле гостит у Смирновой в Калуге, в августе – у Аксаковых в Абрамцеве. Осенью снова был в Калуге.

Летом возобновляет работу над «Мертвыми Душами»; первые главы второй части читает Смирновой, Аксаковым, Шевыреву.

3 декабря присутствует при чтении «Банкрота» Островского.

1849. Разгром революции в Италии (3 июля взятие Рима). Подавление восстаний в Саксонии и Бадене, Венгерская карательная кампания Паскевича. Бакунин 8 мая арестован в Хемнице, выдан Австрии. Герцен выслан из Франции, затребован в Россию, но не возвращается (живет в Швейцарии). 23 апреля арестованы петрашевцы. Достоевский сослан на каторгу. Подвергались недолгим арестам славянофилы Ив. Аксаков и Ю. Самарин. Запрещены поездки за границу. Уничтожена выборность ректоров. Введена цензура лекций. «Банкрот» Островского запрещен драм. цензурой. 23 декабря – защита докторской диссертации Грановского. «Неточка Незванова» Достоевского. Рассказы из «Записок охотника» Тургенева, «Холостяк» – его же – в печати и на сцене, «Завтрак у предводителя» – на сцене. «Сон Обломова» Гончарова, «Четыре времени года» и «Похождения Накатова» Григоровича. «Царская невеста» Мея. В «Современнике» стихи не печатались. Бытовые картины Федотова.

Умер архитектор Росси.

Умерли Э. По, Словацкий, Шопен (см. 1809 г.).

1850. До 13 мая Гоголь в Москве; работает, хотя и медленно, над «Мертвыми Душами».

9 мая на именинном обеде у Гоголя в числе других гостей был Островский.

К июлю (заехав по дороге в Калугу), приезжает в Васильевку, где проводит конец лета и осень. С конца октября живет в Одессе. Надеется к следующему лету окончить вторую часть «Мертвых Душ».

1850. Министром народного просвещения назначен Ширинский-Шихматов. Учрежден полицейский надзор за Островским. Арестованы Огарев, Сатин и др. «Москвитянин» переходит к так наз. «молодой редакции» (Островский, Ап. Григорьев, Эдельсон и др.). Статья Некрасова о Тютчеве. «Дневник лишнего человека», «Певцы» и «Свидание» Тургенева. «Тюфяк» Писемского. «Анна Михайловна» и «Сельская учительница» Хвощинской. «Записки Тамарина» Авдеева. «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина. «Свои люди – сочтемся» и «Утро молодого человека» Островского. Книги стихов Щербины

и Фета.

«С того берега» Герцена.

* «Давид Копперфильд» Диккенса.

* «Пенденнисы» Теккерея.

Умерли Бальзак, Вордсворт, Лету.

1851. До половины апреля Гоголь в Одессе, до половины мая – в Васильевке, с 5 июня – в Москве.

В июне гостил в Абрамцеве у Аксаковых и в Спасском у Смирновой.

В сентябре ездил снова в Абрамцево, в Оптину пустынь и в Сергиевскую лавру.

20 октября знакомится с И. С. Тургеневым.

5 ноября читает «Ревизора» для московских актеров.

Работает над второй частью «Мертвых Душ», продолжая ее и перерабатывая уже написанное.

Готовит к печати 2-е издание «Сочинений» (ценз. разр. 10 октября).

Здоровье (кроме сентября) удовлетворительно.

1851. 2 декабря – переворот во Франции, произведенный президентом Луи-Наполеоном. Бакунин выдан русскому правительству и заключен в крепость. «Неожиданный случай» и отрывок «Бедной невесты» Островского. «Богатый жених», «Комик», «Брак по страсти» Писемского. «Бежин луг» и «Касьян с Красивой Мечи» Тургенева. «Провинциалка» (в печати и на сцене) и «Разговор на большой дороге» – его же. «Племянница» Е. Тур. «Мертвое озеро» Некрасова и Панаевой. Дебюты Козьмы Пруткова. «О развитии революционных идей в России» Герцена.

* «Романцеро» Гейне, * «Опера и драма» Р. Вагнера.

Умер Купер.

1852. 26 января – смерть Хомяковой. С конца января до 5 февраля – встречи Гоголя с Матвеем Константиновским.

3 февраля Гоголь еще работает над корректурами.

10 февраля – хочет отдать рукописи на просмотр митрополиту Филарету.

11 февраля сжигает рукописи.

16 февраля доктор Тарасенков застал Гоголя в состоянии крайнего изнеможения.

21 февраля в 8 ч. утра Гоголь умер.

25 февраля – похоронен.

1852. «Московский Сборник» славянофилов, ч. II. Тургенев в связи с некрологом Гоголю арестован и сослан в деревню. «Детство» Льва Толстого («Современник», № 9). «Бедная невеста» Островского. «Три встречи» и «Записки охотника» Тургенева. «Записки ружейного охотника» С. Аксакова. «Ипохондрик»,

«Питерщик», «М-r Батманов» Писемского. Дебюты М. Михайлова, А. Потехина.

* «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу.

* «Эмали и камеи» Готье.

Умерли Жуковский, Загоскин, Шаликов, художники Брюллов и Федотов.

notes

Примечания

1

Мих. Петр. Погодин (1800–1875) – беллетрист и историк, впоследствии – издатель «Москвитянина». Гоголь познакомился с ним, проезжая через Москву летом 1832 г. С этих пор начинается их дружба, позже сменившаяся охлаждением.

2

Ст. Петр. Шевырев (1806–1864) – поэт и историк литературы, проф. Моск. университета; вместе с Погодиным был представителем правого крыла славянофильства. С Гоголем познакомился и близко сошелся позже.

3

Влад. Ив. Родиславский (1828–1885) – драматург 50-х и след. гг.

4

Петр Ив. Бартенев (1829–1912) – редактор «Рус. Архива».

5

Пав. Воин. Нащокин (1800–1854) – друг Пушкина и приятель Гоголя.

6

Кн. Петр Андр. Вяземский (1792–1878) – поэт и критик. О «Ревизоре» написал статью в «Современнике», 1836 г., кн. 2.

7

Алдр. Ив. Тургенев (1784–1845) – член «Арзамаса», близкий знакомый многих писателей; до 1824 г. – директор департамента духовных дел иностр. исповеданий, затем член комиссии составления законов; собиратель и издатель исторических памятников.

8

Сент-Бёв (1804–1869) – франц. историк и методолог литературы, критик и поэт. В своей статье (1845 г.) Сент-Бёв останавливается гл. об. на «Тарасе Бульбе», отчасти на «Старосветских помещиках». Приведенный отрывок дается в новом (по сравнению с «Материалами» Шенрока) переводе.

9

Луи Виардо (1800–1883) – франц. писатель, муж известной певицы.

10

Тим. Ник. Грановский (1813–1855) – историк, член кружка Станкевича.

11

Вас. Алексеев. Панов (1819–1849) – писатель-славянофил, родственник Аксаковых. С Гоголем познакомился в Москве в 1840 г. и вместе с ним уехал за границу.

12

Попечитель моск. уч. округа гр. Серг. Григ. Строганов (1794–1882) пользовался репутацией относительного либерала. См. запись в дневнике Герцена 23 нояб. 1842 г. и письмо Белинского Кавелину от 7 декаб. 1847 г. с сожалением об отставке Строганова.

13

Ал-др Христоф. Бенкендорф (1783–1844) – шеф жандармов, начальник «Третьего отделения», характернейшая фигура полицейской монархии 40-х гг.

14

«Я услышал более, чем предполагал. Какая пестрая куча толков!..» («Театральный разъезд»).

15

Дм. Ник. Свербеев (1799–1874) – московский приятель Аксакова.

16

Очевидно – тоже Ольга Семеновна (а не Ольга Сергеевна). В киевском сборнике отчество не раскрыто.

17

«Это едва ли не самая странная и не самая поучительная книга, какая когда-либо появлялась на русском языке» (В. Белинский. Статья о «Выбранных местах из переписки с друзьями». «Современник», 1847, № 2).